

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Владимир МИХАЙЛОВ

Владимир
МИХАЙЛОВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Владимир
МИХАЙЛОВ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Владимир МИХАЙЛОВ

Том 1

СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ

Фантастический роман

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1993

ББК 2. 84

М 69

Художник **АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВ**

Михайлов В.

М 69 Избранные произведения: Т. I. Сторож брату моему. Фантастический роман.— Нижний Новгород: Флокс, 1993.— 318 с.: ил.

ISBN 5-87198-034-1

Цикл романов о капитане Ульдемире и его спутниках известного русского писателя-фантаста состоит из книг: «Сторож брату моему», «Тогда придите, и рассудим», «Властелин», «Возвращение к Слону».

Действие романов происходит далеко от Земли, хотя что-то, быть может, и напомним читателю о тех событиях, какие сегодня переживаем мы сами.

Первые две книги этого цикла «Сторож брату моему» и «Тогда придите, и рассудим» в 1991 году удостоены литературной премии «Аэлита» Союза писателей России и журнала «Уральский следопыт».

М 4702010201—007
Д 40(03) — 93 без объявления

ББК 2. 84

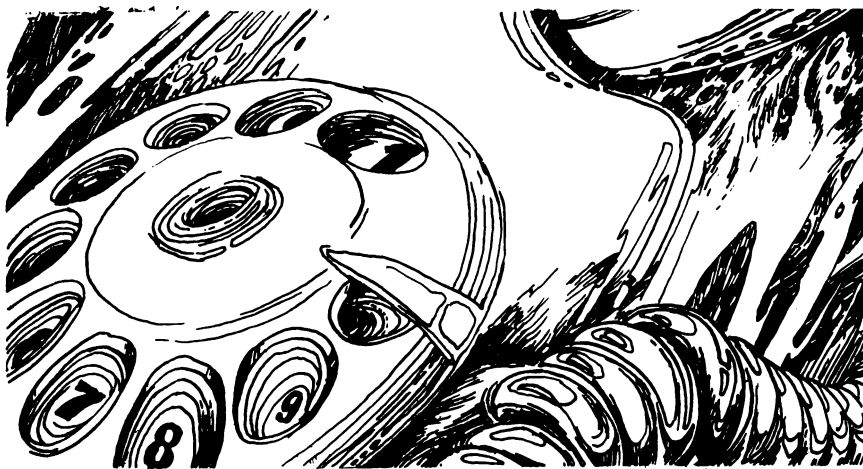
ISBN 5-87198-034-1

© Издательство «Флокс», оформление, 1993

Книга первая

СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я плохо помню день своих похорон, зато день гибели до сих пор перед глазами. Вернее, не день; он успел уже кончиться, сентябрьский денек семьдесят третьего года, уточняю — одна тысяча девятьсот семьдесят третьего. Уточняю для тех, кто не сразу поймет, что происходило это в двадцатом веке, так невозможно давно. День уполз за горизонт, сумерки сгустились, когда я позвонил ей. Она подошла к телефону и, едва я успел что-то пролопотать, сказала голосом, в котором была бесконечная усталость:

— Я разочаровалась в тебе.

Разочаровалась; приятное словечко. Приятное ретроспективно: оно, как-никак, предполагает, что перед этим она была мною очарована, а в этом я как раз был меньше всего уверен. Так что таилась в слове некая возможность, крылся повод порадоваться хотя бы за свое прошлое, когда тобою очаровывались, а не наоборот.

Но я не испытал ровно никакой радости. С таким же успехом можно гордиться тем, что тебя стукнули по затылку топором, а не молотком: значит, сочли серьезным противником, высоко оценили крепость черепа. Боюсь только, что после такого удара не остается времени для оценки проявленного к тебе уважения; вот и у меня в тот раз времени не осталось.

В ответ я тогда, помнится, изрек что-то вроде:

— Ну, извини...

И положил трубку, и даже прижал ее крепче — чтобы трубка,

не дай бог, не подскочила сама к уху и не пришлось бы услышать что-нибудь еще похуже.

Похуже — потому что я знал, что никаких смягчений вынесенного приговора не последует. Наника имела обыкновение говорить то, что чувствовала; именно чувствовала, а не думала.

И вот я, положив трубку, сидел и не то, чтобы думал, а инстинктивно искал ту дырку, в которую можно было бы удрать от самого себя; потому что если Наника разочаровалась, то виновата в этом наверняка была не она, а именно я, и от этого «меня самого» надо было куда-то деваться — оставаться в своем обществе мне ну никак не хотелось. Мысли бодро выполняли команду «на месте», и ничего остроумного не появлялось; хотя я, по старой армейской привычке, раза два попробовал скомандовать: «Дельные мысли, три шага вперед!» — ни одна не нарушила строя. Но поскольку положение, в котором я оказался, было довольно-таки стереотипным, то оставалась возможность воспользоваться каким-то из стандартных выходов — а их человечество даже к двадцатому веку успело уже наработать немалую толику.

Отделаться от себя самого можно было, например, с помощью хорошей выпивки. Бывало, что друзья проявляли скромность и где-то за книгами застаивалась не обнаруженная ими бутылка. Память подсказала, что искать бесполезно, но я на всякий случай встал — двинулся я словно в невесомости, не ощущая тяжести тела — и пошарил. Но безуспешно: не те друзья заходили ко мне в последний раз. Этот стереотип отпадал; надо было искать еще что-нибудь.

Я взял трубку. Не телефонную — о ней мне в тот миг и думать не хотелось, словно это она сама выговорила услышанные мною слова; я судил, конечно, неправильно, потому что по телефону, быть может, удалось бы разыскать кого-нибудь из приятелей, а поплакать другу в жилетку — тоже стереотипный выход, и не самый худший: посочувствуют тебе, а не ей, хотя кому из вас в эту пору хуже — трудно сказать. Ну, да ведь и ее кто-нибудь утешит! (Этой мысли мне только не хватало.) Итак, я взял трубку, хорошую, старую английскую трубку «Три Би», медленно набил ее (табак, как всегда, был пересушен), потер пальцами чубук, лихо отваленный вперед, словно форштевень клиппера, сунул длинный мундштук в рот и раскурил.

Что делать дальше, я так и не придумал, но раз уж я встал, надо было двигаться: переживать в темной комнате еще тоскливей, чем в освещенной, а зажечь свет я не хотел, потому что тогда мог увидеть в темном окне свое отражение; на такое я в тот миг не был способен. Я толкнул дверь, вышел на веранду, на крылечко и спустился в сад.

Совсем стемнело, и небо было спокойным и ясным, и звезды,

вечные утешительницы, своим неощутимым светом прикоснулись к моему лицу. Летучая мышь промчалась бесшумно и низко, круто метнулась в сторону и через мгновение кинулась еще куда-то; ловила мошек, верно; но мне в тот миг показалось, что это — проекция моей души на белесоватое небо, и что во мне сейчас что-то — душа, коли нет иного термина, — вот так же мечется, ловя ускользающую добычу и шарахаясь от препятствий. У летучей мыши для этого есть, как известно, локатор. А у меня что было? Я подумал и нашел словечко: судьба.

И вот я шел вдоль забора, мимо хилых яблонь, и думал: где у человека судьба? Медики вроде бы знают, какие центры в организме, в головном мозге ведают разными функциями — зрением, слухом, болью, удовольствием, даже, может быть, памятью. А где центр судьбы? Без него, думал я, никак нельзя: ведь судьба — не вне человека, а в нем самом, потому-то от нее и не уйти. (Истина, известная настолько давно, что уже в том двадцатом веке она была банальностью.) Не уйти; а уйти мне хотелось, потому что после сказанных и услышанных нынче слов судьба моя могла заключаться лишь в одном: неторопливо стареть. И этой судьбы я не желал.

Молодость — существо, и она не хочет умирать. Вообще, человек живет несколько почти совсем независимых жизней и, значит, его постигает несколько смертей. Умирает детство, умирает юность. Но детство умирает, само того не понимая, и ему интересно: детство жаждет перемен. Юность — героически: она полагает, что все еще впереди и смерть ее — всего лишь переход в лучший мир, юность в этом смысле крайне религиозна, она бесконечно верит в жизнь. Молодость — иное; она уже просматривает путь далеко вперед и чувствует себя примерно как тот, что падал со сто какого-то этажа и, когда из окна пятидесятого ему крикнули: «Как дела?» — бодро ответил: «Пока — ничего». Молодость не хочет умирать, даже состарившись, даже когда она уже — старая молодость.

Да, я не хотел этой смерти, а нетопырь все суетился вверх, и звезды оглаживали его так же, как и меня. Я тронул пальцами ствол; кора была теплая. Я нагнулся и ладонью коснулся травы, и она показалась мне нежной, как волосы, волосы Наники.

Впрочем, может, и не нетопырь метался над головой, а какая-то другая летучая мышь. Просто в детстве я очень любил «Маугли» и помнил до сих пор песенку оттуда:

На крыльях Чили пала ночь,
Летят нетопыри...

Теперь-то я знал, что ребенок, попавший в джунгли, не вырастет человеком, хотя биологически и останется им. А в детстве мне казалось, что только там, в лесу, можно жить по-настоящему, что

в нем — подлинная свобода. Поэтому, наверное, я, горожанин, всю жизнь так любил лес. Лес, братство человека, зверей, всей природы. И сейчас, когда я трогал кору яблоньки, гладил траву и глядел на звезды и на летучую мышь, я понял вдруг, какой выход есть для моей боли, моей скорби о Нанике и о любви. Не надо было ни пить, ни искать приятелей и плакаться. Нужно было снова попытаться найти тот общий язык со всем, что окружало меня, который я в детстве знал — или думал, что знаю, — и забыл впоследствии, когда стал воспринимать природу как декорацию или условие рациональной жизни. Надо было окунуться в природу, нырнуть в нее, погрузиться — может быть, даже раствориться, и оставаться в ней до тех пор, пока она не вымоет из меня все лишнее, чего немало накопилось за прожитые десятилетия и из-за чего, быть может, Наника и сказала о своем разочаровании.

Это было уже почти готовое решение. Окунуться, нырнуть, погрузиться, раствориться (и немедленно, ждать я не мог) — слова, словно специально подобранные, сами указывали адресата.

Мы зародились в воде и вышли из нее. Мы — жизнь. Мы состоим из воды и еще малости чего-то. Окунуться в лес можно, но это — ощущение более психологическое, чем физическое. Все равно мы остаемся в привычной среде, только чуть иными становятся шумы и запахи. Окунуться в воду — совсем иное. Иная сущность обнимает тебя со всех сторон, словно мать, к которой ты наконец вернулся — а она терпеливо ждала... Недаром я всегда любил плавать, боязнь воды казалась мне неестественной, утонуть — невозможным: не может ведь мать пожелать зла одному из чад своих. И вот я решительно прошагал к калитке, отворил и захлопнул ее за собой.

В сентябре большинство дачников уже разъезжается: дети идут в школу, а дача на три четверти — для детей. И я шел по безмолвной улице пустого, темного поселка, а впереди, метрах в трехстах, рисовалась темная гряда ольшаника, обозначающая берег. Я пошел напрямик, полем, сокращая путь, раз и другой пересек дорогу, вышел на прибрежную полянку и нырнул в кустарник, сразу же нащупав знакомую тропинку. Она бежала вдоль реки, по самой кромке, вдоль невысокого — метра в два-три — обрыва. Надо было только отводить от лица невидимые во мгле ветви. Минут пять я пробирался, пока не вышел наконец на любимое место: тут летом мы купались с сыном. Быстро разделся и ступил в прохладную, но для обитателя Прибалтики вполне еще приемлемую воду.

Гауя — река мелкая, но стремительная и с причудами. В ней тонут, бывает. Но я-то знал, что не утону. Мы с рекой были одной крови, она и я. Поэтому, пройдя метров десять по щиколотку в воде и добравшись до места, где дно стало понемногу опускаться, я просто лег на воду и отдался стремительному потоку, выставив руки

вперед, чтобы не шарахнуть головой о какую-нибудь корягу, каких в этой реке множество.

Не шевеля ни пальцем, я летел вперед со скоростью академического скифа — такое уж тут течение. Назад придется возвращаться бегом вдоль берега: против течения не выгребешь.

Так я подумал и ощутил холодок: как-никак, был сентябрь, а Гауя и в июле — не из теплых рек. И тут меня охватил азарт: что значит — не выгребешь? А если постараться? Согреться все равно нужно было.

Я повернулся головой против течения и пошел брассом на два гребка. И наконец-то почувствовал состояние растворенности в реке, единства с нею, со всей природой, со всем мирозданием и со звездами, что все так же, наверное, светили наверху, но теперь уже не они, а вода ласкала меня. Я плыл и плыл, и хотелось плыть так всегда, я был невесом, руки и ноги работали ритмично, усталость еще не пришла, и можно было помечтать о возможности плыть вот так — где-нибудь в теплых морях, что ли...

Даже не знаю: продвинулся ли я против течения, держался ли на месте или меня все-таки сносило. Думаю, что не сносило: плавал я хорошо. И вот я в очередной раз вдохнул воздух, и лицо снова ушло в воду, — но ноги не сделали гребка, и руки не вышли вперед, как им полагалось...

Так и не знаю, что произошло тогда: сердце ли, конвульсия, просто ли не захотелось возвращаться домой из этого мира, где я был один и не было того второго меня, от которого я так хотел сегодня отделаться, — или же «частый гребень» именно в этот миг нащупал меня, стрелки на далеком пульте показали величину индекса, кто-то кивнул — и мои руки и ноги остановились.

Так и не знаю, были ли яркие огни, которые я увидел, когда вдохнул воду и понял, что тону, когда хотел крикнуть «Нани!..» и не смог, когда сообразил вдруг: надо было звонить еще раз, два раза, сто раз, потому что не сегодня-завтра девушка двадцати с небольшим лет поняла бы, что нельзя рубить голову, даже не выслушав обвиняемого, — не знаю, были ли эти яркие огни реальностью, той другой, вернее — этой другой реальностью, или так и должно быть, когда тонешь. Может быть, и то, и другое, но в операционном зале «частого гребня» я больше никогда не был — нам и не полагается бывать там. Похороны свои я видел в записи. Биоробот был очень похож на меня, насколько можно быть похожим на себя, если тебя находят на второй день черт знает где и ты успел уже стать кадровым утопленником.

Я пытался разглядеть, была ли Наника на похоронах. Народу было средне — не много и не мало, но запись хронисты сделали довольно скверную, да и то все общим планом. Только того, дру-

гого меня, от которого я так хотел отделаться, мне показали крупно, чтобы у меня не оставалось сомнений.

Я все-таки думаю, что она была там. Что ей, в конце концов, стоило прийти? Ее там никто не знал, да и вообще между нами ничего не было. Кроме, разве что, любви. И то лишь с моей стороны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Документы

Запись информ-конференции руководителя программы «Зонд». (Земля, Центр космических программ):

«Руководитель программы: Текст заявления вам роздан. Но мы знаем, что у людей, интересующихся нашими проблемами, обычно возникают дополнительные вопросы; я постараюсь на них ответить — в пределах моих возможностей, разумеется.

Представитель «Глобинформа»: Вопросов великое множество.

Руководитель: Верю, что это не гипербола, хотя в заявлении мы старались изложить все достаточно ясно. Итак, я вас слушаю.

«Глобинформ»: Нам кажется, что задача экспедиции обрисована чересчур расплывчато. Хотелось бы несколько большей четкости.

Руководитель: Сказать исчерпывающе в немногих словах было трудно. Экспедиция предпринята для испытания новой техники и выполнения некоторых научных заданий.

Представитель «Новостей каждого часа»: Конечно, многое зависит от истолкования терминологии. Не скажете ли вы, что подразумевается под «новой техникой»?

Руководитель: Охотно. Новая техника — во-первых, сам корабль — первая машина, способная выходить в сопространство и преодолевать там громадные расстояния в приемлемое для нас время. Во-вторых...

Корреспондент агентства «Марстеле»: Простите, одну минуту. Можно задать вопрос? Какое время вы считаете приемлемым?

Руководитель: Такое же, как и вы. Люди должны долететь до звезд и вернуться; вернуться, скажем, через месяцы и даже годы, но не через десятилетия или столетия. О такой возможности много говорилось, но лишь теперь мы получили ее и можем использовать. Итак, во-вторых, новая техника — это

некоторые устройства, которыми оснащен корабль и которые предполагается испытать в полете.

«Глобинформ»: Например?

Руководитель: Ну, скажем... аппаратура для зондирования звезд.

Представительница журнала «Женщина Солнечной системы»: Мне жаль огорчать вас, но я вынуждена спросить: зачем? (Легкий смех в зале.) Я спрашиваю серьезно. В вашем заявлении перечислены звезды, являющиеся целью экспедиции. Все они достаточно близки. Они уже давно исследованы вдоль и поперек средствами и оптической, и радио, и рентгеновской, и гравиастрономии. Мы знаем их куда лучше, чем свою планету. Зачем же понадобилось посылать экспедицию? Рисковать людьми?

Руководитель: Я понимаю вас. Но, во-первых, риска, строго говоря, не больше, чем при перелете, скажем, через Тихий океан,— и значительно меньше, чем при внутрисистемном полете. Во-вторых, одно дело — наблюдать звезды отсюда, хотя бы и при помощи наших мощных устройств, и совсем другое — делать это вблизи. Не все силы являются дальнедействующими, и мы предполагаем... одним словом, есть гипотезы, нуждающиеся в проверке именно таким путем.

«Новости каждого часа»: Не можете ли вы сказать, насколько справедливы разговоры о том, что экспедиция намерена не только зондировать звезды, но и пытаться воздействовать на них?

Руководитель: М-м, как вам сказать...

«Марстеле»: Как можно откровеннее! (Смех.)

Руководитель: Естественно. Но научный подход требует, как вы знаете, осторожности в формулировках. Думаю, что могу сказать следующее: на борту корабля действительно имеются устройства, предназначенные для проверки возможности воздействовать на звезды, регулировать происходящие в них процессы. Понимаете, до сих пор возможность эта представлялась чисто теоретической: единственная звезда, на которой мы могли экспериментировать,— это Солнце, и вряд ли надо объяснять причины, по которым мы на это не решались. (Оживление в зале.) Теперь представилась возможность проверить имеющиеся гипотезы на практике.

«Глобинформ»: Нельзя ли уточнить, какие именно гипотезы вы имеете в виду?

Руководитель: Охотно выполняю вашу просьбу. Прежде всего, речь идет о гипотезе Кристиансена — Шувалова. Не сомневаюсь, что вы о ней слышали. Иногда ее называют тео-

рией Кристиансена — Шувалова. История ее возникновения любопытна. Кристиансен — ученый, астрофизик, жил и работал в далеком прошлом. Он построил гипотезу относительно развития процессов, приводящих к возникновению Сверхновых. Из построений Кристиансена вытекало, что процессы, происходящие в недрах переменных звезд такого типа, можно регулировать при помощи приложения относительно малых мощностей, даже очень малых, вызывая с их помощью так называемые курковые реакции. Чтобы вам было совершенно понятно, приведу такой пример: воду из огромного бака можно вычерпать, скажем, стаканом, и это потребует большого труда, крупных затрат энергии. Но если пробить в баке отверстие, затраты энергии будут неизмеримо меньшими, а результат мы получим тот же: вода выльется из бака, причем на этот раз под влиянием собственного веса — мы просто дадим возможность тяготению произвести эту работу, а в первом случае нам пришлось бы выполнять ее самим. Надеюсь, это вам ясно. Правда, предположения Кристиансена относительно источников такой энергии были признаны неверными, и, видимо, поэтому теория его была отвергнута и забыта. Уже в наше время ее случайно нашел Шувалов и обосновал на уровне современной науки, предложив использовать источники энергии, недоступные в эпоху Кристиансена, но доступные нам. Теперь предполагается проверить установку, действие которой основано на теории Шувалова; проверить, правда, не на звездах, которые могут когда-либо стать Сверхновыми, а на обычных цефеидах. Трудно себе представить, какие колоссальные возможности откроются перед нами, если эксперимент увенчается успехом. Однако он будет предпринят лишь в том случае, если не будет никаких, так сказать, противопоказаний, никакого риска, и даже в таком случае — в самом конце экспедиции, когда все прочие задачи будут уже выполнены.

Корреспондент «Сегодня и каждый день»: Вы уверены, что все, что касается противопоказаний, будет выполнено? Второй вопрос: о каких колоссальных возможностях вы говорите? Если гипотеза подтвердится, что выиграет человечество?

Руководитель: По сути дела, это тот же вопрос «зачем?», только иначе сформулированный. Попытаюсь ответить. Первое: как вам известно, экспедицией руководит Шувалов. Комментарий вряд ли нужен, этого выдающегося ученого и организатора все мы знаем давно и хорошо. Думаю, что на Шувалова — титулы его я опускаю, чтобы не злоупотреблять вашим терпением; если они вам понадобятся, возьмите хотя бы семьдесят восьмой том энциклопедии, кассета одиннадцатая, грань

тридцать четвертая,— думаю, что на него мы можем положиться целиком и полностью. Что касается вопроса «зачем?», то исчерпывающе ответить на него затруднительно, потому что, мы уверены, с каждым годом будет возникать все больше возможностей применения этих устройств, если, конечно, испытание их пройдет успешно. Назову лишь то, что лежит, так сказать, на самой поверхности. Во-первых, я говорил, что мы не собирались экспериментировать на Солнце; однако это не значит, что у человечества никогда не возникнет необходимости вмешаться в его деятельность. Мы настолько привыкли к Солнечной системе, что вряд ли когда-нибудь согласимся расстаться с ней по какой бы то ни было причине. Но мы вовсе не уверены, что наше светило всегда будет вести себя так же корректно, как до сих пор. Таким образом, может возникнуть потребность вмешательства в его работу, и чем раньше мы будем к этому готовы, тем спокойнее будем жить и мы и наши потомки. Назову другую возможность. Путь к звездам открыт. И теперь мы никак не сможем удержать самую активную, самую динамичную часть человечества в пределах Солнечной системы. Как мы предполагаем, недостатка в планетах мы испытывать не будем, однако какая часть их окажется пригодной для освоения человеком? Предварительные выводы вряд ли можно назвать благоприятными: видимо, такие планеты будут попадаться достаточно редко. К тому же они могут оказаться настолько удаленными от нас, что даже при дальнейшем развитии средств сообщения и связи основание и неизбежная на первых порах поддержка новых поселений окажутся крайне затруднительными. Как вы, очевидно, представляете, пригодность или непригодность планет для заселения зависит в первую очередь от характера светила, от его поведения. И если мы вместо того, чтобы довольствоваться возможностями, предоставленными нам природой, сможем вмешиваться в процессы, происходящие в звездах, регулировать их, приспособлять светила к нашим потребностям, то возможности освоения пространства многократно возрастут. Конечно, это задача завтрашнего дня, и не хотелось бы, чтобы вы чрезмерно заостряли на ней внимание. Вот лишь немногие из возможных ответов на вопрос «зачем». Как видите, практическое значение предпринятых исследований огромно.

«Глобинформ»: Благодарим за исчерпывающее объяснение, а также за убедительную характеристику доктора Шувалова, с которым мы, разумеется, были знакомы и раньше. Можете ли вы таким же образом охарактеризовать остальных участников экспедиции?

Руководитель (после паузы): Строго говоря, научный состав экспедиции — всего два человека. Кроме доктора Шувалова в полете принимает участие его ученик и сотрудник, доктор Аверов. Вот и все. Научные заслуги Аверова тоже достаточно известны. Он как представитель прикладной астрофизики прекрасно дополняет такого выдающегося теоретика, каким является доктор Шувалов.

«Глобинформ»: Но экспедиция состоит не только из научной группы. На корабле есть экипаж. Можете ли вы дать краткие характеристики его членам?

Руководитель (не сразу): Что же, могу с уверенностью сказать, что экипаж надежный и на него можно положиться.

«Марстеле»: В этом мы не сомневаемся. Однако названные в заявлении имена нам ничего не говорят. Что это за люди? До сих пор о них нигде не упоминалось. Мы их не знаем. Это досадно. Можете ли вы дать информацию о каждом из них?

Руководитель (подумав): Комментариев не будет. (Шум среди корреспондентов.)

«Женщина Системы»: Почему?

Руководитель: Комментариев не будет.

«Марстеле»: Следовательно, слухи имеют какое-то основание?

Руководитель: Какие слухи вы имеете в виду?

«Марстеле»: Например, что экипаж состоит из роботов...

Руководитель: Это не соответствует действительности. Экипаж состоит из людей.

«Глобинформ»: Кто же они?

Руководитель: Я уже сказал...

«Сегодня»: Вы ничего не сказали.

Руководитель: Я сказал, что комментарий не будет. Если есть другие вопросы, пожалуйста.

«Новости»: Есть. В последнем заявлении и во всех предыдущих экспедиция называется просто «Экспедицией», с большой буквы. Почему бы не присвоить ей порядковый номер и не именовать Первой Звездной экспедицией?

Руководитель: Программа называется «Зонд», и экспедицию с успехом можно называть так же. Относительно номера единого мнения не существует, поэтому он экспедиции пока не присвоен.

«Новости»: Что вы хотите этим сказать?

«Марстеле»: Значит ли это, что мы разучились считать до одного?

Руководитель: В этом вопросе есть расхождения потому, что экспедиция не является Первой Звездной. Когда-то это

было в популярных курсах истории, но со временем выпало. Как-никак, прошли столетия. Вкратце напомним суть дела. Первые звездные экспедиции — точное количество их мне неизвестно, и установление его требует серьезных архивных разысканий, — были предприняты уже в начальный период освоения космоса, иными словами, весьма и весьма давно. С точки зрения логики такие попытки представляются нам абсурдными, но с эмоциональной точки зрения их можно объяснить, если попытаться поставить себя на место наших отдаленных предков. Человечество, позволю себе сказать, было молодым. Оно хотело доказать себе самому, что ему все по силам. И, не успев как следует утвердиться в Солнечной системе, оно кинулось к звездам. «Кинулось» — термин весьма условный, если учесть, что летали они с досветовыми скоростями, как сейчас мы в Системе, а возможность превышения этих скоростей, как известно, открылась перед нами лишь теперь. В те седые времена экспедиция обходилась в целую жизнь. То есть, срок полета даже к ближайшим звездам и назад был сопоставим с продолжительностью жизни; напомним, что в древности она была куда короче, чем теперь. Поэтому с самого начала было ясно, что предпринимать исследовательские экспедиции нет никакого смысла. Люди летели не исследовать новые миры, а заселять их. Летели, зная, что не только не вернуться, но и связь, самую обычную связь со старой родиной, вряд ли смогут установить. Но в этом, позволю себе сказать, весь человек, весь его характер. Посадите человека, одногоединственного, на удобную планету — и ему вскоре начнет казаться, что ему на ней тесно, что небосвод стискивает его, как кокон, и ему непременно захочется прогрызть этот кокон и улететь. Улететь подальше, если даже он будет знать, что на новом месте лучше ему не будет, а будет хуже. Таков человек, и, несмотря на все усилия, другим он не становится. Отсюда вы, при желании, можете сделать вывод, что вопрос о нумерации экспедиций не так прост, как может показаться с первого взгляда.

«Марстеле»: Но в таком случае, почему экспедиции были прерваны на столько столетий? Неужели для поисков возможностей быстрого возвращения потребовалось столько времени?

Руководитель: Не совсем. Достаточно продолжительное время такие поиски вообще не проводились. В эпоху первых экспедиций все знали, что люди не вернуться из полета, но знать — одно, а пережить — другое. Невозможность узнать результат всегда мучительна; кроме того, с каждым годом

люди все больше чувствовали отсутствие тех, кто улетел, чтобы исчезнуть навсегда; чувствовали не потому, что лишились самых лучших, самых значительных, самых нужных — ибо те, кто нужен в данный момент больше всего, никогда не улетают, а остаются там, где они нужны, — но потому, что произошла переоценка ценностей и смысл жертвы стал представляться ничтожным. Понимаете, если бы эти люди погибли, о них погоревали бы и перестали — сохранили бы память, и все. Но именно полное отсутствие информации, каждодневное ощущение того, что в любой момент улетевшие могут терпеть страшные бедствия и не имеют возможности позвать на помощь, а вы не можете и не могли бы эту помощь оказать, — именно эти обстоятельства заставили человечество не только прекратить экспедиции, но и отказаться от самой идеи их, хотя при этом и не обошлось без тренировок. Да, люди возненавидели самое идею — они вдруг поняли, как их ничтожно мало, если сравнить их хотя бы с числом известных нам звезд: человек во Вселенной — явление гораздо более редкое, чем звезда. Вот почему экспедиции не только прекратились, но даже и само упоминание о них стало и до наших дней оставалось нежелательным: человечеству вовсе не хотелось любоваться своей мгновенной стихийной жестокостью. Иными словами, и сами экспедиции, и отказ от них были в равной степени эмоциональными, а не рациональными действиями.

«Глобинформ»: Скажите пожалуйста, не тогда ли началось стремительное развитие наук о человеке?

Руководитель: Это стало одним из последствий. После того, как жертва была принесена и осознана, пришла пора спросить: а чего же ради приносятся такие жертвы? Что несем мы иным мирам? Не более, чем самих себя; но уж подлинно ли мы так хороши, так совершенны, так безупречны, что нужно приносить жертвы, чтобы преподнести другим мирам такой подарок? Не рано ли выходить из дому? Так подумали люди и решили, что торопиться не следует. Вот тогда и наступила пора расцвета наук о человечестве и обществе.

«Женщина Системы»: Не можете ли вы вкратце... Мы понимаем, что злоупотребляем вашим временем и что это можно найти в литературе, но уж раз об этом зашел разговор...

Руководитель: Хорошо, но лишь в самых общих чертах, потому что времени действительно мало. Дело обстояло так: в период, о котором идет речь, человек наконец всерьез занялся выполнением древнего завета: познай самого себя. Тем, что мы сегодня таковы, каковы мы есть, мы обязаны именно этому — не «событию», скажем — этой тенденции.

«Женщина Системы»: Вы полагаете, что мы очень сильно отличаемся от наших предков? Я имею в виду не только тех самых предков, которые стали всерьез заниматься собой, но и более ранних.

Руководитель: Ну, как вам сказать... Не думаю, чтобы мы были непохожи внешне, это во-первых. Не забудьте, что ассимиляция рас, их растворение друг в друге произошло не в тот период, о котором мы говорим, а несколько раньше. Вот если говорить о внешности, так сказать, дозвездных предков, то тут уже надо уточнить, каких именно вы имеете в виду: белых, черных, желтых... Что касается их внутреннего мира... Есть основание полагать, что по своим способностям даже эти предки нам не уступали. Вот в отношении морали, этики, уровня знаний разница, конечно, громадная, хотя, видимо, далеко не всегда можно было заметить большое расхождение между двумя следующими друг за другом поколениями. Человек меняется неспешно, его нельзя вдруг переналадить, как промышленное предприятие, на выпуск новых чувств или новых мыслей. Понадобилось детально изучить самих себя — и весь букет инстинктов, и весь лес эмоций, и все построения рассудка, и все возможности их взаимодействий; даже чисто математически это задача не из простых, а тут ведь оперировали не числами...

«Глобинформ»: Прошу извинить, но хотелось бы услышать вот что: не являются ли выводы относительно нас и наших предков результатом вашей работы по укомплектованию экипажа корабля? И не имеет ли к этому отношения Институт Времени? А если да, то чем это вызвано? Неужели...

Руководитель: Ответить на ваши вопросы я не могу.

«Марстеле»: Жаль. В таком случае, не можете ли вы сказать, насколько уверенно поддерживается связь с экспедицией?

Руководитель: Могу. Сейчас связи нет и быть не может. Экспедиция находится очень, очень далеко, и ее аппаратура не обладает такой мощностью, чтобы... Сейчас я покажу вам, где она. Вот. Можете оценить расстояние. И сделать вывод: если они сейчас и пошлют нам сообщение, то мы его получим лишь через много лет, когда корабль давно уже успеет вернуться. Ведь мы пока не знаем способов связи в пространстве. Однако то, что мы успели получить, позволяет быть уверенными в том, что дела в экспедиции идут нормально.

«Новости»: Не смогли бы вы расшифровать, что значит «Дела идут нормально»?

Руководитель: Вас интересует, что у них происходит? Там

значительно спокойнее, чем здесь у нас. (Смех.) Они работают циклами. Каждая звезда — цикл. Они выходят из соппространства вблизи звезды — конечно, «вблизи» по астрономическим масштабам, потом несколько дней — может быть, даже неделя, — медленно подходят к звезде на удобное для наблюдений расстояние, чтобы сделать необходимые записи. Время сближения они используют для расшифровки записей, сделанных во время предыдущего цикла. Разумеется, для черновой, предварительной расшифровки. Сделав записи у очередной звезды, выбирают по списку следующую, берут курс на нее — и опять уходят в соппространство, чтобы, вынырнув, начать все сначала.

«Глобинформ»: Мы все вам очень благодарны».

* * *

В экспедиции дела и в самом деле шли нормально.

Все механизмы работали великолепно. Экипаж знал свое дело. Аверов быстро освоился с непривычными условиями, и никаких претензий к нему у Шувалова не было. В списке намеченных для зондирования звезд больше половины названий было уже вычеркнуто. Зато в информатории становилось все больше коробочек с записанными кристаллами, и в зыбкие, последние перед сном минуты можно было помечтать о том, как на Земле, даже не отдохнув как следует, они засядут за детальную расшифровку и изучение записей и узнают много неведомого, и Шувалов, сам укоряя себя за недостойные чувства, все же не мог не представить, как он окажется прав и оппоненты будут каяться и посыпать главы свои пеплом. Большой спрос на пепел будет, когда экспедиция вернется...

* * *

— Да,— крикнул Шувалов, когда в дверь постучали.— Прощу! Это оказался Аверов.

— Все? — спросил Шувалов.— Хорошо, тогда...

Он умолк, увидев, что Аверов покачал головой.

— Ну-ну. Что-нибудь интересное?

— Кажется,— сказал Аверов озабоченно.— Не хотите ли зайти сейчас в центр, посмотреть?

Шувалов усмехнулся.

— Хочу, не хочу,— сказал он,— а, видимо, придется. Что у вас за манеры, друг мой. Сейчас, я только закончу...

— Да,— сказал Аверов.— Очень интересно. Видите ли, эта звездочка, которую мы зондировали последней,— ну та, под литерой Даль...

— Нет,— воспротивился Шувалов.— Я посмотрю и увижу сам. Комментарии будут потом. Ладно, закончу вечером. Идемте.

Он зашагал по коридору так стремительно, что Аверов едва поспевал за ним.

* * *

В научном центре они просмотрели запись несколько раз.

На бледном экране плясала кривая линия, витки торопливо сменяли друг друга, они то сжимались — и линия становилась почти прямой, то вырастали — и кривая делалась похожей на зубья пилы. На шкале хронометра цифры — секунды — выскакивали, чтобы тут же уступить место следующим, десятые доли кувыркались, как акробаты, сотые неразличимо мерцали. Вдруг линия стремительно бросилась вверх и словно уперлась в край экрана — казалось, пронизав рамку, кривая ушла куда-то в пространство, и прошло не менее полутора секунд, прежде чем она вернулась на свое место — и снова затанцевали зубчики.

— Вот такой пик,— сказал Аверов, переводя взгляд с экрана на лицо Шувалова и обратно.— Я не уверен, конечно, что моя интерпретация правильна, но мне сразу показалось...

— Обождите, друг мой,— мягко прервал его Шувалов.— Не станем поспешать с выводами. Покажите еще раз. И помедленней, будьте любезны.

Прошло несколько секунд.

— Что-нибудь не в порядке, друг мой?

— Нет... я просто волнуюсь.

— Ну-ну, доктор... Не нужно сразу же предполагать худшее.

Они оба чувствовали себя в этот миг, как врачи у постели больного. И не просто больного, а близкого человека.

Наконец Аверов переключил режим. Лицо его вновь стало спокойным, лишь глаза учащенно моргали, выдавая тревогу.

На этот раз кривая извивалась медленно, словно сытый питон, десятые доли не выскакивали в окошечке, а выползали, сотые вертелись с лентой. Снова линия потекла вверх; теперь она поднималась медленно, но упорно, и это медлительное движение казалось мощным, неудержимым. Наконец кривая ушла за экран, и ученые долго ждали, пока нисходящий виток не появился снова.

— А резонанс? — спросил Шувалов.

— Есть. Сейчас покажу.

Они посмотрели и резонанс.

— Похоже,— пробормотал Шувалов, когда Аверов выключил дешифратор.— Очень похоже. И тем не менее... не станем полагаться только на память. Возьмите, пожалуйста, «Теорию переменных», шестую кассету, там о Сверхновых...

— Я помню,— чуть обиженно отозвался Аверов, и Шувалов невольно улыбнулся.

Аверов вынул нужную кассету — они лежали в гнездах, похожих на пчелиные соты и занимавших всю переборку. Вложил кассету в аппарат. Включил.

— Переведите на большой экран, друг мой, будьте любезны.

Они напряженно вглядывались. Картина была похожей: те же плавные извивы кривой — и внезапный всплеск, снова покой — и стремительный взлет резонанса.

— М-да...— сказал Шувалов и вздохнул.

— А время — вы обратили внимание, профессор? В точности по Кристиансену. Типичнейший вариант. Одна и шестьдесят восемь сотых секунды. Вторая стадия процесса.

— Да,— медленно проговорил Шувалов, так медленно, что, казалось, короткое слово это никогда не кончится: «Ннннн-аааа...» — Я сказал бы, что нам повезло. Редкостная удача — хотя в подобной ситуации такие слова — кощунство. Что же, сопоставим... сопоставим наши впечатления, друг мой.

— Если Кристиансен прав...

Аверов сделал паузу, словно ожидая, что сейчас его прервут. И в самом деле, Шувалов использовал ее:

— Иными словами — если правы мы с вами; будем называть вещи их именами.

— Если теория справедлива, то вспышку Сверхновой можно ожидать в самом скором времени.

— Когда именно? Ну, грубо приближенно, порядок величины, каким он вам представляется.

— Несколько лет...

Шувалов помолчал, он думал, полужакрыв глаза.

— Пожалуй, так оно и есть. Несколько лет. Несколько лет... А может быть, мы с вами все-таки неправы? Ведь сам Кристиансен, насколько нам известно, никогда не наблюдал ни одной Сверхновой в процессе созревания и вспышки. У него не было настоящего материала. Во всяком случае, он нигде не упоминает... да и не было Сверхновых в те времена в пределах нашей Галактики. Он мог наблюдать ту, в Магеллановом облаке — но ошибки измерения при этом становились чрезмерно большими... — Он снова умолк, потом махнул рукой, словно отвергая что-то. — Хотя — какая разница, иной теории у нас пока нет... Хорошо. Будем работать. Параметры звезды

у нас есть. Сделайте одолжение, сядьте за вычислитель и введите их... А теперь давайте попытаемся подсчитать возможную мощность взрыва. Суммарно и по отдельным компонентам излучения.

Аверов быстро составил и ввел программу. Теперь надо было дождаться результата.

— Аверов, друг мой... Вы сильны в истории?

— Я? — Аверов нерешительно развел руками. — Откровенно говоря, у меня не возникало потребности... Я не знаю... Думаю, что ориентируюсь в ней недостаточно хорошо. Если вы имеете в виду историю вообще, а не...

— Именно вообще. Я тоже раньше не интересовался, но когда экспедиция была утверждена и решена проблема экипажа... я успел кое-что прочитать.

— Что-нибудь интересное по нашей теме?

— Нет, о нет, я имею в виду совсем другое... Они были порой очень жестоки, наши предтечи. Я краснел, когда читал об этом. Был, в частности, такой способ казни... — Он перехватил извиняющийся взгляд Аверова. — То есть, намеренного убийства человека, убийства, разрешенного законом... Его привязывали к пушке, — только имейте в виду, что речь идет не об устройстве для получения направленных потоков элементарных частиц, а — ну, боюсь, что не сумею объяснить достаточно точно, я и сам не очень хорошо понимаю принцип устройства и действия, но, одним словом, эта была машина для убийства, — что-то там делали, происходил взрыв, и беднягу разрывало в клочья...

— Профессор!..

— Да, да, я понимаю вас, слушать невозможно без содрогания, я просто цепенел, читая, а ведь там были еще и иллюстрации, вам приходилось видеть эти древние издания? Но я заговорил об этом вот почему: если вычислитель подтвердит мои предположения, то все мы, все человечество окажется в положении, в каком находился привязанный к пушке.

— Я отказываюсь слушать, профессор!

— Вы правы, вы правы, извините меня, сделайте милость. Но, кажется, ответ готов?

Они посмотрели на экран.

— Так, — сказал Шувалов. — Теперь найдем, какой будет мощность на удалении от источника излучения, соответствующем расстоянию от звезды Даль до Земли.

Прошла минута.

— Вот, — сказал Аверов, когда результат появился на экране. — Ничего страшного, мне кажется. — Он облегченно вздохнул. — Не будет даже минимального повышения температуры. — Он вытер лоб, ощущение миновавшей опасности сделало его говорливым, каким

он никогда не был.— А знаете, вы просто напугали меня. Я стал представлять страшные картины, просто страшные. Не знаю даже, смог ли бы я описать их... И это ужасное, гнетущее чувство страха. Никогда в жизни не приходилось мне испытывать столь унижительное ощущение...— Аверов говорил откровенно, как и было принято среди людей их эпохи.— Как я рад, что все обойдется...— Он говорил и говорил, нервное напряжение, в каком он пребывал последние полчаса, требовало разрядки, искало выхода в потоке слов.— Теперь действительно можно сказать, что нам повезло! Надо сразу же возвратиться к звезде, не сомневаюсь, вы тотчас же отдадите такое распоряжение, профессор,— вернуться, лечь на орбиту, сделать как можно больше записей, и сразу же — на Землю, чтобы своевременно привести в готовность все средства наблюдения, и наблюдать, наблюдать до самого момента вспышки и все, что будет затем. Какой случай для проверки теории, подумать только — мы сможем установить, является ли процесс и в самом деле стадиальным или это допущение не подтвердится...— Он умолк наконец, на лбу его прорезались морщины.— Вы не согласны, профессор? Я в чем-то неправ?

Шувалов провел ладонью по глазам, повел плечами, как в ознобе.

— Милый мальчик...— сказал он не сердито, но устало, совсем тихо.— Милый мальчик зрелых лет... Температура не повысится, тут вы правы. А жесткая компонента?

Аверов медленно проглотил комок.

— Вы думаете...

— Да разве здесь есть повод для сомнений? Разве не видно простым глазом? Мощностъ жесткой компоненты ничего не говорит вам? В таком случае возьмите космобиологическую энциклопедию, загляните туда, где говорится о мутациях, возникающих под влиянием излучений... Вы правы, Земля как небесное тело вряд ли ощути какие-то неудобства от того, что в полутора десятках световых лет вспыхнет Сверхновая. Но жизнь, жизнь... Неужели вам сразу не бросилось в глаза, что облучение, которому будет подвергаться Земля в результате вспышки,— подвергаться не день, не два,— неизбежно приведет к возникновению мутаций, к непредсказуемым изменениям генетической картины у всего живого, начиная с одноклеточных, даже с вирусов, и кончая нами? Представьте себе это хоть на минуту — и вы ужаснетесь по-настоящему...

Наступила пауза. Может быть, полумрак в научном центре корабля способствовал капризам фантазии, да и волнение Шувалова передалось Аверову, но ему стало мерещиться, что из углов вылезают какие-то многоногие, с крошечными годовками, с пустыми и злобными глазами уродливые, убудочные существа — наследники прекрасного человечества, таким нелегким путем пришедшего к

сегодняшнему совершенству, наследники сумеречные, отвратные... Аверов издал такой звук, словно его тошнило.

— Но... Как же можно... Почему же мы сидим? Надо немедленно думать о защите...

— О защите? Нейтрализовать эти излучения нельзя. Экран, чтобы заслониться от них, тоже вряд ли можно изобрести. Генохирургия? Наверное, могла бы помочь, если бы речь шла о единицах, пусть тысячах — но не о миллиардах людей... Это все не даст нам выхода. Пока я вижу только один путь. И вы тоже, конечно, уже увидели его.

— Воздействие...

— Только оно. Мы рассчитывали проверить вашу установку в самом конце экспедиции. Провести эксперимент. Теперь эксперимент приобретает вдруг колоссальное значение... Если и говорить о везении, друг мой, то оно заключается в том, что мы, во-первых, оказались здесь в нужный миг, и во-вторых, оказались не безоружными. Имейте в виду: заметить то, что увидели мы с вами, можно было только отсюда. Наблюдения с Земли не давали и не могли дать нам этих данных, для этого чувствительность приборов еще недостаточна. Вы волнуетесь? Я, например, уверен в вашей установке не меньше, чем в моих теоретических предположениях.

— Да... Конечно, профессор. Установка...

— Итак, мы немедленно возвращаемся к звезде Даль, тут я с вами совершенно согласен. Проведем весь цикл измерений еще раз. И если замеченный вами пик — не случайность, не каприз приборов — я очень хотел бы, чтобы так и оказалось, но, откровенно говоря, не допускаю такой возможности, — то выход у нас останется только один.

— Будем надеяться... — начал было Аверов, но умолк, так и не договорив, на что он хотел надеяться: на мощностъ установки или на ошибки приборов.

— Да, друг мой, — сказал Шувалов негромко. — Нравится нам или нет, но судьба людей сегодня зависит от нас с вами.

Он сказал — и почувствовал, как тяжелеют плечи, как ответственность уже не только за свою теорию и за судьбу экспедиции, но за весь мир, за все его настоящее и будущее, небывалым грузом ложится на них. Ответственность за людей, за миллиарды незнакомых и знакомых людей, одинаково близких, одинаково любимых.

— Ну, справьтсь с собой, друг мой, — проговорил Шувалов ворчливо, — справьтсь. Вы слишком хороший человек, чтобы растеряться, когда речь идет о всем, что мы любим.

Аверов тряхнул головой.

— Да, — сказал он. — Вы правы. Извините, пожалуйста. Я готов.

— В таком случае, пригласите, пожалуйста, капитана.

Успокаивая друг друга, они заговорили теперь о предстоящих действиях, и обсуждали их до тех пор, пока не услышали в коридоре знакомые тяжеловатые, чуть неравномерные шаги.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

День выдался спокойный, и можно было погулять. Я отворил дверь и вышел в сад. Снова были сумерки, сосны крепко пахли, песок едва слышно похрустывал под ногами, поскрипывали под ветром коричневые стволы. Соседняя дача темнела в полусотне метров, и одно окошко в ней светилось, и хотелось думать, что сейчас на пороге покажется сосед, и можно будет неторопливо потолковать о разных пустяках. Слева была чернота; вообще-то там тоже находилась дача, но теперь ее не было; я к этому уже привык и просто не смотрел в ту сторону — тогда можно было думать, что дача стоит там, как раньше.

Я медленно шел по дорожке, мимо грядки с клубникой, и мне все казалось, что вот-вот кто-то выйдет из-за дома. Раньше я ожидал, что покажется она. Но теперь — чем дальше, тем больше — ловил себя на том, что жду не ее, а сына, чумазого, запыхавшегося, живущего в своем, насчитывающем десять лет от роду мире и поглощенного своими делами и проблемами. Я ждал, а он все не выходил, и мне, как обычно, стало тоскливо; наверное, надо было повернуться и уйти из сада, войти в ту дверь, из которой я вышел, но я медлил: тоска — тоже живое чувство, и если нет ничего другого, то пусть будет хоть она. Потом — и это тоже было известно заранее — проступила досада на тех, кто придумал такую вещь. Но досада тоже была не совсем искренней, и по той же причине: не будь сада, не было бы и тоски, а без нее жизнь была бы бедней. Женщины и дети, они равно нужны нам в жизни, и старая традиция — «женщины и дети первыми в шлюпку» полностью отразила наши чувства. Я только не уверен в порядке: женщины и дети — или дети и женщины? Но здесь конструкторы не предусмотрели (слава богу!) ни детей, ни женщин, а вот иллюзия сада была полной; наверное, они хотели облегчить нашу жизнь, когда записали те картины, что наиболее четко запечатлелись в памяти, и дали возможность воспроизводить их по собственному желанию. Не знаю, как это получалось: апартаменты мои, хотя и были больше прочих, все же измерялись квадратными метрами, и уж никак не сотнями; и тем не менее, отворив дверцу, я выходил в свой сад (его, конечно, давно уже нет, не знаю, что там сейчас, и не хочу знать), и бродил по дорожкам, и все это было настоящее, просторное, без обмана. Потом я

входил в дверь своего дома — и оказывался в каюте, которая была уже самой настоящей реальностью, как и все приборы, что смотрели на меня со стен и стендов, как броня бортов и пустота за ними.

Но пока я еще шел по дорожке, поглядывая на кустики уже давно отошедшей клубники. Сосед не показался, и я знал, что он не покажется, и никто другой тоже, потому что их на самом деле не было. Многие знания дают многие печали; нехорошо, когда доживешь до возраста, в котором справедливость этого положения становится неоспоримой. Так думал я, и так думали, по-моему, все люди нашего экипажа. Ученых я к ним не причисляю, потому что они были совершенно другими людьми.

Сказанное звучит, наверное, довольно загадочно, но если разобратся, то окажется, что все очень просто. В эти времена (мысленно, для себя, я называю их временем моей второй жизни, потому что никак не удается отделаться от мысли, что я — какой-то первый я, не совсем я, но все же я, — что неопределенная эта личность все же утонула сколько-то лет назад. Я не раз принимался подсчитывать, сколько же все-таки лет назад это произошло, но с тех пор не раз менялось летоисчисление, и для того, чтобы разобраться во всех календарях, надо было стать крупным специалистом. В общем, выходило, что тогда шел какой-то год до той эры, что была перед другой эрой, которая уже непосредственно предшествовала нынешней эре — текущей, как сказали бы в мои времена.) — итак, современные люди снова захотели понюхать, как пахнут звезды вблизи. Трезво поразмыслив и решив возобновить полеты при помощи созданной ими техники, люди собирались, между прочим, поискать, не отыщутся ли где-нибудь бранные останки первопроходцев, чтобы понаставить в тех местах памятников; правда, в задачу нашей экспедиции такие поиски не входили, ими должны были заняться те, кто — если у нас все пройдет благополучно — полетит после нас. Итак, люди захотели снова выйти в большой космос. Подготовились они очень основательно, корабль был спроектирован и заложен, и тогда они стали всерьез размышлять над проблемой экипажа.

Тут надо понять их образ мышления. С нашей точки зрения, они могут показаться очень уж неторопливыми и робкими при решении сложных проблем: на самом же деле они просто более обстоятельны и куда больше нас заботятся сами о себе — в смысле, обо всех людях: все люди заботятся обо всех людях, и получается очень неплохо. Живут они куда лучше нас. Не то, чтобы у них совсем не происходило никаких трагедий: и у них, как я успел понять, поглядывая да выпрашивая, случаются такие истории, как у меня, и у них умирают матери и отцы; и дети, солидные седовласые дети, плачут по ним, плачут, не стесняясь, потому что они давно поняли:

стыдно не проявлять свои чувства, а напротив, скрывать их. Нет, кое-какие трагедии у них есть; и в нынешнюю эпоху случается, что человек считает себя Архимедом, но, даже просиживая целые дни в ванне, выносит из нее разве что убеждение о том, что мыться полезно; и у них поэт или композитор вечно злится на самого себя оттого, что написал так, а надо бы, а хотелось бы куда лучше, — и так далее. Но вот о жизни людей, об их здоровье, и физическом, и моральном, они заботятся всерьез, и уже не лечат болезней, а просто не позволяют им возникать. Так что когда они задумали лететь, то обилие неясностей и проблем, какие могли встретиться тут, в Галактике, их поначалу ошеломило, и они забеспокоились всерьез.

Ведь как подошли бы к подобному делу, скажем, мои современники? Они сказали бы: ребята, дело опасное, приказывать никому не станем, но коли есть добровольцы — три шага вперед. Люди сделали бы три шага вперед, и с того момента приняли бы на себя ответственность в равной доле с теми, кто задумал и подготовил всю историю. Получилось бы очень просто; в мое время бывали войны, и мы их не забыли, в мое время существовали армии, и люди, которые отдавали им всю свою жизнь, знали, что профессия их заключается, между прочим, и в том, чтобы в случае необходимости рисковать жизнью, а если требуется — и отдавать ее. Это были нормальные люди, которым нравилось жить, но уж так они были воспитаны. Так было в мои времена. Но теперь времена были совсем другие, и воспитание иное и вообще все. И вот когда потребовалось решать, кто же полетит, то перед ними встали вдруг такие проблемы, мимо которых мы прошли бы, даже не повернув головы.

Дело в том, что они любили друг друга. Да.

В нашем веке тоже вроде бы понимали, что такое любовь. И раньше тоже. Всегда бывало, что любовью жили и от нее умирали. Только любовь была — к человеку. А у этих, современных, была другая, не менее сильная любовь — любовь к людям. Ко всем, сколько их существовало в природе. И их любовь (я говорю то, что слышал от них; сам я, откровенно говоря, этого никогда не испытывал, у меня были друзья, были враги, а те, кого я не знал, меня в общем-то не волновали — кроме детей, конечно; я их полюбил с годами, каждого ребенка, которого видел или о котором слышал, но это касалось только детей), их любовь была не абстрактной, а очень, очень конкретной, физически ощутимой, и если кому-то было плохо, то так же плохо становилось и тем, кто был к нему ближе остальных, а потом тем, кто был близок этим близким — а в конечном итоге близким было все человечество. Получалось что-то вроде того, когда один хватается за оголенный провод под напряжением, другой хватается его, чтобы оттащить, — и подключается сам, и его тоже трясет, за него берется третий — и тоже попадет под напря-

жение, и так далее. Это был какой-то сверхсложный организм, их человечество, единый организм (в наше время мы этого еще не понимали как следует, мы уже были многоклеточным организмом, но единым еще не были), и если от организма надо было что-то отрубить, он, естественно, страдал: одно дело, когда клетка отмирает, другое — когда режут; и вот люди страдать не хотели, ни сами, ни опосредованно, через кого-то другого. Одним словом, оказалось, что лететь они хотят — но не могут: слишком они духовно срослись между собой.

И еще одна причина была. Кто бы ни летел, они или не они, полет мог, с их точки зрения, осуществиться при непременном соблюдении одного условия: чтобы ни один из летящих не испытал не только физических неудобств, не говоря уже о травмах и прочем, — они хотели, чтобы ни одной даже моральной царапинки не осталось ни у кого за все время полета. Значит, от каждого участника полета требовалась высочайшая степень — не физического здоровья, не спортивной подготовки, потому что корабль их, с моей точки зрения, напомнил скорее всего летающий санаторий для большого начальства, — требовалась высочайшая степень пластичности, моральной пластичности, умения притираться друг к другу без всякого трения, чтобы весь экипаж — а каждый из нас взаимодействует с пятью остальными — работал как единый организм. У них к тому времени были уже придуманы всякие системы индексов, и с их помощью специалисты определяли, кто чего стоит, и делали это не путем тестов, а просто по приборам: поставят человека, включают, поглядят — и становится ясно, чего у него в избытке, а чего не хватает. По их шкале высшая степень пластичности стоила тысячу баллов; такого парня можно было бы пустить в яму с саблезубыми тиграми, и через пять минут они лизали бы ему пятки своими шершавыми языками. Такие люди у них были, и не так уж мало. Но те, кто решал судьбы экспедиции — нечто вроде нашего Верховного Совета и Академии наук вместе взятых и возведенных в квадрат, — постановили, что для того, чтобы попасть в экипаж, надо иметь индекс пластичности не менее тысячи двухсот! И вот таких-то ребят у них не оказалось.

Когда я узнал об этом, это меня сперва удивило, но потом я понял, что так оно и должно было быть. И в самом деле, как возникает излишек пластичности, сверхпластичность, так сказать? Она вырабатывается при столкновении с неблагоприятными обстоятельствами. А у них неблагоприятных обстоятельств не было — откуда же было взяться нужным качествам?

И тогда они, поняв, что людей с нужными им характеристиками надо искать в прошлом — в куда менее благоустроенных эпохах, — обратились к «частому гребню».

Как вы, конечно, знаете, хозяйство Времени у них было отлажено неплохо. Я имею в виду не точное время на часах — они как-то забыли, что время может быть и не точным, — но хозяйство, которое занимается перемещениями во времени. И вот они стали шарить (наугад, конечно) по давно прошедшим временам и искать: не падутся ли нужные им индивидуумы?

Я вовсе не хочу сказать, что у нас, в двадцатом веке, стоило тебе выйти на улицу — и эти тысяче-двухсотники проходили перед тобой маршем. Нет, конечно. Но, в принципе, и у нас, и в более ранних эпохах можно было их найти, если поискать как следует. И вот они, шаря по столетиям, от Ромула до наших дней (а точнее — начав задолго до Ромула), за два с лишним года вытащили к себе более двух десятков человек, из которых в конце концов и был сформирован экипаж из шести персон. Некоторые не подошли потому, что при всей своей пластичности оказались абсолютно невосприимчивыми к технике — а речь, как-никак, шла о самом сложнейшем корабле, — или же были не в состоянии усвоить даже те азы современной науки, без которых невозможно было бы понять, что же им предстоит делать; ну, такие, например, древние истины: Земля — шар, или: частная теория относительности применима в пределах от и до, но не более. Бесспорно, эпоха далеко не всегда служит точным мериллом умственного развития — даже в мои времена за одного Леонардо можно было отдать целый курс инженерного факультета и впридачу курс Академии художеств, и мы не остались бы в накладе, — но все же не всем и не все оказалось по силам. Так что осталось нас шестеро. Столько, сколько и требовалось. Остальным предстояло коротать свои дни в заведении, представлявшем собою санаторий для здоровых мужиков во цвете лет.

Из прошлого всех нас вытаскивали примерно одним и тем же способом: когда становилось ясно, что нужный человек вот-вот (как говорили в мое время в тех местах, где я жил) положит ложку — его в последний миг выхватывали из того времени, а на его место подкладывали искусно сотворенного биоробота, так что никто и не замечал подмены. Мне потом растолковали, что я так или иначе потонул бы: все-таки не в том я был возрасте и не то уже было сердце, чтобы осенью купаться в Гае. Но большинство наших ребят было выдернуто во время войн, когда удивлялись не тому, что человек умер, а тому, что он остался жив. Благо, в войнах в те эпохи — включая мою — недостатка не было.

Так что собралась веселая компания. По рождению нас отделял друг от друга столетия, а то и тысячелетия, но здесь мы удивительно быстро нашли общий язык: недаром же каждый обладал сверхвысоким коэффициентом пластичности. И мы разобрались в корабле, и даже в основах современной науки — хотя от нас не

требовали многого, но это было с их точки зрения немного, а с нашей — ого-го!

Впрочем, особенно потеть нам не пришлось. Обучали нас так: вводили в уютную комнату, где ты мог читать, зевать, думать, спать, петь — словом, убивать время по своему вкусу. Аппаратура была укрыта в стенах. Несколько трехчасовых сеансов с промежутками в неделю между ними — и ты становился специалистом приличного класса. Не смогли мы лишь одного: стать по-настоящему современными людьми. Современными для них, я имею в виду.

Дело было не во внешности, хотя мы, конечно, отличаемся от них весьма и весьма; правда, друг на друга мы и вовсе не похожи, но на них — еще меньше. Они — те, кого нас вытащил, — выглядят, по нашему мнению, однообразно: рослые, прекрасного сложения, смуглые, с волосами от черных до каштановых — более светлые тона встречаются крайне редко — и главным образом темноглазые. Они очень красивые, сравнительно мало меняются к старости, разве что седеют; правда, некоторые восстанавливают нормальный цвет волос, но таких немного. О женщинах и говорить нечего: любая из них в мое время завоевала бы все мыслимые титулы в области красоты. За время тренировок я успел познакомиться с несколькими; они, думаю, делали это из любопытства. Жаль только — с ними не о чем было говорить; слишком уж разное мы получили воспитание. И в этом-то воспитании и кроется основная причина того, что в этой эпохе все мы так и остались чем-то наподобие эмигрантов, невольных эмигрантов из другой эры.

Дело в том, что мы были выдернуты из своих времен уже в зрелом возрасте, когда формирование каждого из нас как личности успело закончиться. Вот Георгий: хороший штурман и прекрасный парень. Он — один из тех трехсот, что защищали Фермопилы с Леонидасом во главе, и я не хотел бы видеть его в числе своих врагов. В его время и в его стране хилых детишек кидали в море, чтобы они не портили расу; даже мои гуманистические концепции кажутся ему слоняйскими, не говоря уже о современных. Он редко улыбается; мне кажется, он так и не может простить себе, что остался в живых, когда все прочие спартиоты — и еще тысяча наемников — легли там костями. Он отлично понимает, что это от него не зависело, но все же приравнивает, видимо, себя к беглецам с поля боя, а таких в его время любили не больше, чем во всякое другое. Но, повторяю, штурман он, что надо: ориентирование по звездам у античных греков в крови. Он невозмутим и ничему не удивляется, редко проявляет свои чувства (чего нынешние люди не понимают) и очень холодно относится к женщинам, потому что чувствует, что они в чем-то превосходят его, а его самолюбие — древние очень дорожили своим самолюбием — не позволяет ему примириться с этим.

Или Иеромонах. Мы с ним соотечественники и почти земляки, только он жил на две, а то и три сотни лет раньше. Он тоже прекрасный мужик, — все мы прекрасные мужики, — но кое-чего не понимает, а ко всему, чего не понимает, относится недоверчиво. Сомневаюсь, чтобы он по-настоящему верил в бога, но до сих пор он в трудные минуты шепчет что-то — подозреваю, что молитвы, — и осеняет себя крестным знаменем. Он прекрасно знает устройство большого корабельного мозга, которым ведает, и с этим аппаратом у нас никогда не было ни малейшей заминки. Могу поручиться, что в глубине души Иеромонах одушевляет его, относит к категории духов — скорее добрых, однако, чем злых. Что-то вроде ангела-вычислителя, хотя таких, кажется, не было в христианской мифологии. Он эмоционален, но после каждого открытого проявления чувств машинально просит прощения у бога, не слишком, правда, громко. На женщин смотрит с интересом, когда думает, что никто этого не замечает. Рассердившись на кого-нибудь, он называет его еретиком и грозно сверкает очами. Он невысок, черняв и носит бороду. Сейчас это считается негигиеничным.

Они со спартиотом-непохожи друг на друга, а еще меньше похож на каждого из них в отдельности и на обоих вместе наш первый пилот, которого мы называем Рыцарем.

Он уверяет, что и в самом деле был рыцарем когда-то — в каком-то из средних веков. Это его дело. Прошлое каждого человека является его собственностью, и он может эту свою собственность предоставлять другим, а может и держать при себе и не позволять никому к ней прикасаться. Пора биографий давно минула; какое значение имеет то, что человек делал раньше, если есть возможность безошибочно установить, чего стоит он сейчас, и обращаться с ним, исходя именно из этого? Был рыцарем, ну и что же? Зовут его Уве-Йорген, по фамилии Риттер фон Экк. Он высок и поджар, обладает большим носом с горбинкой и широким диапазоном манер, — от изысканных до казарменных (не знаю, впрочем — кажется, у рыцарей казарм не было). В разговорах сдержан, зато слушает с удовольствием. При этом он чуть усмехается, но не обидно, а доброжелательно. Взгляд его всегда спокоен, и понять что-либо по его глазам невозможно. Однажды, во время ходовых испытаний, мы могли крепко погореть; Рыцарь был за пультом, и ему удалось выдернуть нас в самый последний момент (Иеромонах за вычислителем уже бормотал что-то вроде «Ныне отпускаеши...»). Мы все, надо признаться, основательно вспотели. Только Уве-Йорген был спокоен, словно решал задачу на имитаторе, а не в реальном пространстве, где все мы могли в два счета превратиться в хилую струйку гамма-квантов. Когда это кончилось, он оглянулся и, честное слово, посмотрел на нас с юмором — именно с юмором, но не сказал ни слова.

Что еще о нем? Однажды я зашел по делу в его каюту как раз в тот миг, когда он выходил из своего сада памяти (так мы называем такие вот штуки, как та, моя, где сосед никогда не выходит из дачи). Он резко захлопнул дверцу, и я толком не успел ничего увидеть; там было что-то вроде гигантской чаши, до отказа заполненной людьми, исступленно оравшими что-то. Помню, я спросил его тогда (совершив бестактность), к какой эпохе относится это представление. Он серьезно ответил: «К эпохе рыцарей». И, чуть помедлив, добавил: «Всякий солдат в определенном смысле рыцарь, не так ли?». Я подумал и сказал, что, пожалуй, да. Я и сам был солдатом в свое время.

В еде Уве-Йорген умерен, к женщинам относится холодно и с некоторым презрением, хотя аскетом его не назовешь; добровольный аскетизм не свойствен солдатам.

И совсем другое дело — Питек. Мы прозвали его так, причем это — производное не от имени Питер, а от слова питекантроп. Он на нас не обижается, поскольку наука о происхождении человека для него так и осталась абсолютно неизвестной. Нас ведь обучали тому, что было необходимо, и при этом опасались перегрузить наши доисторические мозги, так что многие вершины современной культуры даже не появились на нашем горизонте. На самом деле Питек, конечно, не имеет никакого отношения к питекантропам — вернее, такое же, как любой из нас; он нормальный хомо сапиенс, и даже больше сапиенс, чем многие из моих знакомых по былым временам. Но прибыл он из какой-то вовсе уж невообразимой древности — для него, думается, Египет фараонов был далеким будущим, а рабовладельческий строй — светлой мечтой. По-моему, специалисты «частого гребня» и сами не знают, из какого именно времени его выдернули, а сам он говорит лишь что-то о годе синей воды — более точной хронологии из него не выжать. Он любит поговорить и, прожив день, старается обязательно рассказать кому-нибудь из нас содержание этого дня — хотя мы все время были тут рядом и знаем то же, что и он; правда, память у него великолепная, он никогда ничего не забывает, ни одной мелочи. Этим, да еще прекрасным, прямо-таки собачьим обонянием он выгодно отличается от нас.

Питек называл имя своего народа — но, насколько я помню, таковой в истории не отмечен, как-то проскользнул стороной; называл он и свое имя, но никто из нас не мог воспроизвести ни единого звука: по-моему, для этого надо иметь как минимум три языка, каждый в два раза длиннее, чем наши, и попеременно завязывать эти языки узлом. У Питека, правда, язык один, и это великая загадка природы — как он им обходится. Единственное, что я знаю наверняка: там, где он жил, было тепло. Поэтому при малейшей возмож-

ности Питек старается пощеголять в своем натуральном виде; musculatura у него и вправду завидная, и ни грамма жира. Нашим воспитателям не без труда удалось убедить Питека в том, что хотя бы самую малость надевать на себя необходимо. Он подчинился им, хотя и не поверил. Он коренаст, ходит бесшумно, великолепно прыгает, не ест хлеба, а мясо, даже синтетическое, может поглощать в громадных количествах, предпочитая обходиться без вилки и ножа.

Он немного ленив, потому что ни на миг не задумывается о будущем, не заботится о нем и ничего не делает заранее, а только тогда, когда без этого обойтись уже нельзя. Зато он обладает великолепной реакцией, и мог бы быть даже не вторым, а первым пилотом, будь у него чуть больше развито чувство самосохранения — а также и сохранения всех нас; но смелость его, к сожалению, переходит всякие границы. Я думаю, впрочем, что это относится к его индивидуальным особенностям, хотя, может быть, все они были такими, его соплеменники — поэтому и не уцелели. Чувство племени, кстати, — или, по нашей терминологии, чувство коллектива — у него развито больше, чем у любого из нас. Питек может рисковать машиной вместе со всем ее населением; но ради любого из нас он поставил бы горло под нож, если бы возникла такая необходимость, — и с еще большим удовольствием полоснул бы по горлу противника.

Он часто, хотя несколько однообразно, рассказывает о войнах между племенами. Я как-то в шутку поинтересовался, не съедали ли они побежденных в тех междоусобицах. Питек не ответил. Лишь улыбнулся и провел кончиком языка по своим полным губам.

Что еще о нем? В обращении с женщинами он элементарно прост, и, как ни странно, им — современным и высокоинтеллектуальным — это нравится. Впрочем, понять женщин в эту эпоху, как мне кажется, ничуть не легче — или не труднее, может быть, — чем в наши, далеко не столь упорядоченные времена.

И наконец последний из нас — Рука. Гибкая Рука; так он сам перевел свое имя, как только мы, после первого же часового сеанса, вдруг убедились, что все объясняемся на одном языке — и язык этот не является родным ни для одного из нас, но все же мы им владеем, как будто родились, уже умея на нем говорить. Рука из индейцев; жил где-то у Великих озер — в местах, по которым в мое время проходила граница между Канадой и Соединенными Штатами. Правда, говорить о границах с Гибкой Рукой бесполезно: в его время ни Канады, ни Соединенных Штатов не существовало, и о белых людях там вообще не слыхивали. Имя свое Рука заслужил честно: он из тех людей, кого называют умельцами, у него прирожденное чувство конструкции, взаимодействия деталей, чертеж он воспринимает трехмерно, как реальный механизм. Попад в совре-

менность, он в краткий срок сделался выдающимся, даже по высшим меркам, специалистом, и в полет отправился судовым инженером.

Как ни странно, он полностью соответствует литературному стандарту индейца: невозмутим, говорит лишь тогда, когда к нему обращаются или когда необходимо что-то сказать в связи с его установками. Никогда не меняется в лице, и Рыцарь, мне кажется, очень завидует этому ему качеству. В отличие от Питека, Гибкая Рука не любит говорить о прошлом, о своем времени и своем народе. Мы, прочие, иногда грешим этим. Уве-Йорген порой, забывшись, громко произносит: «Мы, немцы...» — и в глазах его загорается огонек; правда, он тут же спохватывается и смущенно улыбается. Да я и сам иногда начинаю: «А вот у нас...» — и тоже умолкаю, потому что мы — это теперь либо мы шестеро, и не более того, либо все нынешнее человечество, к нравам и обычаям которого — да простит меня Юлий Цезарь за плагиат — мы то ли не смогли, то ли не захотели по-настоящему приноровиться. Наша научная группа — двое высоких, смуглых, красивых и набитых неимоверным количеством знаний людей — относится к этому остальному человечеству. Мы прекрасно взаимодействуем друг с другом, но у них — свое прошлое и настоящее, а у нас — свое, хотя настоящее и протекает в одном и том же корабле. И будущее наше, вероятно, тоже имеет мало общего с их будущим.

Для них корабль — инструмент познания; для нас — мир. Мир в большей степени, чем затерявшаяся далеко в пространстве планета Земля. Там мы были гостями, а здесь чувствуем себя дома. О том, что будет с нами, когда экспедиция закончится и мы приведем машину на базу, мы предпочитаем не думать. Прежде надо вернуться в целости и сохранности. Вернее всего, после этой экспедиции мы уйдем в другую: ведь у нас будет опыт, каким на Земле не обладает никто.

Вот о чем размышлял я, прогуливаясь в Саду своей памяти. Был спокойный участок полета, мы вышли из сопраностранства и подкрадывались к очередной звезде, пилоты несли вахту, и у меня — а я был, как-никак, капитаном этого корабля, первым после бога («Вот!» — торжествующе сказал Иеромонах и наставительно поднял палец, когда я впервые поведал ему эту формулу) — оставалось время для таких прогулок. Ветерок посвистывал, скрипели сосны. Потом в этот приятный шумок вошли новые звуки.

Обычно вызываю я, а не меня; значит, дело было важное, потому что идти в центральный пост, чтобы командовать переходом на орбиту, было еще рано, до этого оставалось никак не меньше двух суток. Я торопливо повернулся, в два счета оказался у двери своей дачи, вошел, затворил ее, зажмурился от яркого света, всегда горевшего в моей каюте, и оттуда откликнулся:

— Капитан Ульдемир.

Так меня тут звали; да это и было почти мое имя, только слегка стилизованное.

— Капитан Ульдемир, начальник экспедиции просит вас подняться в научный салон.

По голосу я узнал Аверова.

— С удовольствием,— ответил я с положенной вежливостью. Что бы такое у них там приключилось?

Я надел тужурку, учинил себе осмотр при помощи объемного зеркала — капитан не может быть небрежным в одежде,— вышел, поднялся на четыре палубы и зашагал по коридору. Подошел к их центру и отворил дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Документы

Выписка из научного журнала экспедиции «Зонд»:

«День экспедиции 587-й.

Краткое содержание записи: О возвращении экспедиции к объекту № 11.

Участники: Весь состав экспедиции.

Теоретические предпосылки: Установлено, что объект представляет определенную опасность для населения Солнечной системы, так как происходящие в нем процессы могут привести к вспышке Сверхновой в период времени от нескольких месяцев до нескольких лет. Данные нуждаются в уточнении.

Предпринятые действия: Экспедиция стартовала из района объекта № 12. Переход в сопространстве осуществлен без помех, при этом наблюдались эффекты, описанные ранее (см. записи 212, 364, 471), не влияющие на осуществление маневра. Выход из сопространства на расстоянии 512 млн. километров. Сближение до дистанции в 200 млн. километров. Переход на кольцевую орбиту. Начало наблюдений.

Ожидаемые результаты: Подтверждение и уточнение теории Кристиансена о развитии предвзрывных процессов в эвентуальных Сверхновых.

Возможные помехи: Преждевременный взрыв наблюдаемой Сверхновой.

Их возможные последствия: Уничтожение корабля и всего состава экспедиции.

Принятые меры предосторожности: Предполагается про-

вести работы в минимальные сроки. Возможно — попытки вмешательства в течение процесса в объекте № 11 (вопрос дискутируется).

Дополнения и примечания: К наблюдениям привлекается весь состав экипажа.

Запись вел Шувалов».

* * *

— Питек!

— Что, Уль?

— Ну, что ты там увидел сегодня?

— Ничего. Звезда как звезда. Пахнет медом.

— Что?

— Медом. Знаешь, в мое время в дуплах старых деревьев пчелы копили мед. А потом приходили мы. Выкуривали пчел. Добыть огонь для нас было нетрудно, мы это умели хорошо. Очень вкусный мед.

— Я знаю его вкус. Но при чем тут звезда?

— Она такая желтая, как мед. Хочется зачерпнуть.

— Ну-ну. Попробуй.

— Я шучу. Я не умею этого. Вот сидеть и смотреть в окуляр — это я умею. Это мне нравится. Не то, что кривые на экране: они напоминают о колдовстве. Если бы наш колдун...

— Погоди, это ты расскажешь в другой раз. Так ты не увидел ничего нового?

— Ничего. Но подожди, Уль, там все-таки был этот запах. Иначе почему я вспомнил бы про мед?

— Ты же сам сказал: цвет...

— Цвет бывает не только у меда. Я мог бы сравнить Даль и со спелым плодом... не знаю, как он называется на этом языке. Наш язык куда богаче — на нем есть все названия...

— Были, Питек.

— Да. Были. Все забываю. Нет, что-то еще я видел. Непременно. Погоди, дай подумать, вспомнить... Да! Пчелу!

— Этого еще не хватало. Какую пчелу?

— Она ползла. Понимаешь: мед, и по нему ползет пчела. Медленно-медленно...

— Прямо идиллия. А цветочков там не было по соседству?

— Нет, Уль. Извини. Цветов не было. А пчела была.

— Наверное, пятно, — сказал капитан Ульдемир. — На звездах бывают пятна, это тебе известно...

— Еще бы! Мы это знали еще там, дома. У нас были люди, что умели глядеть на солнце, не щуря глаз.

— Ну, может быть, может быть... Пожалуй, я тоже взгляну — через фильтры, конечно...

Ульдемир смотрел на звезду Даль. Медового цвета, приглушенная светочувствительным фильтром звезда цвела одинокой громадной кувшинкой на черной воде, не имеющей берегов. Пятен на звезде не было.

— Наверное, ушло на ту сторону. Большое было пятно?

— Нет... не очень. Скорее, маленькое. Нет, среднее.

Ульдемир помолчал. Равномерно шелкала камера, фотографируя.

— Ладно, на досуге посмотрим снимки. Наблюдай.

— Будь спокоен, Уль.

* * *

— Друг мой, я тут попробовал подсчитать вероятность. Давайте сопоставим с вашими данными. У меня получается вот что: двадцатипятипроцентная вероятность того, что вспышка произойдет в течение ближайших шести месяцев. И такая же вероятность вспышки через пять лет. Максимум лежит где-то между двумя с половиной и тремя годами. А что у вас?

Аверов щелкнул кнопкой блокнота, взглянул на экранчик.

— У меня вероятность в первые шесть месяцев равна тридцати процентам.

— Ну что же: расхождения есть. Но они, друг мой, не носят принципиального характера. Двадцать пять или тридцать процентов — ясно, что вероятность вспышки в ближайшие год-два угрожающе велика. Вы согласны?

Аверов кивнул.

Шувалов помолчал, прошелся из угла в угол; толстый ковер скрадывал шаги.

— Тем сложнее вопрос: что делать, — сказал он наконец.

Аверов поднял брови: — Но мы же решили...

Шувалов досадливо потряс головой, и Аверов умолк, не договорив.

— Да, друг мой, да... Мы решили. Вот именно — мы... Но я тут пытался представить — математически, разумеется, — каким будет ход нашего воздействия на светило. И нашел некоторые неясности...

— Вы сомневаетесь в теории?

— Да нет же, разумеется, нет! Но до сих пор теория давала нам лишь конечный результат. Тут все остается без изменений. А я хотел представить себе весь процесс этого воздействия, этап за этапом, начиная с момента, когда мы подойдем на нужное расстояние и включим установку. И оказалось...

Он помолчал, словно еще раз мысленно проверяя то, что хотел сообщить.

— Оказалось, что сейчас этот процесс не может быть описан однозначно. Детальный расчет его займет слишком много времени, если даже мы кроме нашего вычислителя загрузим и навигационный.

— Но если конечный результат в любом случае не подвергается сомнению...

— То что же меня беспокоит, хотите вы спросить? Дело в том... Вы ведь помните, на какое расстояние нам надо подойти, чтобы иметь полную уверенность в успешности воздействия?

— Разумеется! Порядка двух миллионов...

— И даже ближе. То есть, вплотную. Так вот, звезда ведет себя не совсем по теории. И нельзя гарантировать, что в самой первой стадии процесса не произойдет нежелательных явлений... типа выбросов вещества, скажем — таких выбросов, которые смогут помешать нам отойти на безопасное расстояние. Вы понимаете?

— Вы думаете...

— Я думаю — и пока не могу опровергнуть этого, — что мы можем просто-напросто сгореть вместе с кораблем.

Аверов ошеломленно глядел на Шувалова.

— Но... Это ведь означает, что мы не имеем права на такое воздействие! Что же вы молчите, профессор?

— Да, друг мой, именно такой вывод сделал и я. Нормы нашей морали, наши традиции... простая гуманность, наконец... все это восстает против того, что задумали мы с вами.

— А Земля? Ее судьба?

— Земля... Если бы не это, тут и думать было бы не о чем. И тем не менее... Во-первых, мы. Мы уже имеем богатейший научный багаж. В наших записях, наблюдениях, выводах... Наш экипаж. Шесть человек. Целых шесть человек, друг мой! Кто возьмет на себя ответственность за их жизнь? И наконец, вся экспедиция в целом. Мы, как вы знаете, не можем сообщить на Землю ничего. Если экспедиция не вернется, там решат, что в ее планировании были какие-то ошибки, и новый выход в космос задержится на много лет — а то и десятилетий, не знаю... Вы понимаете, какова величина риска?

Аверов выглядел спокойным: приобретенное в самые ранние годы умение управлять своими чувствами помогало ученому сдерживаться — как, впрочем, и самому Шувалову.

— Каковы же иные выходы, профессор?

— Я думал об этом. Мы можем, например, провести как можно более полную программу исследований звезды, вернуться на Землю и проанализировать полученные данные с привлечением лучших

сил всей Системы. Тогда мы, во всяком случае, рассеем все сомнения в благополучном исходе экспедиции, мало того — убедим и самых сомневающихся в необходимости подобных экспедиций. Кроме того... Может быть, нам удастся решить все неясные вопросы, касающиеся течения процесса... Ну, и так далее.

Аверов опустил голову и, глядя в пол, спросил:

— Профессор... Думаете ли вы, что в результате можно будет найти иной способ защитить Землю от угрозы вспышки?

— Н-ну, не знаю... Конечно, можно допустить и такую возможность. Однако я, откровенно говоря, на нее не рассчитываю.

— Значит, так или иначе придется направить корабль — наш или другой — к звезде и использовать установку?

— По-видимому... да.

— Можно ли осуществить воздействие с помощью одних лишь автоматов, без участия людей?

— Не могу сказать, друг мой. Тут все-таки не Солнечная система. Мы с вами, хотя и приблизительно, все же знаем, что такое сопостранственный полет. Боюсь, что без человека тут не обойтись. Конечно, если поставить задачу такого рода перед специалистами, конструкторами, то они спроектируют и построят такие автоматы. Но это потребует времени, перестройки корабля... А времени у нас нет, вот в чем самая большая беда!

— Да, я вас понял, благодарю вас. Значит, корабль уйдет сюда с людьми. — Теперь Аверов поднял глаза и смотрел на Шувалова, смотрел требовательно, со странным огоньком в глазах. — Тогда позвольте спросить вас: кто же полетит на нем? Вы? Я?

— Что за вопрос, друг мой? Полетите вы, полечу я, полетит всякий, чье участие понадобится...

— Профессор! — сказал Аверов. — Неужели вы не понимаете: вы не полетите, и даже я, наверное, нет. Нам просто не позволяют! Как и мы не позволили бы никому, зная, что имеется, пусть даже ничтожная, вероятность печального исхода! Нет, мы с вами больше не полетим!

— Но кто же...

— Вот и я подумал: кто же? Без нас корабль сможет добраться сюда. Но не без экипажа! Они-то полетят наверняка! А теперь скажите, профессор: какими бы соображениями мы ни руководствовались, не будут ли наши действия похожи на попытку спастись самим, оставляя шесть человек на произвол судьбы?

— Аверов! — произнес потрясенный Шувалов, воздев руки. — Друг мой, вы же не думаете...

— Конечно, я не думаю. Но если мы так поступим, я не смогу заставить себя не думать! И вы не сможете, профессор! Нет, никак не сможете!

— Я не пытался рассматривать проблему под таким углом зрения,— медленно, глухо проговорил Шувалов.— Но вы правы... Вы, безусловно, правы... Я вам очень благодарен, друг мой, что вы вовремя обратили внимание... Нет, конечно, на такой вариант мы пойти не можем. Но... тогда что же делать?

— Может быть... может быть, мы обсудим положение с экипажем? Их все-таки шесть человек — в какой-то степени общественное мнение, которого нам здесь недостает.

— Аверов, друг мой... Вряд ли они смогут оценить положение надлежащим образом. Не забудьте: они все-таки другие люди... Нет-нет, я не считаю, что они глупее нас, но они, скорее всего, просто не подготовлены к восприятию таких проблем. Ну хорошо, я подумаю...

* * *

Они входили в научный центр странно: каждый по-своему, но было и что-то общее, неопределимое — входили словно в чуждый мир — а современный человек чувствовал себя как дома в любой обстановке. Сидя за своим столом, Шувалов смотрел, как они возникали тут, в раз и навсегда определенном порядке, совершенно Шувалову не ясном; видимо, была у членов экипажа какая-то своя, всеми признанная иерархия, хотя трудно было определить, по какому именно признаку они оценивали самих себя и друг друга. Так или иначе, первым вошел Иеромонах, остановился, как всегда, в двух шагах от двери, привычно повел глазами в правый дальний от себя угол салона — там на переборке виднелся экран спектрографа, и лицо вошедшего, как обычно, опять-таки, выразило легкое разочарование; он поклонился, сложил руки на животе и отошел к своему, раз и навсегда избранному им месту, на противоположной от ученых стороне стола совещаний. За ним, через полминуты, вступил Питек — быстро и бесшумно, мгновенно окинул салон взглядом — и можно было быть уверенным, что ни одна мелочь не укрылась от взгляда и накрепко запечатлелась в памяти,— проскользнул к своему месту (казалось, ворс ковра даже не приминался под ним) и сел рядом с Иеромонахом. Затем, выдержав тот же интервал в полминуты, появился Рука; только что его не было, и вдруг он оказался в салоне, момента, когда он вошел, как и обычно, Шувалов не заметил. «Вот я»,— сказал Рука, не кланяясь, и упруго прошел к столу и сел по другую сторону Иеромонаха. Грек пересек салон, не останавливаясь у двери, лишь подняв приветственно руку, серьезный и сосредоточенный, сел, обвел взглядом всех, на мгновение задерживаясь на каждом лице, и опустил глаза. Следующим вошел

Уве-Йорген; остановился у двери, резко нагнул голову, здороваясь, и щелкнул каблуками. Улыбнулся — как показалось Шувалову, чуть вызывающе, но возможно, на самом деле это было и не так, — и сел, отодвинув кресло от стола, закинул ногу на ногу, поднял голову и стал глядеть в потолок. Последним был капитан; кивнул, проверил взглядом, весь ли экипаж в сборе, и уселся напротив Уве-Йоргена, рядом с Аверовым. Можно было начинать.

* * *

— Итак, вот какова обстановка, и нас интересует ваше мнение, — закончил Шувалов.

Капитан кивнул.

— На всякий случай повторяю: возможны два выхода. Действовать немедленно — или держать совет на Земле. Дело осложняется тем, что аппаратура наша еще не испытывалась, и о том, пройдет ли наш эксперимент без осложнений, без... неприятностей, мы, строго говоря, можем судить лишь с определенной долей вероятности. С одной стороны, есть риск, двадцать пять — тридцать процентов, того, что за время нашего полета к Земле и обратно вспышка произойдет. С другой стороны, если мы решаем действовать немедленно, существует риск неудачи: мы можем — теоретически — предотвращая возможность вспышки, спровоцировать какие-то побочные процессы, и в таком случае погибнем сами. Вы это поняли? В таком случае, мы хотели бы слышать ваше мнение.

Капитан снова кивнул:

— Думаю, что нам все ясно. Волей-неволей мы тоже задумывались об этом. Так что времени для размышлений нам не требуется.

— Я попросил бы вот о чем, друзья мои: пусть каждый не только сообщит решение, но и, по возможности, мотивирует его.

— Разумеется, — сказал капитан. — Прошу.

— Что же, — начал Иеромонах, — надо ли поспешать? Нет, полагаю. Перехитришь ли судьбу? Этого мне знать не дано, но не сразу, не сразу постигается истина; дневными заботами и ночными бдениями приходит к ней человек. Думать должно, много думать. И думать надо на Земле. Так я разумею.

— Ясно, — сказал капитан. — Второй пилот?

Питек усмехнулся.

— Если бы я, завидев зверя, бежал к племени за советом, плохим был бы я охотником. Тут риск и там риск; смелый рискует сразу, трус уклоняется. Трус гибнет первым. Больше мне нечего сказать.

— Инженер?

Гибкая Рука поднялся.

— Не знаю, как принято у вас. У нас важные дела решались вождями. Мы не вожди. Они — на Земле. Пусть решают вожди. Мы выполним. Не надо думать о себе. Надо — обо всех. На охоте — да, тут мой товарищ прав. Но мы не на охоте. Скорее, это война. Выходить ли на ее тропу, решали вожди, не воины.

— Штурман, твое слово.

— Что могут сказать люди? — словно подумал вслух спартиот. — Подумают, что мы убоялись риска. Мы могли бы пренебречь этим, если бы в промедлении был смысл. Но его нет. Есть ли на Земле оракул, вещающий без ошибок? Нет. Что сделают на Земле? Спросят у тех, кто лучше знает. Кто знает лучше? Вот они, они сидят перед нами. Но то, что они думают, они могут сказать и тут. Нас немного, но мы думаем каждый по-разному. На Земле людей будет намного больше, и они тоже будут думать так и будут думать иначе. Истину не постигают числом. Мы стоим там, откуда нельзя отступать. Не будем отступать. Иначе люди будут смеяться, вспоминая нас.

— Уве-Йорген.

— Когда отправляли экспедицию, знали, что мы не сможем поддерживать связь. Следовательно, понимали, что решения будут приниматься здесь, на месте. Всякий начальник знает меру своей ответственности, свои обязанности и права. Считаю, что это наше право — принимать окончательные решения. Войны выигрывали те, чьи командиры принимали решения сами. Мы можем сообщить что-то новое Земле, но она ничего нового не сообщит нам. Надо идти вперед.

— Благодарю. Моя очередь, — сказал капитан. — В каком случае сделаем мы больше: если уйдем или если останемся? Если уйдем, то будем носителями информации, всего лишь. Если останемся, то предпримем какие-то действия, будем активной силой. Ясно, что больше сделаем мы во втором случае. Считаю, что человек всегда должен стараться сделать максимум возможного в данных условиях. Я за то, чтобы действовать.

— Друзья мои, — проговорил Шувалов, — большинство из вас — за то, чтобы остаться и действовать. Однако... Доводы ваши звучат достаточно убедительно, но если мы ошибаемся... Мы ведь, по сути, решаем судьбу и Земли, и нашу... — Он запинался, ему очень не хватало сейчас современников, людей, с которыми он ощущал неразрывную связь, вместе с которыми составлял нерушимое единство, кристаллическую решетку, где каждый атом знал свое место и все вместе они обеспечивали прочность системы. Те, кто был здесь, экипаж, не знали такого счастья, быть одним из многих, они привыкли быть сами по себе, решать сами и отвечать сами —

но не было ли в этом громадного неуважения ко всем остальным людям, пренебрежения ими? А единственный его современник, Аверов, думает иначе; возможно, он хочет поскорее запустить свои конструкции, испытать, убедиться — это можно понять, но можно ли с этим согласиться?..

Поднялся Иеромонах.

— Мы с Георгием согласны с остальными. Мы были неправы.

— Друзья мои, я, откровенно говоря, не знаю... Неужели?..

Он умолк, закрыл глаза и несколько секунд сидел так. Потом поднял голову.

— Хорошо. Сделаем все, что можем. В конце концов... Капитан, в таком случае надо приступить к монтажу установок воздействия.

— Когда начнем?

— Сейчас же, капитан.

Объект № 11 получил имя «Даль». Изю всех древних алфавитов на этот раз для обозначения светила был избран арабский, и «даль» было всего лишь названием одной из его букв. Звезда имела и свой номер по каталогу, но в экспедиции привилось просто «Даль» — как выходило короче и красивее.

Шувалов намеревался, описывая сужающиеся витки, подходить к объекту все ближе, непрерывно зондируя звезду до тех пор, пока не станет возможным прийти к однозначному выводу относительно реальности угрозы — или наоборот, ее эфемерности.

Все понимали, что исследование потребует времени и опасность для корабля и живущих в нем людей будет непрерывно возрастать. Но выбора не было.

Ощущение опасности, как ни странно, придало людям бодрости. И в первую очередь — экипажу: опасность — это было что-то из прошлого, из молодости, из той жизни, которую они (каждый про себя) считали единственно реальной, настоящей. Для ученых чувство опасности, непрерывной угрозы явилось чем-то совершенно новым: переживать такое им не приходилось. В первые дни неприязненное ощущение их тяготило; потом, неожиданно для самих себя, они нашли в нем какой-то вкус. Им стало казаться, что новая жизнь, жизнь в опасности, отличалась от прежней, спокойной, как морская вода от водопроводной: у нее был резкий вкус и тонкий, бодрящий запах, заставлявший дышать глубоко и ощущать каждый вдох как значительное и радостное событие.

Вряд ли ученые признавались даже самим себе в том, что такое отношение к жизни возникло у них под влиянием шестерых человек из других эпох, которые относились к жизни именно так. Работали быстро, даже с каким-то ожесточением. На звезду Даль поглядывали теперь с опаской. Красивое светило оказалось коварным. Хотелось поскорее сделать все и оказаться подальше от него.

— Нет, Уль, это не мед, а желчь, какой-то сгусток желчи. И даже не желчь. Большая желтая дикая кошка, что притаилась в засаде и ждет, пока охотник подойдет поближе... Готово.

— Закрепляем.

— Есть. Тяжелая штука...

— Ты носил и потяжелее, верно?

— То была охота. Удачная охота. Тот груз не тяготил. Вот я помню...

— Сейчас тоже охота, Питек. Большая охота. Осторожно, Рука: доверни-ка еще...

— У нас будет пять стрел в воздухе, капитан.

— Да, Рука: пять стрел в воздухе. Стрелять будем быстро и точно. Рыцарь выведет нас точно на цель.

Уве-Йорген подключал фидер. Он поднял голову:

— Впервые в жизни буду действовать оружием, об устройстве которого не имею ни малейшего представления. Странное чувство.

— Не беспокойся, Рыцарь. Преимущества на нашей стороне: мы в латах, а враг раздет догола. Не по-рыцарски, верно?

— Даль — не рыцарь. Скорее — сарацин с закрытым лицом.

— Разве они закрывали лица, Рыцарь?

— Ну, бывало и так. Однажды... Но мне пора подключать второй. Заканчивайте.

— Сарацин — это человек? Нет, Рыцарь, Даль — все-таки дикая кошка. Злобная, глупая дикая кошка. И ее донимают блохи.

— Какие еще блохи? Давайте, давайте, ребята. Так что за блохи?

— Это была не пчела — то, что я видел тогда. Я подумал о пчеле, когда решил, что звезда похожа на мед. Но это кошка, которая сначала притворилась медом. И не пчела, пчелы не ползают по диким кошкам: то была блоха, черная блоха на желтой шерсти... Стоп! Хорошо!

— А я и забыл. Все никак не соберусь поглядеть снимки. Ты отдал их ученым?

— Да, только они тоже не смотрели: все считают и считают.

— Хорошо, это не к спеху. Главное мы знаем. Нет, конденсатор вдвоем не поднять. Ну-ка, все разом! Взяли!

* * *

— Благодарю вас, капитан. Работа сделана, я бы сказал, блестяще. Откровенно говоря, я даже не ожидал... Все очень хорошо. Теперь надо заряжать батареи. Режим экономии. Все силовые установки — на зарядку батарей. Следить надо очень внимательно, но взять полный заряд.

- Я знаю. Мы ведь занимались этим.
- Да, но то ведь были лишь испытания...
- Это не имеет значения.
- Я очень рад, капитан. Что, коллега Аверов?
- Здравствуйте, капитан Ульдемир. Одну минуту... Последние записи подтверждают, что мы правы: процесс развивается в принципиальном соответствии с Кристиансеном.
- Мне очень приятно услышать об этом... У вас есть что-то к капитану?
- Только одно. Когда можно будет приступить?
- Если заряжать батареи по правилам, то через шесть дней: пять — на зарядку, и один — чтобы вывести сопостранственный дренаж...
- Разумеется, по правилам, капитан, только по правилам, прошу вас. Ни малейшей небрежности, ничего такого...
- Разумеется. Мы сделаем все точно так, как нужно.

* * *

Катер вплыл в элинг. Створки сошлись, зашипел воздух. Капитан Ульдемир снял перчатки и откинулся на спинку сиденья.

— По-моему, все в порядке.

— Да-да, вы совершенно правы. Должен сказать, снаружи, из пространства, все это выглядит весьма, весьма внушительно. Я как-то не представлял... Да, просто устрашающе. Если бы я был жителем звезды Даль, то испугался бы, честное слово.

— К счастью, на звездах не живут. А установка хорошо вписалась, эмиттер смотрится просто красиво. Я получил эстетическое наслаждение...

— О, да вы эстет, коллега Аверов. Ну, вам простительно: установка ведь — ваше творение...

— Наше: где были бы мы без ваших теоретических предпосылок?

— Ну, разумеется, но конструкция ваша, друг мой, только ваша. Итак, можно считать, что у нас все готово? Коллега Аверов?

— Да.

— Капитан Ульдемир?

— Батареи заряжены полностью.

— Вы обеспечите нужную точность наводки?

— Мы произведем маневр сразу же, чтобы в нужный момент только скорректировать наводку. Когда начнем отсчет?

— Сейчас — отдых. Чтобы в решающий миг ни у кого не дрожали руки. Начнем через четыре часа.

Оставалось четыре часа, и делать было совершенно нечего. Еще раз пройти по постам, постоять у механизмов, послушать, как журчат накопители, как едва слышно гудят батареи, почувствовать, как пахнет нагретый металл... Что еще? Лечь в койку? Уснуть не уснешь, и, чего доброго, еще нагрянут воспоминания... Сад памяти? Нет...

Капитан Ульдемир потер лоб. Что-то мешало расслабиться на эти четыре часа. Нехорошо. Раз что-то мешает, значит, что-то не в порядке. Капитан Ульдемир всю жизнь доверял своей интуиции, и сейчас не было причин сомневаться в ней.

Хорошо; мысленно пройдем еще раз по всем операциям в правильной последовательности. Вспомним каждую деталь, всякую мелочишку...

Это заняло еще час. Оставалось два часа.

Может быть, вызывает сомнение кто-то из людей? Устал, нервничает? У кого-то может в самый неподходящий момент дрогнуть рука, и собьется наводка или раньше времени произойдет разряд?

Вспомним, как вели себя люди. Еще полчаса.

Нет, люди вели себя хорошо. Да и как иначе могли вести себя такие люди? С ними можно не то, что обстрелять звезду, — с ними можно направить корабль в самый центр звезды, и никто не дрогнет.

Тогда что же мешает успокоиться? Может быть, что-то в нем самом?

Нет, он спокоен раз и навсегда. Нет смысла ни о чем жалеть, а значит — нет причин и бояться.

Что же, что же, что же?.. Где та мелочь, та кусачая блоха?..

Стоп!

Блоха?

Что же все-таки видел Питек? То пчела, то блоха, но что это было на самом деле?

* * *

Четыре часа миновали.

— Сто четырнадцать... — вел отсчет компьютер. Минутная пауза.

— Сто тринадцать...

Уве-Йорген, первый пилот, откинулся на спинку кресла, помахал в воздухе кистями рук, поиграл пальцами. Снова выпрямился. Послышались шаги.

— Сам грядет, — сказал Иеромонах.

Но это были ученые. Они заняли места.

— Все готово, я надеюсь? — спросил Шувалов.

— Сто...— пробубнил компьютер.

— Я не вижу капитана,— проговорил Аверов, оглядевшись.

— Почему? — встревожился Шувалов.— Что случилось?

Уве-Йорген пожал плечами.

— Капитана не принято спрашивать. Он придет, когда сочтет нужным.

— Но, в конце концов, он должен...

Рыцарь взглянул на Шувалова холодно. Чуть ли не с презрением.

— Действия капитана не обсуждаются.

Помолчали.

— Какое отклонение, Георгий?

— Восемнадцать секунд,— сказал штурман.— Введено.

— Провожу первую коррекцию,— решительно проговорил Рыцарь. Он положил руки на пульт.— Внимание! Страховка! Начинаю: пять, четыре... ноль!

Легкая дрожь прошла по кораблю. Уве-Йорген прищурился, глаза льдисто блеснули.

— Точно,— пробормотал он с удовлетворением.

— В конце концов, это просто неуважение ко всем нам,— сердито сказал Шувалов.

— Вынужден снова напомнить вам,— четко сказал Уве-Йорген.

— Но осталось меньше часа! Это просто невозможно...

Аверов решительно встал.

— Коллега Аверов!

— Но послушайте...

Аверов умолк: слышались шаги.

— Наконец-то!

— Грядет,— снова проговорил Иеромонах.— Ну, благословясь...

И он украдкой перекрестился.

Вошел Ульдемир.

— Капитан Ульдемир,— сдержанно проговорил Шувалов.— Мы, знаете ли, просто заждались. Я допускаю, что у вас могли быть причины...

Капитан сказал:

— Да,

— Хорошо, об этом мы поговорим позже. А сейчас, будьте любезны, командуйте операцией.

Капитан сказал:

— Нет.

— То есть как — нет?

— Я только что просмотрел снимки,— сказал капитан.— Никто не удосужился сделать это раньше.

— И что же, позвольте узнать?

— Операцию надо отменить.
— Почему? — крикнул Аверов.
— Потому что на одной серии совершенно четко зафиксировано прохождение планеты через диск светила.

— Планеты? Но простите, здесь же нет никаких планет...

— Значит, есть, — сказал капитан.

В наступившем молчании Иеромонах Никодим сказал:

— Говорил ведь я: никогда не надо поспешать...

Планета — это было плохо.

Это означало, что на звезду Даль нельзя оказывать никакого воздействия, прежде чем не будет неоспоримо и достоверно установлено, что на планете нет ни малейших признаков жизни и никаких предпосылок для ее возникновения в обозримом будущем.

Так, во всяком случае, было сказано в Кодексе, который разработала Земля со свойственной ей теперь обстоятельностью.

Однако этот случай и подходил под соответствующий параграф Кодекса, и не подходил. Подходил — потому что здесь была звезда, на которую намеревались воздействовать, и вокруг нее, к сожалению, обращалась планета. И не подходил — потому что звезда, если на нее воздействовать, неизбежно должна была в не столь отдаленном будущем взорваться — и тогда от жизни, которая могла существовать, или от предпосылок для ее возникновения, которые могли оказаться на планете, и подавно ничего не осталось бы. Как, вероятно, и от самой планеты.

Но пока об этом думали меньше; главное заключалось в том, чтобы подойти к планете и увидеть, что она собою представляет. Если на планете жизни нет, то все сложности сами собой отпадут и можно будет действовать. Если же жизнь есть...

Странное положение: найдя в не столь уж большом удалении от Земли планету, люди мечтали не о том, чтобы на ней оказалась хоть какая-то — а повезет, и разумная — жизнь, но напротив, единодушно хотели, чтобы никакой жизни не обнаружилось.

Такие мысли не свойственны людям; но и случай был из ряда вон выходящий.

* * *

Батареи разрядили до лучших времен. Разряжали целую неделю: запасенную энергию пришлось высвобождать медленно и осторожно. Установку не демонтировали, но отключили источники питания и органы управления ею.

Через две недели после несостоявшегося эксперимента корабль приблизился к планете и лег на орбиту на расстоянии тысячи километров от ее поверхности.

Чем ближе подходил корабль, тем чаще на лицах населявших его людей возникали улыбки: все больше фактов свидетельствовало, что жизни на планете нет и не может быть.

Она располагалась слишком близко к светилу, и, как стало ясно, период ее вращения вокруг оси совпадал с периодом обращения вокруг звезды Даль. Иными словами, планета была все время повернута к светилу одной и той же стороной, как Меркурий в Солнечной системе. В условиях, когда дневное полушарие было раскалено до нескольких сот градусов, а на ночном царили жесточайшие морозы, никакая жизнь не могла ни возникнуть, ни тем более развиться.

Наблюдение за планетой велось непрерывно. Вскоре стало ясно, что она не обладает и атмосферой. И когда корабль лег на орбиту, все уже хорошо представляли, что они увидят.

Их предположения, их надежды оправдались. Но все же, для полной уверенности, Ульдемир, Уве-Йорген и Аверов сели в большой катер и опустились на поверхность небесного тела.

Предварительно они несколько раз облетели планету на небольшой высоте. Уве-Йорген порой снижался до нескольких сотен и даже десятков метров. Первозданный хаос, заросли дикого камня мчались под катером с такой скоростью, что кружилась голова.

Аверов испуганно вцепился в подлокотники. Ульдемир молчал. Уве-Йорген, прищурясь, улыбался.

Наконец они сели, и Аверов облегченно вздохнул. Ульдемир в скафандре на несколько мгновений вышел из катера, чтобы взять образцы породы. Он не пробыл на поверхности и минуты, но вернулся, задыхаясь от жары, мокрый от пота. Так что торжественного выхода на вновь открытую планету не получилось. А ведь скафандр предназначался для работы в горячей зоне силовых установок корабля и был снабжен мощной системой защиты и охлаждения.

Они взлетели и без происшествий возвратились на корабль.

Привезенные камни исследовали в лаборатории. Ни на них, ни в песке никаких признаков жизни не оказалось. Да и не могло оказаться. Исследование велось скорее для очистки совести. Впрочем, чистая совесть — это важно.

Однако там, где есть одна планета, может быть и целая их система. И совесть требовала продолжать поиски теперь уж до конца. Обшарить околосредное пространство. Обнюхать. Просеять через мелкое сито. Сделать все, что возможно.

Вахту несли так: сто двадцать минут — и четыре часа отдыха.
— Снова два часа — и четыре.

— Смена. Ну, не удалось ни с кем познакомиться?

Аверов от волнения пытался даже шутить.

— Пара камушков, — сказал Уве-Йорген. — А вообще — пустота.

— Ох, хоть бы... — Аверов глубоко вздохнул. — Хоть бы...

— Постучите по дереву. Но до сих пор все складывалось удачно, так что может повезти и на этот раз. С этой сумасшедшей звезды хватит одной планеты, к чему ей целая семья? Не тот у нее характер. Ну, взгляделись?

— Я готов.

— Чистого пространства!

Аверов остался один перед экранами. Черный экран, подключенный к большому оптическому рефлектору. Голубоватый — локатора. Маленький круглый — гравителескопа. Взгляд медленно обходил их. Слово какой-то танец, подумалось Аверову. Раз — два, три. Раз — два, три. Пусто — пусто — пусто. Пусто — пусто — пусто.

Он смотрел не отрываясь, не отвлекаясь. Еще несколько часов — и зона возможной жизни будет пройдена. Если тут ничего не окажется, можно считать, что отделались легким испугом: планеты за пределами этой полосы, если они там и существуют, будут не менее безжизненными, чем первая.

— Раз — два, три. Раз — два, три...

Быстро кончаются два часа. Сейчас кто-нибудь придет на смену.

— Смена! Ну как, ничего?

— А, вы, штурман? Пока все в порядке.

— Хорошо.

Пауза.

— Вгляделись?

— Да.

— Желаю ничего не увидеть.

* * *

— Капитан, я решил, что пора снова заряжать батареи.

— Есть. Прикажу поставить под зарядку.

— Интересующая нас зона, друг мой, практически обследована. Никакого намека. Какой-нибудь час — и... Нет, мы не прекратим поиска, но тогда уже все шансы будут за то, что никакой жизни мы не обнаружим.

— Понимаю.

— Вот и чудесно. Итак, распорядитесь насчет батарей...

И снова вахта.

Раз — два, три.

Аверов поймал себя на том, что ему хочется петь.

Раз — два, три. Трам-тарам — тата-тата... Тата... Тата?..

Нет. Там нет ничего. Это просто самовнушение, а на самом деле ничего нет. Надо закрыть глаза. Посидеть так. Успокоиться. Теперь можно открыть. Что там, на экранах? Ничего, конечно?

Оптический показывает тело.

Локатор идет с запозданием на секунду. Сейчас он даст расстояние, и окажется, что впереди — просто очередной камушек.

Локатор не показывал долго. Потом дал расстояние. Миллионы.

Гравителёскоп? Какова масса тела?

Планета.

Аверов почувствовал, как дрожат губы. Минуты две он сидел, закрыв лицо руками. Потом включил связь.

— Здесь обсерватория. Планета в пределах зоны обитания.

Когда прибежали, он ткнул пальцем в экраны, повернулся и ушел, шаркая подошвами.

Подлетели. Расстояние до поверхности было — две тысячи километров. Над экватором плыли облака. Локаторы показывали: кряж. Равнина. Обширная. Снова хребет. Тут, видимо, море...

— Итак, друзья мои: снижайтесь осторожно. Пробы атмосферы, пород... Оглянитесь и постарайтесь вернуться побыстрее.

— Хорошо, — сказал Ульдемир. Он повернулся к Аверову: — Я полагаю, облака — это еще ничего не значит.

— Да, — хмуро согласился ученый. — Но температура на поверхности такова, что можно ожидать... И состав атмосферы, и вода...

— Ладно, там видно будет. Рыцарь, прошу в катер.

Они быстро пробili облачный слой. Снизились. Голубые огоньки стекали с бортов.

Внизу шумели леса.

То есть, шума не было слышно. Но, увидев такой лес, каждый сразу понимал, что он шумит. Не может не шуметь.

Уве-Йорген, первый пилот экспедиции, шел на брюшном. Свист двигателей глохнул в вершинах деревьев. Вершины покачивались: дул ветер.

— Здесь нам не сесть,— сказал Уве-Йорген.
— Сделаем еще виток-другой.
Рыцарь набрал высоту.
— Возьми градусов на тридцать вправо.
Уве-Йорген переложил рули.
Через сорок минут началась степь.
— Вот здесь можно сесть.
— Погоди,— сказал Ульдемир.
Аверов работал с камерой.
— Двигается,— пробормотал он.
— Стада,— сказал Ульдемир.— Сотни тысяч голов. На Земле когда-то тоже было так. Питек помнит. И Рука тоже.
— Сядем, капитан?
— Нет, Уве. Погоди.
— Чего ты ищешь?
— Ты знаешь.
Они сделали еще один виток.
— Нет,— сказал Уве-Йорген.— Людей здесь нет.— Он усмехнулся.— Им бы крайне не повезло, окажись они здесь.
Ульдемир покосился на него.
Прошло еще полчаса.
— Внимание. Что внизу, по-вашему?
Голос Уве-Йоргена был странно приглушен.
Аверов взгляделся.
— Может быть... Возможно, это природная формация. В конце концов, и на Марсе когда-то видели каналы...
Уве-Йорген Риттер фон Экк смотрел перед собой, плотно сжав челюсти.
Машина резко снижалась.
— Это дорога,— пробормотал он.— Дорога. Я-то знаю, как они выглядят...
Машина мчалась впери́тку к поверхности.
— Воткнемся,— сказал Ульдемир.
— Не воткнемся,— уверенно ответил Рыцарь.— Смотрите! Люди!
Это, несомненно, были люди — или очень похожие на них существа.
— Сядем?
— Не надо. Все ясно. Правь на корабль.
На обратном пути они молчали. Только перед самым кораблем Аверов пробормотал:
— Люди, настоящие люди... Что теперь делать?
Капитан и пилот переглянулись. Ни тот, ни другой не проронил ни слова.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Документы

Запись совещания полного состава экспедиции «Зонд»:
«Шувалов: Что мы в силах предпринять?»

Капитан: Посадить корабль на планету, во всяком случае, мы не можем. Как всем известно, при планировании экспедиции такое не предполагалось. Корабль смонтирован в просторанстве, в невесомости. На планете его раздавит собственный вес. Конечно, при желании, можно высадиться на катерах. Но аппаратуру на них мы не перевезем.

Шувалов: Речь идет не об этом. Я спрашиваю: что мы можем предпринять? Мы не готовы к такого рода действиям. К высадке на планеты с развитой жизнью — с разумной жизнью.

Аверов: Это естественно. Никто не знал, будут ли у звезд планеты. Если я не ошибаюсь, в планах экспедиции записано, что в случае обнаружения планет мы должны ограничиться наблюдениями с орбиты, чтобы потом можно было направить в данный район для исследования другую, специализированную экспедицию.

Шувалов: Хорошо, хорошо. Обстоятельства могут вынудить нас отойти от плана. Но проблема контакта настолько сложна... Какой окажется структура здешнего разума, его коммуникативность, степень развития — об этом мы можем только гадать. У нас вообще нет нужной аппаратуры: физиологической, психологической, лингвистической. А ведь нам придется установить контакт не просто для того, чтобы вынести из него какие-то первые представления; контакт нужен нам, чтобы добиться конструктивных и к тому же очень важных результатов.

Уве-Йорген: Какой именно результат вы имеете в виду?

Шувалов: По-моему, это совершенно ясно. На планете существует разумная жизнь. Степень ее цивилизации, технологического уровня и прочего не должна в данном случае нас интересовать. А из этого однозначно следует, что мы должны теперь не только заботиться о предотвращении нависшей над нашим человечеством угрозы, но и взять на себя заботы о спасении здешнего населения. Почему вы пожимаете плечами?

Уве-Йорген: Ваша, как вы говорите, однозначность вовсе не кажется мне очевидной.

Шувалов: Вы это серьезно?

Уве-Йорген: В молодости я шутил за стаканом мозельского,

а поскольку в вашем мире вина не оказалось, то я говорю совершенно серьезно.

Шувалов: Я не собираюсь дискутировать на эту тему. Любое разумное существо равно человеку, а жизнь и безопасность каждого человека священны. Именно из этого я буду исходить. Следовательно, перед нами две задачи. И в обоих случаях нам ясно, что нужно сделать, но, во всяком случае мне, совершенно неясно — как. Для того, чтобы защитить человечество, мы собрались, грубо говоря, погасить эту звезду, благо — такие средства у нас есть. Но местному населению мы этим, как вы понимаете, не поможем — напротив, мы его погубим. Мы тут подсчитали...

Аверов: Да. Стоит излучению звезды уменьшиться на десять процентов, как условия на планете сделаются совершенно непригодными для жизни, существующей в данных условиях. Понижение температуры. Катаклизмы. Обледенение. Голод. Всеобщая гибель.

Капитан: И как скоро?

Аверов: Если мы выполним задуманную операцию — а я думаю, что иного выхода мы не найдем, — звезда начнет отдавать энергию в сопространство, около двенадцати — четырнадцати процентов ежегодно. Через несколько лет процесс замедлится, но населению будет уже все равно: оно погибнет на протяжении первого же года.

Иеромонах: Нельзя ли не столь поспешно?

Аверов: Ни быстрее, ни медленнее. Постараюсь объяснить... Мы ведь не будем сами перекачивать энергию звезды в сопространство — таких возможностей у нас нет. Процесс саморегулирующийся, течение его от нас не зависит. Мы можем, так сказать, лишь нажать кнопку — или наоборот, не нажимать.

Капитан: Значит, один год.

Аверов: Практически — меньше.

Штурман: Я хочу сказать. Мы думаем сейчас о том, что будет с ними... с людьми, если мы погасим звезду. Но надо подумать и о том, что с ними станет, если мы ее не погасим.

Капитан: Правильно.

Уве-Йорген: Что с ними будет? Да они просто испарятся за несколько минут.

Питек: За девять минут, потому что они находятся от звезды в девяти световых минутах.

Уве-Йорген: Так что они погибнут в любом случае. Они обречены. Так нужно ли ломать голову над поисками несуществующего выхода? Будем спасать Человечество — вот наш долг.

Шувалов: Я запрещаю дальнейшие разговоры такого рода. Поймите: с момента, когда нам стало известно о существовании здесь жизни, мы, хотим мы того или нет, взяли на себя ответственность за ее спасение.

Уве-Йорген: ворчит нечто нечленораздельное.

Шувалов: Я не понял.

Уве-Йорген: Это на другом языке. Извините.

Шувалов: Пожалуйста. Итак, каким же образом мы можем спасти население?

Гибкая Рука: Способ один. Когда приходили холода, мы шли в места, где было теплее. Мы уходили. Пусть и они уйдут.

Аверов: Эвакуация? Видимо, единственная возможность?

Шувалов: Не исключено, что есть иные способы? Например, доставить с Земли и зажечь здесь небольшое, так сказать, локальное солнце. Такого рода опыт у людей имеется.

Капитан: Это было бы самым простым. А сколько времени потребуется на такую операцию?

Шувалов: М-м... Точно ответить затруднительно, но, с учетом пути туда и обратно, мы можем и не успеть. Тем более, что солнце это еще предстоит изготовить: по своим характеристикам его излучение должно соответствовать не нашему светилу, а звезде Даль, значит, потребуется время на расчеты, проектирование, изготовление, испытания... Да, мы можем опоздать.

Аверов: Отпадает. Тем более, что для управления таким солнцем с планеты нужна сложнейшая электроника, мощные силовые установки, запасы топлива и устройства для его доставки, масса специалистов, и прочее, и прочее. Сложно и не очень надежно. Кроме того, до сих пор эти солнца играли лишь вспомогательную роль, но не заменяли светило полностью.

Шувалов: Итак, эвакуировать население. Не сомневаюсь, что Земля согласится предоставить жителям этого мира одну из планет Солнечной системы или найдет где-нибудь другую, подходящую для обитания. Да взять хотя бы планету у объекта номер шесть, помните?

Капитан: Им хватит даже небольшого участка. Судя по тому, что мы наблюдали сверху, обжита лишь малая часть планеты. Но дело в другом. Пока мы нашли лишь принципиальную возможность. Насколько она осуществима технически? Для меня тут масса неясностей.

Уве-Йорген: Для всех. Сколько людей на планете? Сколько кораблей понадобится, чтобы перевезти их? Сколько времени займет постройка такого количества кораблей? Где взять столько экипажей?

Шувалов: Надо выяснить. А чтобы выяснить, нужен контакт. Поэтому проблема контакта и заботит меня сейчас больше всего остального.

Аверов: Я не уверен, что они уже основали Управление по контактам.

Шувалов: Вы иронизируете, друг мой, а дело серьезное. Конечно, никто из нас не ожидает, что мы обнаружим тут Управление по контактам или что-нибудь подобное. Но, я полагаю, мы сможем для начала узнать хотя бы элементарные вещи. Например, как устроено их общество. Какова степень его сложности.

Аверов: Какая разница?

Шувалов: Большая, друг мой. Тут есть ясная закономерность. Предположим, вы прилетели и желаете обратиться к населению. Во времена нашего коллеги штурмана вопросы такого рода решались на агоре всеми совершеннолетними гражданами. Современники Гибкой Руки привели бы нас к вождю, созвали бы что-то наподобие совета старейшин и там приняли бы решение. Что же касается, скажем, такого развитого общества, как наше...

Аверов: Именно в нашем, достаточно развитом обществе даже очень сложный вопрос нашей экспедиции был решен быстро и просто.

Шувалов: И так, и не так. Не забудьте, что вопрос экспедиции назревал долго. И родился он не на улице, а в достаточно авторитетных организациях. Но если бы я пришел в Совет с улицы, никому не известный, не обладающий научным именем, — не знаю, как отнеслись бы там к моим идеям. Мы ведь обычно получаем готовое решение и очень мало думаем о том, в результате какой процедуры оно было принято. Не думаем, какой здесь элемент закономерности, какой — случайности... Так же, как, взяв в руки какую-нибудь вещь, мы обычно не задумываемся о том, какой уровень технологии и конструкторской культуры понадобился для ее создания и как этот уровень достигался. Везде есть своя кухня, и детально разбираются в ней только профессионалы. А мы в данном случае — даже не дилетанты.

Аверов: Таким образом, вы полагаете, что...

Шувалов: Я думаю, что самым тяжелым будет не решение вопроса, а его постановка. Потому что для того, чтобы вас поняли, нужно, чтобы вас предварительно выслушали. А это-то порой и является самым трудным.

Уве-Йорген: Боюсь, профессор, что вы чересчур усложняете. В свое время это не составляло проблемы. Два-три

здоровых, хорошо тренированных парня — скажем, Георгий, Питек и Рука — в два счета доставят сюда туземца, а тут мы быстренько развяжем ему язык — если только у него есть язык, конечно.

Шувалов: Друг мой, вы... предлагаете прибегнуть к насилию?!

Уве-Йорген: Наши соседи в свое время любили говорить: на войне, как на войне.

Шувалов: Опомнитесь, разве мы прилетели воевать? Мы хотим этим людям только блага!

Уве-Йорген: Всякая война начиналась из-за того, что соседям желали блага, понимая его по-своему.

Шувалов: И вы считаете это нормальным?

Уве-Йорген: Мне трудно отрешиться от представлений моей молодости.

Шувалов: И другие думают так же?

Георгий: Мне это кажется естественным.

Рука: Из того, как они поведут себя, станет ясно, что они за люди.

Георгий: Спасать надо достойных. И только.

Питек: Выживает сильный.

Иеромонах: Во Христа они вряд ли веруют.

Шувалов: Ужасно! А вы, капитан?

Капитан: Думаю, что насилие — последнее средство. Прежде надо испробовать все остальные.

Уве-Йорген: Интересно, вы думали так же, когда...

Капитан: Когда?

Уве-Йорген: Хорошо, оставим это. В конце концов, мы сделаем то, что нам прикажут, к чему же лишние разговоры?

Шувалов: Следовательно, для установления контакта должен лететь я. И вы, капитан.

Капитан: У вас есть какой-нибудь план?

Шувалов: Очень приблизительный. Надо выбрать какое-нибудь небольшое поселение... Именно небольшое, в большом мы сразу же запутаемся. Найти местную власть и попросить, чтобы нас связали с их главными руководителями.

Уве-Йорген: Боюсь, что это будет лишь потерей времени. И вообще, эвакуация мне представляется не более реальной, чем постройка термоядерного солнца.

Шувалов: Мы не имеем права так думать! Не имеем! Мы должны спасти людей, и мы спасем их любой ценой!

Капитан: Но как же мы станем объясняться с ними?

Шувалов: Капитан, вы задаете какие-то... м-м... наивные вопросы. Откуда я знаю как? Обстановка покажет.

Уве-Йорген: На пальцах?

Шувалов: Да разве пальцы — главное? Мысль можно выразить и на пальцах, важно другое: чтобы собеседник был способен понять ее. Понять содержание, а не форму, в какой оно выражено. А это не так просто и зависит от многого. Вы подносите руку ко рту — значит, хотите есть. Ясно для каждого человека. Но если существо принимает пищу, допустим, через дверцу в животе — сможет ли оно понять вас?

Капитан: Насчет еды мы еще как-нибудь растолковали бы. Но вот как вы собираетесь объяснить им вершины астрофизики...

Шувалов: Да я же говорю вам: не знаю!»

* * *

Овальное красное солнце подпрыгнуло над далеким горизонтом. Длинные тени упали на серо-зеленую высокую траву, вспыхнули неожиданно яркие огоньки цветов. Потянул ветерок; душистый запах жизни закружил головы. Шувалов вздохнул.

— Как на Земле... Пойдемте?

Они зашагали туда, где возвышались деревья, за которыми лежал городок. Катер со включенным маячком остался лежать в высокой степной траве, скрытый от взглядов ее гибкими, перистыми стеблями. Шли молча. Приблизившись, бессознательно замедлили шаг, потом и вовсе остановились. Городок казался вымершим.

— Еще спят? Вряд ли...

Они стояли на пригорке, откуда город был хорошо виден.

— Красиво, — сказал Ульдемир.

— И странно. Обратите внимание: ни одной прямой улицы.

— Очень своеобразная планировка. Это не геометрия.

— Это скорее... Скорее... Затрудняюсь назвать, что это мне напоминает, но, во всяком случае...

— Мне это кажется похожим на петроглиф, доктор. Когда-то я увлекался Востоком. Сложный иероглиф. Хотя такого не припомню; впрочем, ручаться не могу: иероглифов были тысячи.

— Во всяком случае, ощущаешь руку художника.

— Да. Интересно.

— Это воодушевляет меня, капитан. Люди, обладающие развитым эстетическим чувством, не могут не понять нас. Хотя, может быть, приспособиться к их мышлению будет сложно. Если они мыслят образно, а не логически... Жаль, что среди нас нет художника. Но почему никого не видно?

— А может быть, это не город? — сказал Ульдемир.

— Что же, по-вашему? Некрополь?

— Нет, почему же... Просто мы, быть может, видим лишь верхний, декоративный, допустим, ярус города, а жизнь течет там, внизу... В наших, вернее, в ваших городах на Земле...

— Это было бы приемлемо для иных уровней цивилизации, капитан. Вы же сами говорили, что возделана лишь небольшая часть планеты. Люди лезут под землю, когда на поверхности становится тесно.— Шувалов вздохнул.— Так не поступают от нечего делать.

— Наверное, вы правы,— сказал Ульдемир.— Что же тогда? Эпидемия? Война?

— Вы мыслите земными категориями. Причину мы узнаем, но жаль, что потеряно время: придется искать другое место.

— Сначала, может быть, пройдем по улицам?

— Да, конечно, раз уж мы здесь... Но только осторожно. При первых же признаках, скажем, той же эпидемии, немедленно назад. Интересно, сколько человек могло жить в таком городе?

Капитан прикинул.

— Может быть, пять тысяч, а может — десять. Даже пятнадцать.

— Весьма неопределенно, друг мой, весьма. Почему же пятнадцать?

— Да просто потому, что мы не знаем их уровня жизни. На двух квадратных метрах могут спать двое и даже трое, но в то же время один человек может жить на площади в десятки квадратных метров. Это же историческая категория.

— Да, наша беда в том, что мы не историки. Но кто мог подумать, что они здесь понадобятся? Да и потом — много ли может помочь наша земная история в этих условиях? Все мы грешим стихийным антропоцентризмом... А может быть, все же отложить обследование, пригласить специалистов... А, капитан?

— К сожалению, мы не располагаем временем.

— Время... Когда же его хватало, друг мой, когда же? Идемте, идемте. Чем скорее мы встретим кого-либо из местного населения, тем быстрее разрешатся наши проблемы. Итак, план действий...

Они снова зашагали, раздвигая траву, поднимавшуюся выше пояса.

— План действий: встретив кого-либо, мы сразу же даем понять, что хотим видеть их руководство. Безусловно, у них есть какое-то руководство. Вожди, императоры, парламент — пока трудно сказать, что именно. Вступив в контакт с руководством, просим их пригласить представителей местной науки. Как вы полагаете, капитан, есть у них тут наука?

— Что-то, вероятно, есть. Но что касается ее уровня...

— Мне кажется, друг мой, важен не уровень знаний, вернее —

не столько уровень знаний, сколько научный склад ума. Если он есть, мы поможем им понять всю важность и сложность проблемы. Решив вопрос об эвакуации, начнем подготовку. Возьмем данные о населении... Чему вы улыбаетесь, капитан?

— Данным о населении. Вы уверены, что они есть?

— Данные? Ну, послушайте... Хорошо, на худой конец мы прикинем сами. Хотя число поселений-то им известно, я полагаю? Или вы считаете, что...

— Я просто не знаю. В мое время за количеством населения уже следили, хотя его еще всерьез не регулировали.

— Беда с вами, капитан: вы все примеряете на свое время. Надо ли так упорно вспоминать о нем? Но оставим это. Итак, вы согласны с намеченным мною планом действий?

— Да,— сказал капитан.— Пока нет ничего лучшего.

— Само собой разумеется. А, вот и дорога наконец!

Они вышли на дорогу; узкая полоса утопанной земли уходила к городу. Отчетливо выделялись колен.

— Вот и первый неоспоримый признак уровня материальной культуры. Что вы скажете по этому поводу?

Капитан вгляделся.

— Скорее всего, просто телега с лошадьё. Видите — следы копыт? Милая, старая лошадка.

— Какая прелесть, а? — воскликнул Шувалов.— Я никогда... Впрочем, надо припомнить... Нет, никогда в жизни я не видал — как оно называлось? Ну, капитан, вы только что упомянули!

— Телеги?

— Вот именно, так оно и называлось. Да. Воистину, не знаешь, когда и с чем встретишься...

— Кстати, о встрече...— сказал Ульдемир.

— У вас возникли соображения?

— Мне кажется, довольно веские: надо ли нам так спешить?

— Простите, друг мой, но я вас не понимаю.

— Хотел бы напомнить одну простую вещь: у нас ведь нет оружия.

— Нет — чего?

— Оружия. Мы совершенно беззащитны.

— Но разве нам грозит что-то — кроме звезды, разумеется?

— Не знаю, но не исключено.

— Помилуйте, капитан, откуда у вас такие мысли? Мы ведь предполагаем наличие здесь разумных существ...

— Чересчур растяжимое понятие.

— Н-ну, не знаю. Да ведь у нас на корабле и нет ничего, что можно было бы назвать оружием — кроме, разве, установки Авелова, но тут она нам абсолютно не может пригодиться. Да и к чему

нам оружие? И где бы мы его взяли? В музее — но нам ни за что бы не отдали, вы не представляете себе, какая жадность свойственна хранителям древностей... Нет, Ульдемир, не станем задерживаться и будем исходить из предпосылок идентичности разума...

— Хочу надеяться, что вы правы.

— Идемте же, идемте!

* * *

Они шли по улице — по широкой, поросшей травой полосе между двумя рядами двухэтажных домов. Тишина нарушалась криками птиц.

— Странно, положительно странно... Что они — вымерли?

— Их просто нет.

— Капитан, друг мой, это меня и удивляет. Ведь не может быть, чтобы они испугались нас и сбежали? Мы специально сели ночью и как можно тише... А, капитан?

— Право, не знаю, что и подумать. Может быть...

— Что может быть?

— Да нет, я так... Интересно, из чего это построено.

— Да? Ну, это мы узнаем. А архитектура, как вам нравится архитектура? Вы понимаете что-нибудь в архитектурных стилях?

— Гм, — сказал капитан.

— Вы что-то хотите сказать?

— У меня странное ощущение... Понимаете, все это очень похоже на...

— Говорите же, что вы медлите!

— Боюсь сказать глупость.

— наших высказываний никто не записывает, друг мой, и полагаю, что мы наговорили уже массу глупостей. Одной больше или меньше — не имеет значения. Итак?..

— Мне кажется, что я узнаю их: почти такие же дома строили в то время, когда я был... В мою эпоху, одним словом.

— В вашу эпоху?

— Вот именно. Эти характерные очертания, большие окна... Не знаю, правда, как долго их продолжали строить после нас.

— Вы хотите сказать, что жили в таких вот домиках?

— Мы в них большей частью отдыхали. Жили в городах, как и вы.

— Но погодите. Если каждой эпохе соответствует свой стиль...

— На Земле это было так. Однако я узнаю эти строения — но никак не могу согласиться с тем, что мы попали в эпоху, похожую на мою. Тогда здесь пахло бы бензином.

— Я тоже не допускаю такой возможности. Кроме того, насколько я помню, архитектурные стили определялись ведь уровнем строительной инженерии, характером материала... Из чего вы строили ваши домики?

— Из бетона, кирпича...

— Что же, и тут дома построены, по-вашему, из бетона?

— Можно подойти и посмотреть. Хотя бы вот сюда. Честное слово, в свое время я повидал десятки таких домиков...

— Что ж, подойдем... Да, но как мы преодолеем... Что это?

— Забор,— сказал Ульдемир.— Ограда. Чтобы к дому не подходили.

— Нонсенс. Какой смысл, построить дом, делать так, чтобы никто не мог подойти к нему?

— Никто, кроме тех, кто имел право.

— Вы хотите сказать, что они таким способом защищались от животных?

— Господи,— сказал Ульдемир. Теперешние люди часто не понимали самых простых вещей.— Ладно, погодите, я сейчас перелезу.

— Я с вами,— сказал Шувалов.— Очень интересно, похоже ли и внутреннее устройство...

— Нет,— сказал Ульдемир.— Мало ли какие сюрпризы могут там оказаться. Сперва я один.

— Что ж,— сказал Шувалов, подумав,— разумно. Странно, капитан, но вы начинаете заражать меня своей боязнью. Я тоже начинаю думать, что могут случиться какие-то неприятные неожиданности, хотя мой здравый смысл и знание жизни протестуют против таких мыслей.

Ульдемир уже перелез через невысокий, в рост человека, забор. Он обернулся.

— Знание какой жизни вы имеете в виду?

— Беда с вами,— сказал Шувалов и махнул рукой.— Ну, идите. И смотрите, будьте осторожнее.

* * *

Он прошел по саду. Утоптанная тропинка огибала дом — вход, видимо, находился с другой стороны. Большие окна изнутри были плотно занавешены. Ульдемир шел, ожидая, что вот-вот на него из-за угла бросится собака. Странное чувство охватило его: показалось вдруг, что не было ничего, и он на Земле осторожно подходит к чьему-то домику, и сейчас встретит человека, и как ни в чем не бывало заговорит с ним, не тратя никаких усилий для контакта,— заговорит, как с хорошим знакомым, и будет понят.

Он подошел вплотную к дому. Провел рукой по белой, шероховатой поверхности стены. Кирпич? Его не было и в помине. Бетон? Нет, вряд ли это бетон. Ульдемир сунул руку в карман, достал стартовый ключ катера. Попробовал ковырнуть стену. Это удалось ему без труда. Нет, какой уж тут бетон — вернее всего, глина. А глубже? Дерево. Ну что же, это уже дает представление об уровне эпохи. Хотя на Земле из дерева строили тысячелетиями. Что же, пойдем дальше...

Он обогнул дом. Здесь был дворик. Никаких сараев или гаражей, ничего, что указывало бы на характер хозяйства, экономики. Зато были качели. Ульдемир почувствовал, как влажнеют глаза. Такие, на каких он качался в детстве.

«Да, — подумал он. — Качели. И дерево. И мы в свое время строили такие дома. Окна наши. И крыша».

Что тут еще? Колодец. Значит, водопровода нет. Обычный колодец, вырытый в земле, с довольно примитивным воротом. Ульдемир подошел, заглянул. Далеко внизу стояла вода. Лицо его отразилось на фоне голубого неба, черты лица были неразличимы. Вдруг захотелось пить. Ты же не знаешь, что это за вода, — вяло сопротивлялся здравый смысл. — Пусть атмосфера оказалась пригодной, это еще ничего не значит... Здравый смысл протестовал по обязанности, а руки тем временем уже вращали ворот, и кожаное ведро — никак иначе нельзя было назвать этот сосуд — медленно опускалось на колючей веревке... К веревке был привязан камень, чтобы ведро зачерпнуло воду, а не плавало по поверхности. Ульдемир поднял ведро и отпил. Вкусная вода. Какой-то привкус есть, но хорошая, вкусная, холодная вода...

Он поставил ведро наземь и повернулся к дому.

Вот и дверь. Все размеры — и двери, и самого дома — говорят о том, что здесь живут не просто существа, подобные нам, а люди. И в самом деле, ведро — уж такое человеческое изобретение... А качели! Для кого они, если не для людей?

Ладно, попытаемся войти в дом.

Он решительно подошел. Крыльцо — три ступеньки. Поднимемся. Дверь. Наверняка заперта.

Ульдемир нажал ручку. Дверь отворилась.

За ней было темно. И Ульдемир шагнул во мрак.

* * *

Шувалов нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Любопытство одолевало его. Он взглянул на часы: прошло всего-навсего шесть минут. Капитан мог бы и поторопиться. Положительно невозможно

было стоять и ничего не делать: время шло. Шувалов покосился на безмятежно светившее солнце и неожиданно погрозил ему пальцем. Тут же оглянулся: не видел ли его кто-нибудь?

Ему показалось, что кто-то промелькнул — или что-то промелькнуло и скрылось за углом, за острым углом перекрестка невдалеке; прямых углов здесь, кажется, вообще не было. Что-то живое. Неужели контакт все-таки состоится здесь?

Шувалов еще раз глянул на дом. Капитана не было. Тогда ученый, раздраженно махнув рукой, торопливо зашагал, почти побежал, туда, где заметил движение.

За углом никого не было. Он растерянно огляделся. Пробежал немного вперед. Остановился. Повернул назад. Остановился снова. Решившись, громко позвал:

— Э-эй! Кто-нибудь!

Молчаливые дома окружали его, нигде не было заметно ни малейшего движения, ни звука не слышалось, только шелестела листва в аккуратных садах, где росли деревья и цветы — красные, синие, лиловые. Цветы росли не как попало — они образовывали узоры, в которых был, видимо, какой-то смысл: слишком сложными были эти линии, чтобы ничего не обозначать.

— Показалось, — разочарованно пробормотал он. И повернулся, чтобы вернуться к домику, в котором скрылся Ульдемир.

За его спиной стояли четверо.

— Ага, — растерянно сказал Шувалов. — Вот и вы. Здравствуйте.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Всякому, кто хочет прожить жизнь спокойно, без неожиданностей и тревожных волнений, я советую не заходить в чужие дома, где занавешены окна и ничто не нарушает тишины. Пройдите мимо, не поддавайтесь искушению — и вы избежите всего, что может нарушить ровный ход вашей жизни, и к старости у вас не останется таких воспоминаний, которые заставили бы сожалеть о чем-то.

Это — мудрость задним числом, остроумие на лестнице, как говорят французы. Но в тот раз я был в таком состоянии, что мне нужна была как раз какая-то неожиданность, моя личная неожиданность, так сказать, персональное приключение. Мне мало было того, что вся экспедиция наша попала в переделку, какой нам лучше бы не переживать; мне этого было недостаточно, потому что наше общее приключение не облегчало моего положения, не уменьшало той ответственности за корабль и людей, которая лежала на мне, капитане, и ощущалась даже во сне. Я никогда не уклонялся от

ответственности, но теперь чувствовал, что нужна передышка, какая-то интермедия, то, что в мое время называлось разрядкой. И вот поэтому я согласился (хотя это было и не по правилам) сопровождать Шувалова на планету для установления контакта с ее населением, хотя правильной и разумней было бы остаться на борту: за контакт я не отвечал, а за корабль отвечал. Я мотивировал свое согласие тем, что если кораблю что-то угрожает, то угроза эта придет только с планеты — ждать ее из пространства не приходилось; и по той же причине я перемахнул через забор и напился холодной колодезной воды во дворе, а потом отворил дверь, оказавшуюся незапертой, и шагнул вперед, в темноту.

Я сделал несколько шагов, вытянув руки, чтобы не налететь на что-нибудь; ступал я осторожно, стараясь не нарушить тишины. Все же пол скрипнул под ногами, и я замер, но ничего не случилось. Я постоял немного, чтобы глаза привыкли к освещению — вернее, к его отсутствию, — и понял, что нахожусь в прихожей, достаточно просторной, почти лишенной мебели, только на стене висела вешалка, очень похожая на те, что были на Земле в мое время, и в углу стояла не то табуретка, не то скамеечка — я не разобрал и не стал уточнять. Прихожая была слегка вытянута, и кроме той двери, в которую я вошел, там было еще две — одна справа, другая передо мной, с торца. Я провел ладонью по стене, пытаясь нащупать выключатель, и не обнаружил его; мне не сразу пришлось в голову, что в доме может просто не быть электричества, потому что все тут было таким земным, что, казалось, я сейчас войду в комнату — и увижу непременно стол, и диван, и телевизор в углу, и полку с книгами, и поддожины стульев, и коврик на стене или шкуру, и акварель Сунуня или еще чью-нибудь, и в углу будет торшер, а с потолка будет свисать светильник с пластиковыми колпаками на две или три лампочки. Одним словом, мне казалось, что я сейчас отворю дверь — ту, что с торца, потому что если я пойду вправо, то попаду на кухню, в ванную и так далее, — отворю дверь в комнату, и кто-то повернет голову, отрываясь на миг от телевизора, и скажет знакомым голосом: «Где ты пропадаешь так долго? Садись. Есть хочешь?».

Трудно объяснимое ощущение это было таким сильным, что мне вдруг стало смешно от того, что я крадусь тут на цыпочках, словно вернувшись домой после криминального недельного отсутствия. И я кашлянул, чтобы предупредить того, кто должен был находиться в комнате, чтобы не испугать его своим внезапным появлением. Потом я подошел к двери и отворил ее.

Я отворил и вошел, и мне стало не по себе. Потому что то, что я только что представил себе в прихожей, пока глаза привыкали к темноте, на самом деле могло существовать только в моем воображении, и я это отлично знал, и был внутренне готов к тому, что на

самом деле увижу нечто совершенно другое. И тем больше было мое изумление, даже не изумление, может быть, но чувство, весьма похожее на страх, когда я пригляделся и увидел, что воображение мое на этот раз словно бы смотрело сквозь стену и видело то, что находилось в этом помещении.

Потому что здесь и на самом деле был стол. И стулья. И что-то висело на стене. Телевизора, правда, не было, и никто не сидел перед ним. Но был диван. И кто-то лежал на диване и спал, и если прислушаться, можно было уловить едва заметное легкое, размеренное дыхание. Перед диваном лежал коврик, и то, что стояло на нем, до смешного напоминало наши земные домашние туфли без задников, а размер их был таков, что можно было без колебаний сказать, что на диване спит женщина — впрочем, и дыхание говорило о том же.

Я постоял, глядя на нее, укрытую одноцветным одеяльцем — в полумраке я не мог разобрать, какого оно было цвета. Я смотрел на нее не настойчиво, чтобы она не ощутила во сне моего взгляда и не проснулась (я не хотел будить ее, хватало уже и того, что я вломился без спроса). Под влиянием какого-то трудно объяснимого, а может быть, и вообще необъяснимого порыва я вместо того, чтобы, удовлетворившись результатами разведки, тихо выйти, вернуться к Шувалову и вместе с ним пораскинуть мозгами над тем, что же делать дальше, — вместо этого я подошел к окну, — ступая смело, хотя и не очень шумно, раздвинул плотные занавеси, — утро хлынуло в комнату, — и, повернувшись к той, что спала на диване, сказал весело и ласково:

— Ну, сонюшка, пора вставать!

Я сказал это; я забыл, начисто забыл, что нахожусь на незнакомой планете незнакомой звездной системы, за много световых лет от Земли, где эти слова в подобной обстановке, может быть, и оказались бы уместными. Я забыл, что немногие вещи способны так встревожить человека, как неожиданно раздавшиеся рядом звуки чужого языка — даже при условии, что моя речь будет воспринята ею именно как язык, а не как, скажем, собачий лай; я забыл и сказал это.

Женщина лежала лицом к стене; сейчас она потерлась щекой о подушку, о теплую, мягкую, уютную подушку (представилось мне), и сонным голосом пробормотала:

— Сейчас, сейчас... еще пять минут...

— Ну... — начал было я и вдруг подавился собственными словами.

Она сказала. Сейчас. И я услышал и понял это. А она, значит, за миг до того услышала и поняла меня!

Я не спал и не был пьян — в нынешней эпохе я успел забыть, как это бывает. И я был здоров, не бредил и не галлюцинировал.

Может быть, я попал в ловушку? Может быть, все эти дома — капканы для легковверных пришельцев из космоса, — устройства, которые в темной прихожей анализируют наши мысли и воспоминания, а в комнате показывают нам то, что мы хотели бы видеть и слышать, и тем самым усыпляют нашу бдительность, чтобы потом разделаться с нами, как это в мое время описывалось у Брэдбери и других?

Что еще можно было тут подумать?

Может быть, и можно было, но я просто не успел. Женщина глубоко вздохнула, повернулась ко мне и открыла глаза. Она увидела меня, и я увидел ее. Увидел и сказал:

— Наника?

* * *

— Наника! — сказал я. — Это ты?

Я мог бы и не спрашивать. Потому что совершенно ясно видел, что это была она. Если бы у нее была, допустим, сестра-близнец, я бы не спутал их, я уверен. Но здесь была она сама, и никто другой.

Она находилась еще где-то во сне и медленно возвращалась оттуда. Глаза ее смотрели на меня, но сначала не видели. И вот увидели, я понял: она тихо вскрикнула и закрылась одеялом.

— Не бойся, — сказал я. — Это ведь я. Ты забыла? Просто я.

— Кто ты? — боязливо спросила она.

Голос был тоже ее, Наники; хотя, конечно, кто может поручиться за то, что память через столько лет пронесит образы и звуки неискаженными? Во всяком случае, память не дала мне никаких оснований сказать, что это — не ее голос.

— Я — Уль...

— Кто ты? Откуда? — Голос ее окреп, она огляделась. — Зачем ты тут? За мной?

— Да, — сказал я. — Конечно, за тобой. Далеко же мне пришлось забраться, чтобы наконец снова найти тебя!

— Тебя послали они?

Я пожал плечами: — Кто «они», Нани?

Она моргнула.

— Я не Нани... Наверное, ты ищешь другую, не меня.

— Нет, — сказал я. — Других не было. А если и было что-то, не стоит вспоминать. И потом, разве я был виноват в том, что случилось? Но знаешь, давай поговорим об этом в другой раз.

Она смотрела на меня и, кажется, ничего не понимала. Она все еще полулежала, закрываясь одеялом.

— Одевайся, — сказал я. — Я отвернусь.

— Ты не мог бы выйти? — спросила она. — Я не убегу.

Я подумал.

— Нет, — ответил я потом. — А вдруг убежишь? Или опять выкинешь что-нибудь такое, как в тот раз? После таких вещей трудно остаться в живых. Очень трудно. Я не выйду. Просто отвернусь. Одевайся.

Я и вправду отвернулся и подошел к окну. Оно выходило в сторону улицы, и там, по ту сторону забора, должен был стоять Шувалов. Однако его не было. Не дождался, подумал я. Ушел бродить по городу, неугомонный старик... Я подумал об этом равнодушно, потому что сейчас это не имело ровно никакого значения.

В эти минуты мне было все равно. Совершенно не играло речи, что мы находились близ звезды, которую в любой момент могло разнести, как котел с неисправным предохранительным клапаном, как ядерный реактор, вышедший из-под контроля; ничего не значило то, что миллиардам людей на Земле и во всей Солнечной системе и всем людям на этой планете, сколько бы их тут ни было, угрожала смертельная опасность; пустяком было — что мой товарищ куда-то исчез — может быть, вернулся к катеру, а то взял и провалился в колодец или мало ли куда, — все это не стоило больше ни копейки. Потому что рядом была она.

В мои годы уже не питаешь иллюзий ни относительно себя самого, ни насчет мужского пола вообще; говорят, это заложено в нас изначально — может быть, не стану спорить. Кола Брюньон недаром говорил, что если бы он искал свою любимую на невольничьем рынке, где выставленные на продажу девушки не прикрыты ничем, кроме разве что собственных волос, то стремление найти ее не мешало бы ему мимоходом поглазеть и на остальных; он не отказал бы себе в этом удовольствии. Таковы мы; но если вам повезло, и на роду вам написана такая любовь, что всех остальных для вас просто не существует, а только она, она одна — то небо может рушиться, а солнце — гаснуть или взрываться, как ему больше нравится, но пока эта женщина рядом с вами, мир для вас не погибнет. Вот такое было у меня — и что мне сейчас оставалось, как не забыть сию же минуту обо всем, что не имело прямого отношения к ней?

— Я готова, — сказала она за моей спиной.

Я обернулся.

Нет, как бы ее ни звали, это все же была она. Наряд ее, правда, показался мне несколько странным — для моего времени он был, пожалуй, чересчур смелым, а для эпохи Шувалова старомодным, но это была она — и все тут.

— Ну, здравствуй! — сказал я, шагнул к ней, обнял ее и поцеловал, как можно поцеловать девушку после разлуки в каких-нибудь две тысячи лет.

Она не отвернулась, но губы ее были холодны и неподвижны. И только тут я наконец пришел в себя.

* * *

— Сядь,— сказал я.

Что-то промелькнуло в ее глазах, она подошла к дивану и села.

Я сделал несколько шагов по комнате — туда и сюда. Она не следила за мной — глядела куда-то в потолок, глядела отчужденно. Я маршировал перед ней, как на параде, и пытался хоть что-то понять.

Это была Наника. Ее рост, ее фигура, ее длинные, тяжелые рыжеватые волосы, ее карие глазницы, маленький рот с чуть припухлыми губами. Чуть обозначенные скулы, нос — все было настолько ее, что тут не могло возникнуть ни малейших сомнений.

Но ни малейших сомнений не могло возникнуть и в том, что это не была, не могла быть она.

Разве что сбываются сказки о вечной жизни, и рай на самом деле находится на расстоянии двух тысяч лет от нашего времени, и всегда будет находиться на этой дистанции, постоянно убегая от нас?

Но мне сейчас было не до таких рассуждений.

Это не могла быть она. И во времени, и в пространстве мы с Наникой разошлись навсегда. И тут была все-таки другая система и другая планета, хотя все здесь напоминало Землю настолько, что вряд ли могло быть простым совпадением.

Я вздохнул, придвинул стул и сел.

— Ладно,— сказал я.— Давай разберемся кое в чем.

— Я ничего не знаю,— проговорила она отрешенно.

— Кое о чем ты, во всяком случае, знаешь больше, чем я. Она лишь пожала плечами.

Я немного помолчал, систематизируя в уме вопросы, которые должен был задать ей.

— Кто вы?

Она покосилась на меня.

— А ты не знаешь?

Я покачал головой. Теперь она посмотрела внимательней и как-то странно. Вдохнула.

— Знаешь!.. Хорошо. Мы — люди от людей!

Это ничего мне не говорило.

— Я и сам вижу, что люди, а не лошади.— Не знаю, почему я вдруг подумал о лошадях, это было смешно, но я не стал смеяться.— Вас много?

— Больше, чем вы думаете.

— Мы? Ты знаешь, кто мы?

— Еще бы! — она холодно улыбнулась. — Ты переоделся, но мы всегда узнаем вас. Меня ты нашел, но остальных не найдешь: Я вздохнул и потер ладонями виски.

— Нани, милая, — сказал я. — Да, черт... Как тебя зовут?

— Какая тебе разница? — нахмурилась она. — Зови меня Анной. Доволен?

— Анна, — пробормотал я, пробуя имя на вкус. Хорошее имя, но я привык к другому и не хотел от него отказываться; недаром в старину верили, что узнать имя вещи — значит получить власть над нею. — Анна... Красиво, но это не для тебя. Если тебе все равно, я буду звать тебя Наникой. Это тебе идет.

Она внимательно посмотрела на меня, опустила глаза и снова подняла, и движение это было мне до боли знакомо. Она спросила:

— Ты любил такую женщину?

— Продолжаю, — ответил я кратко, потому что сейчас мне не хотелось говорить об этом: слишком много было неясностей. — Знаешь, давай сначала поговорим о непонятном.

Она подняла брови.

— Ты не торопишься увести меня.

— Куда спешить?

— А, ты ждешь, пока подойдут ваши? Боишься, что мои друзья тут неподалеку?

— Твои друзья, мои друзья... Ты ведь совершенно не знаешь, кто я, кто мы...

— Я ведь сказала тебе: знаю.

— Да нет же! Ты приняла меня за кого-то... боюсь, не очень хорошего. Давай разберемся. — Я вздохнул: уж очень я не любил разбираться в отношениях, но на этот раз, кажется, без этого было не обойтись. — Мы очень похожи; странно, до невероятности похожи.

Она взглянула на меня с недоумением; и в самом деле, довольно смело было сравнивать себя, молодого жизнью мужика около пятидесяти, с красивой девушкой, которой наверняка не было еще и двадцати пяти.

— Да нет, ты не поняла. Не ищи зеркального отражения...

— Тогда я совсем не понимаю, — сказала она. — Что может быть общего между нами и вами — людьми от Сосуда?

— Что?

— Ты же человек от Сосуда — иначе зачем ты стал бы преследовать меня?

— Да вовсе я не преследовал тебя! Я наткнулся на тебя случайно... И что значит — человек от Сосуда?

— Ты не то говоришь, совсем не то. Перестань притворяться.— Сейчас в глазах ее горел гнев, но она и во гневе была прекрасна, как когда-то.— Откуда ты взялся, что не знаешь, кто такие — люди из Сосуда!

— Ладно, слушай,— сказал я.— Я и правда не знаю, и никто из нас не знает. Мы прилетели из другой звездной системы.— Тут я спохватился.— Ты знаешь, что такое — звездная система?

— Да.— Она взглянула на потолок.— Слышала еще в школе. Но... разве там, на звездах, живут люди? Такие же люди, как мы?

— И я тоже удивляюсь,— откровенно признался я.— Ты представить себе не можешь, как это странно: прилететь в такую даль — и встретить людей, не только до малейшей детали похожих на нас, но и говорящих на том же самом языке. Это не может быть случайностью; тому должна быть причина. В чем она заключается? Я хочу понять...

Она смотрела на меня, по ее лицу было видно, как вера в ней боролась с недоверием.

— Очень странно...— сказала она медленно.— Но ты и в самом деле хочешь, чтобы я тебе поверила?

— Господи, чего же еще я хочу?

— Ты и правда говоришь чуть-чуть не так, как мы... но это ничего не значит. Ну, хорошо.— Было видно, что она решилась.— Хочешь, чтобы я поверила,— тогда разденься.

Я понял бы, если бы мне предложили взять в руки раскаленный уголь и держать его, сколько потребуется, чтобы доказать, что я не вру. Но что касается раздевания... Я вовсе не против того, чтобы раздеваться в присутствии женщины, но далеко не во всех случаях, и... вообще.

— Раздевайся! — нетерпеливо повторила она.— Ты же знаешь, что я хочу увидеть.

Я, наверное, выглядел в тот миг страшно глупо, потому что ничего не мог понять.

— Ну? — Она топнула ногой.

— Ладно,— сказал я хмуро.

В самом деле, есть и еще одна ситуация, когда можно раздеться в присутствии женщины. Представь себе, что ты пришел к врачу,— и ее требование покажется тебе вполне естественным.

— Ну, пожалуйста,— сказал я и расстегнул комбинезон.— Ты скажешь, когда надо будет остановиться.

Раздеваться мне никогда не было неприятно: для своих лет я выглядел неплохо, а те непогоды, что оставляют следы на нашем лице, обычно не накладывают отпечатков на тело — если, конечно, вы не прошли через войну. Я скинул комбинезон и повесил его на спинку стула. Снял рубашку. Она смотрела в сторону.

— Еще?

— Сними это.— Она ткнула пальцем мне в грудь.

Я стянул майку и стоял перед ней, опустив руки и чуть вобрав живот. Теперь она повернулась ко мне, и мне показалось, что она сейчас вытащит откуда-нибудь фонендоскоп и начнет привычное: «дышите — не дышите». Но ничего такого не произошло. Она просто посмотрела мне на живот. Сначала мельком. Потом чуть нагнулась и взгляделась внимательнее. Наконец посплюнула палец и крепко потерла кожу около пупка.

— Щекотно,— сказал я хмуро.

Она взглянула мне в глаза.

— Правда... Неужели у тебя никогда не было этого?

— Да чего, черт побери, чего?

— Знака Сосуда. Опять ты притворяешься...

— Ладно,— сказал я сердито.— Можно одеваться? — Мне подумалось, что теперь было бы неплохо заставить раздеться и ее под каким-нибудь столь же нелепым предлогом, и я даже мог бы представить себе, что я увижу,— начиная с определенного возраста, мужчины уже неплохо отличают женщину от того, что на ней наде-то,— но я знал, что по отношению к Нанике никогда не позволил бы себе такого даже в мыслях.

— Ну, а что мне теперь сделать? Может, встать на голову? Или полетать по воздуху?

Она не обратила внимания на мое раздражение. И это тоже отличало ее от Нани, которая непременно спросила бы: «Ты обиделся?».

— Хорошо... Так о чем ты хотел спросить меня?

Я закончил одеваться, затянул замок комбинезона.

— Кто вы?

— Как это — кто мы? Ну, люди...

— Да. Это-то и удивительно. Откуда вы здесь взялись?

— Это я должна спросить тебя. Потому что мы живем здесь с самого начала.

— А когда было это начало? Ну учила же ты в школе историю! Она кивнула.

— Да, но только в школе учат, что мы произошли от Сосуда. А мы думаем, что — от людей... Что в самом начале были люди.

— А что такое — Сосуд.

— Странно все же, что ты не знаешь. Он находится в столице. Вообще-то это большой дом. Оттуда произошли и самые первые люди, и все мы. Так учат в школе. Мы развивались и достигли Уровня. Теперь у нас Уровень.

— Уровень?

— Ну, то, как мы живем, называется — Уровень.

— И каков он, этот Уровень? Как вы живете?

— Хорошо,— сказала она.— Нам хорошо.

Я усмехнулся.

— Хорошо — если ты боишься, как бы тебя не схватили...

— Ну,— сказала она,— это другое. Не Уровень. Хотя, может быть, и как-то связано с ним... Понимаешь, мы — такие, как я,— не верим, что мы произошли от Сосуда. Потому что в таком случае — откуда взялся сам Сосуд?

— Сложная философская проблема,— заметил я.

— Я не знаю, почему нельзя думать, что и до Сосуда были люди. В школе объясняли: думать так не следует потому, что тогда возникнет вопрос, откуда произошли те люди, что были до Сосуда, и так далее — и возникнет так называемый порочный круг.

— Ну, а почему же ты сама думаешь, что такие люди были?

— Не знаю... Может быть, потому, что так думали мои родители.

— Сосуд, ты говоришь... А ты видела его? — Я понял вдруг, что сосудом этим мог быть и космический корабль — вполне мог бы...— Как он выглядит?

— Я же говорила: большой дом...

— А внутри? — Я подумал, что здание могло быть и просто павильоном, воздвигнутым вокруг корабля — или того, что от него осталось.— Внутри ты была?

— Что ты, конечно, нет! Туда никого не пускают.

— Значит, это не музей?

— Нет. Музей у нас есть — там всякие предметы, какими мы пользовались до того, как достигли Уровня. Сосуд — это не музей.

— Может быть, что-то вроде храма?

— Храм — что такое?

— Вы верите в бога?

— В бога?

— Ну, молитесь, просите о чем-то...

— Я не понимаю тебя.

— Значит, нет. Странно. Но во что-то вы верите?

— Мы — в то, что мы от людей. Они — в Сосуд. И в Уровень.

— Как можно верить в уровень? Не понимаю.

— Мы живем хорошо, я тебе сказала. И они говорят, что если мы захотим как-то изменить Уровень, то станет плохо. И они всегда заботятся о том, чтобы не изменить Уровня, не изменить чего-нибудь. Чтобы все было, как вчера.

— А ты?

— Я... Среди нас есть такие, кто говорит, что это неверно. Что нужно развитие.

— А что говорят на это те... ну, кто вами правит?

— Хранители Уровня?

— Пусть Хранители Уровня.

— Они говорят, что развитие должно быть. Но не такое. Не изменение Уровня. Они говорят, что развитие должно быть в наших отношениях. Мы должны больше любить друг друга и всех-всех. И еще развиваться физически. Участвовать в играх, ну, и все прочее.

— А форма собственности у вас какая?

— Я не понимаю.

— Ну, кому принадлежит то, чем вы работаете и на чем работаете, кому принадлежит земля и то, что на ней растет...

— Ты знаешь, я не думала... Как-то не приходилось...

Милая Нани или Анна, подумал я, по части политграмоты у тебя слабо, ничего не поделаешь. Но все-таки очень здорово, что я наткнулся тут на тебя, а не на какого-нибудь местного академика.

— Значит, вот какие у вас дела... Скажи, а что делают с вами, когда ловят?

— С такими, как я? Кто верит в людей от людей? Таких учат. Внушают нам, что мы произошли от Сосуда.

— Ясно. А с теми, кто говорит о развитии?

— С теми? — Она задумалась. — Право, не знаю... говорят, их переселяют куда-то в другое место. Туда, где роют ямы и строят башни.

— Это еще что такое?

— Я же говорю — не знаю. Просто слышала, что там строят башни и очень жарко. Это далеко, на юге, где ничего не растет.

— Ага, — проговорил я. — А кто живет в этом городе?

— Ты же видишь: никто.

— Никто? А ты?

— О, я не живу здесь. Я только переночевала.

— Почему? — Я вдруг почувствовал, как давно забытое, казалось, чувство ревности поднимается в груди, подступает к горлу. — У тебя здесь свидание?

· Не отвечая, она отвернулась и стала глядеть в окно.

— Опять ты...

Что за черт: и снова я забыл, что это не она!

— Прости... Глупо, конечно. Прости. Но все-таки, почему ты вдруг оказался тут?

— Тебе не надо знать, — сухо ответила она, не поворачиваясь.

— Хорошо... А почему же все-таки здесь не живут?

— Здесь жили... Но потом решили, что он слишком близко...

— К чему?

— К месту, где есть что-то...

— Ну, пожалуйста, говори членораздельно!

— Я не могу иначе! Там находится что-то... Туда нельзя ходить, туда нет дорог. Только с разрешения Хранителей Уровня...

— Святой Уровень! Значит, город оказался слишком близко к этому месту? Что же там находится такое?

— Не знаю, пойми. Не знаю. Знаю только, что здесь жили люди, как обычно живут в городах. Но однажды кто-то из них наткнулся в лесу на что-то... Хранители встревожились, потому что, как я слышала, могла случиться какая-то беда. Того человека отправили строить башни, всех других переселили, и сам город вскоре должен быть разрушен. А ходить сюда нельзя уже сейчас.

— Но ты все-таки пришла. Я догадываюсь: ты решила пробраться туда и посмотреть, что же там лежит. Я прав?

Анна молчала.

— И, наверное, даже не одна?

Она тихо спросила:

— Хочешь, чтобы я тебе верила?

Голос был необычен, и потом, вопрос так напомнил мне то, другое, давнее....

— Хочу,— сказал я очень искренне. Я хотел. Я ведь любил ее, не задумываясь о том, кого же в конце концов я люблю сейчас: Нанику прошлого или нынешнюю Анну.

— Тогда не спрашивай.

— Хорошо. Но, понимаешь ли, меня и самого твой рассказ очень заинтересовал. Ты знаешь, где находится то место?

— Нет. Надо найти тропинку... Она должна начинаться где-то здесь, близ города...

— Тропинка...— пробормотал я. Мне вовсе не улыбалось бродить по здешним зарослям.— А далеко идти, как ты полагаешь?

— Я слышала — если выйти утром, к обеду можно добраться.

— На чем?

— Что — на чем?

— Добраться — на чем? На машине, на лошади?..

— А-а... Пешком, конечно.

— Солдатская норма — тридцать километров... Нет-нет, я сам с собой... Приемлемо. Как ты думаешь, там можно увидеть что-нибудь сверху?

— Н-не знаю. Наверное, там должно быть что-то очень большое — иначе его просто увезли бы и не стали разрушать город.

— Ты права. Там должно быть что-то очень большое,— согласился я, представив мою машину, которая сейчас лежала на орбите, невидимая отсюда.— Значит, у нас есть шансы разглядеть то, что там находится, сверху.

— Нет. Мы пробовали смотреть отсюда, с самого высокого дерева. Но, наверное, слишком далеко.

— Я говорю не о дереве. Ну... для начала мы выяснили достаточно. Пойдем.

Но она не решалась.

— Что ты — боишься?

Она чуть покраснела.

— Нет... Но я не хочу никуда идти. Мне надо еще побыть здесь.

— Понимаю. Поверь: очень важно, чтобы ты пошла со мной. Важно для вас всех. Потом мы обязательно разыщем твоих друзей.

Контакт, думал я. Тот самый контакт, о котором рассуждал Шувалов. А для меня — такой, о котором и мечтать нельзя было. Даже если бы не было нужды в контакте, я все равно никуда не отпустил бы ее, не зная, встречу ли еще. Но любая другая девушка и не поехала бы со мной, а она посмотрела мне в глаза и все поняла. Во всяком случае, я подумал, что она все поняла. Очень хотелось надеяться, потому что попытайся я выразить все словами, она не стала бы слушать. Слова должны созреть, они подобны растениям, а взгляд зарождается мгновенно, как молния, и, как молнии, ему веришь сразу.

— Хорошо, — сказала она. — Я пойду с тобой. — Она подхватила свою сумку, которой я раньше и не заметил, довольно объемистую сумку.

— Дай, я...

Она отдала сумку.

Было просто невозможно не поцеловать ее, как я всегда делал на прощанье, хотя сейчас мы не прощались. Но она удивленно взглянула на меня, и я понял, что то время прошло, а другое еще не настало.

Мы вышли в прихожую. Теперь и я ощутил тот прохладный, мертвый запах, что наполняет нежилые, покинутые дома. Дверь затворилась за нами. Анна уверенно направилась к калитке — она оказалась совсем с другой стороны. Мы вышли.

Чтобы попасть на то место, где я перелез через забор, пришлось искать переулок. Это заняло несколько минут. Шувалова не было. Я огляделся. Ни следа. Я крикнул:

— Шувалов! Где вы?

Анна схватила меня за руку:

— Нельзя так громко!

— Нет же никого.

— Откуда ты знаешь?

Я пожал плечами. Шувалов исчез, не подав никакого знака, не оставив записки или чего-нибудь в этом роде. Искать его в городе вряд ли было разумным: хотя городок и невелик, но одного человека в нем можно было проискать целый день — и не найти. Шувалов не ребенок и должен был поступать логично. Скорее всего, он вернулся к катеру и сейчас ждет меня там. Правда, мы так не успевали, но ничего другого я не мог предположить.

- Ты был не один? — спросила Анна.
- Вдвоем.
- Может быть...
- Что?
- Может быть, его увидели...
- Кто?
- Все равно. Я же говорила: здесь нельзя быть.

Я начал тревожиться.

- Пойдем, — сказал я решительно.

И мы направились в ту сторону, где в высокой траве отдыхал мой катер. Анна шла рядом; я покосился на нее, вдохнул душистый воздух и порадовался, что дожил до этого дня.

Шувалова у катера не было, только какие-то козявки грелись на матовой голубоватой обшивке.

- Плохо дело, — откровенно сказал я. — Слушай, а если его действительно кто-то увидел, что с ним могло случиться?

Она подумала.

- Ну, его увезли...

- Куда?

- Не знаю. Надо поговорить с ребятами — может быть, они что-нибудь видели, знают...

Видимо, ничего другого не оставалось. Я открыл купол и жестом показал девушке: милости прошу. Она задержалась лишь на миг, потом храбро перешагнула через невысокий бортик и села; села на мое место, потому что это кресло было первым, если влезать с левого борта — а только так в малый катер и можно влезть. Я сказал: «Нет, давай туда» — и она послушно пересела. Тогда сел я, защелкнул купол, и сразу стало прохладно: я не выключал кондиционера, потому что день обещал быть жарким. Я посмотрел на Анну и улыбнулся, и она улыбнулась тоже; я думаю, что трусила она основательно, но старалась не показывать этого — молодец.

Я включил рацию и вызвал корабль. Кроме шума и треска ничего я не услышал. Помехи были такими, словно неподалеку работала мощная силовая установка — а ведь ее здесь не было и быть не могло. Я попробовал резервную частоту — с тем же результатом. Это мне очень не понравилось, но медлить было нельзя.

- Ну, — сказал я, — поехали?

Она моргнула; видно было, что вопрос так и вертелся у нее на языке, но она удержалась и не задала его. Я счел это благом признаком: если бы я для нее абсолютно ничего не значил, она спросила бы — когда женщина любопытствует, мало что может заставить ее промолчать. Но она боялась показаться дурочкой — и это означало, что мое мнение для нее что-то значит; для начала очень не плохо.

Я включил стартер, и стартовый гравиген затянул свою песенку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Документы

Судье Восьмого Округа

Донесение

В городе, где не должно быть никого, мы встретили человека, которого не знаем. Мы были назначены, чтобы вывозить имущество из домов. Человек этот шел по улице и кричал, потом остановился и бормотал что-то. Мы подошли. Он поздоровался с нами. Мы ответили, и он, как нам кажется, испугался. Во всяком случае, он не сразу смог сказать еще что-то, и на глазах его выступили слезы.

Он одет не так, как мы, и говорит не совсем так, но понять его можно, и он понимает нас.

Мы спросили его, зачем он здесь. Он ответил, что искал нас. Мы спросили, что он должен нам передать. Он сказал, что должен обязательно увидеть самых главных руководителей. Мы спросили, имеет ли он в виду Хранителей Уровня. Он сказал: если они так называются, то он хочет увидеть именно Хранителей Уровня.

Мы спросили — зачем. Он сказал, что нам грозит очень большая беда и что он научит нас, как от нее спастись. Мы спросили, какая беда. Он ответил, что она придет от солнца. Мы успокоили его, сказав, что мы смотрим на солнце, и спросили, откуда он — не оттуда ли, где живут люди, не признающие Уровня. Он сказал, что он издалека и прилетел с неба.

Мы поговорили с ним еще. Оказалось, что он, хотя и стар годами, не знает многих простых вещей, какие известны и детям, покидающим Сосуд. Было бы слишком долго перечислять все, чего он не знает, но ты сможешь спросить его сам и убедиться, что это так.

Мы поняли, что он болен. Мы думаем, что он не злоумышленник, а просто сошел с ума. И мы решили не оставлять его в городе, где не должно быть никого, а отправить к тебе, чтобы ты поговорил с ним и послал бы его лечиться.

Мы сказали ему, что повезем его к Хранителям Уровня. Он очень обрадовался. Нам жаль, что пришлось солгать ему, но иначе он, возможно, стал бы сопротивляться и нам пришлось бы причинить ему боль.

Это донесение мы отправляем тебе на самой быстрой лошади, а человека, о котором здесь написано, везем на телеге, потому что он не умеет ездить верхом, или умел, но разучился,

когда заболел. Так что ты успеешь много раз прочесть написанное нами, прежде чем он прибудет к тебе.

Будь здоров, и да не оставит тебя Красота.

Уважающий тебя старшина возчиков восьмого округа Теодор Грек.

* * *

Его повели по улице не грубо, но Настойчиво. В переулке стояла запряженная четверкой повозка с высокими, в рост человека, бортами, но без крыши; задний борт был откинут и опирался о землю. Шувалову помогли подняться. Вдоль бортов были прилажены неширокие деревянные скамейки. Задний борт закрыли, и повозка тронулась. На ухабах ее трясло, и Шувалов болезненно морщился. Трое или четверо верховых ехали за ней, и время от времени один или другой из них, подъехав, заглядывал через борт и бросал несколько успокоительных слов:

— Не бойся, все будет хорошо.

— Скоро ты их увидишь!

— Когда? — спросил Шувалов.

— Скоро. Как только приедем.

Дороги Шувалов не видел. Сверху было синее, безоблачное небо, иногда в повозку падала тень — когда над дорогой нависал длинный сук дерева. Видимо, дорога была обсажена деревьями, потому что, как помнил Шувалов, вокруг была степь, и лишь далеко на самом горизонте они с Ульдемиром, стоя на пригорке, увидели тонкую полоску леса. Было тихо, лишь постукивали колеса, и временами слышались голоса птиц и короткие, нечленораздельные выкрики, обращенные, скорее всего, к лошадям, да ударялся снаружи в повозку отброшенный копытом камешек. Если бы не тряска, то вообще ничто не мешало бы думать и даже говорить, но сейчас можно было, пожалуй, на самом деле прикусить язык. Тем не менее, упустить такую прекрасную возможность получить информацию было непозволительно.

Шувалов выждал, пока один из всадников не заглянул снова через борт повозки.

— Друг мой! Скажите, пожалуйста...

Верховой неожиданно засмеялся. Смеялся он весело, до слез, но не обидно.

— Чем я так развеселил вас?

— Ты очень насмешил меня. Ты обратился ко мне так, как будто меня — много.

— Не понимаю.

— Ты сказал «вы»... Где ты научился так говорить?

— Я всю жизнь говорю так. Но оставим это, я хотел бы услышать вот что: вас много?

Всадник снова улыбнулся.

— Ты не умеешь считать до пяти?

— Нет, я имею в виду — вообще. Много ли людей живет в вашей стране. В вашем мире.

Всадник помолчал, равномерно поднимаясь и опускаясь в такт шагу лошади.

— Знаешь, старик, я никогда об этом не думал. Мое дело — грузить и возить, и каждый день, ранним утром, я узнаю, где и что я должен взять и куда отвезти: иногда хлеб и мясо, иногда готовые вещи, сделанные мастерами, сегодня должен был возить домашнюю утварь, а вместо нее мы возем вот тебя, но мы еще успеем вернуться и выполнить свое. Да, вот это я знаю, а сколько людей живет, я, пожалуй, не смогу сказать тебе. Видишь ли, мир велик: есть Уровень, есть Лес, а есть и Горячие пески, где строят башни. Вот, может быть, ты скажешь мне, сколько вас живет в лесу? Нет? То-то.

— Но сколько людей живет в вашем городе, ты знаешь?

— Не считал. Ты подумай сам: когда я развожу мясо, я беру телегу в полтора раза больше этой и объезжаю город один раз, и никто больше в тот день мяса не возит.

— Так, так; сколько же мяса каждый съедает в день?

— Не больше и не меньше, чем другие. А как бы ты хотел?

— Я? Откровенно говоря, я сторонник растительной пищи...

А скажи: что вы едите кроме мяса?

— Что и все: хлеб, овощи.

— Очень интересно. А что возишь ты, когда едешь к мастерам? Ведь ты так назвал их?

— Они и есть мастера. Что возу? Как когда. Иногда плуги и бороны, иной раз столы и стулья, а то забираю у ткачей полотно и везу швеям. Но кто сможет перечислить все? Легче пересчитать все до последнего лепестки на кусте сирени — весной, когда ее запах струится в твоей крови!..

— Да ты поэт!

— Мне непонятно это, старик. Тебе кажется смешным, когда говорят так? Разве там, где живешь ты, не любят красоты?

— Очень интересно! В чем же, по-твоему, красота, друг мой?

— Ты думаешь хуже, чем ребенок. Красота во всем. Мир красив, разве ты не видишь? Встань и выгляни через борт; разве деревья не красивы, и степь, что за ними, и изгиб дороги, и лошади, которым легко тащить тебя? И небо, и шелест ветра...

— Да, ты прав, ты очень прав. Я рад, что ты так думаешь. А солнце — оно тоже красиво?

— Мы смотрим на него каждый день.
— Просто смотрите на солнце?
— Не просто. Для этого есть такая вещь... мы все смотрим в нее, все разом, мы молчим тогда, не отвлекаемся — смотрим... Но ты смеешься надо мной, заставляя рассказывать то, что знают все!

Дернув поводья, всадник сердито отъехал.

Люди, думал Шувалов. Такие же, как мы. И язык. Великое везение. Или совпадение?.. (Воздушный транспорт все-таки куда удобнее: тут от тряски можно рассыпаться на составляющие... Уровень этой поэтической цивилизации явно невысок: цивилизация познается прежде всего по ее дорогам.) Нет, безусловно, не совпадение, а закономерность: на таком, в общем-то, небольшом удалении от Земли вряд ли могла возникнуть принципиально иная жизнь — Вселенная не так богата разумом. Что это: жизнь, имеющая с нами, землянами, общий источник, или это — наша ветвь? В этом можно было бы сомневаться, если бы не язык: это наш язык, и можно даже определить эпоху: общий язык на Земле возник далеко не сразу. Эпоха тех, самых первых звездных экспедиций. Потомки и родственники землян... Значит, мы должны спасти не кого-нибудь, а своих братьев, даже не двоюродных — родных. Но уже много столетий минуло с тех пор, как их предки покинули Землю, и трудно сказать, в каком направлении развивалась эта маленькая цивилизация. Первое впечатление — благоприятное. Но в таком случае... В таком случае, почему же он не сказал им, что в городе остался Ульдемир? Кажется, что-то остановило. Трудно сказать, что: интуиция? Еще что-то? Перехваченный взгляд? Или быстрота, с какой они согласились на все, чего он просил? Трудно сказать. Может быть, капитану следовало бы находиться здесь, рядом. Хотя — зачем? С контактом он, Шувалов, справится. Плохо только, что у него нет возможности связаться с кораблем. И никто не будет знать, что с ним случилось и где искать его.

Впрочем, беда не так уж велика. Как только он договорится с их правителями (они называются Хранителями Уровня; хорошо, что не императорами, диктаторами или еще как-нибудь в этом роде), он объяснит, как можно найти остальных: видимо, капитан или еще кто-нибудь станут постоянно дежурить на месте сегодняшней высадки, потому что каждому ясно — только там он может надеяться встретить их.

Опять ямы... Да, приятные люди, но наивные. «Мы глядим на солнце». Глядеть, друзья мои, можно сколько угодно, от этого никому легче не станет. Тут нужны куда более действенные средства. Стихийная наивность. Зато они красивы. Так же, как и мы. Одеваются странно, но приятно для глаза. Интересно, такая мода возникла уже здесь или унаследована от той эпохи, когда улетели их

предки? Ах, как пригодился бы тут историк! Все-таки очень легкомысленно подошли к формированию экспедиции.

Повозка временами поскрипывала, глухо стучали копыта лошадей.

* * *

Целых полдня Аверов был занят тем, что сопоставлял в инструментальной записи и снимки. Потом больше часа работал на вычислителе. Работая, он негромко напевал; он позволял себе петь, когда был уверен, что его никто не слышит. Начал Аверов с какой-то, неизвестно как пришедшей на память детской песенки. Садясь за вычислитель, он замурлыкал что-то лирическое — о ночи, луне и любви. А когда получил результат, то, после паузы, бессознательно промышчал несколько тактов из похоронного марша.

Лишь потом он спохватился, что прошло много времени, что он не ел, не получал никакой информации и совершенно не знает, что происходит на свете.

Коллеги его еще не вернулись с планеты — иначе Шувалов непременно зашел бы, чтобы поинтересоваться ходом наблюдений. Все же Аверов прежде всего заглянул в салон, в каюты. Как и следовало ожидать, там никого не оказалось. Тогда он направился в палубы экипажа — к Уве-Йоргену, заменяющему капитана в его отсутствие.

Пилота он нашел в Центральном посту. Уве-Йорген курил, глядя на экран, на котором неторопливо поворачивалась планета.

— Здравствуйте, Уве-Йорген... Простите, не помню, виделись ли мы сегодня.

— Виделись, доктор. Перед выходом группы.

— Да-да. О ней я и хотел спросить. Есть что-нибудь?

— Пока ничего. Но время еще не вышло.

— Никаких сообщений?

— Нет. Вас это беспокоит? Они, наверное, просто не обнаружили ничего интересного.

— Но что же, будем ждать... Надеюсь, что они возвратятся в срок.

Уве-Йорген снова повернул свое худое, горбоносое лицо к экрану.

— Надеюсь... Капитан, как-никак, имеет некоторый опыт службы.

— Но ведь там — не космос...

— Я имею в виду военную службу, доктор. Он служил в армии — в свое время. Как он говорил мне — солдатом. Значит, у него

есть подлинное представление о том, что такое дисциплина и точность.

— Вы так чтите дисциплину? А мне казалось, напротив, что в ваше время, в эпоху крестовых походов...

Уве-Йорген покосился на Аверова.

— Да, в одном из крестовых походов я участвовал. Участвовал по убеждению; правда, не знаю, поступил бы я так сейчас, но прошлого не вернуть — так полагали в мое время.

— Нет, я хотел сказать лишь, что дисциплина вовсе не была столь присуща рыцарям...

— Дисциплина, доктор,— добродетель рыцаря. Но вы, вероятно, пришли не для разговоров на отвлеченные темы? Я вас внимательно слушаю.

— Собственно, не знаю... Ничего конкретного. Понимаете ли, я обработал результаты последних наблюдений за звездой Даль... Вот любопытный график, я специально захватил его с собой, чтобы показать вам. Вот, смотрите. До сих пор, как видите, амплитуда нормальная. Но отсюда начинается...

— Прошу прощения, доктор. Я хотел бы напомнить вам, что в мое время чрезмерная образованность вовсе не почиталась достоинством воина. Нас интересовала, конечно, конструкция наших копий и мечей — нам требовалось знать, что можно с их помощью сделать,— но теорией мы не увлекались. Так что я готов верить вам на слово во всем, что касается графиков и вычислений, и вы можете сразу перейти к результатам. Они, видимо, неутешительны?

— Да, вы нашли, мне кажется, нужное слово. Они еще не драматичны, но, во всяком случае, неутешительны. Боюсь, что из нас двоих — я подразумеваю ученых — я был прав менее, чем Шувалов. Угроза больше, чем мне казалось.

— Так,— сказал Уве-Йорген.

— Больше в том смысле, что, по-видимому, в нашем распоряжении имеется меньше времени, чем мы предполагали первоначально. И уж во всяком случае меньше, чем предполагал я. Понимаете?

— Ясно даже для меня.

— Если бы тут не оказалось этой планеты, все было бы нормально: для того, чтобы воздействовать на звезду, нам и этого времени хватило бы с избытком. Но сейчас... Хорошо, если нашей, так сказать, делегации, удастся быстро убедить население, которое, по-видимому, там действительно есть...

— Вот в этом вы можете не сомневаться,— вставил Уве-Йорген.

— Да, конечно... Но каждый лишний день ставит под сомнение... Вы ведь представляете, сколько времени потребует сама операция по вывозу населения целой планеты? Предположим, их там совсем немного, пусть хотя бы сто тысяч человек...

— Думаю, что их больше. Простите, я перебил...

— Что вы, ваши соображения мне очень интересны. Но пусть даже сто тысяч — попробуем рассчитать все применительно к этой величине, потом можно будет внести коррективы. Мы добились сюда почти год, но не прямым путем, с несколькими остановками. А за какой минимальный срок можно достигнуть отсюда Земли?

— Конечно, многое зависит от пилота, но порядок величины я могу дать вам сразу, доктор: два — три месяца. Это на пределе возможностей корабля.

— Очень хорошо. Три месяца. И так, в оба конца — полгода. Значит, если бы мы стартовали отсюда немедленно — ну, не сию минуту, конечно, но в ближайшие дни — и если бы на Земле была в готовности целая эскадра, то первые корабли могли бы оказаться здесь не ранее, чем через полгода. И я еще не принимаю во внимание неизбежные промедления, которые возникнут хотя бы потому что на самом деле, как вы знаете, никакой эскадры на Земле нет — год назад ее лишь должны были заложить, да и можно ли назвать ее эскадрой...

— Я все отлично понимаю, доктор. Недаром нас предупредили: по возвращении мы должны будем, каждый в отдельности, дать самый подробный отчет о работе корабля, его систем, узлов, механизмов, чтобы все замечания можно было бы учесть при строительстве новых. Так что я абсолютно уверен — за это время строительство не очень-то продвинулось...

— Вот видите! Но я намеренно беру самые малые значения... Сверхоптимальные, так сказать. Предположим, что через полгода здесь окажутся первые корабли. Предположим, далее, что все они будут предназначены и приспособлены именно для перевозки людей, максимального их количества, пусть при минимальном комфорте. Возможные параметры кораблей вы знаете лучше меня. Сколько человек мы смогли бы эвакуировать в один прием?

— Если вы позволите, я подсчитаю. Это не потребует много времени. — Уве-Йорген извлек из кармана коробочку вычислителя. — Один корабль примерно такого класса, как наш... А на другое, видимо, нечего рассчитывать... Если предоставить каждому человеку объем в полтора кубометра... Ну, два, считая с дополнительным пространством — проходы и прочее...

— Два кубометра на человека? Так мало?

Аверов озадаченно покачал головой, высоко подняв брови.

Уве-Йорген прищурился.

— Я понимаю вас, доктор, — ваши сегодняшние представления о человеке и необходимых для его жизни условиях не совпадают с такими цифрами. И тем не менее... Поверьте, доктор, люди, особенно не избалованные комфортом, могут определенное — и до-

вольно долгое — время существовать и в таком объеме. И остаться в живых. Тем более, что тут они не будут испытывать недостатка в пище, кондиционеры позволят снабжать их нормальным воздухом, температура будет оптимальной, и так далее. Нет, доктор, не ужасайтесь...

— Что вы говорите! Неужели же можно даже представить такие условия — без пищи, вентиляции, нормальной температуры среды...

— Ах, милый доктор, бывало всякое — но поверьте мне, даже в таких условиях люди жили годами — и выживали; хотя, если говорить откровенно, далеко не все. Но там и не ставилась задача сохранить весь контингент; люди, в чьем ведении находились... гм...

— Неужели вы, рыцари...

— Ну, они-то не были рыцарями, ни в коем случае. Ну, ладно. Снова мы отвлекаемся. Верьте мне, доктор: три месяца люди проведут в предлагаемых мною условиях без особого вреда для здоровья. Ну, подвижность, конечно, будет в какой-то степени ограничена, только и всего. Но ведь это — для их же блага!

— Пусть будет по-вашему, вы меня почти убедили — хотя, конечно, решение вопроса зависит не от меня и не от вас. Для нас теперь самое важное — спланировать свои действия, а не чужие. Итак, исходя из двух квадратных метров на человека...

— Исходя из этой предпосылки, мы можем в корабль с такой примерно массой, как у нашего — представьте просто, что мы взяли эту нашу посудину и выкинули из нее все научные приборы, все салоны, сделали палубы раза в полтора ниже, и так далее, и тому подобное, — в таком случае, доктор, мы сможем, оборудовав в каждой палубе трех- или даже четырехъярусные... м-м... назовем их ячейками — ну, по аналогии с пчелиными — каждая на одного человека, — мы сможем за один рейс забрать приблизительно шесть тысяч человек. С учетом потребной для них на рейс провизии — при условии, что они будут потреблять не так уж много, ведь дробить камень им не придется, — масса груза окажется примерно такой, какая под силу нашим двигателям.

— Шесть тысяч... Хорошо, пусть это тоже будет нашей исходной цифрой, хотя бы в первом приближении. Итак, разделим сто тысяч на шесть... Ну, пусть сто двадцать тысяч для простоты... Получим двадцать. Двадцать рейсов одного корабля. Мы знаем, что на Земле собирались заложить...

— Еще четыре машины, доктор.

— Считая с нашим, пять. Итак, каждый корабль должен будет сделать не менее четырех рейсов.

— С математикой трудно спорить.

— Каждый рейс потребует не менее полугода...

— Итого два года...

Уве-Йорген чуть усмехнулся — просто приподнял левый уголок рта; он нередко усмехался так, к этому привыкли.

— Совершенно правильно, два года. Теперь прибавим сюда еще, самое малое, полгода; они понадобятся для того, чтобы достроить те корабли и соответственно оборудовать их, испытать, наконец, а нашему кораблю они будут нужны для переоборудования...

— Полгода — это минимум, доктор. Это голодный паек времени: не забудьте, что на кораблях полетят экипажи, а их нужно еще соответственно подготовить; полетят, разумеется, врачи, и мало ли еще кто: ведь организовать и провести эвакуацию, хотя бы посадку на корабли, будет не так уж просто: мы ведь не знаем, с кем нам придется иметь дело — я имею в виду здешних жителей...

— Вы правы, Рыцарь, у вас методический ум. Итак, от двух с половиной до трех лет потребуется нам для того, чтобы очистить планету и с легким сердцем включить наци установки.

— Наверное, так оно и есть, доктор. Так что же говорит ваша наука — располагаем мы таким временем?

Аверов долго сидел, опустив голову и машинально складывая принесенный им листок с графиком. Потом он поднял глаза.

— Конечно, все это не так просто, далеко не так просто, как рассчитать количество рейсов, нужных для эвакуации — хотя и там мы исходили во многом из произвольных данных... Те цифры, какие есть у меня сегодня, говорят, что этого времени — двух с половиной или трех лет — у нас, вернее всего, не окажется.

— Насколько я понимаю, речь идет о вероятности...

— Вот именно. Так вот, вероятность того, что такое время в нашем распоряжении будет, — по моим сегодняшним данным — меньше пятидесяти процентов.

— Гм... И намного меньше?

— Этого я пока не могу сказать. Поскорей бы вернулись наши коллеги — хотелось бы показать новые данные доктору Шувалову и выслушать его мнение...

— Будем надеяться, что они вернутся. Но меня сейчас интересует другое... Мы рассчитали все сроки, исходя из того, что стартуем на Землю в ближайшее же время.

— Конечно.

— Итак, можно считать, что отсчет времени уже начат. Но ведь на самом деле время нашего старта зависит от того, как скоро и как успешно наши товарищи договорятся с местным населением?

— Безусловно, это так.

— А если они не договорятся? Ведь альтернативы у нас нет. Если бы можно было связаться с Землей, если бы там начали форсированное строительство кораблей и подготовку экипажей и персонала немедленно... Но связи у нас нет.

— Вся надежда на то, что Шувалов договорится,— сказал Аверов.— Знаете — у него удивительный талант убеждать людей... К тому же у нас нет иного выхода.

Уве-Йорген помолчал.

— Если это выход,— медленно проговорил он наконец.

Аверов взглянул на него.

— Пожалуйста, не позволяйте себе думать так, Рыцарь,— сказал он.— Во всяком случае, пока не вернутся наши и мы не обсудим все с ними.

— Обождем. Осталось... час сорок семь минут. Предлагаю встретиться через два часа — конечно, если профессор и капитан не вернутся раньше.

— Хорошо,— согласился Аверов.— Через два часа.

* * *

— Вот он, судья. Мы доставили его, как полагается.

— Вы поступили хорошо. Донесение я прочитал. Искал ли он дорогу к запретному месту?

— Нет, судья. Мы этого не видели. Но он был в городе, где никто не должен быть...

Шувалов огляделся. Комната была небольшой, на возвышении стоял стол, за ним сидел пожилой человек в одежде того же покроя, какая была на остальных,— короткие штаны, просторная рубашка, надеваемая через голову. Шувалов огляделся. Сесть было не на что.

Судья с любопытством глядел на него.

— Ты странно одет,— сказал он Шувалову; голос звучал доброжелательно.— Где так одеваются?

— М-м... Там, откуда я прилетел.

Судья засмеялся.

— Летают птицы,— сказал он.— Ты приехал или пришел. Вряд ли ты пришел издалека: слишком мало на тебе пыли. Значит, ты приехал. Повозки твоей не нашли, верхом ты не едешь. Кто-то привез тебя. Теперь ответь, пожалуйста: кто тебя привез в город, где никого не должно быть? Зачем привез? Откуда? Почему ты говоришь не так, как мы? Так — и все же не так. Зачем нужны тебе Хранители Уровня?

— Прежде скажите: вы — Хранитель Уровня?

— Мы — разные люди. Они — возчики. Я — судья округа. Здесь восьмой округ, если ты не знаешь. А Хранители Уровня живут в столице. Разве ты не знаешь? Трудно поверить, потому что даже малое дитя знает такие простые вещи. И я хотел бы услышать твои

ответы на мои вопросы, прежде чем решу, отправить ли тебя к Хранителям или поступить как-нибудь иначе. Поэтому чем скорее ты ответишь, тем будет лучше для нас обоих. Ты заметил, здесь даже не на что присесть? Потому что тут никто не задерживается надолго: отвечает — и все.

— Я не просил отвести меня к судье, — сказал Шувалов; его растрясло, и он чувствовал усталость. — Мне нужны именно Хранители Уровня. Дело, в связи с которым я прибыл, чрезвычайно важно. Оно не терпит никаких отлагательств. Его можно решить только на самом высоком уровне. И поэтому я очень прошу вас как можно быстрее доставить меня к тем, кого вы называете Хранителями Уровня.

— Ты здоров?

— Да, совершенно. Правда, немного устал.

— Ты все же не отвечаешь на мои вопросы. Хорошо, будем разговаривать дальше. Тебя задержали в городе, где никого не должно быть. Ты что, не знал?

— К сожалению, нет. Дело в том, что...

— Очень странно, понимаешь ли. Все знали, а ты не знал. А не знать было мудрено: об этом объявлялось трижды, громко и повсеместно. Где же ты был, что не слышал?

— В таком случае, судья, разрешите, я буду рассказывать все по порядку.

— Я ведь ничего другого и не прошу. Кстати, как тебя зовут?

— Вас интересует фамилия? Шувалов.

— Погоди, я запишу. Значит, Шувалов. Ну, рассказывай, Шувалов.

— Я должен сказать, сколь невероятным вам ни покажется, что я — и несколько других — прибыли к вам из совершенно другой звездной системы. Нет-нет, выслушайте же, это очень важно! Оттуда же прибыли и ваши далекие предки...

— Остановись! — перебил его судья, предостерегающе подняв руку. — Остановись, потому что в словах твоих — преступление, и если ты станешь продолжать, мне придется наказать тебя. Ты мог не знать, что в тот город нельзя заходить, ну пусть, я могу в конце концов поверить тебе: я вообще-то доверчив по природе. — Судья усмехнулся, и люди, что привезли Шувалова, засмеялись негромко и добродушно. — Но никто, слышишь — никто не поверит, что ты, дожив до твоих лет — а ты никак не моложе меня, — не знаешь, что учение о том, что наши предки откуда-то прилетели, является ложным и запрещенным, и что каждый, кто распространяет его, должен быть наказан. Не продолжай — и я обещаю забыть, что ты произнес запретные слова.

— Но послушайте, если в словах заключена истина...

— В них не может быть истины, Шувалов. Так, как ты, могут думать лишь лесные люди — те, кто не признает Уровня. Скажи уж откровенно: ты принадлежишь к ним, не так ли?

— Судья, — сказал Шувалов, нервничая все больше, — я не знаю, кто такие лесные люди, что они думают и чем занимаются. У нас нет ни малейшей информации о ваших внутренних делах, но та опасность, о которой я должен вас предупредить, касается и их, и вас, вообще всех, кто живет на вашей планете.

— Ты ничего не знаешь о них? Не очень-то верится. Но пусть будет по-твоему: ложь проявится. Что же за опасность грозит нам по-твоему? Может быть, где-то началась повальная болезнь, и ты поспешил, чтобы мы успели принять меры? Скажи, и мы сделаем все возможное, чтобы уберечь людей от заразы. Но где могла появиться такая болезнь, если опять-таки не в лесу, в том лесу, куда никто не имеет права заходить? Ну, говори: ты принес весть о болезни?

— Хуже, судья. Гораздо хуже...

— Что может быть хуже? Впрочем, облик твой говорит о том, что ты никогда не болел и, значит, не представляешь, что это такое... Ну хорошо, попробую еще раз помочь тебе. Итак, ты имеешь в виду не болезнь. Не расплодился ли где-нибудь хищники, и не начали ли они кидаться на людей? Очень серьезная опасность для окраинных поселков, и ты прав, сообщая о ней. Так?

— Судья, да выслушайте же! Подумайте: то, что надо сообщить, знаю я, а говорите до сих пор главным образом вы. Как же можно таким способом докопаться до истины?

— Ты хочешь научить меня, как вести суд? Не надо, Шувалов, я сам давно знаю. Хорошо, расскажи же наконец, с чем ты пришел в запретный город и что хочешь сообщить нам.

— Послушай, судья! — сказал Шувалов, тоже переходя на «ты», потому что более вежливая форма обращения здесь, видимо, упорно не признавалась. — Опасность куда больше чем все то, что ты можешь сейчас представить. Солнце...

— Ах, солнце, — прервал его судья с глубокомысленно-ироническим выражением. — Да, конечно, солнце, как же я об этом не подумал! Что же с ним будет, с нашим солнцем? Его проглотит дракон? Или оно погаснет? Или те, кто в лесу, собрались украсть его? А может быть, ты просто вычислил, что предстоит засушливое лето? Но Хранители Уровня все знают куда лучше тебя, поверь мне!

— Солнце не погаснет — пока нет! Но его нужно погасить, иначе оно взорвется, и вокруг не останется ничего живого!..

Стоявшие позади снова засмеялись, на этот раз громче и веселее. Судья посмеялся тоже.

— Ах, такова, значит, опасность, о которой ты спешишь сооб-

щиты! Да, действительно, страшная опасность! Можно подумать, что ты никогда не смотрел на солнце... Хорошо, бедный старик, видимо, ты все-таки нездоров. У тебя отшибло память, и ты не помнишь самых простых вещей, как мне и писали. И ты говоришь что-то насчет других звезд и опасности, которая должна прийти с солнца. Но не унывай...

— Судья! — крикнул Шувалов. — Почему вы мне не верите? Посмотрите внимательно: разве я такой, как вы? Разве я так же одет? Кроме того, у меня есть много вещей, каких, без сомнения, нет у вас. Вот это, например. — Он достал из кармана вычислитель, за ним кристаллоблок, включил; из плоской коробочки раздался голос, он пел песню — иногда Шувалов работал под музыку. Все сосредоточенно молчали, пока Шувалов не выключил блок.

— Покажи-ка мне, — сказал судья.

Он внимательно осмотрел блок, включил — голос зазвучал снова, — и тут же выключил. Положил на стол.

— А ты еще говоришь, что не живешь в лесу, — сказал он невесело. — Нет, лучше бы тебе ничего не показывать. Не знаю, что ты хотел доказать, но на деле добился лишь одного. Можно спорить и сомневаться — попал ли ты в город, где никого не должно быть, с преступными намерениями или случайно и без злого умысла. Может быть, ты и не совершил опасного преступления, и я не стал бы наказывать тебя. Но вот, — он указал пальцем на блок, — преступление куда более опасное!

— Не понимаю, — пожал плечами Шувалов. — Что, у вас, друг мой, не разрешается петь?

— У нас поют все, пой и ты, когда тебе весело. Но не говори, что не знаешь, что такое Уровень! И не говори, что тебе незнаком закон сохранения Уровня — ты учил его еще в школе! И ты знаешь, что совершать или изготовлять что-то, нарушающее Уровень, — одно из самых тяжких преступлений, а может быть — самое тяжелое. И тут уж ничего не надо доказывать: вот он, факт, лежит на столе! Да и твой наряд тоже говорит о нарушении Уровня. Так что...

— Но, друг мой, сколько можно втолковывать, что я не знаю ничего подобного! Я не здешний, я с другой планеты, с другой звезды!

— Ладно, ладно, — миролюбиво сказал судья. — Я понимаю, и, может быть, ты прав: лучше оказаться сумасшедшим, чем нести ответственность по закону о нарушении Уровня. Хотя, раз ты ничего не знаешь, то для тебя, пожалуй, окажется новостью и то, что уличенных в нарушении этого закона посылают далеко на юг, в Горячие пески, где не растет ничего, и там они строят башни — а это тяжелый труд. Вот что грозит тебе, и, конечно, пусть лучше тебя осмотрят врачи и решат, действительно ли ты тронулся или притво-

ряешься. А твою вещь, — он снова указал на блок, — да и костюм тоже, я отправлю, куда полагается, потому что — но ты, верно, и этого не знаешь — все, что относится к нарушениям Уровня, рассматривается специальной комиссией, и она-то и решает, насколько серьезным было нарушение. Возьмите его, ребята, и отведите, пусть его переоденут в то, что носят все люди, а его костюм принесут мне сюда. До свидания, Шувалов, мы еще увидимся.

Шувалова вывели во двор. Распряженные лошади стояли в стороне, каждой бросили по охапке сена.

— Ничего, — сказал один из возчиков, — доктора тут хорошие.

Шувалов не ответил. Он вообще перестал, кажется, обращать внимание на то, что происходило вокруг него. Первая попытка контакта не принесла успеха... Вспышка Сверхновой вдруг представилась ему во всем ее величественном ужасе, и по сравнению с ней все остальное было мелочью, не заслуживавшей ровно никакого внимания.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мы взлетели, и я спросил:

— Где же искать твоих ребят?

Она немного подумала.

— Вообще-то я не знаю... — Видимо, Анна всё же не решалась довериться мне до конца, и нельзя было сердиться на нее за это. — Я думаю, нам надо искать то место. А они обязательно придут туда.

— Ты так уверена?

— Да, они непременно найдут.

Я кружил над местом, откуда мы взлетели.

— Ориентируешься? — спросил я. — Вот город. Там — лес.

— Туда, — кивнула она в сторону леса.

Я пошел не по прямой, а зигзагом. Автопилот держал высоту, и я разглядывал лес со своей стороны, а она — с правого борта. Мы пролетели километров тридцать, когда Анна покачала головой; я понял, что мы забрались слишком далеко. Тогда я развернулся и пошел назад, и тут сделал то, что должен был, конечно, сделать сразу: включил анализатор и поставил его на металл. Мы пролетели примерно половину пути к городу, когда приборчик пискнул и экран его ожил. Я стал поворачивать, и Анна закрыла глаза; я заметил, что пока мы летели по прямой, она была спокойна, но как только надо было входить в вираж, девушка жмурилась: ей, наверное, не нравилось, что поверхность внизу слегка перекашивало.

Если бы не анализатор, мы не нашли бы этого места и за неделю. Меня подвела логика. Я представлял себе, что именно мы можем

найти, и невольно шарил глазами в поисках если не поляны, то хотя бы основательного вывала леса. Я совсем упустил из виду, что с тех пор прошли густые сотни лет и деревья успели родиться и вырасти до весьма основательных размеров. Так или иначе, анализатор дал максимум там, где деревья стояли, пожалуй, даже гуще, чем в других местах. Я снизился и еще раз прошел над этим местом, едва не ломая верхушки, и тут Анна не выдержала и сама схватила меня за руку:

— Ой, не надо так... Мне страшно.

Я мысленно снова похвалил ее — на сей раз за откровенность. Если хочешь похвалить человека, повод всегда найдется — как, впрочем, и тогда, когда хочешь его выругать. Анализатор опять показал максимум в том же самом месте, и я понял, что надо идти на посадку.

Понять, правда, было куда легче, чем выполнить. Деревья стояли так плотно, что протиснуть между ними машину, не повредив ее, было не просто — а может быть, и вообще невозможно. Я покружил над этим местом еще и все-таки решил не рисковать — не столько костями, сколько репутацией нашей техники, и своей — как пилота. Уве-Йорген, возможно, сел бы прямо здесь, и сел бы благополучно; просто удивительно, какое чувство машины и какая быстрота реакции были у него, хотя до зрелого возраста (а он был года на два — на три старше меня) управлял, по его словам, в лучшем случае, лошадьми. Рыцарь сел бы, а я немного увеличил радиус круга, и, сделав еще два витка, нашел наконец местечко, на котором можно было приземлиться без особого риска.

Сел я без приключений; помедлил немного, озираясь сквозь поляроид купола. Кругом стояли деревья — хвойные, очень похожие на наши родные сосны, только иглы были подлиннее и с виду помягче, росли они пучками, слегка изгибаясь под собственной тяжестью, и торчали не только на ветках, но и на стволе — начиная, правда, метров с трех, до этого места стволы были просто покрыты корой, совсем такой, как у наших сосен. «Ну, понятно, — подумал я, — деревья они с собой не привезли, был у них, наверное, запас семян — на случай, если планета окажется голенькой, но здесь семена явно негодились, этого добра тут и своего хватало». Да, деревья стояли вокруг, и было их много, так что за ними вполне мог разместиться стрелковый полк — за каждым деревом по солдату, — и я бы никого не заметил. (Я подумал так, вспомнив, как наш полк однажды стоял в таком лесу.) Впрочем, если бы это был полк времен моей армейской службы, в лесу основательно пахло бы саратовской махоркой; так предположил я, мне стало весело, и я откинул колпак.

Махоркой не тянуло. Лес пахнул сам собой; о нем не скажешь,

что он благоухал, лес — не какая-нибудь клумба, он пахнул всерьез, глубоко и выразительно. Я постоял несколько секунд, глубоко дыша носом — в несколько приемов, как это в свое время рекомендовали йоги, а потом — медики. Тем временем Анна тоже вылезла и оставилась подле меня. Лес как-то сразу пришелся ей впору, без всякой примерки; она выглядела в нем так же хорошо, как в комнате или возле катера, на фоне высокой травы, когда ее можно было бы снимать для рекламы наших катеров — если бы такая реклама требовалась. Я смотрел на Анну, и на миг мне захотелось, чтобы не было ни катера, ни тех обломков, которые нам сейчас предстояло увидеть, ни планеты, ни чокнутой звезды Даль, а был бы рюкзачок, свернутая палатка на двоих, пара надувных матрацев и совсем немного всякой походной мелочи, и чтобы происходило это на Земле, где-нибудь в тех краях, где сосны растут на самом берегу моря. И чтобы мы с ней стояли вот так, перед тем, как разбить здесь лагерь, наш первый лагерь, но не последний, ни в коем случае не последний.

— Анна, — сказал я ей. — Хорошо, правда?

Она кивнула. Но мы были не на Земле, а на чем-то вроде пороховой бочки, и не время было настраиваться на лирику; мы поняли это одновременно: вернее, я понял, а она почувствовала. Она отвела глаза, а я вздохнул, подошел к катеру, посмотрел на экран анализатора, засек направление, выключил прибор и защелкнул купол.

Идти надо было метров сто — сто двадцать. Мы тронулись, петляя между стволами. Я шел и думал: ное все-таки должен был бы возвышаться над вершинами деревьев — или за это время все так глубоко ушло в грунт? О чем думала Анна, не знаю. Она шла серьезная и чуть грустная; мне захотелось, чтобы она улыбнулась, и я пробормотал внезапно пришедшую на ум песенку:

Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу...

Она посмотрела на меня и нерешительно улыбнулась, и тут же едва не упала, споткнувшись о вылезший на божий свет корень. Я поддержал ее и отпустил не сразу, но она снова взглянула — так, что я понял: никаких шуток не будет, дело серьезное; да я и не хотел шуток. Я стал думать о другом: в тазу на этот раз было не три, а целых десять мудрецов, все как на подбор, мастера на все руки, на все ноги, на все головы. Но какое это имеет значение? Будь попрочнее старый таз, длиннее был бы мой рассказ, — так пелось дальше в той песенке; а что ожидало нас? Вдруг задним числом я разозлился; в общем виде проблема выглядит элементарной: объяснить людям, что дела плохи, что надо драпать отсюда так, чтобы пятки сверкали, — и прикинуть, как им помочь. А на практике — Шува-

лов исчез, а без него мы можем придумать что-нибудь никуда не годное и совсем испортить дело, — а время идет, и работает оно не на нас, а на звезду, потому что мы играем на ее поле, и пока что она ведет в счете. Может быть, конечно, Шувалова удастся разыскать быстро (и черт его дернул исчезнуть!), но ведь это издали планеты выглядят такими маленькими, что только сядь на нее — и все сразу окажется как на ладони; на деле же и самая маленькая планета ой-ой как велика, а ведь даже на Земле прилететь в свой город вовсе еще не значит — добраться домой.

Вот так я размышлял — обо всем вообще и ни о чем в частности; тем временем мы прошли намеченные сто метров, и еще двадцать, взобрались на густо поросший мощными деревьями продолговатый бугорок, спустились с него и пошли дальше — и только тогда мои мысли переключились на настоящее время, я вспомнил черта и его бабушку, мы остановились и повернули назад.

Потому что холмик и был тем, что мы искали — только я не сразу сообразил это. Глупо думать, что даже такая солидная по размерам вещь, как звездолет, способна проторчать сотни лет вертикально, хотя бы она и села в полном порядке, — и если ей вообще, конечно, положено стоять вертикально. Иные здания стоят и дольше, но за ними присматривают, около них всегда кормилась куча народу, а эта машина вряд ли долго оставалась под присмотром: вернее всего, сразу же после посадки ее разгрузили, раздели до последнего, а то, что никак уж не могло пригодиться, бросили. В крайнем случае, корпус какое-то время использовали под жилье, да и то вряд ли: трудно представить, что в нем было очень уж просторно, — скорее, разгуляться в нем можно было примерно так, как в старой дизельной субмарине времен войны (когда я говорю о войне, я имею в виду ту войну, которую я пережил, а не те, которые знаешь по учебникам; у каждого человека есть своя война, если говорить о моих современниках — да будет светла их память). Да и, просидев столько лет в этих стенах, люди наверняка захотели поскорее выбраться на почти совсем забытый уже простор, размять ноги и сердца. Не совсем понятно было, впрочем, почему они финишировали в лесу, а не в степи; но тут же я подумал: а где сказано, что в те дни тут был лес? У леса хватило времени, чтобы подойти сюда потом, из любопытства: что, мол, там торчит такое? Так что никаких логических несообразностей тут вроде бы не было.

Мы с Анной обошли холмик; где-то обязательно должен был обнаружиться путь к тому, что лежало под землей. При первом обходе мы не нашли никакого лаза, во второй раз я стал повнимательнее приглядываться и вскоре нашел место, где трава немного привяла — дерн был уложен не очень аккуратно и не прижился. Клали его, видимо, недавно. Я принялся за дело, снял дерн, ру-

ками счистил слой песка — к счастью, тонкий — и обнаружил крышку из толстых, судя по звуку, досок. Она была просто положена, ни замков, ничего; я поднатужился — приятно показать, что ты еще хоть куда, — приподнял крышку, откинул ее, и под ней, целиком в соответствии с моими пронизательными умозаключениями, открылся темный ход.

— Ты стой здесь, — сказал я Анне, — карауль. Я погляжу, что там такое.

Я полез. Сначала крутой, ход становился все более пологим, но идти можно было лишь согнувшись в три погибели. Я прошел метров десять и уперся в глухую стену. Сначала я решил, что тут завал, но потом постучал о стену — костяшками пальцев, кулаком, затем ключом стартера — и уразумел, что наткнулся на металл.

Откровенно говоря, я был несколько разочарован. Я надеялся, что ход приведет меня к гостеприимно распахнутому люку, я проникну в него, полагаю по кораблю, подышу воздухом тысячелетий... Но люка не было, да и внутри корабль, вернее всего, тоже был плотно набит землей — вряд ли герметичность его сохранилась, когда он рухнул (с великим, надо полагать, грохотом). Здесь был глухой борт; теперь я внимательно ощупал его кончиками пальцев и ощутил знакомый шершавый слой нагара. Больше не оставалось сомнений: да, это была машина, что в свое время спустилась сюда, продавив атмосферу, и на ней-то и прибыли в окрестности веселой звезды. Даль предки тех, кто живет на этой планете сейчас — предки Анны в частности, и в числе этих предков был кто-то из прямых потомков Наники (мне стало немного не по себе от этой мысли, обида и что-то вроде ревности зашевелились во мне — значит, она раньше или позже обзавелась семьей, и мое имя не значится в семейных хрониках — ну, а чего иного, собственно, можно было ожидать?).

Я вылез из туннеля. Анна стояла там, где я ее оставил. Она восторженно посмотрела, и я сказал:

— Похоже, что мы нашли то самое.

— Я посмотрю, — решительно заявила она.

— Стоит ли, — усомнился я: мало ли, ход мог взять да обвалиться, а я вовсе не хотел рисковать ею.

Она даже не удостоила меня ответом и решительно спрыгнула.

Я постоял, оглядываясь. Никого не было, только наверху птицы изредка перепархивали с дерева на дерево. Где же охрана? — подумал я, ведь если есть какое-то место, куда надо закрыть доступ, то проще всего поставить караул — и дело сделано. Или у них тут другая логика? Может быть, я только не мог понять — какая.

Наника-Анна показалась в подкопе, я помог ей выбраться. Она тоже выглядела несколько разочарованной — впрочем, я заранее знал, что так оно и будет.

— Я не понимаю...— сказала она.

— Все в порядке,— утешил я ее.— Именно лежащая тут штука и прилетела оттуда.

И я величественно ткнул рукой в небеса.

— И на ней действительно прилетели люди?

— Люди.

— Ты это точно знаешь?

— Совершенно. Так же, как и то, что именно от этих людей происходите все вы.

(Вот тут я ошибался, но в тот миг мне это было невдомек.)

— Только не возьму в толк,— добавил я,— почему от вас стараются скрыть это.

— Мы тоже не понимаем... Наверное, есть что-то... не знаю. А почему ты так уверен?

— Да видишь ли... мы ведь и сами прилетели тем же путем!

— Правда?

— Да господи...

— Я верю, верю... Тогда, значит, ты — такой человек?

— Какой?

— Ну, от которого — люди...

— Знаешь,— сказал я,— давай сперва уточним терминологию.

Я все-таки не очень понимаю всю эту историю. Не можешь ли ты рассказать так, чтобы мне все было понятно — учитывая, что я не так молод и не так умен, чтобы схватывать все на лету.

— Ну, понимаешь...— нерешительно начала она.

И тут же умолкла. Потому что крикнула птица. Анна встрепетнулась. Я с удивлением следил за ней. Она вытянула губы и попыталась тоже изобразить птичий крик. Откровенно говоря, будь я птицей, я не поверил бы ей ни на три копейки — до такой степени это было непохоже на птичий крик. Хотя птицы, конечно, есть всякие, но вряд ли хоть одна из них, желая спеть что-то, шипит, тужится и в результате издает что-то вроде писка недоношенного цыпленка. Тем не менее, она исполнила этот номер,— но ни одна доверчивая птица не отозвалась ей.

— Показалось,— печально сказала Анна.— Но еще рано.

Я взглянул на часы. Очень быстро летело время на этой планете. С Шуваловым могло уже случиться — ну, много чего могло с ним случиться. Может быть, следовало сразу плюнуть на ее ребят и кружить в поисках ученого? Но я знал, как плохо в таких случаях бывает без проводников и наблюдателей... Я сказал Анне:

— Ты очень красиво свистишь. Разрешаю тебе заниматься этим и в катере. Но если твои ребята не подойдут... ну, скажем, через полчаса, то больше ждать мы не сможем. Придется лететь.

Я ожидал, что она, повинувшись первому движению женского ха-

рактера, сразу же спросит: «куда?». Она этого не сделала и сказала:

— Потерпи. Они вышли раньше нас, но они идут пешком. Нужно ждать еще столько времени, сколько мы уже в пути.

Примерно час, прикинул я про себя и подумал, что и часа будет маловато, если только они не собираются проделать весь путь бегом; потом оказалось, что я недооценил их. Час прошел; за это время я еще раз слазил к кораблю, поискал вход (безуспешно), а потом просто сидел и глядел на Анну. Она бродила от дерева к дереву, и временами срывала какой-нибудь листок, и нюхала его, и пробовала на вкус, а я любовался ею, стараясь, чтобы взгляд не был слишком тяжелым. Стоило немного расслабиться — и сразу начинало казаться, что это Земля, и что на дворе по-прежнему двадцатый век, и что все очень, очень хорошо.

Но час истек, и я сказал, поднимаясь:

— Анна, а с ними ничего не могло случиться по дороге? Может быть...

Я остановился на полуфразе, потому что из-за деревьев показались люди. Анна засмеялась и, мельком глянув на меня, пошла, почти побежала им навстречу.

Я остался на месте и, глядя на них, старался составить хотя бы первое представление о людях, на которых мне теперь, вероятно, придется рассчитывать.

Они — пятеро мужчин и три девушки (не считая Анны; я как-то уже не причислял больше ее к ним — она была со мной, а не с другими, и дело с концом) — были хорошо сложены, но не это бросалось в глаза прежде всего, а грациозность. Каждое движение их было красиво; у человека нашего времени оно выглядело бы слишком нарочитым, театральным, а у них получалось естественно, и сразу верилось, что иначе они и не умеют, и не должны. Тут, в лесу, они казались очень уместными, словно здесь родились и выросли и были такой же неперменной его частью, как и сами деревья. Это мне понравилось. И понравилась их одежда — мы в свое время ходили так на курортах в пору летних отпусков, но у них мне не удалось найти ни одного сочетания цветов, какое можно было бы назвать безвкусным или хотя бы сомнительным. Мой вкус, конечно, не эталон, но для меня самого он достаточно важен. Так что первое впечатление получилось скорее благоприятным, и на душе у меня стало чуть легче.

* * *

Мы сидели возле катера и закусывали. То ли это был ранний обед, то ли очень поздний завтрак. В ход пошли припасы, взятые с корабля на случай, если мы с Шуваловым проголодаемся. Правда,

с корабля нас уходило двое, а сейчас оказалось десять, — но, как ни странно, еды хватило: люди эти оказались умеренными в пище, хотя тощими никто их не назвал бы. Я тоже поел немного — немного из вежливости, и еще потому, что с каждой минутой беспокоился все больше, и все больше сомневался в том, что должен вот так сидеть и разговаривать вместо того, чтобы сразу же начать поиски руководителя экспедиции. Удерживало меня лишь то, что разговоры, которые начались, когда Анна нас познакомила, стоили затраченных на них минут.

Само знакомство произошло без особых недоразумений. Они сначала, насколько я мог слышать, выругали ее за то, что она не дождалась их в городе. Она оправдывалась вполголоса и кивком указала на меня. Тут они соизволили наконец взглянуть в мою сторону и, видимо, стали наводить справки по поводу новой личности. Анна ответила — и я прекрасно расслышал:

— Это мой человек.

Они, кажется, были не очень довольны, но разговоров на эту тему больше не было. Анна подвела их ко мне — я стоял, как император, принимающий послов, — и сказала:

— Покажи им.

— Пускай слазят и посмотрят, — сказал я. Потому что вовсе не считал себя хранителем фондов этого музея под открытым небом. — Нет. Покажи то, на чем ты привез меня.

— Катер? — сказал я, уразумев. Я поколебался мгновение, но сообразил, что ничего дурного они катеру сделать просто не в состоянии: не такая это была машина. — Ну, идемте.

Я кивнул Анне, чтобы она шла вперед, пропустил остальных и замкнул колонну, чтобы сохранить известную свободу действий. Они облепили катер, как мухи — бутерброд с вареньем, и сначала очень тихо гудели и восклицали что-то вроде «ох» и «ух». Потом один из них сказал:

— Да, это, конечно, не то, что Уровень. Как ты это сделал?..

Тут, в общем, и начался разговор.

Говорить с этими ребятами — самому старшему не было и тридцати — оказалось очень забавно. Я почти сразу понял: им можно втолковать что угодно — они поверили бы всему на свете. Похоже, что вранье у них не было в ходу, не знаю только — у ребят ли или у народа вообще. Я назвал их народом, но как еще можно назвать их?

— ...Так в чем же дело, ребята? — спросил я, отвинчивая крышку термоса, в котором плескался кофе. — Почему вы бродите тут вместо того, чтобы заниматься общественно полезной деятельностью, и почему ваше начальство, как говорила Анна, не особенно поощряет эти ваши экскурсии? Объясните членораздельно.

Они стали объяснять, это было интересно, и никак нельзя было прервать разговор из-за того, что меня неизвестно где ждал Шувалов и ждали люди на корабле. «Потерпят немного,— подумал я,— потому что такой информации мы больше нигде не получим: наверняка, с точки зрения здешнего начальства, такой материал явно для белых выпусков, которые нам вряд ли одолжат почитать. Ладно, обождут».

Я слушал и одновременно в мыслях систематизировал информацию, приводил ее в порядок, в каком собирался в дальнейшем изложить ее остальным участникам нашей славной экспедиции. И получилось у меня примерно вот что.

Ребята были талантливые, все восемь (девять, считая и Анну). Я сразу понял, что это так, потому что всю жизнь любил именно талантливых людей, независимо от того, в какой области проявлялся их дар; и только талантливых подлецов я не любил, хотя и отдавал им должное. Ребята были очень способные, и им страшно хотелось что-то сделать — талант всегда требует выхода, как пар в котле, и если не дать ему производить работу, он рано или поздно разнесет и котел, и все, что окажется вблизи. Но этого-то выхода ребята не получали.

— Да кто не разрешает? — допытывался я. — Родители? Школьные учителя? Начальник полиции?

Их старший подумал и пожал плечами.

— Закон, — сказал он.

— Что, есть такой закон, что ли, чтобы не придумывать ничего нового?

— Есть закон о сохранении Уровня. А ты знаешь, что такое Уровень?

— Полагаю, что знаю, — сказал я.

— Ну, вот. Уровень — это как мы живем. Мы живем сегодня так, как жили вчера. А вчера жили так, как позавчера. И завтра будем жить так, как сегодня, как вчера, как позавчера.

Тут я стал кое-что соображать.

— Ага: значит, этот ваш Уровень законсервирован?

— Как — законсервирован?

— Ну, все время один и тот же? Прогресс не допускается?

Слово это — прогресс — было им незнакомо.

— Я же говорю тебе: есть закон о сохранении Уровня. На все времена. Жить можно только так, как сейчас. Нельзя хуже. Нельзя лучше.

— А вы живете плохо, и вам хочется, чтобы было лучше?

— Ты не понимаешь. Нам вовсе не плохо. Мы не бываем голодными. В школе нас учили, что когда-то, когда еще не было Уровня, люди голодали — у них не хватало еды, значит.

Что такое голод, я помнил. И порадовался за ребят.

— Значит, вы сыты. И одеты, я вижу...

Надето на них было так немного, что проблема одежды тут, и на самом деле, вряд ли могла существовать. Погода, правда, стояла теплая.

— Конечно, одеты...

— И учитесь?

— Учимся или учились... Но учат нас тоже всегда одному и тому же. Вот я окончил школу больше десяти лет назад, а он, — старший кивнул на самого зеленого паренька, — будет еще два года учиться. Но учили нас одному и тому же, и его отца тоже учили тому же, и моего...

— И это вам не нравится?

— Может быть, и нравилось бы. Но, понимаешь... — Он задумался, словно бы колеблясь. — Понимаешь, мне трудно объяснить. Но у каждого из нас... и не только у нас, у очень многих... есть такое чувство, как будто мы жили так не всегда, как будто когда-то, давно, было иначе, все было иначе. Нам с детства говорят, что это ложное чувство, и, наверное, так оно и есть, потому что я очень хорошо знаю, что, когда он родился (снова последовал кивок в сторону паренька), все было точно так же, как сейчас, но вот он помнит, понимаешь — помнит, что было иначе. То же и со мной, и с каждым. Этого не было, но мы это помним. И одни из нас приглушают память и живут так, как надо по Уровню, а другие не могут: мы, например. Мы помним, но нам не разрешают вспоминать и говорить. А мы ищем. Ведь если что-то такое действительно было, то не может быть, чтобы не сохранилось ничего, никаких доказательств. Мы ищем и надеемся найти.

— И давно вы стали искать?

— По-моему, люди искали всегда. Но не находили.

— Искали, хотя им запрещалось?

— Раньше не запрещалось. Можно было искать везде, кроме тех мест, где быть вредно. Было одно такое место. Теперь прибавилось вот это, где мы сейчас. Здесь тоже нельзя искать.

— И что же люди делали, когда поиски кончались ничем?

— Я говорил тебе: большинство возвращалось к Уровню. Другие, их всегда было немного, покидали Уровень и уходили в лес. Не в этот лес — в другой, в дальний. Они и сейчас живут там, и их становится, говорят, все больше.

Я поразмыслил. Странно. Прогресс полностью перекрыт. Заблокирован. Никакого развития. И в то же время это не невежество. Это делается сознательно, намеренно, с расчетом. Черт его знает — почему.

— Как они живут там, в лесу?

— Говорят, что хуже нас: у них там не хватает многого. Но все

они верят, что это ненадолго. Верят, что быстро достигнут Уровня и пойдут дальше.

Господи, подумал я, бедная старая Земля, вечно ты повторяешься в своих детях — даже на другом конце мироздания... Воистину, куда нам уйти от себя?... Тут я невольно взглянул на Анну, но сразу же отверг глаза.

— Что же, — сказал я вслух, — людям, что уходят от общепринятого, порой удается достичь не таких уж плохих результатов. Значит, вы хотите пробраться к ним?

— Сначала мы должны найти здесь то, что от нас скрывают.

— Что же, — сказал я, — считайте, что вы уже нашли.

— То, что лежит там, под землей?

— Да.

— Что это? Ты знаешь?

— Знаю. Я объясню. Но сейчас у нас мало времени. Мне тоже очень хотелось бы побывать там, в лесу. Даже не то, что хотелось бы — это просто необходимо.

Это и вправду было необходимо, если вспомнить о том, что мы собирались сделать с их светилом и, значит, со всеми ними. То, что я узнал, говорило об одном: на планете кроме этого общества существовало еще и другое; спасать надо было всех людей, и, следовательно, мы не имели права ничего сделать, пока не договоримся не только с этими, но и с теми, кто живет в лесу. Вот уж действительно — чем дальше в лес, тем больше дров!

Я снова покосился на свой хронометр.

— Скажи еще вот что: что значит — люди от людей, и эти — люди из бутылки, что ли?

— Из Сосуда, — поправила меня Анна. — Я же говорила тебе!

— Да, — сказал я, — ты, конечно, говорила. Извини меня.

— Люди от людей... — повторил парень. — Понимаешь, те, кто защищает Уровень, говорят так: раз все люди рождаются в одном месте, в Сосуде, то они и могут существовать только в одном — ну, как это сказать, — в одном...

— Может быть только одно общество, — помог я.

— Наверное, так. В лесу, например, нет Сосуда, и там не должны рождаться люди. Поэтому там их никогда не будет столько, сколько в Уровне.

— Прости, — не понял я и опять невольно покосился на Анну (не хотелось при ней вести разговоры на эту тему). — Почему люди в лесу не могут рождаться нормально, как все?

— Но ведь все и рождаются в Сосуде! А в лесу нет Сосуда, я же сказал.

— А... — тут я запнулся, но в конце концов решил. — Разве детей не рожают женщины?

Они переглянулись.

— Понимаешь,— сказал уже другой парень,— память говорит нам, что так было. Мы чувствуем, что так должно быть. Не знаю, как объяснить, но мы это чувствуем. Но... у нас не так.

— Ты хочешь сказать... что у вас нет любви?

Он улыбнулся.

— Есть... Нет, не думай, мы знаем, как могут рождаться дети. Люди — от людей. Но как только... как только это начинается, ну...

— Я понимаю,— поспешно заверил я.

— Считается, что это болезнь. Ну, и от нее вылечивают. Может быть, это и правда болезнь: когда в лесу это случалось, там, говорят, даже умирали. Думаешь, это неправда?

— Почему же,— хмуро сказал я.— Правда. Могли и умирать. И все же... Ладно, мы еще успеем потолковать об этом. («Черт бы их взял,— подумал я про себя,— им и рожать не дают по-человечески, это уж совсем ни в какие ворота не лезет. Непонятно, но придется как-то понять. Однако — не сейчас».) Но ты говорил — твой отец...

— Конечно. Это тот, кто взял меня и вырастил. Ну, говори теперь ты.

Они, кажется, чего-то ждали от меня:

— В общем так,— сказал я.— Хорошо, что мы встретились. Мы — я и мои друзья там (я глянул в небо) — мы вам поможем во многом. Если и вы можете нам. Сейчас нужно вот что. Нас прилетело двое. В городе, где мы встретились с Анной,— я не удержался, и не только посмотрел на нее, но и прикоснулся к ее плечу,— со мной был еще один друг. Он там исчез. Надо его найти. Это очень важно. С ним ничего не должно случиться. Я не знаю ваших порядков, не знаю, что может с ним случиться и чего не может. Но вы должны помочь мне разыскать его. Вам легче: вы знаете, как это сделать, а я не знаю. А мне тем временем придется на несколько часов отлучиться — слетать к нашим.

Они тоже посмотрели вверх и, кажется, не очень-то поняли, где там могут находиться мои друзья. Но вслух ни один не выразил сомнений.

— Соберемся здесь же... Ну, через шесть часов. Согласны?

— Что значит — через шесть часов?

— А, ну да...— Я прикинул: период обращения планеты вокруг оси был мне известен, двадцать шесть часов с минутами.— Это когда солнце будет примерно там.

— Хорошо. Кто-нибудь, наверное, видел. Мы узнаем.

— А ты, Анна, поедешь со мной.

— Да,— сказала она легко, словно это было заранее ясно.

— Садись,— сказал я. Сел сам, помахал им и включил стартер.

Гравиген журчал, было слышно, как свистит за колпаком потревоженный воздух. Небо темнело по мере того, как мы все дальше врезались в него. Я проверил, хорошо ли пристегнуты ремни, сказал: «Ну, потерпи теперь» — и включил основной.

Вот тут она, кажется, испугалась по-настоящему. Голубой огонь вспыхнул вокруг нас, за спиной зарождался ураган, фиолетовый след оставался за нами. Нас прижало к спинкам. Впереди загорелись звезды. Нани-Анна то закрывала, то открывала глаза, страх в ней боролся с любопытством. Вибрация прошла по катеру и затухла. Погасли язычки. Небо стало черным. Позади планета играла всеми цветами радуги. В южном полушарии ее я заметил циклон. Мы легли на орбиту. Теперь внизу был океан, кое-где острова виднелись в нем, как сор на паркете. Перегрузка исчезла, автомат перевел гравиген в режим искусственной тяжести. Я посмотрел на Анну.

Она улыбнулась, оправляясь от страха.

Я отвел глаза, потому что впереди уже знакомо мигали огоньки корабля.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Документы

Выписка из судового журнала:

«День экспедиции 593-й.

Корабельное время 12.07.

Местонахождение: Орбита спутника планеты Даль-2, расстояние от поверхности — 1000 км/855 км, эксцентриситет и наклонение прежние.

Режим: Инерциальный полет. Гравитация включена.

Экипаж: Руководитель экспедиции и капитан корабля находятся на планете. Срок возвращения истек 07 минут назад. Остальные члены экипажа заняты по расписанию.

Предполагаемые действия: Совещание с исполняющим обязанности руководителя экспедиции д-ром Аверовым.

Запись произвел: И. о капитана Риттер фон Экк».

* * *

Уве-Йорген Риттер фон Экк выключил журнал. До встречи с Аверовым оставалось двадцать минут. Это время было нужно Рыцарю, чтобы обдумать все трезво и окончательно.

Из центрального поста он ушел в свою каюту. Она была чуть

меньше капитанской, но обладала теми же удобствами, только экранов и приборов в ней находилось не так много. Но в них Рыцарь сейчас не нуждался.

Он сел в кресло, вытянул длинные ноги и закрыл глаза. Он привык так расслабляться перед действиями, которые могут потребовать всех сил, всей воли, напряжения всех мыслей. Именно такое действие, видимо, предстояло ему в самом близком будущем.

«Земля,— думал Уве-Йорген.— Земля. Что тебе Земля, пилот, не та, не твоя, а нынешняя, во многом непонятная, чуждая, где и памяти не сохранилось ни о тебе, ни о тех, кто был некогда твоими друзьями?

Но их прах и пепел там,— подумал он.— Там, а никак не здесь. И если человек должен хранить преданность чему-то — а воин должен хранить преданность, если он воин, а не ландскнехт,— то ты, Уве-Йорген, можешь быть предан только Земле, и никому больше.

Пусть она — не обиталище, а лишь кладбище тех мыслей и тех целей, за которые ты сражался когда-то. Идеи оказались несостоятельными; сейчас ты понял это до конца.

Но — дороги и могилы. И если нет ничего другого, надо хранить верность могилам. Верность до смерти,— привычно подумал он на родном, немецком языке.— Верность и преданность.

А что такое — преданность воина? Это готовность пойти на все ради того, чему ты предан. Преданность солдата выражается не в словах, а в действиях. И в готовности нести ответственность за эти действия.

Так мыслили в твоё время, Уве-Йорген. И ты не можешь думать иначе.

Потому что, сохраняя верность и преданность Земле, ты имеешь в виду не только её сегодня, но и её вчера, её историю. То есть и тебя самого, и тех, кто был рядом с тобой и кого больше нет. Пусть мы были неправы, но так уж сложилась история планеты Земля, что там нашлось место и для нас.

Земля. И твой корабль. Ты предан ему, как бывает предан солдат своему полку, своим командирам и своим подчиненным, своему знамени и своей машине. Твой корабль — часть Земли, она снарядила его и послала, она положила твои руки на его штурвал. Верность кораблю есть тоже верность Земле, как верность знамени равнозначна верности государству.

Ты согласен с этим, У-Йор?

Согласен.

Значит, ясно: в заочной схватке Земли и планеты Даль-2 должна победить Земля. Даже если ради этого придется пожертвовать планетой Даль-2 со всем, что находится на ней и в ней.

Ты можешь поклясться: если бы был другой выход, ты избрал бы его. Солдат не жаждет крови, он не садист и не палач. Он просто не боится крови, когда путь к победе ведет через кровь. Но ты не видишь другого выхода. Не видишь потому, что его просто нет.

Итак, тебе ясно, чего ты хочешь.

Но предстоит самое трудное: убедить в этом того, чье согласие, хотя бы просто согласие, необходимо, чтобы твое желание стало реальностью. Согласие доктора Аверова. Потому что сейчас глава экспедиции — он. И если он скажет «нет», ты, солдат Уве-Йорген, не поступишь вопреки. А ты солдат до мозга костей и знаешь это.

Аверов должен сказать «да».

Добиться его согласия будет нелегко. Мир Аверова не знает войн. Он боится крови, она ему претит. Они считают, что человек должен жить, потому что он человек. А вы, У-Йот, считали, что человек должен жить, если он человек. Если. И были уверены, что не всякий человек — действительно человек. Человек — тот, кто силен. Кто погубает — слаб.

Пусть бы они жили. Нам не нужна их планета. Но если они мешают жить нам...

Аверов этого не поймет.

Он будет метаться, искать несуществующие выходы. Медлить. И дотянет до того момента, когда поздно будет что-то предпринять, и погибнут все.

У Аверова есть своя сила и своя слабость. Надо использовать и то и другое. Еще осталось несколько минут, чтобы вновь продумать весь ход разговора.

Но прежде надо еще раз вдохнуть родной воздух и дать глазам отдохнуть, полюбовавшись родным и привычным. Там, где проходили лучшие годы жизни. Тем, что и теперь видится ночью в тревожных солдатских снах...»

Уве-Йорген открыл глаза и поднялся. Подошел к дверце, ведущей в Сад памяти. Так, с легкой руки капитана, весь экипаж называл эти устройства.

Рыцарь распахнул дверь. В каюте не было больше никого, и он не спешил затворить ее, как делал, когда опасался, что кто-то заглянет и увидит.

Перед ним открылась обширная поляна. Действительно, мельком подумал он, неплохое место для схватки мчащихся навстречу друг другу рыцарей, закованных в панцири, с опущенными забралами и тяжелыми копьями наперевес...

Но рыцарей не было, и не было копий.

Увидел бы капитан Ульдемир...

Капитан, впрочем, догадывается. Трудно все время жить в чужой коже. Что делать...

Рыцарей не было. Солнце стояло на закате, дул легкий ветерок, и пахло вянущей травой. Машины стояли под маскировочными сетями, и Фогельзанг, задирая нос, заходил на посадку, и Уве-Йорген остановился у своего «мессершмита» и смотрел, как садится лейтенант Фогельзанг, и поглаживал ладонью зеленый дюраль, теплый на ощупь.

«Смотри, Уве-Йорген,— сказал он себе.— Смотри, потому что это тебе еще пригодится, пилот».

* * *

Аверов рассказывал по салону, и шаги его с каждой минутой становились все стремительнее, словно он должен был куда-то успеть, куда-то добежать вовремя. Впрочем, может быть, он вовсе не бежал куда-то; может быть, он убегал. Убегал от мыслей, а они все догоняли и догоняли его, и деваться от них было некуда. Мысли спрашивали, и приходилось искать и находить ответ, и с каждым разом делать это становилось все труднее.

«Шувалова с капитаном все нет, доктор,— говорили мысли.— Значит, планета встретила их недоброжелательно. Значит, контакт оказался невозможен — или привел не к таким результатам, каких от него ожидали. Да и что в этом странного? Так оно и должно было случиться».

«Нет-нет,— отвечал своим мыслям Аверов.— Еще ничего не произошло, ничего не случилось. Каждую минуту они могут вернуться. Пока еще не пришло время принимать решения».

«Когда же оно наступит? — спрашивали мысли.— Где та грань, за которой уже нельзя будет молчать? Та минута, когда необходимо будет решиться?»

«Решиться на что? — возражал он.— Если никто не вернется с планеты, это еще не будет означать, что планы эвакуации рухнули. Может ведь быть наоборот: контакт оказался столь удачным, что Шувалов и Ульдемир сразу же начали переговоры и сейчас заняты уточнением деталей, чтобы вернуться на корабль с уже готовой диспозицией. Мы должны набраться терпения и ждать, ждать...»

«Ну, а если вы так и не дождетесь? Если ты, Аверов, встанешь перед необходимостью выбирать: чем пожертвовать? Если окажется, что без жертв не обойтись?»

— Не знаю! — крикнул Аверов вслух.— Не знаю!

«Да,— подтвердили мысли,— ты не знаешь. Ты не привык жертвовать, потому что никто из вас не привык. Вы создали для себя такой мир, в котором понятие жертвы перестало существовать. И не подумали как следует о том, что, покидая свой мир, вы оставляете

позади и его благоустроенность, и его законы. Что они, эти законы, вовсе не носят вселенского характера. Что надо быть готовым к принятию решений, какие не принимались на Земле.

Жизнь каждого священна. Вот первая фундаментальная идея, которую воспринимает землянин, едва научившись воспринимать мысли. Все люди сродни друг другу. Нет своих и чужих. Есть только свои. Каждый человек, кто и где бы он ни был, — твой человек. Твой ближний. Твой, родной. Без которого ты не можешь и который не может без тебя.

Земля долго шла к этому — и пришла. Это было естественно, понятно и прекрасно.

А тут...

Ты не знаешь, сколько разумных существ живет на планете, невыразительно именуемой Даль-2. Ты не знаешь даже, насколько похожи они или непохожи на вас, людей. Но это для тебя не важно. И поняв, что планета населена, ты прежде всего испытал чувство радости: нас стало больше, как хорошо!

Если бы опасность не грозила Земле! И если бы предотвратить опасность можно было каким-нибудь другим способом, не нарушающим интересов этого мира...

Но ты не видишь такого способа.

Чтобы доказывать теоремы, нужны постулаты — фундаментальные, простейшие истины, настолько простые, что они не нуждаются в обосновании, принимаются как факты: факты не нужно доказывать.

Каков постулат в нашем случае?

Человечество Земли должно быть спасено.

Нет, не так кратко. Он чуть сложнее, этот постулат.

Вероятность вспышки очень велика. То, что вначале казалось естественным — консультации с Землей, — практически невозможно. Не хватит времени. Переложить решение на других не удастся.

Следовательно, постулат номер один должен выглядеть так: человечество Земли должно быть спасено — нами.

Можно ли опровергнуть это положение? Видимо, нет.

Еще одна посылка: человечество Даль-2 должно быть спасено. Должно быть спасено — нами?

Это тоже аксиома? Или тут требуются доказательства?

Признайся, Аверов, два этих положения могут оказаться внутренне противоречивыми. Потому что вторую посылку правильнее будет формулировать так: человечество Даль-2 должно быть спасено нами, если это не помешает спасению человечества Земли.

Если.

Но тогда... тогда получается, что человечеству Земли оказано предпочтение. Что оно — с нашей точки зрения, во всяком случае, —

должно быть спасено безусловно, а человечество Даль — лишь при выполнении определенных условий.

Иными словами — человечество Земли лучше, чем те, кто живет на планете Даль. В чем-то лучше.

Или — или мы не можем переступить через ощущение того, что наше человечество все же ближе нам, чем любое другое. То есть, что наши мысли о всеобщей близости, равенстве и прочем применимы лишь в пределах Солнечной системы. Что мы мыслим вовсе не так широко, как нам казалось. Что, опять-таки, законы, по которым мы живем, локальны, и здесь применять их нельзя.

Если мы попробуем вывернуть условия задачи наизнанку, то получится вот что: предположим, что спасение обоих человечеств невозможно. Должно ли в таком случае погибнуть одно из человечеств или оба? И если одно, то какое?»

Аверов застал.

«Нет, такие решения принимать невозможно. Это противно природе человека!»

Еще одна мысль подкралась исподтишка.

«Аверов, а есть ли для тебя разница: будет ли принято решение вообще или оно будет принято именно тобою?»

И чувствовал бы ты себя точно так или как-то иначе, если бы установка, с помощью которой предстоит... нет, скажем — с помощью которой можно погасить звезду Даль, была задумана, рассчитана, сконструирована и построена не под твоим руководством, а под водительством кого-то другого?

Иными словами, дело в решении — или в степени твоего участия в нем и твоей ответственности за него?»

Аверов закрыл лицо руками.

«Наверное, была бы разница...

Но нет, нет, слишком это было бы недостойно. Нет, дело не во мне. Дело в самом решении, противном идеям Земли.

Да, вот в чем дело: приходится отходить от усвоенных с детства идей, а это трагический, это болезненный, это порой даже смертельный процесс.

От идеи безусловного сохранения всего приходится приходиться к идее жертвы чем-то ради чего-то.

Но если вторая идея — тоже фундаментальна, то, может быть, ее и нужно...

Нет! Нет!

А ведь тогда все сразу изменилось бы.

Понятия относительные. История напоминает: какой-нибудь хан, палач для одних, становился для других национальным героем.

Твоя установка. Она убьет (какое страшное слово!), убьет кого-то. Но ведь и спасет, спасет гораздо больше людей! И даже если

принять проклятое решение придется именно тебе, то вовсе не сказано, что ты станешь палачом. Ты станешь спасителем, спасителем всего Человечества! Есть ли более высокая честь?»

— Нет! — опять крикнул он. — Нет! Я не знаю...

Он взглянул на часы и заторопился.

Пора было идти совещаться с Уве-Йоргеном.

Может быть, выход подскажет пилот?

И решение не придется принимать самому?..

* * *

В комнате были гладко оштукатуренные стены, такой же потолок, пол из хорошо остроганных, плотно пригнанных досок. В одной стене, под самым потолком — длинная, узкая щель, видимо, для вентиляции. В потолке — квадратное окошко, через которое проникал свет. Матрац на полу: большой мешок, набитый чем-то мягким. Больше ничего.

Шувалов сложил матрац втрое, чтобы сесть на него, но потом раздумал садиться и стал рассказывать по комнате.

— Ага... — бормотал он. — Мгм... Вот именно...

Он привычно сунул руку за блок — но блока не было, не было и кармана, в котором приборчик лежал. Да, его переодели. Он пощупал ткань. Ничего, терпимо. Белье, к счастью, оставили. Вот сменить его, видимо, придется не так скоро. Плохо. Но с этим можно мириться.

По-настоящему плохо то, что затягивает контакт. Тот контакт на высшем уровне, с помощью которого только и можно решить все проблемы. Решить единственно возможным образом.

Для Шувалова решение могло быть лишь одним: «Будут спасены все. Никто не погибнет. Как? Так или иначе. Ум человеческий изворотлив. Спасение двух человечеств никак не затрагивает фундаментальных законов естествознания — а раз так, то оно человеку под силу. Нужно только, чтобы сила эта была отдана вся, до конца. Сейчас, когда люди поймут, что спасение обитателей Даль-2 неразрывно соединено со спасением человечества Земли, они сделают все возможное и невозможное.

Однако нужна, конечно, информация. Значительно больше, чем имеется ее сейчас.

Информация о человечестве Даль-2. Об уровне цивилизации. О возможностях.

Потому что могут быть разные решения. Допустим, дело с эвакуацией затянется. Может быть, придется сделать то, о чем случайно заговорил тем утром капитан. Уйти под землю. Рыть шахты, убежи-

ща. Там тепло сохранится дольше, чем на поверхности. Доставить с Земли небольшие силовые установки. Обогреть, снабжать воздухом. Наверное, возникнут и другие проекты. Нужно только знать, на что эта цивилизация способна. Сколько их. Какова техника. А главное — настолько ли они развиты, чтобы понять весь ужас того, что грозит им».

Теперь Шувалов уселся на матрац, устроился поудобнее. Неприятная обстановка больше не мешала ему думать. Жаль только, что не было блока для записи. Хотя — хорошие мысли не забываются, а остальные и не стоит запечатлеть.

Итак, какова же может быть эта цивилизация?

«Это, кстати, не такое уж похвальное наименование, — подумал Шувалов, усмехаясь. — Происходит оно от слова «город», а с этими городами в прошлом, если верить историкам, было немало возни. Люди сами чуть не отравили себя своими выделениями. Нечто вроде внутренней интоксикации. Можно, конечно, назвать то, что существует здесь, не цивилизацией, а культурой. Так будет лучше».

Шувалов, даже размышляя про себя, любил отшлифовывать формулировки, чтобы потом уже не задумываться над ними.

«Культура. Потомки некогда прилетевших сюда землян в известной степени регрессировали — до самого примитивного звездоплавания им очень и очень далеко... Регресс этот легко объясним — он был неизбежен. Однако мог выразиться в различных конкретных формах. В конечном итоге цивилизация, ее характер, определяются уровнем производительных сил. Что же было в распоряжении прилетевших сюда людей?»

Шувалов задумался, потом решительно кивнул.

«Начнем с источников энергии. На корабле можно, конечно, привезти и затем смонтировать здесь ядерную энергетическую установку. Можно доставить некоторое количество топлива. Но, естественно, ограниченное. Рано или поздно оно кончится. Его не хватит даже на века, не говоря уже о тысячелетиях. А дальше? Наладить добычу ядерного топлива здесь практически невозможно. Уязвимость технических цивилизаций заключается в том, что из них, как из сложной машины, нельзя вынуть какие-то детали — и ждать, что остальные будут работать, как ни в чем не бывало. Добыча топлива — и не только ядерного, но любого, кроме разведок, — это и геологическая разведка, и машиностроение, и транспорт. Машиностроение и транспорт — это, в свою очередь, металлургия, а она опирается в горнорудную промышленность, которая опять-таки зависит от энергетики и металлообработки... Это только одна ниточка из многих, из которых сплетается, как кружево, техническая цивилизация. Тут что-то вроде порочного круга. На Земле такая цивилизация все-таки ухитрилась возникнуть, но какой ценой,

нельзя забывать — какой ценой. Века рабства, века страшного угнетения, о каком мы не имеем ни малейшего представления, века, когда людская жизнь стоила меньше, чем ничего...

Гм. А почему же здесь...

Почему здесь не произошло того же? Видимо, потому, что на планете высадились люди, воспитанные обществом с достаточно высоким моральным уровнем. И, заранее представляя, вероятно, все технические и хозяйственные трудности, они вряд ли собирались опуститься, скажем, до уровня рабовладельческого общества.

Какой из известных на Земле социально-экономических формаций соответствует их технический уровень? Судя по тому, что Шувалов до сих пор видел, обработка металлов находится тут вовсе не на таком бедственном уровне. Доски пола обструганы — значит, применяется и обрабатывается железо. Или брюки, в которые Шувалова нарядили, — ткань, безусловно, из растительного волокна, но не домотканая, это уже фабричное производство. Пожалуй, на Земле в античную эпоху умели меньше.

Но главное, видимо, заключается в том, что, обладая ограниченными техническими, а следовательно, и экономическими возможностями, люди искали возможность сохранить какой-то определенный социальный уровень, который в принципе соответствовал бы их унаследованным от Земли воззрениям. И что-то они, вероятно, нашли. Об их успехе можно судить хотя бы по их отношению к каждому отдельному человеку: По тому, каково отношение общества к личности, можно с уверенностью судить о достоинствах и пороках самого общества. Но вот он, Шувалов, сидит здесь — хотя и в заточении, но живой и здоровый. Невзирая на всю его неоспоримую (с их точки зрения) вину, его не потащили на костер, не забросали камнями, даже не ударили ни разу, даже не были грубыми. Можно сказать откровенно: они кажутся довольно симпатичными людьми и своим поведением вряд ли сильно отличаются от жителей теперешней Земли. Тот же судья хотя бы: он ведь был явно доброжелателен. Конечно, о том же судье можно сказать, что человек он ограниченный и недалекий; это если считать, что ограниченным является всякий, кто не умеет, скажем, решить систему уравнений определенной сложности. Но надо смотреть шире. Приобрести знания куда легче, чем изменить свое отношение к жизни, к людям, к обществу. И если взгляды на жизнь тех, кто населяет планету, совпадут со взглядами прилетевших с Шуваловым, то можно считать, что основа для взаимопонимания есть.

Если. На такую удачу можно надеяться, но пока у Шувалова есть лишь косвенные доказательства, и ни одного прямого. Для того, чтобы получить их, нужно как можно больше общаться с людьми, составить точное представление об уровне их развития, психологии,

круге интересов. Разговаривать, понадобится — спорить, доказывать свою правоту.

Но как осуществить это, если он, Шувалов, заперт в комнате, и о нем, кажется, забыли?

Впрочем, не нужно беспокоиться. Надо думать, упорно думать о том, что же предпринять; чтобы все-таки заинтересовать эту публику ее собственной судьбой...

* * *

Судья на самом деле вовсе не забыл о нем; напротив, очень хорошо помнил. После того, как странного человека увели и доставили к докторам, судья провел немало часов, так и этак разглядывая оставшиеся в его распоряжении необычные предметы — одежду и все, что находилось в ее карманах.

Судья был, в сущности, человеком скорее добрым, а не злым, и не находил никакого удовольствия в том, чтобы причинять людям неприятности. Но его обязанность была — следить за соблюдением закона и пресекать его нарушения, а как и какими средствами — об этом достаточно хорошо позаботился сам закон. Для него, судьи, главным было — самому поверить в то, что закон был действительно нарушен, и установить — сознательно или без умысла. Впрочем, никто не может отговариваться незнанием закона; древний принцип этот был привезен еще с Земли, о чем судья не имел ни малейшего представления, но от этого принцип не становился менее убедительным. И теперь, разглядывая, ошупывая и даже обнюхивая разложенные на столе вещи, судья искренне пытался понять, с кем же столкнула его судьба.

Да, это был такой же человек, как все. И тем не менее все в нем, начиная с одежды и кончая разговорами, было чужим — непонятным и немного тревожным. Судья не мог понять, в чем заключалась угроза, о которой говорил Шувалов; но даже одно упоминание об угрозе настораживает и заставляет волноваться, тем более — если характер угрозы остается загадочным. Поскольку, однако, почти каждый человек в глубине души уверен, что все наблюдаемые им явления он может объяснить, исходя из того, что ему известно, судья старался дать всему непонятному понятные объяснения, оперируя теми представлениями, которыми он обладал.

Он знал, что вещи, оставшиеся у него, не были и не могли быть изготовлены ни в их городе, и ни в одном из других городов: все, что изготовлялось в городах, было давно и хорошо известно, потому что изготовлялось уже много десятилетий и не менялось. Значит, вещи были сделаны где-то в другом месте.

Где же? Судье не пришла в голову мысль о пришельцах из другого мира, с другой планеты, потому что ни одному нормальному человеку такая мысль прийти в голову не может, если только человек всем ходом событий заранее не подготовлен к ее восприятию. А судью и его соотечественников еще в школе учили, что планета, на которой они живут, является единственным обитаемым миром. Правда, космогония их не была ни гео-, ни гелиоцентрической и в общих чертах соответствовала истине, но астрономия вообще не была популярной и использовалась главным образом как прикладная наука. А еще они глядели на солнце — этого с них хватало. Вопрос об обитаемости других миров не может возникнуть сам собой; он встает (если не говорить о единичных умах, опережающих эпоху), лишь когда общество, поднявшись на ноги, начинает оглядываться по сторонам в поисках собеседника, когда у него накапливается то, что оно хотело бы сказать кому-то другому. Но у того общества, в котором жил и действовал судья, такой потребности еще не возникло и, благодаря некоторым его особенностям, могло и не возникнуть вообще никогда.

Итак, мысль о пришельцах благополучно миновала судью, и осталось лишь выбрать между двумя возможностями: неизвестные люди пришли из каких-то областей, о которых судья знал, — или напротив, они явились из краев, о которых судья до сих пор ничего не знал, но в которых, как могло оказаться, тоже обитали люди.

То, что незнакомец разговаривал на одном с ним языке, судью не смутило. В известном ему мире всегда существовал только один язык, и ни ему, ни его соотечественникам даже не приходило в голову, что на свете могут существовать другие наречия. Наоборот, судью несколько озадачило, что задержанный, говоря понятно, говорил все-таки не совсем так, как судья и все остальные; кроме того, человек этот нередко употреблял слова, которых судья никогда не слышал. И это, казалось, могло заставить судью поверить, что незнакомец явился из каких-то неизвестных краев. Однако его оставили два соображения. Первым было то, что о таких краях никто не знал, и уж не ему, судье, было всерьез говорить о таких краях: если бы они появились, его своевременно предупредили бы. Второе соображение было чисто житейского свойства. Из далеких краев люди вряд ли могли прийти пешком: как выглядят люди, одолевшие пешком большое расстояние, судья знал и мог поручиться, что его новый знакомец на таких нисколько не походил. С другой же стороны, никаких средств передвижения, которыми он мог бы воспользоваться, обнаружено так и не было. Судья специально заставил возчиков, что задержали и привели к нему незнакомца, еще раз съездить в запретный город и тщательно все осмотреть. Нельзя сказать, что поездка была безрезультатной: возчики заметили следы нескольких

человек, ушедший в запретном направлении, но, во всяком случае, ни лошадей, ни повозок они не нашли. По воде незванный гость прибыть не мог, потому что река протекала совсем в другой стороне. Значит, прийти или приехать издалека он не имел возможности, оставалось думать, что явился он из каких-то не столь отдаленных мест.

Такое место могло быть лишь одно — лес.

Раньше лес был спокойным. Туда ходили или ездили охотиться или собирать ягоды и грибы. Но с недавних пор лес перестал быть удобным местом добычи и отдыха. Всякие неполноценные субъекты, именовавшие себя «Люди от людей», стали уходить туда, и значительную часть их не удалось вернуть. Люди эти были известны как нарушители Уровня — делами или, во всяком случае, помыслами. И можно было себе представить, что, оказавшись там, где некому было следить за Уровнем, они принялись творить бесчинства, нарушать Уровень и мастерить разные штуки, которые в Уровень не входили.

Судье было чуждо представление о технологии, о степени сложности многих из тех вещей, что лежали сейчас у него на столе, и о том уровне науки и техники, какой требовался, чтобы изготовить даже самые простые из них. Поэтому ему было нетрудно предположить, что за те год-два, что происходила запрещенная законом миграция в лес, люди, обосновавшиеся там, сумели изготовить все эти предметы. Зачем? Для того, чтобы нарушить Уровень. Всякое запретное действие порой совершают не потому, что очень понадобился его результат, но для того лишь, чтобы нарушить запрет и тем самым доказать свою независимость и незаурядность; это судья хорошо знал. Итак, путем логических рассуждений он пришел к двум выводам: прежде всего — что человек, сидевший сейчас под замком, явился из леса, причем явился вызываяще, не скрывая того, что является нарушителем Уровня. И затем — что лесные люди слишком уж разошлись и к добру это не приведет.

Человека из леса можно своей властью осудить и послать на работу туда, где в Горячих песках люди воздвигали высокие башни и зачем-то развешивали между ними медные веревки. Там он работал бы, как и все, это не была каторга, просто работать там приходилось столько, что на нарушение Уровня времени просто не оставалось. Но можно было и отослать Шувалова вместе с вещественными доказательствами в столицу, чтобы там судьбу его решили сами Хранители Уровня. В том и в другом были свои привлекательные и свои неприятные стороны. Если наказать его самому, то могло статься, что, получив странные вещи, Хранители захотят увидеть и преступника — что ни говори, все дело выглядело не очень-то обычным. Если человек будет уже в Горячих песках, то

Хранителям придется ждать достаточно долго — и как бы это не обернулось против самого судьи. Значит, отправлять старика строить башни вроде бы не следует. Однако, с другой стороны, если он, судья, сразу отошлет преступника в столицу вместе с его пожитками, там могут сказать: неужели судья сам не может разобраться в том, какое наказание полагается за такое нарушение закона?

И еще — та угроза, о которой он говорил. Может быть, в этом кроется что-то серьезное, а может быть, и нет: просто плохое воспитание, вот и угрожает. Опять-таки спросят: ты кого нам прислал?

И вот выходило, что самое лучшее, как ни прикидывай,— это поступить именно так, как он поступил: засунуть незнакомца к докторам, а тех предупредить, чтобы не очень поспешали, а наоборот, проверили бы тщательно — сумасшедший он или нет. Тут все получалось в точности, как нужно. Вещи будут в столицу отосланы, там их посмотрят. Если скажут — представить преступника, то сделайте одолжение: вот он! Взять из больницы и отправить. А если просто поинтересуются: что там с задержанным, каков приговор,— очень просто ответить: находится у врачей на проверке, вот-вот она закончится, тогда и поступим по всей строгости закона.

Или по всей его милости; человек не молодой, и жаль его. Он ведь скоро совсем из сил выбьется; Уровень кормил бы его до самой смерти, а там, в песках, кто ему поможет?

Одним словом, так ли поглядеть, этак ли — торопиться ни в коем случае не следовало.

Пусть поживет там недельку-другую. Можно будет иной раз и заглянуть к нему. Нет-нет, да и сболтнет что-нибудь интересное. Хоть ты и судья, а любопытен, как все люди. Почему бы и не узнать — как же все-таки живут люди там, в лесу?

А тем временем как раз станет ясно, как с ним поступить.

Судья вытер лоб. Устал. И то — такие каверзы жизнь подсовывает не каждый день. Вообще-то жизнь спокойная.

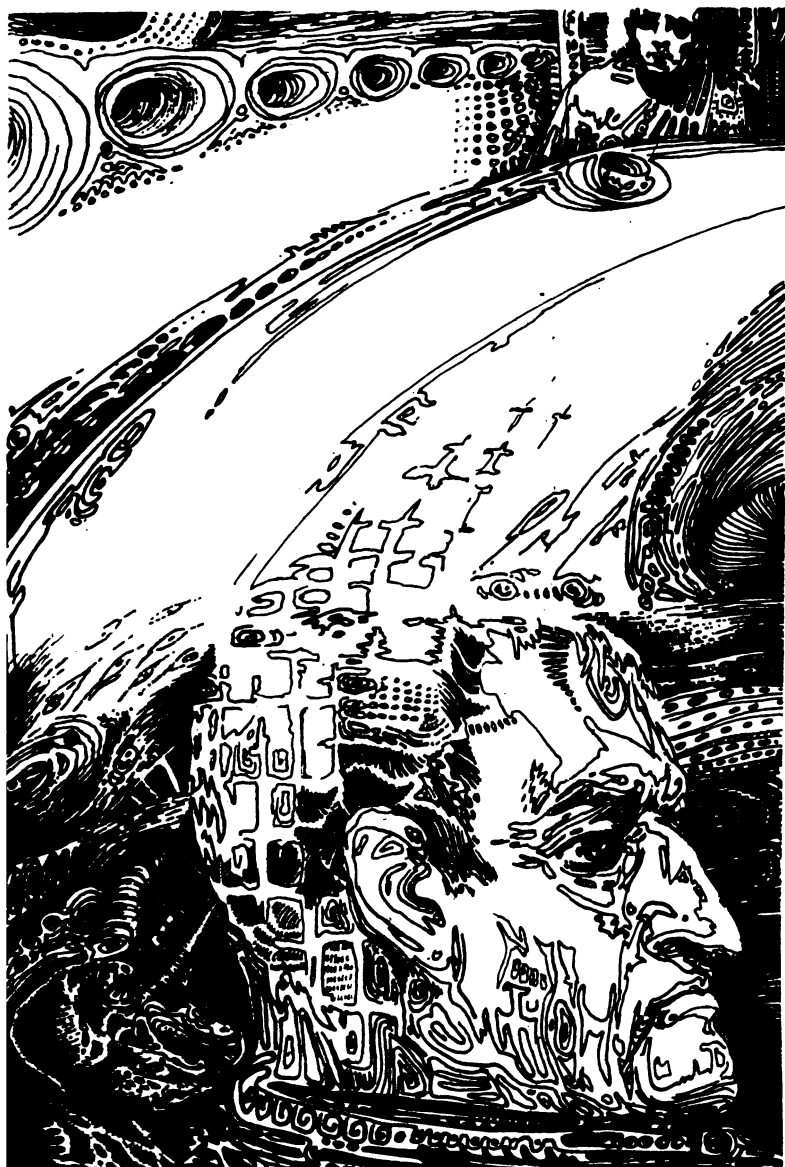
Пожалуй, пора и домой. Вещички эти собрать, и — под замок. Не возьмет никто, но таков порядок. Так-то ничего не запирают, а все, что касается суда, полагается держать под замком. Таков закон. А закон надо исполнять.

Судья осторожно поднял одежду. Легкая, ничего не весит. Руке от нее тепло. И вроде бы чуть покалывает. Чего только не придумают люди. Зачем, спрашивается?

Он спрятал одежду и все остальное в стол, замкнул на замок.

Выглянул из окна. Люди выходили из домов, шли к черным ящикам: пришел час смотреть на солнце. Ему-то, судье, больше не нужно: он вышел из этих лет. А два года назад еще смотрел. Когда был помоложе. Сейчас силы уже не те.

Ну, все, вроде?

Судья совсем собрался уходить. И, как назло, прибыл из столицы гонец. Ввалился, весь в пыли. Протянул пакет.

Судья прочитал. Поморщился недовольно.

Что такое? К чему? Завтра с утра каждого десятого — в лес? Туда, где бывать запрещено? С лопатами и с оружием. Что надо делать — укажут там, на месте.

Судья рассердился. Полоть надо, а тут — каждого десятого. Но вслух говорить этого не стал. Сказал гонцу лишь:

— Скажешь — вручил. Иди — поешь, отдохни.

И двинулся обходить дома, оповещать насчет завтрашнего утра.

* * *

Солдаты чаще всего плохие дипломаты. Уве-Йорген знал это, и утешало его лишь то, что и ученые, в общем, не выделялись особыми талантами в данной области. Во всяком случае, в его эпоху.

Аверова он встретил торжественно, ни один специалист по дипломатическому протоколу не смог бы придаться. На столе дымился кофе. Рыцарь внимательно посмотрел в глаза Аверова и остался доволен.

— Итак, доктор, назначенный срок пришел. Наши пока не вернулись. Надеюсь, что мы еще увидим их живыми и здоровыми. Но до тех пор мы вынуждены будем по-прежнему нести бремя обязанности: вы — руководителя экспедиции, я — капитана корабля.

Аверов кивнул.

— И я считаю, — продолжал Уве-Йорген, — первым и главным, что мы должны сейчас сделать, является уточнение наших целей и способов их достижения. Вы согласны?

Аверов не сразу ответил:

— Да.

— Хорошо. Мы оба, видимо, достаточно много думали об этом. Согласны ли вы с тем, что именно мы и именно теперь, не рассчитывая на контакт с Землей и не дожидаясь его, должны решить судьбу двух цивилизаций?

Уве-Йорген владел разговором. Он формулировал вопросы, и собеседнику оставалось лишь отвечать. А ведь ответ часто в немалой степени зависит от того, как поставлен вопрос, в какие слова он облечен. Это пилот знал, этим он пользовался. Аверову оставались лишь немногословные ответы. Вот и сейчас он сказал:

— Иной выход вряд ли возможен.

— Я думаю точно так же. Итак, ваша цель? Я бы определил ее так: спасение максимального числа людей в одной или обеих системах. У вас есть возражения?

Аверову очень хотелось бы возразить, но у него не было возражений. Наедине с собой он уже пережил все, понимал, к чему неизбежно приведет разговор, и был лишь благодарен пилоту за то, что не он, Аверов, а пилот говорит все грозное и страшное, а ему остается лишь соглашаться. А может быть, при случае, и возражать, едва представится малейшая возможность.

— Теперь о путях достижения. Скажите откровенно, доктор: вы верите в возможность эвакуации планеты? Если даже наши посланцы сумеют обо всем договориться.

Аверов оживился.

— Знаете, Уве-Йорген, я очень сильно надеюсь на то, что они договорятся. У Шувалова — поразительная способность убеждать людей!

— Вы уже говорили об этом, доктор. Но надо ли напоминать вам ваши же выкладки? Даже если они договорятся — мы не успеем, понимаете — не успеем. Не успеем спасти их, и очень вероятно — не успеем спасти вообще никого.

Это было так; и все же...

— Обождите, Рыцарь. Мы с вами судим, исходя из того, что известно нам. Но вовсе не исключено, что наши, возвратившись, привезут какую-то информацию, которая заставит нас в корне пересмотреть...

— Если они вернуться.

— А если они не вернуться, — вдруг, неожиданно для самого себя, крикнул Аверов, — то надо их найти! Или, может быть, вы, пилот, хотите бросить друзей на произвол судьбы? Но этого, этого уж я не позволю!

Уве-Йорген после паузы промолвил:

— Иными словами, вы получили новые данные о поведении звезды? Она раздумала взрываться?

— Нет! Но...

— Что же изменилось, доктор?

— Ну, неужели вы... Какое жуткое хладнокровие, Уве-Йорген! И вы можете быть так спокойны?

Пилот невесело усмехнулся.

— Я привык терять товарищей, доктор. К сожалению...

— О, эти ваши безжалостные времена! Но я не желаю привыкать к таким вещам!

— Мы тоже не желали — нас не спрашивали. Но не станем спорить об отвлеченных материях. У вас есть план, как их найти?

— Лететь к планете на большом катере.

— И кто же полетит?

— То есть как — кто?

— Доктор, вы вынуждаете меня снова напомнить... Если бы

речь шла только о наших товарищах, я и не подумал бы возражать вам. Но если мы начнем такие поиски — сколько они продлятся? Где гарантия, что мы не потеряем и других? И кто же тогда погасит звезду и спасет Землю? Кто спасет ваше человечество?

— Почему «мое»?

— Моя Земля давно кончилась. Мы — как те кистеперые рыбы, что нечаянно дожили до поздних времен, хотя все родичи их давно превратились в лучший случай в окаменелости... Это ваш мир, доктор, и у вас должна болеть за него душа. И вы должны понять, что важнее: миллиарды людей там — или двое наших товарищей здесь. Что говорят вам ваши представления о гуманности?

— А как будет выглядеть с позиций гуманности то, что мы оставим людей здесь на верную гибель?

— С моей точки зрения, доктор, гуманность — это умение не приносить больших жертв там, где можно обойтись малыми.

— Я с ума сойду...

— Не советую. Легче от этого не станет никому, а вам — только хуже. И думайте не только о себе. Когда мы погасим звезду и вернемся на Землю, чтобы доложить о случившемся, только вы один сможете объяснить там — не только словами, но и цифрами — с чем мы здесь столкнулись. Это нужно не мне, а человечеству. Вы согласны?

— Да, видимо, так...

— Простите меня за бестактность, доктор, но как жаль, что вы не прошли военной службы. Тогда вы научились бы обходиться без «видимо» и, оценив обстановку, кратко ответили бы: так.

— Где же я мог бы?..

— Знаю, знаю. А жаль. И как только воспитало вас ваше прекрасное время? Я с удовольствием говорю с вами, но воевать согласился бы скорее против вас. Это была бы веселая война...

— Ну перестаньте же...

— Кроме того, вот вам мои соображения о возможности поисков наших товарищей. Кто стал бы этим заниматься? Я необходим на корабле как лицо, способное заменить капитана, и как квалифицированный пилот. Мой товарищ Питек хороший пилот, прекрасный, может быть, но им нужно руководить — он порой чересчур эмоционален, и ему одному нельзя доверить машину. К тому же, я в одиночку не доведу корабль до Земли. Но не буду отнимать ваше время: мне нужен каждый член экипажа. Следовательно, я больше не выпущу на планету ни одного человека. Не говоря уже о том, что мы не можем потерять и большой катер — последнее наше средство сообщения с чем бы то ни было.

— Да. Я понимаю. Все это мне ясно. И то, что звезду придется гасить. И то, что наши шансы спасти здешнее население ничтожны...

— Их просто нет.
— Пусть даже так. Но мы обязаны дожждаться наших.
— Как долго должны мы их ждать?
— Ну, взрыв ведь произойдет не завтра...
— Такая вероятность совершенно исключена?..
— Нет, не совершенно. Но она невелика... хотя будет возрастать с каждым днем.

— В таком случае... Хорошо... Будем ждать. Двое суток. Согласны?

— Почему именно двое суток? Вы решили наугад или у вас есть какие-нибудь соображения?

— В мое время,— Уве-Йорген усмехнулся, приподняв уголок рта, как обычно,— если рыцарь через двое суток не возвращался на свою базу, мы считали его погибшим. И редко ошибались.

— И вы так спокойно...

— Да перестаньте! Не думаете же вы, что гибель людей доставляет мне удовольствие! Были, конечно, и такие, но всех оболванить он не успел...

— Кто? — машинально спросил Аверов.

— Король Джон Безземельный, если это вас устраивает. Ну, что же, будем считать, что мы договорились. И, откровенно говоря, на вашем месте я бы гордился...

— Гордились бы — чем?

Но пилот не ответил. Он напряженно всматривался в экран. Шагнул в сторону, переключил локатор. Поднял глаза. Медленно улыбнулся.

— Поздравляю, доктор. Кажется, мы жгли порох впустую.

— Что это значит? — дрогнувшим голосом спросил Аверов.

— Если у туземцев нет своих космических устройств, то это может быть только наш катер. И не пройдет и четверти часа, как вы сможете поплакать на плече у своего руководителя.

Аверов был так рад, что и не подумал обижаться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Рад приветствовать вас на борту, капитан,— сказал мне Уве-Йорген и щелкнул каблуками. Мне показалось, что он сказал это искренне. Я вылез из катера; Рыцарь ждал, потом его брови прыгнули вверх; однако он на удивление быстро справился с изумлением и кинулся вперед — помочь, но я опередил его.

— Здравствуйте, юная дама,— поклонился он.— Какая приятная неожиданность... Я очень, очень рад — если это не сон, разумеется.

Анна стояла рядом со мной и глядела на Рыцаря, а он снова перевел взгляд на катер, но никто больше не вышел, и он взглянул на меня, и улыбка его погасла.

— Вас только двое?

— Да,— сказал я невесело и, чтобы поскорее завершить неизбежный церемониал, продолжил: — Знакомьтесь.

— Уве-Йорген Риттер фон Экк. Имею честь... Что же случилось, Ульдемир?

— Объясню подробно, но не сию минуту. Анна...

Она с любопытством осматривалась; теперь Анна повернулась ко мне.

— Сейчас я провожу тебя в мою каюту. Примешь ванну, пообедаешь. А мы тем временем поговорим с товарищами.

— Нас будут ждать в лесу, ты не забыл?

Я мысленно сказал ей «браво!»: на лице Анны не было ни тени смущения, ничего на тему «как это выглядит», «что могут подумать» и так далее. И незнакомая обстановка, видимо, не тяготила ее, и чужой человек тоже.

— Как ты могла подумать! Ну, пойдем. Через четверть часа в центральном посту, Уве. И пригласите, пожалуйста, доктора Аврова.

— Непременно.

Голос пилота был деловитым, и в нем более не чувствовалось удивления.

* * *

— Очень странный человек.

У меня были по этому поводу свои соображения, но я все же спросил:

— Кто, Анна? Уве-Йорген?

— От него так и тянет холодом.

— Он очень сдержанный человек. Так он воспитан. Подробнее я расскажу тебе как-нибудь потом. Как ты себя чувствуешь здесь?

— Тут уютно. Хотя... сразу чувствуется, что живет мужчина.— Она обошла каюту, всматриваясь в детали обстановки.— Очень много незнакомых вещей, я не знаю, для чего они...

— Договоримся: я покажу тебе, что можно трогать и к чему лучше не прикасаться. Иди сюда. Вот ванна. Вот вода... Да где ты?

— Сейчас...— отозвалась она изменившимся голосом.— Уль... Подойди на минуту. Кто это?

В каюте на столе стоял портрет в рамке. Не фотография, но рисунок по памяти с той фотографии, что была у меня когда-то:

Наника в черном вечернем платье сидела на стуле, уронив руки на колени, и глядела в объектив, чуть склонив голову. Сам снимок остался там, в двадцатом.

— Кто это? — повторила она полушепотом.

— Разве ты не понимаешь?

— Это... Это ведь почти я? Нет... Это совсем я!

— Это ты.

— Ты... знал обо мне раньше?

— Знал. Только не надеялся, что мы встретимся.

— И ты прилетел сюда из-за меня?

— Да, — сказал я, не кривя душой; я ведь и на самом деле оказался тут из-за нее — надо только вспомнить, что она была для меня одна, та и эта, вопреки рассудку и логике. — Из-за тебя. И за тобой.

— Уль...

Мы замолчали. Воздух в каюте сгустился и был полон электричества, и мы не удивились бы, ударь сейчас молния. Лампы сияли по-прежнему ярко, но мне показалось, что стоят сумерки; я был уже в том состоянии духа, когда видишь не то, что есть, а то, что хочешь видеть, когда созданный тобою мир становится реальным и окружает тебя. Наверное, и с ней было то же. Я шагнул и нашел ее почти на ощупь. Меня шатало от ударов сердца. Ее ладони легли мне на плечи. Но хронометр коротко прогудел четверть, и лампы снова вспыхнули донельзя ярко, и мне пришлось зажмурить глаза от их режущего света. Я медленно опустил руки, и она тоже.

— Уль... — снова сказала она, и я побоялся думать о том, что было в ее голосе.

— Время, — сказал я беззвучно: голос отказал. Я кашлянул. — Значит, выкупайся, потом отдохни перед обедом. Полежи вот здесь. Ты устала. Боюсь, что наш разговор с товарищами несколько затянется. Совещание...

«Совещание, — подумал я. — Проклятое изобретение давних времен; от работы, от отдыха, от любимой женщины, от друзей, живой или мертвой — поднимайся и иди на совещание, проклятый сын своего столетия, своей эпохи...»

Анна отступила на шаг; что-то блеснуло в ее глазах и погасло.

— Ты обиделась?

— О, что ты, нет.

Это была ложь. Только мне лгала она сейчас или себе тоже?

— Обиделась. Но сейчас нельзя иначе. Слишком важно...

А кому сейчас лгал я?

— Да, конечно. Нельзя...

— Пойми.

— Я понимаю. Иди.

— ...Такая ситуация на планете. Как видите, все очень не просто.

Я смотрел на Аверова, полагая, что продолжит разговор он. Но, неожиданно для меня, заговорил Уве-Йорген.

— Ульдемир, а не может ли ситуация оказаться еще сложнее?

— Объясни, что ты имеешь в виду.

— Может быть, кроме этих двух групп, на планете есть и еще какие-то люди? Другие группы населения?

— Думаю, мне сказали бы об этом.

— Ребята, о которых ты рассказал? Они сказали бы, если бы знали. Но они могут и не знать. Ты сам говорил, что от них многое скрывают.

Только сейчас в разговор вступил Аверов, и я сразу почувствовал, что они поют по одним и тем же нотам; видимо, пока я бродил по зеленым лужайкам, они успели хорошо отрепетировать.

— Подумайте,— сказал Аверов,— такая возможность весьма вероятна. Люди могли разделиться на разные группы еще в полете. Ведь добирались они не год и не два. Разделение могло произойти и сразу после посадки или вскоре после нее. Не случайно ведь обнаруженные нами люди живут вовсе не на месте приземления корабля.

— Что-нибудь да осталось бы в памяти,— возразил я, пытаюсь в то же время понять, куда они гнут; а что они хотят добиться определенного результата, уже не вызывало сомнений.

— Вовсе не обязательно,— Аверов мотнул головой.— Недаром они забыли и о своем корабле! Да и вообще... Много ли мы знаем о народе, из которого происходит наш Питек? А ведь этот-то народ существовал несомненно!

— Вот это правда,— сказал Питек, ухмыльнувшись.— Мы-то существовали, да еще как! — Он широко развел руки.— Иногда, по вечерам, когда я выхожу в Сады памяти, мне кажется, что вот этого всего не существует. Но мы-то были!

— В дописьменные времена, Питек,— сказал я ему как можно ласковее.— Поэтому от вас ничего не сохранилось.

— Я сохранился,— возразил Питек, чуть обидевшись (правда, лишь на мгновение: мы не умели обижаться друг на друга, не то нас не оказалось бы здесь).

— Извини,— сказал я.— Ты сохранился, и прекрасно сохранился. Но я хотел лишь сказать, что здесь, на Даль-2, дописьменных времен, наверное, вообще не было.

— Не вижу предмета для спора,— сказал Аверов.— Я просто полагаю, что такая возможность не исключена. Вы ведь не вступили

в контакт с руководством, а если бы и так, то они могли по каким-то соображениям не сказать вам всей правды.

— Да,— сказал я,— спорить действительно не о чем. Но если даже других популяций на планете нет, если их общество находится лишь в процессе разделения или в самом начале процесса, это и так достаточно усложняет нашу задачу.

— Смотря как ее сформулировать,— заметил Уве-Йорген, чуть приподняв уголок рта.

— Мне кажется,— сказал я, стараясь произносить слова как можно весомее,— задача была поставлена четко: эвакуация населения планеты с целью предотвратить ее гибель.

— Это задача-максимум,— не сдавался пилот.— Но есть альтернатива.

— Да,— подтвердил Аверов и опустил голову.— Учитывая, что в первую очередь должно быть спасено население Земли.

Тут мне все стало ясно, и кто был инициатором — тоже. Но я хотел, чтобы они высказали все сами — в таких случаях бывает легче найти в логике оппонента слабые места. А найти их было необходимо, потому что мы дискутировали не наедине — тут же, кроме Питека, были и Иеромонах, и Георгий, и Гибкая Рука, и многое зависело от того, на чью чашу весов они усядутся.

— Ну,— проворчал я, чтобы не сказать ничего определенного.— Пятнадцать человек на сундук мертвеца...

— Что? — не понял Аверов.

— Нет, доктор, просто была в свое время такая песенка. Что же, Уве-Йорген,— я сознательно обратился именно к нему,— я жду, чтобы вы объяснили — какова же эта альтернатива.

— Вы, капитан, и так отлично поняли. Либо мы рискуем буквально всем на свете — Землей, Даль-2 и самими собой в придачу — либо выбираем наименьший риск и наименьшие жертвы.— Челюсти его напряглись, и он закончил громко и четко: — Жертвуем этой планетой и спасаем все остальное.

— Планетой и ее людьми,— уточнил я.

— Планетой и ее людьми,— утвердительно повторил он.

— Либо — либо, и, а, но, да, или...— пробормотал я, обдумывая ответ.— Союзы, союзы, служебные словечки...— Как легко получилось у моего коллеги: планетой и ее людьми. Людьми — и теми, кто ждал меня сейчас в лесу, и той, что была в моей каюте, и теми, кто чтит Уровень, и теми, кто скрывался от него в лесах... Я хотел было вспылить, но вовремя понял, что это ни к чему, и понял причину: для него, для Уве-Йоргена, и для всех остальных моих товарищей планета Даль-2 была лишь небесным телом, что виднелось на экранах, была абстракцией, отвлеченным понятием. Они не ступали по ее траве, не сидели в тени ее деревьев, не видели голубизны

неба, не слышали, как ветер поет, перекликаясь с птицами, не вдыхали запаха ее цветов и не преломляли хлеб с ее людьми. И поэтому никто из них не согласился бы сейчас со мной. Значит, надо было идти в обход. Но гнев в моей груди стоял на марке, как говорили в мое время кочегары, и неплохо было бы стравить его, хоть немного, и, кстати, не дать никому понять, что я замыслил некую хитрость.

— Что ж, Уве-Йорген, — сказал я, — альтернативу ты нашел — лучше некуда. Узнаю... Ох, эти альтернативы, эти безвыходные положения, исторические необходимости, эти милые, славные ребята с засученными рукавами и «Лили Марлен» на губной гармошке...

Мы смотрели друг на друга всепонимающими глазами и усмехались, совсем не весело, совсем не г-брожелательно, а товарищи смотрели на нас, ничего не понимая, потому что это был разговор не для них, а для нас двоих, и только для нас; рискованная проба сил, но мне непременно нужно было дать Рыцарю понять, что вижу его насквозь, пусть не думает, что сможет повести всех за собой и что мне нечем будет остановить его. — Логичная альтернатива, безусловно. Здесь вероятность такова, там — меньше, значит, осуществляется второй вариант. Ох, уж мне эта тевтонская методичность...

Уве-Йорген не остался в долгу.

— Ну, как же! — ответил он, глядя на меня прищуренными глазами. — Куда предпочтительнее ваше любимое «авось» и «ничего», крик «ура!» в последний момент и загадочная славянская душа, не так ли? Авось пронесет! Вот алгоритм ваших рассуждений, дорогой капитан! Но ответственность слишком велика и, кстати, в свое время вы научились обуздывать это ваше «авось». Вспомните, капитан!

Я помнил; но, видимо, и он спохватился, потому что то, о чем мы говорили, не произнося настоящих названий, завершилось вовсе не в его пользу. Остальные только глядели и моргали — им ничего не говорили ни тевтоны, ни славяне (даже Иеромонаху — нет), это была для них вместе и древняя, и новая история, а ни той, ни другой они не знали. И я почувствовал, что надо переходить в атаку именно сейчас, пока Рыцарь помнит, чем кончилось наше выяснение отношений в те времена.

— Теперь слушайте, — сказал я, чтобы напомнить всем и каждому, что капитан здесь я. — Обсуждением этой альтернативы мы еще займемся. Сейчас я против нее и буду против до тех пор, пока обстоятельства не покажут, что это — единственный выход. А пока у нас есть немало конкретных задач. Найти Шувалова, оказать ему помощь, какая потребуется, чтобы он мог осуществить нужный контакт. Это раз. Во-вторых, разобраться всерьез, каково население. Сколько, где. И не только разобраться; говорить с ними, растолко-

вызвать, какая им грозит опасность, объяснить, каков может быть путь к спасению — добиться того, чтобы мысль об эвакуации возникла и развивалась не только наверху, но и во всем обществе. Работы, как видите, выше головы. И начинать ее надо немедленно. В лес, к тем людям, о которых я говорил, пойдет Гибкая Рука...

— Минуту, капитан, — прервал меня Уве-Йорген, хоть так поступать и не полагалось. — В лес пусть лучше идет Питек.

Я подумал — и не обнаружил никакого подвоха.

— Хорошо. Пусть Питек.

— Тяжело, — сказал Питек, расправляя плечи. — Ах, как будет тяжело, Ульдемир. Я думаю о том, как ты пришел бы к нам — тогда, когда я жил среди своих, — и сказал бы, что мы должны покинуть свои охотничьи места, свои озера, где мы ловили рыбу, свои леса, полные ягод, и грибов, и вкусных корней... Тебе пришлось бы плохо, Ульдемир, и ты ничего не смог бы объяснить нам. За эти места мы сражались с другими и убивали их, и они убивали нас — иначе я не оказался бы здесь... Нет, это будет очень тяжело, Ульдемир. Если бы сделать так, чтобы они сами захотели уйти. Но как это сделать? Мы уходили, когда переводились звери, когда лани съедали и вытаптывали всю траву. Но я не знаю, как живут здесь люди и много ли зверя в их степях.

— Наверное, много, — механически пробормотал я, вспомнив то, что мы видели во время первого полета над планетой.

— Говорю тебе откровенно, Ульдемир: я сделаю все, что надо; сделаю, но не знаю, что получится. Если бы это были наши, я знал бы: можно поджечь лес или траву в степях. А тут — кто скажет как?

— Воистину, — подтвердил Иеромонах, покачав бородой и печально глянув на меня. — Провижу великие тяготы. Как скажешь ты человеку, чтобы он покинул земли отцов своих, и дедов своих, и прадедов? Кто допустит, чтобы хищный зверь разрывал родные могилы? Велика печаль человека, оставляющего дом свой на волю стихий. Что сильнее любви к своему дому? — Иеромонах оглядел нас всех и поднял палец. — Вера. Но во что верят они? Это ты знаешь, наш капитан?

— Наверное, в свой Уровень... — подумал я вслух.

— Тогда они не уйдут, ибо не будет у них своего Моисея, который повел бы их. Мошь моисеева — от господ, а они в бога, ты говоришь, не верят. Нет, капитан, трудный ты учиняешь нам искус.

«Пусть уж высказываются все», — подумал я устало и кивнул штурману.

— А ты что думаешь, Георгий?

Спартиот скупой улыбнулся: — Мы делали просто. Когда надо было убедить, мы шли с мечами. Мечи убеждали за нас, и не оставалось никого, кто мог бы возразить нам.

— Вот это деловой разговор,— сказал Уве-Йорген, улыбнувшись. Я сердито покосился на него, а он продолжал: — Интересно только, кому пришло в голову отправить экспедицию в такую даль с голыми руками?

— Без мечей и копий, Уве? — не удержался я, чтобы не поддразнить его.

— Хотя бы. А ведь у местного населения что-нибудь наверняка есть. Хотя бы луки со стрелами. Не может быть, чтобы они не охотились на всякую живность.

— Лук и стрелы,— сказал Гибкая Рука.— Лук и стрелы, о!

— Да,— опять вмешался я. Какой-то бес словно заставлял меня все время задевать Уве-Йоргена; почему-то мне не нравилось, что он сидел такой спокойный и уравновешенный, хотя только что я вроде бы одолел его в разговоре. Не иначе, как у него лежал еще какой-то булыжник за пазухой, и хорошо еще, если просто булыжник, а не такая баночка с длинной рукояткой — ручная граната наступательного действия.— Британские лучники, кажется, здорово потрепали рыцарство в свое время, а, пилот?

На этот раз он усмехнулся.

— Нечто подобное было,— согласился он.— Рыцари, надо сказать, были отвратительно информированы о силах противника. Не станем повторять их ошибок. Спасибо тебе, капитан, за услугу, которую ты нам оказал.

— На здоровье,— ответил я.— Какую именно услугу ты имеешь в виду?

— В твоё время это называлось «взять языка»,— сказал он, снова усмехаясь, и эта ухмылка его мне не понравилась.— Я имею в виду эту девицу, которую ты привез на борт. Видимо, ты с ней нашел общий язык.

Я предпочел понять его буквально.

— Это было несложно,— ответил я.— Люди там, внизу, разговаривают на том же языке, что и мы.

Для пилота это не было новостью, но остальные члены экипажа не смогли скрыть удивления.

— Как так? — спросил Георгий.

— Я же говорил вам, что нашел старый корабль. Это потомки людей с Земли, значит — наши родичи.

— Братья,— сказал Иеромонах и повторил еще раз, весомо и убежденно: — Братья.

— И чудесно,— перебил его Рыцарь.— Наверное, она сможет рассказать, как вооружаются наши братья, когда в том возникает нужда. Не хочешь ли, капитан, пригласить ее сюда?

— Нет,— сказал я, стараясь сохранить спокойствие.— И в голову не приходит.

Я и в самом деле не собирался позволить, чтобы ее тут подвергали допросу. И не потому, что не видел в том особого смысла: может быть, она и могла вспомнить что-нибудь такое, что нам пригодилось бы; и не потому только, что это было бы, наверное, не очень-то честно по отношению к ней: я ведь не уговаривался с Анной о чем-то подобном. Мне вообще не хотелось, чтобы наши дальнейшие отношения с людьми с планеты Даль-2 рассматривались экипажем как военная кампания.

— Нет,— повторил я как можно категоричнее.— Потому что я не собираюсь воевать.

Но они, кажется, были иного мнения.

— Что ж,— вздохнул Рыцарь.— А жаль, что нет времени. Мы сколотили бы неплохие отряды из них самих.

— Свои на своих? — спросил Никодим.— Достойно ли?

— Всегда так было,— невозмутимо заявил Георгий.

— Ладно,— сказал я им.— Нет смысла говорить о том, чего не хватает,— о луках, стрелах, времени... Задача перед нами огромная, и в нормальных условиях она была бы по плечу лишь классным дипломатам, а не нам. Но мы должны с нею справиться. Должны — и этим все сказано.

— А если ничего не выйдет? — негромко спросил Уве-Йорген.

— Выйдет,— упрямо сказал я.

— Не грешите и в помыслах,— посоветовал Иеромонах.

— Значит, расстановка будет такой,— продолжал я, потому что за время разговора успел уже кое-что продумать.— Сейчас мы все, кроме тех, кто останется нести вахту на корабле, отправляемся на планету. Туда, где меня ждут ребята. Там разделимся. Я направлюсь к тем, кто укрываются в лесах (я решил, что туда надо уйти именно мне: Питек был не уверен в своих возможностях, а Рыцарь и Георгий были уж чересчур воинственно настроены). Питек и Георгий попытаются установить связь с Шуваловым, потому что они самые ловкие, выносливые и к тому же следопыты. Уве-Йорген, твою задачу мы определим там, внизу. Вероятнее всего, ты будешь в резерве.— Уж очень не хотелось мне оставлять его на корабле.— Ты, Гибкая Рука...

— Он пусть останется на вахте,— сказал Уве-Йорген.

— Хорошо,— согласился я.— Ну и, естественно, доктор Аверов не покинет своих приборов.

Аверов кивнул. Умолкнув в начале разговора, он больше не принимал участия в совещании.

— Связь с кораблем: ежедневно в восемнадцать часов, в шесть часов и двенадцать часов по нашему времени, а сверх того — по мере надобности. Предупреждаю: со связью могут быть помехи, внизу увидите сами.

— Ясно,— ответил за всех Рыцарь.

— У меня все,— сказал я.

— Когда вылет? — спросил пилот.

— Сколько вам нужно времени, чтобы собраться?

— Чтобы собраться — немного. Но я подумал вот о чем: перед тем, как покинуть корабль, ребята могли бы провести полчаса в Садах памяти. Зарядить аккумуляторы, так сказать.

Я не нашел в этом ничего плохого.

— Добро,— согласился я.— Все?

— Да.

— Все свободны,— объявил я.

Я так и думал, что Рыцарь задержится. И он остался.

— Капитан...— сказал он негромко, подойдя ко мне вплотную.

— Я слушаю.

— Ты и на самом деле совершенно уверен...

Я взглядом показал, что понял его.

— Совершенно? — переспросил я.— Полной уверенности, ты знаешь, не бывает. Но не представляю, как мы можем допустить, что не сделаем этого.

— Ну, хотя бы такой вариант: мы сейчас летим на планету, в воздухе происходит катастрофа — и на поверхность мы прибываем уже в виде обломков и обрывков. Теоретически допустимо?

— Теоретически... да.

— А гибель Земли ты допускаешь, Ульдемир, хотя бы теоретически?

— Не хочу,— сказал я.

— Значит, страховка нужна?

Я знал, что он имеет в виду. И на этот раз был с ним согласен. Нет, в этом не было никакого противоречия. Нельзя было обсуждать возможность неудачи перед всем экипажем: когда люди готовы выполнить тяжелую задачу, они не должны допускать и мысли о возможном невезении. Надо настроиться на игру, как говорили в мои времена. Но в себе я был достаточно уверен, да и Уве-Йорген, кем бы он ни был, оставался человеком долга, и я считал, что на него можно положиться.

— Хорошо,— сказал я.— Какую страховку ты предлагаешь?

— Я объясню. В тот момент, когда наблюдения покажут, что вспышка становится все более вероятной, надо, чтобы корабль все же выполнил свою задачу — независимо от всего остального. Такой вариант тебя устраивает?

— Да. Если только будет уверенность, что положение действительно безвыходное.

— Это установит Аверов. Ты согласен?

— Кто же, кроме него? Но на остальное он не решится.

— Поэтому я и хотел, чтобы Рука остался на борту. Ты веришь ему?

— Я всем верю,— сказал я, и это была, в общем, правда.

— Сейчас они в Садах памяти. Через полчаса встретимся у Руки. Согласен?

Я подумал, что Уве-Йорген и тут пытается овладеть инициативой. Но не было причин осаживать его, и я позволил себе лишь самую малость.

— Через сорок минут, Рыцарь,— поправил я, глянув на часы.

Он кивнул:

— Я могу идти?

— Уве...

— Ульдемир?

— Почему ты не спросишь больше ничего о той девушке?

Я сказал так потому, что мне вдруг страшно захотелось поговорить о ней — с кем угодно.

Он покачал головой:

— У нас не было принято обсуждать с начальниками их личные дела. Понимать службу — великая вещь, дорогой Ульдемир.

Станные все же существовали между нами отношения, свободные и напряженные одновременно, дружеские — и в чем-то враждебные. Часто мы в своих схватках бродили по самому краю пропасти, которую видели только мы одни; это было только наше — пока, во всяком случае. И, пожалуй, без этого нам было бы труднее.

— Разве службу кто-нибудь понимает? — улыбнулся я.

— Гм,— сказал Уве-Йорген.

— Прости, Рыцарь. Строй — святое место, не так ли?

— Именно.

— Значит, через... тридцать пять минут,— сказал я, выходя.

* * *

Анна спала в моей каюте на широком капитанском диване — она даже разделась, как дома, и за это я опять мысленно похвалил ее. Я убавил освещение до сумеречного, сел в кресло и долго смотрел на нее — не как на желанную женщину, а как смотрят на спящего ребенка. Смотрел, не думая, не пытаюсь ни опуститься в прошлое, ни подняться в будущее. Не думая о том, не произошло ли час назад в этой самой каюте что-то непоправимое, потому что для всякого действия есть свое время, мы только не всегда верно угадываем его — или неверно вычисляем... Я просто смотрел, и мне было хорошо, как только может быть хорошо человеку. Тут, как и в спасении людей, нельзя было настраивать себя на возможность неудачи.

Только хорошо, только хорошо могло быть, и никак не могло быть плохо.

Так просидел я полчаса. Потом встал и вышел, стараясь ступать неслышно. «Такова жизнь,— думал я, шагая по палубам тихого корабля.— Она началась еще до того, как я родился, такая жизнь, и вот продолжается сейчас, через тысячелетия. Дела, дела — и любовь в антрактах. Перерыв на обед. Перерыв на любовь... Когда-то все дела делались в перерывах любви. И, наверное, это было лучше.

Но слишком серьезные дела у нас сейчас — жизнь и смерть. И если бы еще только наша... Но ты больше не уйдешь, Анна, милая, у нас теперь все будет пополам — и жизнь, и смерть. Любая половинка этого, а больше нечего предложить тебе».

* * *

— Значит, вот в чем дело, Рука... Корабль, как ты знаешь, изготовлен к походу. Установка доктора Аверова заряжена, автоматика все время держит звезду в прицеле. Доктор Аверов неотрывно следит за тем, как ведет себя звезда.

— Кто из нас инженер, Ульдемир,— спросил Рука,— и кто из нас лучше разбирается во всем этом? Может быть, ты хочешь, чтобы я рассказал тебе о принципе действия и устройстве установки доктора Аверова?

Уве-Йорген, что сидел рядом, чуть улыбнулся. Я нахмурился: со мной разговаривал инженер Гибкая Рука, а мне инженер сейчас не был нужен. Мне нужен был индеец.

— Рука,— сказал Уве-Йорген негромко.— А что ты видел в Садах памяти?

— О,— сказал Рука и помолчал, опустив веки.— Я видел многое. Моих вождей и моих детей. И разговаривал с ними. Я был на охоте, и стрелы мои попали в цель.— Он снова помолчал.— И потом я снова стоял на тропе войны. Как в тот день, когда меня забрали сюда. Я стоял, стрела летела в меня из засады, и я знал, что она попадет, знал еще за полсекунды до того, как тот спустил тетиву...— Теперь в его голосе, негромком и монотонном, чувствовалась ярость, и я воспользовался этим.

— Слушай. Если звезда будет спокойна, тебе ничего не придется делать — только поддерживать связь с нами. Если же она станет опасной...

— Как я узнаю это?

— Если даже доктор захочет скрыть, то все равно узнаешь это по его лицу.

— Да,— согласился Рука с оттенком презрения в голосе.
— Так вот, как только ты поймешь, что звезда стала опасной; ты погасишь ее. Включишь установку. Но не сразу. Сначала выведешь корабль с орбиты — для этого тебе придется только включить автомат...

— Я знаю это. Не трать лишних слов.

— И на расстоянии миллиона километров от звезды включишь.

— Это даже если никого из вас не будет на корабле?

— Именно в том случае. Потом вернешься к планете, ляжешь на орбиту. Если мы не подадим никаких сигналов...

— Сколько времени мне ждать сигналов?

— Ну, двое, трое суток: раз уж мы будем молчать, то замолчим накрепко... Тогда отправляйся на Землю.

— Я не пилот; мне не довести корабль до Земли. Я знаю, чего это стоит. Может быть, Рыцарь останется вместо меня?

— Рыцарь понадобится на планете. Что ж, Рука; если ты не доведешь машину до Земли, значит... не доведешь.

— Я понял тебя.

— Тебе не страшно?

— Если бы ты жил среди нас,— сказал он,— ты не стал бы спрашивать.

— Ну, извини, я не жил среди вас, а у нас в таких случаях было принято спрашивать.

— Нет. Руке не страшно.

— Ну, вот и все. Что ж, Уве-Йорген, если у тебя нечего добавить, будем собираться и мы.

— Нет,— сказал Рыцарь.— Пока нечего.

* * *

Анна спала глубоким сном, но проснулся сразу же, как только я дотронулся до ее плеча.

Она, видно, и во сне была напряжена — вскрикнула и сразу же села на диване. Несколько секунд приходила в себя, потом нерешительно улыбнулась.

— А... вспомнила.

Я сел рядом, обнял ее, положил ладонь на обнаженное плечо. Мы сидели молча. Потом Анна взглянула на меня, в ее взгляде был упрек.

— Ну... — сказала она.

Я усмехнулся — виновато, по-моему, — и встал.

— Нам пора,— сказал я.— Одевайся, да?

Она кивнула.

— Ты не думай,— сказала она.— Я тоже... Только не сейчас. Я никогда...

— Я все понимаю,— сказал я.— И ребята ждут нас. Надо лететь.

Пока она одевалась в ванной, я взял сумку, кинул в нее несколько мелочей, что могли пригодиться на планете. «Странная вещь — любовь,— подумал я.— Наверное, она настоящая тогда, когда противоречит самой себе — не решается на то, на чем, по сути, основывается. Единство противоположностей...» Затем я оглянулся на всякий случай, отпер капитанский сейф, вытащил оттуда музейный кольт и две пачки патронов. Взвесил пистолет на ладони и сунул в карман. «Не зря я выторговал его,— удовлетворенно подумал я,— и как же они не хотели мне давать эту штуку! Но тут меня было не переспорить...» Я оглядел патроны и тоже сунул в карман.

— Надо надеяться, не подведут в случае чего,— сказал я сейфу.— Хотя проба была удачной. И стрелять я не разучился...

Вошла Анна — красивая, румяная, причесанная.

— Я готова, Уль.

— Я, кажется, тоже,— сказал я, оглядываясь, не забыто ли, по обыкновению, что-нибудь небольшое, но важное.

— Идем?

Я хотел поцеловать ее; она подставила щеку. Мы почему-то часто не понимаем самых простых вещей; если подставляют щеку — это может, кроме всего прочего, означать, что нечего тебе соваться. Но я не подумал об этом.

— Ну,— сказал я обиженно.

— Не надо,— сказала она, и я отворил дверь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Документы

«Распорядителю, состоящему при Хранителях Уровня. Судья восьмого округа сообщает.

Да пребудет с тобой Красота.

Как было предписано, я велел каждому десятому взять лопату и оружие и всем вместе направиться в место, где никого не должно быть. Взяли они также еды на три дня.

Давно уже не был закат так прекрасен, как сегодня. Трава зелена, и ветер из леса благоухает.

Пусть и у вас будет так же, и пусть все будут здоровы. Судья восьмого округа».

Сучья угрожающе гнулись под его тяжестью, но не успевали хрустнуть: сильно качнувшись, Питек — нет, не Питек, а еще Нхаскушшвассам, так его звали, — перелетал на следующее дерево, руки безошибочно обхватывали облюбованную ветвь, ноги рывком подтягивались к животу, пружинно выпрямлялись — и снова мгновенный полет, другой сук, — не замедляя движения, встать на него, пробежать до ствола, обхватив руками и ногами, мгновенно подняться на два человеческих роста выше, ухватиться за ветвь, перебирая руками — добраться до ее середины, снова колени касаются груди, распрямляются — и опять тело мелькает в воздухе, повисая на миг над пустотой...

Внизу был кустарник, внизу с такой быстротой не пробежать, на земле ему не догнать бы оленихи, остаться без добычи, не принести мяса женщинам и детям.

А здесь, наверху, он обогнал ее. Мельком заметил два птичьих гнезда; это потом, они не убегут. Язык отяжелел от слюны. Питек быстро, прильнув к стволу (сучок оцарапал грудь; охотник даже не заметил этого), спустился на самый нижний, толстый сук, скорчился и застыл, готовый к прыжку.

Лань показалась внизу. Бег ее замедлился. Опасности не было. Животное остановилось. Ноздри его раздувались. Оно приподняло ногу для следующего шага. Оглянулось.

Питек беззвучно обрушился сверху — точно на спину. Обхватил обеими руками гибкую шею. Лань рухнула от толчка. Хрустнули позвонки.

Крик победы, крик радости жизни, клич уверенности в себе. Это я, охотник! Это я, сильный и быстрый! Это я, приносящий мясо! Это я! Это я!..

Но кто там шевельнулся в кустах? Кто?..

Медленно, гулко звонил колокол. Дверцы келий распахивались со скрипом. По полу длинного коридора тянуло сырым ветром. Братия шла к заутрене. Тускло мерцали свечи. Красновато отблескивали глаза. Из трапезной несло капустой.

Шла братия не торопясь; бывалые мужики, ратники, ремесленные люди шли отмаливать грехи людские за многие колена. Немалые грехи.

Да придет царствие твое, да будет воля твоя!

Шел и брат Никодим, иеромонах. Шел, привычно шевеля губами,

душой припадая к Господу. От промозглого холодка прятал ладони в рукава.

Господь плохо слушал нынче, и мысли сбивались с возвышенного, тянули вниз, к суетному, к мирскому.

Небогатое было хозяйство, но — с лошадьё. Не отдыхал, работал. Зато и жил, не умирал. Как все, жил.

Чего не хватало?

Не хватало иного. Возвышенного. Таков уж уродился. Был моложе, плакал ночами. Тесно было душе. Мысли: лошадь ли при мне, я ли при лошади? Хлеб сею, дабы ясти — а ем для чего. Воистину, человек — единая персть еси.

Мечталось: человек не токмо будет в земле рыться. Есть в мире красота, и дана она человеку от Господа с великим умыслом. А не видит ее человек, попирает лаптями.

Единожды подумалось: красота — от Бога, красота — в Боге. И пристала мысль. Не вытерпел; оставил все. Брату оставил единокровному, единоутробному. Простился. Ушел.

Давно это было...

Молился Никодим бездумно, привычно отмахивал поклоны, осенял грудь крестом, а мысли далеко гуляли.

Не нашёл красоты и в обители, за дубовым тыном, за крепкими стенами, что сложены на извести, замешанной на куриных яйцах.

Уже и думать стал, сомневаясь: а точно ли есть она? А коли есть, то для человека ли? А может, красота сама по себе, а человек — особо, ползает по ней, яко вошь по подряснику, но не зрит, понеже не умудрен?

Вздохнул иеромонах брат Никодим. Еще долго стоять. Коленям холодно, но ничего, привык, давно привык.

Брат Феофил приблизил бороду, тихо, только Никодиму, — в самое ухо:

— Слух прошел — поляки нас воевать собираются.

Никодим сотворил крестное знамение:

— Господь поможет...

— Король Стефан. Мимо нас им не пройти, иная дорога не торена.

Моргнул Иеромонах, ничего не ответил. Может быть, увидел — в редкие минуты такое бывает дано человеку — себя на стене, что не для того лишь, дабы охранить монаха от соблазнов мирских, но и чтобы противостоять всякому, кто идет с заката. Себя на стене и стрелу тяжелую, что летит, и все ближе, ближе, медленно, как в тяжелых снах, что от искушителя, от лукавого. Летит, и никуда не деться тебе...

Прощай, белый свет, прости, Господи, за грехи.

Прости, красота непознанная...

Сладок звук кифары, но звонче ударяет бронза о бронзу, звенит мечт о пластрон, и копье утыкается в туго обтянутый кожей щит, и трепещет гребень на шлеме.

Для чего жив человек? Чтобы умереть достойно.

Какая смерть достойна? Только в бою.

Воин падет в бою, и Спарта будет оплакивать гоплита и радоваться тому, что не перевелись еще истинные мужи.

Дети вырастут, и возьмут твой меч, и наточат, чтобы одним касанием сбивать черные бороды вместе с головами.

Легкий воздух Фермопил врывается в грудь. Больше! Больше!

Шаг в сторону — и копье пролетает мимо. Бессильно лязгает о камень за твоей спиной.

А-а!

Шаг вперед — и удар мечом. Ужас в чужих глазах, за миг до того, как хлынувшая кровь зальет их. Как раковина под сандалиями, рассыпается круглый, чужой шлем.

Кипит бой, и звенят перья Эринний.

Не выдержав, отходят наемники — что им Спарта? — и персы накатываются слева, как волны морские.

Нет пути назад...

Хха! — выдох при ударе.

Сражался справа Ипполит. Где ты?

Уже сидит Ипполит в зыбкой лодке, и Харон, перевозчик, медленно движет весло. Не плещется тяжелая вода Стикса...

Хха!

Кто, кроме нас, рожденных Спартой, устоял бы, не обратился в бегство?

Никто.

Хха!

И еще раз: хха!

И еще...

Как отяжелела рука. И льется кровь. Когда это?.. Не заметил. Неужели последний бой?

Или там, в селениях блаженных, воины тоже выходят — против тех, кто не был угоден богам, кто бежал с поля, кто предал свой город и свой народ, своих старцев и женщин, своих детей и их детей, и своих богов, и честь свою? Выходят воины, и те снова бегут, но не дано им убежать, и их будут убивать честные воины, убивать по десять раз и по десятую десять раз, и все страшнее будет их страх, и все ужаснее — ужас, и мутная их кровь будет течь по лезвиям наших мечей, и земля не впитает ее, сухая земля той, другой Спарты, что, конечно же, есть в тех селениях...

Только так и должно быть.

Не берите меня, я хочу испустить последний свой вздох здесь, на этих камнях, где рядом лежат наши воины, а другие еще сражаются.

Не берите меня!..

* * *

Они вышли из Садов памяти, каждый из своего замкнутого и молчаливого. Быстро уложили сумки.

Ульдемир и Уве-Йорген ждали их у эллинга.

Анна увидела приближающихся членов экипажа и невольно прижалась к капитану. Так блеснули их глаза, таким сверлящим был взгляд.

Дверь бесшумно отъехала, открывая доступ к катерам.

* * *

Оба катера оторвались от корабля почти одновременно. Аверов и Рука провожали их взглядом, пока светлые точки на экране не погасли, совместившись с диском планеты.

Тогда Рука сел.

— Кури, доктор.

— Что вы, я не курю...

— Да, у вас не курят. У нас курят. Я буду курить.

Он закурил.

— Правильнее было бы сказать — у вас курили, — деликатно проговорил Аверов.

— Сейчас, думаешь, не курят?

— Сейчас... Это было ведь так давно, их уже давно нет.

— Да, — согласился Гибкая Рука спокойно. — Так мне говорили. Нам все так говорили.

— Вот именно. Разве вы не верите этому?

— Не знаю. Знаю, что они — очень далеко. Так далеко, что я, наверное, никогда больше их не увижу. Мое племя — здесь. Капитан, Рыцарь, даже ты — мое племя.

— Гм... Ну, да...

— Но то племя, которое раньше было моим — оно есть. Раз я есть — почему же нет моего племени?

— Но ведь прошли столетия...

— Я этого не понимаю, доктор. Меня взяли, увезли. Я рад. Иначе я остался бы совсем без волос... и без головы тоже. — Рука

не засмеялся: он не умел смеяться. — Увезли далеко, доктор. Но там, откуда меня увезли — они все остались. И сейчас тоже живы, я знаю. Только старики, наверное, уже умерли. Некоторые. А другие живут. Не надо говорить, что это не так. Я понимаю так. Не могу понимать иначе.

— Хорошо. Я не буду говорить об этом.

— Да. Кури... Ах, да. Слушай. Завтракать, обедать, ужинать мы будем вместе.

— Хорошо.

— Нас слишком мало осталось, поэтому будем вместе. И каждый раз ты будешь говорить мне, как дела.

— Какие дела?

— Дела у звезды. Как она.

— А зачем?

— Так надо.

— Собственно, я знаю — капитан мне тоже говорил... Но я не понимаю — зачем. Вы же не специалист...

— Пусть доктор думает — это потому, что Рука на связи. Если капитан спросит, чтобы Рука мог сразу ответить.

— Но ведь можно пригласить меня...

— Да. Но ты понял: три раза в день ты будешь говорить мне.

— А ночью? Ночью тоже говорить?

— Погоди. Ты покажешь мне, как увидеть, что звезде хорошо, и как увидеть, что ей плохо. Ночью доктор будет отдыхать. Наблюдать будет Рука.

— Когда же будет отдыхать Рука?

— Потом, — сказал индеец. — Потом. Отдыхать он будет вместе со своими. Не с этими. С теми, кто остался далеко.

— Не понимаю...

— Ты многого не понимаешь, доктор. Я понимаю. И хватит.

* * *

Застекленная крышка в потолке откинулась, спустили лесенку. Несколько пар глаз смотрели сверху.

Шувалов поднялся по лесенке. Он оказался на площадке — скорее всего, на плоской крыше строения, — обнесенной невысоким парапетом. Его окружили несколько человек: четверо особо мускулистых — должно быть, санитары, двое были, видимо, врачами. Шувалов глядел на них с откровенным любопытством.

— Иди туда, — сказал один из врачей и вытянул руку.

— Я просил бы все-таки позволить мне умыться и прочее, — проговорил Шувалов.

— Конечно. Это там.

Шувалов подошел к краю площадки в том месте, где в парапете был выем. Вниз вела деревянная, из толстых брусьев лестница с перилами. Строение оказалось одноэтажным, еще несколько таких же виднелось по соседству, стены их снаружи были расписаны цветными линиями и пятнами. Цвета гармонировали, смотреть на них было приятно, и Шувалов почувствовал, как утихает в нем поднявшаяся было тревога: все-таки от предстоящего разговора зависело многое.

— Ты боишься спуститься? — спросил тот же врач.

— Я просто люблюсь. Красиво.

Шувалов имел в виду не одну лишь роспись; обширный, обнесенный высоким забором участок вмещал не только домики — тут и там тенистыми купами возвышались деревья, и каждая группа их была не похожа на все остальные и оттенком зеленого цвета, и формой ветвей, и очертаниями кроны; каждая группа говорила о каком-то чувстве: радости, грусти, уверенности...

— Да, — согласился врач. — Может быть, тебе помочь?

— Благодарю. Я сам.

Пока он мылся, санитары не спускали с него глаз. Полотенце было шершавым, грубоватым.

— Я готов, — молвил Шувалов с облегчением.

Его провели к врачу. Там было и похоже, и непохоже на кабинет врача на Земле: светло и чисто, и даже стеклянный шкафчик стоял, но не было той электроники, автоматики, оптики, без которых трудно было бы представить себе современную медицину.

Санитары остановились за спиной, у двери. Врач сидел за столом.

— Садись... Ну, как ты себя чувствуешь?

— Благодарю вас, прекрасно. Однако прежде чем отвечать на дальнейшие ваши вопросы, позвольте мне задать один.

— Ну... пожалуйста.

— Долго ли мне придется пробыть здесь — разумеется, в случае, если я буду признан здоровым?

— О, не более двух недель. Ты знаешь, конечно, из скольких дней состоит неделя?

— Из семи, естественно.

— Ах, из семи.

Врач переглянулся с другим, сидевшим сбоку.

— А какой сегодня день недели?

Шувалов подумал.

— Откровенно говоря, было столько дел, что я не следил...

— Нет-нет, если ты затрудняешься с ответом, так и скажи. Итак, ты не помнишь, какой сейчас день недели. А какой месяц и какое число?

— Ну, по нашему календарю...

— Прости. Что значит — по вашему календарю?

— То есть... Видите ли, объяснение этого надо начинать изда-
лека...

— О, пожалуйста, у нас есть время, и у тебя его тоже доста-
точно...

— Ну, в этом я с вами как раз не очень согласен. Дело в том, что... Видите ли, вы — врач, следовательно, человек, не чуждый науке, научному складу мышления. И вам сравнительно нетрудно будет понять то, что я должен сказать.

Он умолк, поймав себя на мысли о том, что ему как-то очень легко — и вместе очень трудно разговаривать с этими людьми. Легко — потому что они каким-то образом располагали к откровенности. Трудно — потому что для него, Шувалова, человека своего времени, как и для всех, кто родился и жил в его эпоху, не представляло труда следить за ходом мысли собеседника, понимать движущие им мотивы и предугадывать выводы: но, как оказалось, это было применимо лишь к современникам: уже члены экипажа вовсе не являлись для Шувалова открытой книгой, неожиданные, непредсказуемые эмоции врывались нередко в их логику, искажая или вовсе подавляя ее, а порой, напротив, в момент взлета эмоций в них вторгался холодный расчет — чего современники Шувалова себе тоже не позволяли, ратуя за чистоту и мысли, и эмоции, четко отделяя то, что было подвластно эмоциям, от всего, что должно было решаться лишь рассудком. А теперь, сидя напротив этих врачей, Шувалов почувствовал, что они, современники деревянных строений и вещей, не уступают ему в умении проникать в глубь человека, но делают это как-то по-другому, а для него остаются непонятными, как мощная станция, что работает тут, рядом, но на той частоте, какой нет в вашем приемнике.

— Ты задумался? Можешь быть уверен — мы постараемся тебя понять. — Врач мельком переглянулся с другим. — Итак, мы слушаем.

— Да. Я просто думаю, с чего начать, чтобы...

— Я советую, чтобы было легче, начать с того, что сильнее всего беспокоит тебя именно в эту минуту. Ты знаешь, что больше всего беспокоит тебя?

Шувалов хотел сказать, что больше всего его сейчас беспокоит то, что контакт нужен, а его, этого контакта, нет; и внезапно понял, что это не самое сильное беспокойство, просто он привык так думать. Сильнее сейчас было другое, а не вспышка, не ее угроза.

— Понимаете ли... Конечно, первоисточник всего — это вспышка вашего светила, возможность и степень вероятности такой вспышки. Но есть и другое. Мы ведь можем погасить звезду —

ваше солнце. Тогда погибнет все. Если бы на корабле был я, причин для беспокойства не было бы. Но у аппаратов сейчас сидит Аверов... мой сотрудник. Он наблюдает, он накапливает материал... и только он сейчас может его интерпретировать. А вы должны знать, как важно при интерпретации — отбросить все предвзятое. Все личное. Вы меня понимаете?

— Да-да. Конечно.

— Я не говорю, что он не способен правильно оценить значение... Он — знающий и способный человек, и, в конце концов, я все последние годы занимался больше организацией, чем непосредственно наукой. Нет-нет, я не хочу сказать, что я совсем уже... Да и, не хвастаясь чрезмерно, могу сказать: того, что я сделал в науке, хватило бы на двоих, а ни один человек не может творить бесконечно... То, что мне приходится заниматься организационными проблемами — неизбежное следствие приобретенного опыта и авторитета...

Шувалов говорил, сам не зная, зачем стал вдруг распространяться об Аверове; наверное, это все-таки сидело где-то глубоко в душе — и не наверное, а точно сидело, он просто не признавался себе, — и вот подвернулся случай — или даже его просто натолкнули... Врачи слушали внимательно, он видел, что им интересно, временами они что-то записывали, потом надолго откладывали карандаши.

— Вы понимаете, для меня, вследствие того, о чем я уже сказал, не представляет опасности — выпасть на два-три года из научного обращения, а возвратившись, непринужденно подняться на уже воздвигнутый пьедестал, заложив руки за борт сюртука. («Вряд ли они поймут насчет сюртука, — промелькнуло у него, — да ладно...») ... А для Аверова все обстоит совсем не так. Для него все зависит от того, что он сделает — или чего не сделает здесь. За два-три года возникают новые величины, новые школы, новые направления, накапливается колоссальное количество новой информации... Если бы только мы с Аверовым работали над нашей проблематикой; но вы можете представить, сколько таких! И если в день старта экспедиции мы были впереди прочих, то по возвращении неизбежно окажемся в хвосте. А вы сами знаете, каково сейчас догонять! И вот меня это уже не волнует, а Аверова волнует и должно волновать. Я отлично его понимаю — ведь и я не родился с научными трудами, открытиями и академическими званиями. Все это сделал я сам, и не только благодаря способностям и умению работать, но и благодаря честолюбию, да. И Аверов честолюбив не менее меня, а больше, потому что его честолюбие молодо и страстно, хорошее научное честолюбие, а мое — успело состариться и остыть. И вот я опасаясь того, что он сидит сейчас у приборов и аппаратов, наблюдает и интерпретирует, и как только решит, что возникла критическая ситуа-

ция и вспышка может последовать в ближайшем будущем, — он пустит в ход свою установку, и в конце концов будет морально оправдан — в своих и чужих глазах — тем, что таким путем он спас человечество!

А между тем, ситуация может и не быть критической, но он решит, что она такова, потому что уж очень сильно будет — пусть даже неосознанное — желание... Будь я рядом, я смог бы предотвратить это. Но если я буду сидеть там — кто установит контакт с вашими руководителями, кто... Впрочем, об этом я уже говорил. Теперь вы понимаете, что меня беспокоит и почему контакт нужен мне как можно скорее?

— Мы все понимаем, без сомнения. Теперь мы зададим несколько вопросов.

— Рад буду ответить...

* * *

Врачи сидели в опустевшем кабинете. Шувалова увели.

— Наш судья, конечно, далеко не светоч разума, — сказал один. — Но на этот раз он не ошибся. Да и кто бы тут ошибся? Такая великолепная картина... О чем ты задумался?

— Смотрю. Взгляни и ты — как прекрасно играют тени на стене.

— Это солнце светит сквозь листья. Чудесно.

Они помолчали, наслаждаясь.

— Задерни занавеску до половины. Правда, еще лучше?

— Великолепный контраст... Да, ты говорил о картине. Она слишком великолепна.

— У тебя есть какие-то сомнения?

— Все дело в предпосылках. Понимаешь, все, что он говорил, укладывается в довольно строгую систему — я, как мы уговаривались, следил за логичностью и обоснованностью изложения и выводов. Да, в очень стройную систему...

— Ну, при заболеваниях психики это не такая уж редкость.

— Согласен. И тем не менее...

— Неужели ты собираешься поверить хоть единому его слову? Это такой же человек, как мы с тобой... только, к сожалению, больной. Бред, навязчивые идеи...

— Обождем немного с диагнозом.

— Ну, знаешь ли, если мне надо выбирать между двумя возможностями: поверить в пришельцев из иного, высокоразвитого мира — или диагностировать паранойю, то я, вернее всего, предпочту второе. Не пойму: что смущает тебя?

- Не забудь, что мой сын — астроном.
- Прекрасно помню. И что же?
- Пусть он поговорит с больным.
- Ты хочешь устроить экспертизу?
- Мы ведь специалисты только в своей области. Видишь ли, если он бредит, то в чем-то — большом или малом — неизбежно нарушит положения науки, выйдет за их пределы. Мы с тобой ничего не заметим, а специалист поймет...
- Хорошо, ты убедил меня. В конце концов, время у нас есть; будь мы даже уверены, что он абсолютно нормален, закон не позволил бы нам выпустить его, не проведя всей программы обследования, раз уж он направлен сюда официально, а не пришел сам.
- Да. Вечером я попрошу сына.

* * *

Их было много, человек сто или даже больше. Они шли по дороге не торопясь, лопаты, оружие и черный ящик везли позади на телеге, а за ней тянулся длинный хвост долго не оседавшей пыли. Шли кучками, кто молча, кто негромко переговариваясь.

- Готфрид Рейн принес сына.
- Счастье в дом...
- Кончается подошвенная кожа.
- А сколько тебе на следующий месяц?
- Сколько сделать? Еще не сказали...
- Иероним Сакс ушел в лес.
- Жаль. Хороший кузнец был.
- Но с фантазиями. Видел красоту в куске железа. Ты видишь?
- В куске железа — нет. Но я и не кузнец... Жаль, что ушел. Мне пришлось время взять новую лопату. Думал, он сделает. Была бы славная лопата.

— Ничего, сделает другой.

Передние остановились. За ними и остальные.

— Закат, — сказал кто-то. — Полюбуюсь. Красиво.

Закат, и правда, был красив. Медленный перелив красок на небе. Одинокое облачко. Треск насекомых в высокой траве по сторонам дороги. Сильный запах цветов, что раскрывают свои чашечки по вечерам.

Постояли молча. Пришел час смотреть на солнце, сняли с телеги ящик, полчаса посмотрели. Потом разошлись по обе стороны дороги и стали устраиваться на ночлег. Поужинали холодным запасом, запивая водой.

— Перед рассветом поднимемся. Встретим восход, посмотрим на солнце — и в путь. Недалеко уже.

Смотреть на солнце полагалось всегда — дома ли, в дороге ли. Зимой и летом. Мужчинам и женщинам. Только детям не надо было, и старикам тоже.

Солнце село; загорались звезды, узор их был вечен и надежен.

— Какая ночь!

— Благодать.

— Спокойного сна.

— И тебе тоже, друг.

* * *

Астроном пришел к Шувалову этим же вечером: ему не терпелось. Был он молод, высок, вежлив. Войдя, полюбовался, как полагалось, горячей свечой, игрой светлого пятна на потолке. Объяснил, кто он и зачем явился.

Шувалов вечером был сердит, потому что надеялся, что врачи, люди разумные, после разговора его отпустят. На Земле так и произошло бы, потому что беседа была бы вовсе не главным: там были приборы, психиатрия давно стала наукой точной. А здесь, видимо, обходились лишь опытом и интуицией. Все это, как знал Шувалов, временами подводило. Вот и на сей раз подвело.

— Ах, астроном, — сказал он и подумал, что и астрономия тут, видно, основана на интуиции и, значит, разговора снова не получит: его выслушают, но не поймут.

И все же пытаться надо было до последней возможности.

— Вас что же, врачи прислали?

— Да.

— И зачем же это? Скрасить мое одиночество или учинить экзамен? Я, впрочем, готов ко всему. Спрашивайте, если угодно.

— Они сказали, что ты тоже астроном.

— Тоже? Я? Ну, пусть я «тоже». Интересно! Да, во всяком случае, там, откуда я прибыл, меня считали далеко не самым худшим из представителей этой науки.

— Откуда ты прибыл?

Это «ты» каждый раз прямо-таки било Шувалова по нервам. Он с неудовольствием подумал, что теряет контроль над собой. Уважающий себя человек не допустит такого. Но обстоятельства были из ряда вон выходящие. Он сделал усилие и успокоился.

— Как вам объяснить... Галактического глобуса у вас, разумеется, нет. Но хотя бы карта, друг мой, карта ближайших звезд. По сути дела, мы ведь соседи...

Карту астроном принес. Разложил ее на столе. При слабом свете свечи приходилось напрягать зрение, но Шувалов довольно быстро разобрался.

— Вот та звезда, откуда мы, — сказал он, указывая.

Астроном взгляделся.

— Ага, — озадаченно сказал он.

— Что вас смущает?

— Меня... Ты хорошо знаешь легенды?

— Ваши? Откуда же?

— Ах да, наши. Я все забываю, что ты прилетел. Ты ведь такой же, как мы. Как ты объясняешь такое сходство?

— Ваши предки прилетели с нашей планеты.

— Легенда... — повторил астроном. — Ведь на самом деле у нас не было и нет предков: наш источник — Сосуд. Но пусть. Что же привело вас сюда? Откуда вы узнали о нашем существовании? Путем наблюдений?

Это была маленькая ловушка: на таком расстоянии наблюдения ничего не могли дать.

— К сожалению, мы и понятия не имели о вашем существовании. Иначе мы явились бы более подготовленными. Нет, мы просто исследовали несколько звезд — и ваше солнце в том числе. И оно нас очень встревожило..

— Да, да. Это интересно.

— Ваша астрономия имеет представление о Сверхновых?

— Да.

— И о переменных вообще?

— Конечно.

— Относите ли вы ваше солнце к переменным?

— Да, — ответил астроном, чуть помедлив.

— Как вы оцениваете амплитуду колебаний его излучения?

— В пиках — плюс-минус полпроцента.

— Вот как! Но недавно был пик... Мы его зарегистрировали... Он намного превосходит по значению ваши полпроцента. И лишь благодаря его кратковременности...

— Я знаю. Был очень облачный день. Таких не бывает десятилетиями. Вообще у нас очень ясная погода. Круглый год.

— Видимо, у вас хорошие условия для обсервации. Но дело не в этом, облачный день или ясный — это не имеет значения. Итак, вам известно об этом скачке. А знаете ли вы, друг мой, что такие вот внезапные резкие колебания уровня излучения являются, по Кристиансену, — и я убежден, что это так и есть...

— Это какой Кристиансен?

— А, да... Один наш астрофизик. У него есть гипотеза — скорее даже теория — относительно признаков возникновения Сверхно-

вых. Ваша звезда относится как раз к такому классу, который...

— Мы знаем это. Но я же говорю тебе: у нас все время стоит ясная погода. Чего же волноваться?

«Да,— подумал Шувалов.— Горох об стенку. Нечего и пытаться».

— Друг мой, если вы действительно ученый... Не стану больше объяснять. Поверьте: это страшно важно!

— Мне очень хочется, чтобы ты меня понял. Не представляю, как можно не понять... Я не умею говорить, к сожалению. Лучше я сейчас принесу книги, таблицы...

— Так ли уж нужно убеждать меня? Было бы куда лучше, если бы вы убедили врачей выпустить меня. Я должен, во что бы то ни стало должен рассказать об этом вашим... Хранителям Уровня, или как их там.

— Врачи отпустят тебя. Они мне сказали. Но — через две недели. Так требует закон.

— Поздно, это будет поздно! Скажите им что-нибудь, что убедило бы их... Ну, скажите, что я страшный преступник, что меня нужно как можно скорее доставить к самым высоким правителям...

— Было бы просто смешно, если бы я стал говорить так. Врачи ведь знают, как и я, что ты виновен в нарушении Уровня. А все мы знаем, что это — не такое уж страшное преступление. Если бы Хранители Уровня стали сами заниматься такими делами, у них не осталось бы времени ни на что другое. Нет, если бы я сказал так, они посмеялись бы надо мной.

— Значит, преступление слишком маловажное...

— Радуйся этому, а не грусти. Потому что там, где воздвигают башни, жить и в самом деле не сладко. Успокойся. Я сейчас принесу книги. Среди них есть очень-очень старые, тебе будет интерес но...

И астроном поспешно вышел. Снаружи стукнула щеколда.

Шувалов глядел в пол, подперев рукой подбородок. Мысли его были мрачные.

Значит, даже в качестве преступника он не может добиться встречи с правителями этой не совсем понятной, наивной, зеленой и неудобной страны. Преступление его незначительно. Предостережения его бессмысленны. Никто не хочет говорить с ним. Никто не хочет и пальцем пошевелить, чтобы спасти себя и всех остальных. Он тут же успокоил себя, привел мысли в порядок. Ну да, таковы они есть, и ничего тут не поделаешь. Бесполезно сердиться на них. На детей не надо гневаться, их нужно воспитывать. И если этих людей придется спасать помимо их воли, то экспедиция так и поступит. Огонь у детей отнимают и силой, и в том нет жестокости. Никто не хочет слушать его, Шувалова. И все же он заставит выслушать себя. Выслушать, понять, поверить, подчиниться.

Как же он это делает?

Преступление немаловажно. Значит, когда совершается преступление важное, Хранители Уровня все же им интересуются?

Допустим, что это так.

— Какое преступление — самое страшное?

«Убийство», — подумал он и содрогнулся уже от одного звучания слова.

Убийство. Лишение человека жизни. Превращение человека, живого, разумного существа, в не-живое, не-разумное не-существо. Убийство. Преступление против жизни — против того, чему мы обязаны своим существованием. Преступление против самого себя, против каждого живущего человека.

«Может быть, ты на самом деле сошел с ума? — спросил себя Шувалов. — Сидишь и спокойно размышляешь об убийстве. Ты, частица величайшей, гуманнейшей культуры — и не самая незаметная ее частица, спокойно произносишь в мыслях страшное слово, и сознание не покидает тебя, и ты не проникаешься отвращением к самому себе — нет, нет, ты положительно ненормален.

Но что остается? — опять спросил он себя. — Что остается, если я пришел и кричу, но от меня отворачиваются?

Ты что, серьезно спросил: «Что остается?» — Словно бы всерьез рассуждал все время об убийстве? Это ведь все была шутка, этаким легкий разврат мыслей, безответственный, конечно, но безвредный!»

Но он уже понял, интуитивно почувствовал, что мысль об убийстве пришла не просто так. Что она — не шутка, и с каждым мгновением становится все серьезнее. Так, казалось бы, случайная комбинация слов, обрывок мысли, дикое предположение, сразу же отброшенное, возвращается вновь и вновь, показывает себя то одной, то другой гранью, и ты начинаешь привыкать к ней, и усматриваешь достоинства, и их становится все больше, а недостатков — меньше, и в конце концов оказывается, что только так и можно думать, и никак иначе, и возникает гипотеза, и ты начинаешь оснащать ее математическим аппаратом — и рождается теория...

Не так ли было со случайно обнаруженной книжкой Кристиансена?

«При чем тут Кристиансен, — возмутился он, — и при чем тут убийство?»

И все-таки мысли опять и опять возвращались к этому.

«Убить человека — значит прежде всего убить себя. Убить человека в себе. Действительно, гнуснейшее преступление против... против всего, что ни назови.

Да, да. Это все так.

Ты говоришь об убийстве действием. Ударом или чем там еще. Есть ведь какие-то способы убивать.

Интересно, это тяжело? Под силу ему?

Убийство действием. А бездействием? Такое убийство лучше?

Ты никого не тронешь. Смиришься. Будешь сидеть тихо. Пройдут две недели. Тебя выпустят. Ты найдешь своих или они тебя. Вернешься на корабль...

Ты спасешься. Не убьешь в себе человека. Сохранишь его на радость самому себе и прочим. А эти люди погибнут. Медленной, жестокой смертью. Такой выход лучше?»

Он хмуро усмехнулся.

Если приглушить на миг эмоции и дать волю рассудку, становится ясно: убить одного — лучше, чем убить множество. Даже если одного убиваешь своими руками, а остальных — их собственными.

Но — пусть рассудок трезво оценивает все, однако эмоции не вырвать, воспитание не отбросить, мораль не вывернуть наизнанку. Можно отлично понимать, что именно нужно сделать — и оказаться не в состоянии сделать это.

«Ты не в состоянии, — сказал он себе. — Не можешь. Как бы ни соглашался с этой мыслью — ты не сможешь.

Ты современный человек. Хороший, добрый, слабый человек. Что же делать? Что делать?

Постой... Но ведь, — да, далеко же могут завести мысли, если их не контролировать, дать им волю, — но ведь тебе же не нужна смерть человека!

Тебе нужно, чтобы твоим намерениям поверили — этого будет вполне достаточно!

Ты никого не убьешь. Но постарайся как можно правдоподобнее изобразить — как это называлось? Ну, когда хотели убить.

Все равно, как бы ни называлось. Правдоподобно изобразить.

Если бы только знать, как это делалось!

Сейчас вернется астроном. Надо напасть на него и что-то такое сделать...

Скажем, схватить его за шею и сжать. Слегка, конечно.

Нет. Он куда моложе и сильнее. Он сразу же разожмет твои руки и уйдет, и на этом все кончится.

Ударить?

Чем же? Тут нет ничего, кроме матраца. Стол прикреплен к полу. И стул. Это же для психически больных.

Ну, хотя бы кулаками.

Как отвратительно...»

Шувалова передернуло.

И все же — придется решиться!

Он сжал кулаки и несколько раз ударил в воздух. Встал. Положил матрац на стол и стал бить в него. Чихнул: пыль попала в ноздри. Но ударил еще несколько раз.

По матрацу очень просто. Вот и надо будет представить, что бьешь по матрацу. Раз, другой. И хватит...

Шувалов встрепнулся: он услышал шаги.

Идет...

Он приблизился к двери.

Она отворилась. Астроном заходил спиной: руки его были заняты — он тащил стопку книг и еще что-то, какой-то чемодан или ящик — деревянный, плоский.

Ящик!

Шувалов не дал ему повернуться. Рванул ящик. Книги упали на пол коридора: астроном стоял на пороге и даже не успел внести свой груз.

Шувалов зажмурился и, с искаженным лицом, ударил деревянным чемоданом.

Кажется, астроном вскрикнул. Шувалов ударил еще раз. Он даже не хотел этого, само собой получилось.

Ящик развалился. Какие-то дощечки, стеклышки, проволоочки...

Прикрывая затылок руками, астроном убежал по коридору.

Шаги его были неверны. Он кричал — почему-то негромко, словно стесняясь.

Шувалов, шатаясь, подошел к стулу. Сел. Уронил голову на руки. Его мутило и хотелось плакать, как если бы он был еще совсем маленьким...

* * *

Солнце здесь уже взошло, когда два катера повисли над лесом в поисках удобного для посадки места.

Что-то двигалось вниз. Люди, и много. Больше, чем оставалось их, когда капитан сел в катер и направился к кораблю.

Малый катер приземлился первым.

И сразу же в колпак ударила тяжелая стрела.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Это была еще не война. Просто власти, видимо, зачем-то послали своих людей сюда — может быть, просто чтобы удостовериться, что никто не нарушает запрет, — и те наткнулись на ребят, что ожидали моего возвращения. Может быть, впрочем, парней выслеждали, не знаю. К счастью, огнестрельного оружия у нагрянувшего войска не было, хотя, как выяснилось несколько позже, вообще-то

оно у них существовало. И вот атакующие швыряли из арбалетов стрелы чуть ли не в руку толщиной, а парни метали в них сучья и разный мусор. Все это делалось так, как будто главной задачей и нападающих, и обороняющихся было — ни в коем случае не задеть ни одного человека, так что убитых в схватке не было и раненых тоже. Как мы убедились впоследствии, войны на этой планете скорее всего напоминали шахматные партии, где шансы сторон подсчитывались по определенным правилам и набравший больше очков объявлялся победителем. По-моему, вовсе не так глупо, как может показаться на первый взгляд.

Пока что потасовка шла с переменным успехом, и я не знаю, к какому результату привела бы эта, пользуясь терминологией моего времени, странная война, но тут подоспели мы.

Правда, в игру мы вступили не сразу. Над полем брани наши катера проскользнули так стремительно, что сражающиеся нас просто не успели заметить. Мы посадили катера в стороне, рассудив, что рисковать машинами не стоит ни в коем случае. Но и очутившись на твердой земле, мы вступили в дело не сразу, потому что возникла проблема морального порядка: а следует ли нам вообще вмешиваться в чужую драку, какое право мы имеем на такое вмешательство? В конце концов, у этих людей были свои проблемы, свои законы и обычаи, а мы, незнакомые ни с тем, ни с другим, ни с третьим, могли, пожалуй, больше напортить, чем помочь.

Впрочем, тут нужна оговорка: такого рода мысли возникли вовсе не у всех членов экипажа, и даже не у большинства. Для Георгия и Питека таких проблем вообще не существовало: драка оставалась дракой, и мужское достоинство требовало немедленно вмешаться в нее. Уве-Йорген, продукт куда более поздней цивилизации, был военным по профессии, и для него сражение было единственной возможностью использовать знания и опыт, которыми он обладал. Мысль о невмешательстве пришла в голову Никодиму, и я сначала поддержал его.

— Подумай, капитан, — возразил мне Уве-Йорген, нетерпеливо расхаживая взад и вперед возле катера. — Ведь ответственность за это лежит на нас!

— За что? — ответил за меня Никодим. — Они не убивают, не бьют даже. Лукают в воздух, и пусть их. Надоест, перестанут.

— Тех больше, — сказал Уве-Йорген. — И в конце концов они одолеют. Что тогда будет с этими мальчиками?

Я оглянулся на Анну. Она все время порывалась что-то сказать, но не решалась перебить нас. Теперь она поспешно проговорила:

— Их пошлют в Горячие пески... Это очень плохо.

— Ты ведь говорил, капитан, что они остались тут, чтобы дожидаться тебя, — напомнил Уве-Йорген. — Поэтому я и говорю, что

ответственность лежит на нас: если бы не ты, они, может быть, давно уже удрали, но они держат слово. Они мне нравятся, капитан.

— Да скорей, пожалуйста,— жалобно сказала Анна.— Ну как вы можете спокойно разговаривать, когда там...

Я понял, что мы с Иеромонахом, скорее всего, неправы, и сказал:

— Ладно, ребят надо выручать. Только, пожалуйста, играйте по их правилам. Все поняли? Вперед!

— С фланга,— сказал Рыцарь, и мы, сделав крюк и укрываясь за деревьями, обрушились на защитников Уровня, как снег на голову.

И тут я понял, что все-таки значит воспитание. Видимо, не зря «нас всех учили понемногу»: драка сразу стала похожа на игру в одни ворота, хотя у наших не было даже луков, не говоря уже об арбалетах. Мы ударили, когда противник вовсе не ожидал этого. Питек при этом играл роль артиллерии крупного калибра: он метал сучья с таким же изяществом и непринужденностью, как австралийские туземцы — бумеранги; Никодим вооружился мощной дубиной (здоровые все-таки мужики были монахи — от безделья, наверное) и вышибал оружие из рук противника. Георгий подобрал какую-то палку и действовал ею как мечом; он, правда, не наносил ударов, но так убедительно показывал, что сейчас нанесет, что любой испугался бы. Ну, а что касается Уве-Йоргена, то он выглядел в драке, как человек, направляющийся на свидание с любимой девушкой,— он прямо-таки излучал блаженство, шел на противника не сгибаясь, в два счета отнял у одного из них арбалет и выпустил пару стрел очень точно, заставив их прогудеть в сантиметре от ушей тех воителей, кто пытался поддерживать в остальных ратный дух. Те сразу поняли намек, повторять им не пришлось.

Я участвовал в сражении меньше всех. Видя, что наша берет, я отошел в сторону и только следил, чтобы кто-нибудь из наших, в азарте, не стал драться всерьез. Все-таки мы поступали необычайно глупо. Сражались с теми, кого, несомненно, послали власти,— а ведь именно с властями мы должны были вступить в контакт. Теперь наша задача может сильно осложниться, стоит только властям узнать, что мы, прилетевшие, сразу же выступили против них. Правда, для этого еще нужно было, чтобы наши противники поняли, что мы являемся прилетевшими; но, может быть, именно с этого нам нужно было начать, с переговоров, а не с драки, может быть, так мы скорее всего смогли бы наладить контакт?

Пока я размышлял, сражение успело закончиться. Деморализованный противник бежал, а мы подобрали трофеи — арбалеты, стрелы, короткие дубинки: Хватились Иеромонаха — его не оказалось среди нас; но не прошло и десятка минут, мы еще не успели

организовать поисковую группу, как он появился — и не как-нибудь, а верхом на лошади; потом оказалось, что она была из обоза — тащила телегу, полную лопат, топоров и еще разной разности.

Это была картина; прямо Минин и Пожарский в одном лице. Так и казалось, что вслед за нашим Иеромонахом из лесу выступит дружина в синеватых кольчугах, с секирами на плечах и короткими славянскими мечами у пояса, или если уж не дружина, то, по крайней мере, тридцать три богатыря; кудлатая борода нашего воина хорошо монтировалась с представлением о дядьке Черноморе. Однако больше никто из лесу не вышел, и Иеромонах подъехал к нам в гордом одиночестве.

Но я смотрел уже не на него. Случайно взгляд мой зацепился за Уве-Йоргена, и я поразился: до чего же любовь меняет человека! Это был уже не суровый воин, каким он чаще всего казался, не умудренный невзгодами, слегка презрительный скептик; он весь светился изнутри, в глазах его было счастье, и руки дрожали. Он медленно встал, шагнул, постоял, шагнул еще раз — словно боясь, словно не веря тому, что это — не мечта, а реальность. Потом в два прыжка оказался у лошади — и обнял ее за шею, и припал к ней лицом, и даже, кажется, заплакал, и гладил ее, и бормотал что-то на своем родном хойдойч — на языке, в котором тут разбирался, пожалуй, я один, и то не бог весть как; в конце концов он едва не силой стащил Иеромонаха, вскочил сам, и мне даже захотелось поверить, что он и в самом деле был рыцарем и в свое время совершал в седле такие походы, на какие и несколькими веками позже отважился бы не всякий, был рыцарем, а не просто любителем верховой езды из какого-нибудь аристократического клуба. Вот как бывает: кажется, ты знаешь о человеке все — даже то, что он никак не афиширует, — и вдруг в результате какого-то пустячного происшествия начинаешь видеть его совсем с другой стороны, хотя общей картины это и не меняет.

Подождал Георгий: он, по традициям своего народа, преследовал противника до самой опушки; назад он тоже вернулся бегом, и после этого ему можно было дать ручные часы, и он разобрал и собрал бы их без единой осечки — до такой степени были тверды его руки и спокойно дыхание; а ведь бежал он не трусцой. Он тоже увидел коня; некоторое время я боялся, что эти трое — Рыцарь, Иеромонах и гоплит — передерутся насмерть; в конце концов пришлось употребить власть и определить, что лошадь, впредь до особых распоряжений, поступает в отрядный инвентарь, а ездить на ней будет тот, кому в данный момент это потребуется по обстоятельствам.

Уве-Йорген, конечно, сразу же заявил, что у него такие обстоятельства имеются. Надо, мол, объездить весь этот район, посмотреть, нет ли засады и не шныряют ли вражеские лазутчики. Я сказал:

— Ты прав, Рыцарь, только разведка — не для кавалерии. Это сделает Питек — он обойдет весь район, перепрыгивая с ветки на ветку. А у нас есть дела посерьезнее.

Уве-Йорген, кажется, всерьез обиделся, но дисциплина была у него в крови, и он подчинился беспрекословно, только надвинул берет на нос — в знак недовольства начальством.

Но я и на самом деле считал, что у нас есть более важное занятие. Поэтому, наведя относительный порядок, я попросил Анну заняться обедом, пока мы посовещаемся.

Она одарила меня не очень любезным взглядом и сказала:

— Это опасно: я могу вас отравить.

— Ну,— усомнился я,— вряд ли мы заслужили...

— Нет, просто я так готовлю.

И все же пришлось пойти на риск: нам были очень нужны рабочие руки. И я сказал собравшимся — экипажу и ребятам с девушками, страшно гордым тем, что оказали сопротивление страже и одержали победу (хотя и с помощью воздушно-десантных войск).

— Есть мысль. Нам надо как следует раскопать эту штуку.

И указал на холмик, на могилу старого корабля.

— У нас не археологическая экспедиция,— возразил Уве-Йорген.

Я сказал: — Меня просто поражает эрудиция лучших представителей рыцарских времен. А также их здравый смысл. И все же это не так глупо, как кажется на первый взгляд.

Уве-Йорген не сдался:

— Даже элементарные тактические соображения,— сказал он,— не позволяют остаться там, куда вскоре могут нагрянуть превосходящие силы противника.

— Не так-то уж и вскоре,— сказал я.— Не забудь, что у них нет мотопехоты и десантников тоже.

— Ну хорошо,— сказал он.— А что мы выиграем?

— Может быть, и ничего,— признался я.— Но может статься, кое-что выиграем.

— Ты думаешь?

— У меня все же есть какое-то представление о том, как снаряжались в ту пору экспедиции. С точки зрения логики, люди, поставившие целью разыскать пригодную для жизни планету и колонизировать ее, должны были пройти определенную специальную подготовку, ты согласен? А это, в свою очередь...

Я не договорил: в глазах Рыцаря блеснул огонек, и я понял, что моя мысль до него дошла.

— Кроме того,— сказал я, чтобы добить его,— если мы захотим сию же минуту эвакуироваться отсюда, то Буцефала придется оставить: в катер его не запихнуть.

На это я и рассчитывал: ни Уве, ни Иеромонах с Георгием теперь по доброй воле ни за что бы не расстались с обретенным конем. Больше разговоров об отступлении не возникало.

Грунт тут был песчаный, сухой и легко поддавался. Поразмыслив, мы предположили, что нос корабля находится в той стороне, где был подкоп, — в этом нас убедила едва заметная кривизна борта. А нам нужно было искать люк. Мы не знали, где он может находиться, но решили, что примерно в одной трети общей длины, считая от носа. Это было, конечно, чисто интуитивное решение. Так или иначе, мы принялись копать, оставив в дозоре только двух девушек.

Мы провозились до вечера, подобрались к борту в новом месте, но люка, к нашему огорчению, не нашли. Теперь надо было расширить прокоп, но это мы решили отложить до завтра. Стемнело, и волей-неволей пришлось трубить конец работ.

Мы разожгли костры, кое-как поужинали и потом еще долго сидели, глядя на пламя и думая каждый о своем. Питек как-то незаметно уснул у костра — ему было не привыкать. Иеромонах, крихтя, соорудил подстилку из лапника, а над ней что-то вроде навеса из того же материала, и вскоре они с Георгием тоже заснули. Уве-Йорген, проворчав что-то относительно уровня комфорта, направился спать в большой катер, и мы с Анной остались у костра одни, потому что ребята с девушками ушли спать куда-то в другое место — стеснялись нас, что ли. Анну они не пригласили, и я понял, что для них ее судьба представлялась уже решенной — не знаю только, ко благу или наоборот.

Но мне так вовсе не казалось, да и ей тоже. И мы сидели молча, и даже не рядом, и только изредка бросали взгляды друг на друга, а главным образом глазели на костер, где, догорев, сучья разламывались на угольки. Мне все равно надо было бодрствовать еще часа два — я определил, что первую вахту буду стоять сам; а Анна, наоборот, не знала, что ей делать. И я тоже не имел понятия.

Мы были знакомы, в конце концов, неполные сутки, и я не знал, каково ее отношение ко мне — если не считать того естественного уважения, которое она должна была испытывать ко мне хотя бы потому, что я прибыл издалека, из другого мира, и знал многое такое, что ей и не снилось. Но для женщины все это может играть какую-то роль, а может и не играть никакой; и во всяком случае, это еще не повод, чтобы приблизиться к ней вплотную. Правда, у меня было чувство, что сейчас она пошла бы за мной, не говоря ни слова, и все, что могло бы случиться затем, приняла бы не только, как неизбежное, но и как должное. Но я отлично понимал, что все это еще ничего бы не означало: просто день для нее необычно начался, необычно продолжался и, вполне закономерно, мог так же необычно

и закончиться: день, когда все происходило в первый раз, и девочка, кажется, была настолько ошеломлена всем, что не удивилась бы, если бы и еще что-то произошло сейчас впервые для нее.

Все было так; только я — так — не хотел.

У меня бывали приключения, бывали и в моей современности, и в этой, новой. Приключения можно переживать, но жить ими нельзя; для жизни нужно что-то другое. И сейчас — я чувствовал — так же, как некогда с Наникой, мне нужно было что-то другое. Другое — причем навеки и до смерти. Сколько бы ни говорили о том, что все это — глупость и предрассудок (я и сам так думал), с годами умнеешь. И становишься жадным: хочешь всего, а не только того, что на поверхности.

И я знал, что, как бы это ни было просто сейчас, я не дотронусь до нее. И знал, что такой вечер может не повториться. Что завтра она, скорее всего, станет смотреть на меня совсем уже иными глазами. И будет с облегчением думать о том, что нынешний вечер окончился так, как он окончился, а не иначе. И что близости с ней может никогда не быть — особенно если учесть, что никто из нас не знал, сколь долгим или коротким станет для нас это многозначительное «никогда». Я знал все это, но лучше всего знал, что будет так, как я решил. И для того заранее назначил себя на дежурство.

И вот я сидел и смотрел на костер, и ладонь моя поглаживала не ее пальцы, а гладкий приклад лежавшего рядом арбалета.

Все дело было в том, что не просто женщина была мне нужна, и даже не спутница жизни, как было принято говорить некогда. Мне нужен был спутник во времени, и им могла стать одна лишь она. Но только если бы поняла и захотела этого.

Очень плохо, страшно — выпасть из своего времени. Так нельзя жить. Невозможно сознавать, что ты остался один от целой эпохи. Что кануло куда-то все: люди, цели, книги, песни. И только в твоей памяти живы они. Что стихи, которые ты помнишь, не знает и не помнит никто из многих миллиардов людей — потому что очень немногие стихи переживают тысячелетия. Что слова, сказанные в твоём присутствии, давно умерли и забыты. Что никто больше не поет тех песен, которые так много значили для тебя, для твоего поколения и для смежных поколений. Что всего этого как бы вовсе не было...

Я запел тихо — почти про себя:

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...

Я мог бы петь громко — моя песня ни для кого ничего не значила. Мне некому было петь ее, только самому себе. Не с кем было вспомнить ее — только с самим собой. Был, правда, один человек,

вместе с которым мы могли бы — если бы решились перейти молчаливо проведенную между нами черту — вспомнить не так уж мало. Но это были не те воспоминания, какие хочется тревожить. И хотя одиночество во времени было мучительным, и нас обоих поэтому страшно тянуло порой друг к другу — но мы фехтовали всерьез, и клинки наших эспадронов были заточены как надо, хотя мы и не наносили друг другу серьезных ран (не потому, что не могли, но потому, что не хотели). Он бы тоже мог спеть что-нибудь, — он и напевал иногда, так же про себя, как я, — но это были другие песни, а вместе нам петь было нечего.

Вот Анна могла помочь мне.

Не беда, что она точно так же не знала моих песен, моих стихов — моих не по авторству, а по праву единственного теперь владельца, — не знала ничего. Она была человеком из моего времени, потому что была так странно, до мелочей похожа на ту девушку, которая наверняка числилась среди ее предков. Мне не надо было преодолевать барьер несовместимости, существовавший — хотели мы того или не хотели — между каждым из нас — и людьми современности, каждым из нас — и людьми этой планеты, каждым из нас — и каждым из нас. Тут этого барьера не было; и она была очень молода, Анна, слишком, может быть, молода для меня — но значит, у нее было время для того, чтобы перенять от меня то, что нужно было, чтобы стать моей спутницей во времени, чтобы я не один был здесь, а чтобы нас было двое. Двое — великое дело, и не зря в древности в языке, на котором я говорил там, дома, существовало даже особое двойственное число, помимо единственного и множественного. Я хотел быть вдвоем; знал, что хорошо дуть на раскаленные уголья, когда их много: они разгорятся и передадут огонь всему остальному. Хорошо дуть в костер; но нельзя дуть на свечку — она не разгорится, она погаснет. И нельзя дуть на спичку, ее не раздуешь. Надо подождать, пока она передаст свой огонь другому, серьезному топливу.

И вот я не хотел дуть на спичку, а хотел дожидаться, пока загорится по-настоящему. Хотя знал, что ее глазу и ее ощущениям спичка может показаться костром: как-никак, даже спичка может обжечь, а в ней горела спичка; но на спичке не сгоришь, и я это знал, а она — нет.

Поэтому мы сидели вдвоем у костра, и я не говорил того, что хотелось сказать, что бродило во мне, кипело, рвалось наружу. Наверное, я неправильно понимал жизнь; мне казалось, что все неправильно — одна ночь между двумя странными днями, когда ты не знаешь, что будет завтра, где ты окажешься, какие обстоятельства и как заставят тебя действовать; мне казалось, что нельзя в такую ночь говорить о любви — потому что ты ничего не сможешь пообещать.

щать, не сможешь быть честным до конца; мне казалось, что сначала нужно справиться со всем остальным, оттереть жизнь до прозрачности горного хрусталя, сделать ее крепкой и надежной, как двухпудовая гиря, — и только тогда говорить о том, что такое она для тебя — все, она для тебя все, и ты ложишься и встаешь с мыслями и чувствами о ней, с хорошими мыслями и чувствами, что ты уже не можешь думать, красива она или нет, добра или зла, умна или не очень, — все это не важно, таких категорий больше не существует, она достигает в твоём сознании уровня матери: матерей не обсуждают... Только тогда можно говорить о том, что я хочу быть для нее всем — ее ветром и солнцем, словом и мыслью, книгой и зеркалом; что она для меня — вся материя мира и вся пустота его, которую я должен заполнить до конца, и вся удивительная простота и сложность Вселенной, и цель жизни, и ее оправдание, и содержание... Только тогда, казалось мне, будет у меня право говорить об этом.

Наверное, это было неправильно. Наверное, надо было сказать все тотчас же, там, у костра, лесной ночью; но я не мог. Сознание далеко не всегда переходит в действие. Может быть, дело было и в том, что я за долгие годы разучился произносить такие слова — не было повода; а может, имело значение, что я однажды уже был готов сказать это — той, первой ей, — но она не позволила, и сейчас я просто-напросто боялся.

И вот я повернулся к ней и сказал:

— Ну, иди спать. Завтра проспишь все на свете.

Она взглянула на меня, потом послушно встала.

— Куда? — тихо спросила она.

— Я бы на твоём месте улегся в нашем катере. Мне все равно сторожить, а потом я где-нибудь приткнусь.

— Ты сможешь прийти туда. Нет-нет, ты только не думай...

— Я и не думаю. Нет, я лягу на место того, кто пойдет сторожить. Или заберусь в большой катер — там просторно.

Она кивнула.

Я подошел к ней и спросил:

— Ты не обиделась?

И подумал: а может, все это — бред собачий? Почему я валяю дурака? Вот я, и вот — она. И между нами — несколько слоев ткани и совсем немного воздуха. И...

— Нет, — сказала она. — Что ты!

— Я люблю тебя, — сказал я в свое оправдание. — И хочу, чтобы мы всегда были вместе.

Она тихо ответила:

— Мне кажется, я счастлива...

И я понял: что бы ни случилось потом, это я запомню навсегда.

И если мне в конечном итоге придется подышать от раны в живот или от вспышки Сверхновой — я все равно буду помнить тихое: «Мне кажется, я счастлива...»

— Хороших сновидений, — сказал я. — Включить тебе печку?

— Нет, — сказала она. — Не холодно.

— Спокойной ночи.

Я вернулся к костру.

Вскрикнула ночная птица, пролетела пяденица, и снова была тишина.

* * *

Теперь я по-настоящему остался один. Петь больше не хотелось, дежурство не требовало особого напряжения: противник (если можно было всерьез называть так людей, вовсе не хотевших тебя убить) ночью не сунется: ночью можно случайно попасть в человека; хищников здесь, видимо, не было — во всяком случае, ни их самих, ни следов не заметил даже такой специалист, как Питек. Надо было чем-нибудь заняться, чтобы скоротать время до того, как придет пора будить сменщика.

Я подошел к захваченной телеге. Мы притащили ее сюда, когда нам понадобились лопаты. Кроме лопат в ней была еще всякая всячина: два медных котла, дюжина глиняных кружек и одна алюминиевая (вещь, видимо, великой ценности, если вспомнить о ее возрасте: вряд ли они тут умели плавить алюминий. Странная это была цивилизация, где глиняная посуда следовала за алюминиевой, а не наоборот), стульчик-разножка, кочаны капусты, несколько круглых буханок хлеба, бочоночек с солониной, несколько грубых одеял, связанных в пакет. И еще одна странная штука.

Она была похожа на деревянный чемодан, плоский, прямоугольный, с ручкой наверху и трехногой подставкой, больше всего напоминавшей мне фотографический штатив. Крышка чемодана была черной, гладкой на ощупь, похоже, что она была сделана из стекла или чего-то в этом роде — не из цельного стекла, а из множества круглых стекляшек, вделанных в деревянную раму. Крышка закрывалась плотно, и я изрядно повозился, пока не открыл чемодан. Внутри он был устлан по дну тонкой металлической сеткой, и из каждого перекрестия проволочек торчала тонкая короткая иголочка. В центре дна было прикреплено металлическое полушарие — оно сидело на сетке, как паук в паутине. Больше в чемодане ничего не было. Ума не приложить, чему могла служить такая конструкция. Я пожал плечами, закрыл крышку, и положил чемодан на телегу, и снова стал напевать.

Ночью нас никто не потревожил, и мы более или менее выспались. На следующий день мы лишились лучшей части нашего непобедимого войска. Нельзя было терять времени, и трое — Иеромонах, Георгий и Питек — покинули нас, чтобы заняться делом.

Нам нужна была информация, как можно больше информации. Роясь в земле или сражаясь со стражниками, мы не забывали своей основной задачи: добраться до здешних правителей и доказать им, по возможности, что опасность смертельна и эвакуация неизбежна. Но для того, чтобы вести разговор на равных, и для того, чтобы хотя бы добиться разговора, нам нужно было знать значительно больше, чем мы знали сейчас. Идя на переговоры, всегда следует как можно точнее знать слабые места противника и в случае нужды нажимать на них — порой деликатно, а порой и совсем грубо. Одна лишь логика никогда еще не решала судьбы каких бы то ни было мирных конференций, тут играли роль и эмоции, и хитрость, и мало ли еще что. Редко когда от переговоров зависело столь многое, как на сей раз, и мы вовсе не хотели идти на переговоры с предчувствием неудачи или, выражаясь иначе, не хотели начинать игру на поле противника, не понаблюдав за его командой и не посадив на трибуны некоторого количества наших собственных и к тому же достаточно горластых болельщиков.

И вот, как мы решили еще на корабле, Иеромонах отправился, чтобы окинуть взглядом хотя бы ближайшие сельские поселения — судя по тому, что рассказали нам ребята, тут жили в чем-то вроде сельскохозяйственных поселков, это были не совсем деревни с их приусадебными участками и уж подавно не хутора (к счастью, потому что это сильно осложнило бы нашу задачу). Иеромонаху следовало смотреть и слушать, а при случае и вставить словечко. К крестьянам он пошел с радостью, сказав:

— Горожане народ ушлый и на хитрость гораздый. Поганцы они. С крестьянином же мне способнее. Я сам из мужиков, и мужиком мы во все времена были живы.

Поехал он верхом, поменявшись нарядом с одним из парней. Уве-Йорген заметно приуныл.

Остальные двое, Георгий и Питек, должны были на катере отправиться в столицу. С собой они взяли одну из девушек — указывать дорогу, и тоже нарядились по здешней моде. Их было трое, и пришлось дать им большой катер. В столице им следовало, предварительно замаскировав катер где-нибудь за городом, пошататься около правительственной резиденции, поглядеть, легко ли туда попасть или трудно, и выяснить, нет ли там Шувалова. Если его там не окажется, к вечеру или на другой день они должны были вернуть-

ся, а если он там — попытаться освободить его и выполнять его указания. Ходить в город рекомендовалось по одному, чтобы не оставлять катер без присмотра: мы не могли позволить себе лишиться основного средства транспорта. Сам я решил еще задержаться: зарытый корабль не давал мне покоя.

Когда они отбыли, мы с Уве и оставшимися ребятами принялись за свои раскопки. Трое ребят выглядели довольно-таки нелепо в наших комбинезонах: длинные брюки и рукава с непривычки очень стесняли движения.

Люк мы разыскали только к вечеру. Пришлось изрядно повозиться, пока удалось открыть его. Могу смело сказать, что мы с Рыцарем проявили недюжинную изобретательность и техническое остроумие. Было время ложиться, но мы не могли утерпеть и, отправив остальных спать, вооружились фонарями и полезли в корабль.

Против моих ожиданий, он не был набит землей. Древняя конструкция с честью выдержала многовековое испытание. Вместо земли корабль был набит тишиной. Мертвый воздух стоял в нем неподвижно, как в коридорах пирамид. Корабль этот не был приспособлен для горизонтального положения, и для нас все в нем перепуталось, мы не сразу могли понять, где пол, где потолок, тем более, что привычная нам конструкция с автономной гравитацией в каждом помещении очень сильно отличалась от того, с чем мы встретились здесь. И мы бродили, угадывая и не угадывая, иногда обмениваясь словечком, но в основном молча. Ощущение было такое, что мы ходим среди мертвецов.

Казалось, мы вполне могли сэкономить два дня и не раскапывать этого памятника старины. Потому что в нем было пусто. Ничего удивительного: все, что люди везли с собой, должно было послужить им и на новом месте — и, надо полагать, послужило. Так что раздет корабль был буквально до ребер. Сорвали даже облицовку стен, полов и потолков, и везде виднелся один лишь металл, по которому, сливаясь и разбегаясь, струились силовые, информационные и прочие кабели.

Мы шли все дальше и дальше. Здесь, в отличие от нашего корабля, ближе к люку располагались жилые помещения, а управление было вынесено вперед — или вверх, как вам угодно. Когда нам стали попадаться не до конца демонтированные пульты и приборы — в основном, ходовыми, а не энергетическими, — мы поняли, что идем уже по отсекам управления. Их оказалось совсем немного — это понятно, учитывая, что и энергетика, и двигатели машины, не умевшей покидать трехмерное пространство, были намного примитивнее наших. Зато сама машина, ее набор и переборки, выглядели значительно массивнее: она была рассчитана на долгие десятилетия полета, и ее строили с солидным запасом.

Наконец мы дошли до конца — попали в отсек, из которого можно было идти только назад. Это был просто конический закуток, набитый проводами. Обшивка здесь была слегка вмята. Тут тоже ничего интересного не оказалось.

Мы возвратились в соседний с ним отсек — видимо, когда-то здесь стояли астрономические инструменты и приборы, я понял это по нескольким уцелевшим постаментам. Уве-Йорген осветил меня своим фонарем и сказал:

— Ну, надо полагать, ты доволен?

Тон его был в точности таким, чтобы я не обиделся — но и понял, что он обо всем этом думает. Я ответил:

— Фактам приходится верить — и все же я еще не убежден, что все зря. Просто мы не подумали как следует.

— Причину всегда можно найти, — сказал Уве.

— Я не оправдываюсь, — пояснил я. — Просто я всегда доверял интуиции...

— В конце концов, ничего страшного, — утешил меня Рыцарь. — При случае эта лайба нам пригодится — в ней можно чудесно отсидеться, если нам придется туго.

Это мне не очень-то понравилось.

— Ты говоришь так, будто нам неизбежно придется драться с Даль-2.

— Так оно и будет, — сказал Уве-Йорген. — Как же иначе? Мы ведь уже начали.

— Я, например, надеюсь, что мы сможем договориться.

— Дорогой капитан, — сказал он мне. — С кем договариваются? Вспомни-ка. Договариваться надо с побежденным, если ты хочешь, чтобы он принял твои условия. С капитулировавшим. Безоговорочно капитулировавшим. А ведь мы хотим, чтобы они приняли наши условия безоговорочно, не так ли?

— У нас просто нет иного выхода; никакие компромиссы невозможны.

— Значит, надо сперва поставить их на колени!

Нет, все это мне никак не нравилось.

— Слушай, брось ты мыслить по алгоритму... крестовых походов!

Он усмехнулся:

— Зачем же ты тогда ищешь... то, что ищешь?

Я немного смешался и подумал: а в самом деле, зачем я это ищу?

— Видишь ли, — сказал я, — это совсем другое дело. Просто я хочу обезопаситься от случайностей...

Тут он засмеялся: — Бог мой, — сказал он затем. — Какой ты военный? Ты дипломат.

— Я и не называю себя военным.

— И не пытайся. Тебе сразу выдаст привычка не называть вещи своими именами.

— Ладно,— сказал я,— больше не буду. Но давай все-таки вернемся к делу и попытаемся подумать методически. Ты по этой части мастер.

— Мы, немцы...— начал было он, но не договорил и сменил пластинку.— Ну, хорошо, попытаемся. С чего начнем?

— С самого начала,— сказал я.— Теорема первая: трудно предположить, что экспедиция на незнакомую планету ушла...

— Это ты уже говорил. Принято.

— Посылка вторая. Во избежание конфликтных ситуаций, возможных в условиях длительного полета,— вернее, во избежание их чересчур радикального разрешения — то, что мы ищем, должно было быть достаточно хорошо защищено от... ну, скажем, постороннего любопытства. Доступ к нему могли иметь лишь несколько человек: безусловно, капитан, его помощники... Руководитель экспедиции... Немногие.

— Логично.

— Отсюда вытекает, что это должно было помещаться в месте, куда доступ был ограничен.

— Сам Аристотель не сказал бы лучше!

— Ладно, Уве, ладно. Теперь давай прикинем: где же тогда? Наверняка не в жилых, а в служебных помещениях.

— Так.

— Там, куда нельзя пробраться незаметно.

— Иными словами, в центральном посту.

— У них могла быть просто ходовая рубка...

— Дело не в названиях, капитан. Дело в том, что в центральном посту — можешь называть его также ходовой рубкой — мы были. И, к сожалению, ничего не обнаружили. А во всех твоих рассуждениях, столь безупречных с виду, есть, к сожалению, один крупный изъян.

— А именно?

— Ты забываешь, Ульдемир, что корабль достиг цели. Все, что можно было снять и демонтировать, как мы видим, снято и демонтировано и, видимо, где-то использовано. Почему же ты думаешь, что нужные нам вещи остались здесь? Я полагаю, что их взяли в первую очередь! Вот настоящая логика.

— Внушительно. Но только... идет ли речь об одном и том же? Одно дело — охота, а другое...

— О, это чистая условность.

— Ну, хорошо. Но вернемся к их приземлению. Думаешь ли ты, что все сразу было роздано? Как поступил бы ты?

— Ну, я надеялся бы на экипаж...

— Иными словами, снабдил бы их. Все это хорошо, Уве, все правильно. Но только, понимаешь ли, такие вещи не проходят бесследно. Случись так, как ты думаешь, нас вчера атаквали бы не с арбалетами...

— Ну, все со временем изнашивается.

— Понимаешь ли, если достоинства вещи очевидны, то ее пытаются воспроизвести. Хотя бы приблизительно. На уровне техники данной эпохи. Может быть, проще, наверняка — хуже. Но все же...

— Гм...

— Из этого я и исходил.

— Против этого можно возражать. Но не нужно. Потому что сейчас важны факты. А факты против тебя, дорогой капитан: того, что ты надеялся увидеть, — и я тоже, откровенно говоря, — тут нет.

— И все же посмотрим еще раз.

— Посмотрим еще три раза, если тебе угодно.

И мы снова направились туда, где, по нашим соображениям, помещался центр управления кораблем.

Там, действительно, было пусто. Металл переборок и жгуты проводов. Осколки стекла. Обломки древнего, растрескавшегося пластика. Больше ничего.

— Ну, убедился?

— Обожди... — сказал я. — Обожди, пожалуйста.

Я стал представлять, как все это выглядело, когда корабль был жив. Главный пульт. Экраны. Здесь они были — туда идут толстые пучки проводов. Я осветил другую переборку. Тут, наверное, стоял инженерный пульт. Да, вероятнее всего. Хорошо. Третья. В ней — ход в соседний отсек. И гладкая переборка: Толстая, если поглядеть на дверной проем. Здорово толстая. К чему бы? Сантиметров двадцать! Это было бы понятно, если бы по соседству помещался ядерный реактор или двигателя. Но они — в другом конце корабля. Я подошел и постучал по переборке. Гулко. Нет, это не сплошной металл. Я пошарил лучом. Уве-Йорген смотрел с интересом, потом подошел, и мы стали светить в два фонаря.

— Тонко сделано, — сказал он с одобрением.

Действительно, узкая щель замочной скважины — и больше ничего.

— Вот вторая, — сказал он.

— И вот еще.

— Три замка, — сказал он и чертыхнулся.

— И ключи наверняка у разных людей. Тройной контроль. Да, они относились к этому серьезно.

— Интересно, — сказал он, — что там?

— Думаю,— сказал я,— что-нибудь знакомое.
— Предполагаешь? Или надеешься?
— Исхожу из того, что эта техника достигла пика в двадцатом — двадцать первом веках. И потом резко пошла на спад.
— Что ж, дай бог,— и голос его дрогнул.— Дай бог.
— Только как мы это откроем? Тут и уцепиться не за что.
— Это мы откроем,— проговорил он яростно.— Уж это-то мы откроем!.. Сейчас я принесу инструменты.

Он вскоре вернулся с катерным ящиком.

— Что там? — спросил я.— Снаружи?

— Все спят,— сказал он,— кроме дежурного.

— Ага,— сказал я.

— И она спит,— дополнил он.

— Ну, знаешь ли...— сказал я. Это уже переходило всякие границы.

— Виноват, капитан,— сказал он.— Ну, посмотрим, кто кого!

Мы принялись за дело. При катере был хороший набор инструментов, они уже помогли нам, когда мы вскрывали люк. Правда, его замок бы не столь сложен, сколь прочен, здесь же скорее наоборот. Но мы и не заботились о целостности замков. Грохот стоял такой, что я испугался, как бы ребята не разбежались спросонья, предположив, что начинается землетрясение.

Когда мы раскромсали второй замок, Уве-Йорген сказал:

— А ты думаешь, это сохранилось?

— А что им могло сделаться? Особой сырости нет. А они должны быть на консервации.

— Ну, посмотрим,— пробормотал Уве-Йорген возбужденно.— Посмотрим...

И третий замок продержался недолго. Правда, нам никто не мешал. На это замки не были рассчитаны.

Мы сняли железную панель. Она оказалась тяжелой и чуть не отвалила нам ноги. Мы едва удержали ее.

Они оказались здесь. Блестя консервационной смазкой, они стояли в пирамиде, надежно закрепленные. Ниже, в выдвижных ящиках, оказались патроны.

Уве-Йорген готов был опуститься на колени. Он торопливо схватил автомат и прижал к себе, как ребенка, не обращая внимания на жирный слой оружейного сала. Он баюкал автомат и пел песенку. В его глазах было вдохновение.

А я подумал: «Земля, Земля, мы получили твой привет! сквозь столетия, получили в целости и сохранности. Но до чего же странен этот твой привет, и мне не понять сразу, благословение это или же проклятие...»

Уве-Йорген оттянул затвор и громко шелкнул им. Железные

переборки глухо отразили лязг, смешавшийся с нежной, детской песенкой Рыцаря.

* * *

Наутро Уве-Йорген сразу же занялся приведением оружия в боевую готовность. Ребят он заставил помогать.

— Пусть привыкают к оружию! — сказал он мне.

«Пусть привыкают, — подумал я. — Большой беды от этого не будет. Если выйдет по-нашему и мы эвакуируем планету, то им никогда больше не придется иметь дела с этими штуками. А если наша затея сорвется — тогда все равно. Тогда они не успеют...»

Все же мне было не по себе. Но больше медлить я не мог.

— Знаешь, теперь слетаю-ка, поищу этот пресловутый лес, — сказал я рыцарю.

— Да, — не отвлекаясь, согласился Уве-Йорген. — А где он, ты знаешь?

— Ребята говорили, что они знают направление и знают тот город, где, вроде бы, начинается тайная тропа.

— Возьми кого-нибудь из них с собой, пусть покажет.

— Нет, — сказал я. — Мы ведь не знаем, что там за обстановка. Может быть, меня схватят, как и Шувалова. Зачем впутывать ребят?

— Оружие возьмешь?

— Тоже нет. Оно меня сразу демаскирует.

— Разумно, — согласился он.

— Так что пока командуй. И... знаешь, что? — Я запнулся.

— Будь спокоен.

Собравшись, я подошел к Анне. Она с отвращением занималась стиранием.

— Я скоро вернусь.

— Да, — сказала она, словно бы мы сидели дома и я собирался на угол за сигаретами. — Только не задерживайся.

— Нет, — сказал я. — Туда и обратно.

И я сел в катер и поднял машину в воздух.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Документы

Выписка из бортового журнала:

«День экспедиции 595-й.

Корабельное время: 17.45.

Местонахождение: Прежнее.

Режим: Без изменений. Двигатели приведены в готовность номер один.

Экипаж: Находится на планете Даль-2. Связь осуществляется систематически. См. журнал радиogramм.

Предпринятые действия: Установка воздействия изготовлена. В батареях поддерживается полный заряд. Приведена в действие автоматическая система слежения за целью.

Предполагаемые действия: Наблюдение за звездой и консультации с доктором Аверовым.

Запись вел: Инженёр корабля Гибкая Рука».

* * *

— Убийство! — сказал судья. — Покушение на убийство. В моем округе, в моем городе хотели убить человека! Мало тебе было прежних нарушений закона!

Судья постарел прямо на глазах. Шувалов смотрел на него и жалел; ученый и сам чувствовал себя до невозможности скверно, мелкая, подлая дрожь в руках никак не унималась. Ничто не могло сравниться по отвратительности с тем, что он сделал. Сейчас ему бы уже не решиться на это; но так было нужно, а ради большого дела приходится порой жертвовать своим, личным. Об этом не раз говорили члены экипажа, а он не понимал их как следует; теперь понял. И надо довести начатое до конца: раз уж ты преступник, то и вести себя надо, как надлежит преступнику.

Беда была в том, что ни одного преступника Шувалов никогда не видел — он, откровенно говоря, не очень об этом задумывался и лишь теперь понял, что на Земле их, по существу, и не было, — и как должны они вести себя, не знал.

На всякий случай он, когда прибежали и повели его к судье, взлохматил волосы, страшно оскалился и пошел, переваливаясь с ноги на ногу: ему казалось, что преступники должны ходить именно так. Но волосы у него были мягкие и уже изрядно поредели, так что вряд ли могли вызвать у других ощущение ужаса, а скалиться все время было неприятно и утомительно. Поэтому сейчас он лишь хмуро покосился на судью и сказал, сделав над собой усилие:

— Молчи. Не то я убью и тебя тоже.

Но судья даже не обратил на его слова внимания. Он был слишком взволнован и слишком занят своими мыслями. И бегал по комнате, размахивая руками.

— Ты сделал себе очень плохо! — воскликнул он, остановившись перед Шуваловым. — Ах, как плохо!

Ему было искренне жалко преступника.

— Я могу всех убить! — заявил преступник.

Судья отмахнулся.

— И мне ты сделал плохо, — уныло сказал он. — Что теперь делать?

И в самом деле, какое скверное положение!

Если бы судья отправил преступника в столицу сразу же, когда тот был уличен в нарушении Уровня, все обошлось бы. Не было бы никакого покушения.

Теперь было поздно. Покушения на убийство не замолчишь.

Если бы он еще оказался по-настоящему сумасшедшим!

Но врачи, столь уверенные прежде, теперь задумчиво покачивали головами. Да, конечно, есть много причин полагать так, — говорили они. Но есть не меньше и поводов для сомнений, — говорили они же.

Надо было что-то предпринять, пока негодный старик не натворил еще чего-нибудь похуже. Хотя что может быть еще хуже, судья не знал и боялся об этом думать.

Судья категорически потребовал, чтобы врачи вынесли суждение: да или нет. Спятил преступник или же здоров.

Но врачи хитрили, не договаривали.

Заявили, что не могут взять на себя такой ответственности. Надо показать в столице.

Это, как понимал судья, означало, что они в глубине души считают старика здоровым, но не хотят ему зла. Это было естественно, но судье от этого легче не становилось.

Он едва удержался, чтобы не накричать на них.

В столицу-то можно было и сразу отправить!

И все же самое плохое было в другом.

Самое плохое было вот в чем: врачи, простодушные, поверили, что человек этот прибыл действительно оттуда, откуда говорил. Издалека. Со звезд.

Поверили потому, что он так рассвирепел.

Почему, ну почему в его округе должны начаться такие несусветные разговоры?

Судья снова остановился перед преступником.

— Зачем же ты это, а? — спросил он.

Шувалов подумал. Правду говорить было нельзя.

— Так, — сказал он и пожал плечами.

Теперь судья испугался по-настоящему.

— Придется везти тебя в столицу.

Старик кивнул и сказал:

— Вези.

Судья вздохнул и крикнул во двор, чтобы закладывали.

Вот это был город, так город!..

Странно это было, если вдуматься. Что вызвало восторг? Гладкие, не булыжные, а тесаного камня мостовые, приподнятые тротуары, дома до пяти этажей — каменные, хотя встречались и деревянные, в один и два этажа; это, что ли, восхитило? Или ладные экипажи на улицах, гладкие лошади? Или множество людей?

Как могло это все произвести хоть какое-то впечатление на прибывших с Земли, где стояла, вертелась, парила, летела могучая техника, где и дома стояли, висели, парили, погружались в океан, где по поверхности почти и не ездили больше, но летали по воздуху, потому что так было быстрее, спокойнее, приятнее, безопаснее... Ведь такая древность тут была по сравнению с планетой великой технической цивилизацией!

Наверное, дело было в том, что они — те, кто восхищался, — сами к земной цивилизации не принадлежали, ее величие — если только оно действительно существовало, а не было придумано — ими не ощущалось, не воспринималось, как нельзя воспринять, оценить всю огромность башни, стоя вплотную к ее подножию. И другая причина заключалась, конечно, в том, что на Земле, современной Земле они пробыли не так уж долго, не успели как следует осмотреться — и снова покинули ее, канули в пространство, и те, земные впечатления подернулись уже дымкой, а эти, здешние, были свежими. Так что, пожалуй, не столь уж удивительно то, что Георгий и Питек, идя по улице, украшенной вывесками и красивыми масляными фонарями, искренне восхищались тем, что видели окрест.

Особенно тронуло их одно событие: по тротуару шли детишки — совсем маленькие детишки, десятка два; их вели две серьезные, исполненные достоинства женщины, и прохожие добро смотрели на них, а дети болтали, а иные шли важно, солидно, а кто-то сосал — видно, конфету. Георгий и Питек остановились и смотрели, пропуская детишек мимо, а потом обернулись и проводили их взглядами, и Георгий сказал:

— Здоровые дети. Только очень много говорят.

— Да, — согласился Питек. — Думаю, что отцы их промышляют не охотой. И им не приходится делать дальние переходы, когда женщины несут детей на спине или на боку.

И он засмеялся, но быстро перестал, и они посмотрели друг на друга.

— Дети, — хмуро сказал Георгий и взглянул вверх, и Питек тоже посмотрел туда, где был податель света, тепла и жизни, ласковый и ни с кем не сравнимый в своем скрытом коварстве. После этого оба зашагали быстрее, торопясь к центру города, который

должен был быть в той стороне, куда больше ехало экипажей и шло людей, и где, как сказала девушка, и надо было искать дом Хранителей Уровня. Девушку они с собой не взяли, а оставили в катере — велели защелкнуть люк изнутри и сидеть смирно, ничего не трогать. Чтобы ей не было скучно, включили тридивизор, засыпали в приемник горсть кристаллов с записями, которых должно было хватить без малого на сутки. Ключ стартера взяли с собой. Эта сторона проблемы была решена ими быстро и хорошо. А пойти они решили все-таки вдвоем, потому что надо было сориентироваться так, чтобы потом можно было понимать друг друга с полуслова.

Они шли, мимоходом оглядывая дома, стоявшие не сплошняком вдоль тротуаров, а зигзагами, в изломах росли деревья и зеленела трава, кое-где паслись даже лошади; смотрели на небольшие зеркально-спокойные пруды, в которых плавали большие голубые и темно-розовые птицы, похожие на лебедей; и на другие пруды, в которых плескались пестрые рыбы, и люди останавливались, и смотрели на них, но не ловили, а улыбались, переглядывались, кивая головами, и шли дальше. Георгий и Питек тоже остановились и посмотрели на птиц и на рыб, потом переглянулись, и Питек хотел было пожать плечами, но вместо этого вдруг улыбнулся, и Георгий, который не умел улыбаться, вдруг тоже медленно, как бы со скрипом, улыбнулся; они покачали головами, удивляясь сами себе, и пошли дальше.

Большой открытый стадион попался на пути. Соревновались бегуны, и на невысоких трибунах было много людей. Такое Питек и Георгий успели посмотреть и на Земле; но тут было иначе — люди сходили с трибун, и трибуны все так же волновались и шумели; те, кто уже пробежал, одевались и снова поднимались на трибуны, и начинали кричать и махать руками вместе со всеми. Земляне посмотрели, и Питек сказал:

— Ну, пойдем.

— Пойдем,— согласился Георгий.— Знаешь, бегают они хорошо. Но я их обогнал бы.

— Да. И я тоже обогнал бы,— сказал Питек.

— Может быть. Но я — наверняка.

— Ну, меня тебе не обогнать.

— Что ты,— сказал Георгий.— Я выше ростом, и ноги у меня длиннее, и я бегаю лучше.

— Нет,— сказал Питек.— Это все правда, но тебе меня никогда не обогнать, и никого из нашего народа ты не обогнал бы. Я уже не говорю — на деревьях, но и на земле тоже.

— На деревьях ты, конечно, меня обгонишь,— согласился Георгий.— Но на земле — лучше и не думай. Пойдем?

— Пойдем,— согласился Питек. И они пошли, только не прочь,

а поближе к дорожке. Там они немного подождали, пока те, кто бежал, не закончили состязание, а когда стала готовиться новая группа, Питек и Георгий скинули рубашки и, как и все другие, положили их на траву; потом они встали в ряд со всеми, но не стали опускаться на колени, как те; Георгий согнулся и оперся локтем о колено, а Питек лишь наклонился слегка и выставил плечо вперед. Ударил гонг, и они побежали. Горожане сразу ушли вперед, — наверное, начинать бег с четверенек было все-таки выгоднее, — но Георгий быстро догнал их и вырвался вперед, и уже до самого конца не выпускал вперед никого. Питек очень старался, но так и не смог обогнать его, и Георгий прибежал первым, а Питек — четвертым.

— Вот, — сказал Георгий, надевая рубашку и слушая, как кричат в его честь трибуны. — Я говорил, что обгоню тебя.

— Ладно, — неуступчиво сказал Питек, — это не настоящий бег. Я еще не успел даже начать, как следует, как мы уже прибежали. На таком расстоянии, друг Георгий, оленя не догонишь, за ним надо бежать долго, не отставая, и он устанет раньше тебя, и тогда ты начнешь понемногу догонять его, и наконец догонишь. Так, как бегаешь ты, можно бегать за девушками, когда выбираешь жену, потому что та, которая хочет, чтобы ты ее выбрал, только сначала будет бежать быстро, а потом ты ее нагонишь и схватишь, и она будет твоя. А на охоте так бегать нельзя.

— Мы не бегали на охоте, — сказал Георгий. — Наши овцы и свиньи вовсе не бегали так быстро, когда они нагуляли хороший жир. И за девушками мы не бегали, у нас выбирали жен иначе. Нет, мы быстро бегали, чтобы не дать врагу уйти. За врагом надо бежать вот так, как бегал я.

Теперь они пошли, наконец, дальше, мимо скульптур на углах, глядя на встречавшихся женщин, чувствуя удовольствие от того, что одеты те были очень легко; смотрели доброжелательно, если женщины были одни, и хмуро — если шли с мужчинами. Они оба тоже чувствовали себя легко и удобно в чужих нарядах, что пришлось им более по вкусу, чем комбинезоны, потому что у себя на родине и тот и другой часто ходили вообще без ничего или же один накидывал легкую тунику, другой — наматывал вокруг бедер кожаную повязку, а до штанов их цивилизации в то время дойти еще не успели, и это, по их не очень глубоко скрываемому убеждению, была лишняя роскошь — а уж если носить их, то лучше короткие. Впрочем, они привыкли и к длинным, они быстро ко всему привыкали... Смотрели они и на лошадей и переглядывались; Георгий многозначительно прикрывал глаза, и Питек согласно кивал, хотя в лошадях не разбирался. Но лошади и на самом деле были хороши.

Так — не торопясь особенно, чтобы не отличаться от других, — вышли они на центральную площадь.

Она была прямоугольной, не очень большой, и две длинные стороны ее были заняты невысокими, непохожими друг на друга, но одинаково длинными зданиями. Одно было странным — просто громадный параллелепипед — без окон и, казалось, даже без дверей; во всяком случае, с площади туда было не попасть. Второе такое же, во всю площадь, здание напротив было в четыре этажа, и по высоте почти равнялось первому, но его фасад украшало множество больших окон, занавешенных изнутри белыми, с виду тяжелыми занавесями. В этом доме было целых три подъезда, и возле них стояли и к ним подъезжали экипажи, и то и дело из подъезда выходил человек — чаще всего в руке у него было что-то — сумка или чемоданчик, — садился в экипаж и брал вожжи; или возница погонял лошадей — если он был, возница. Георгий посмотрел и сказал: — Это не то, что колесница. Колесница гораздо красивее.

Питек промолчал. Его народ не знал колёса.

Дом с окнами, судя по всему, и был домом Хранителей; именно так описала его девушка.

Они прошли мимо, приглядываясь. Не было охраны, никто их не останавливал, не смотрел на них. На углу площади они остановились.

— Кажется, войти туда просто, — сказал Питек.

— Может быть, только кажется, — усомнился Георгий.

Они еще постояли.

— Хорошая площадь, — сказал Георгий. — Но маленькая. Не знаю, можно ли собрать сюда все население города. Всех горожан.

— Это зачем? — спросил Питек.

— В мое время были города, где граждане собирались на площадь, чтобы решать, что надо делать.

— Наше племя тоже собиралось, — сказал Питек. — Только не на площади. У нас не было городов.

— А у нас был царь, — сказал Георгий.

— У нас был вождь. И старики. Они говорили. Мы слушали.

— Мы тоже слушали, — сказал Георгий. — Нет, сюда никак не собрать всех граждан.

— Ты собираешься...

— Не знаю... Я думаю. Так поступали в Афинах, но мы не афиняне. И все же... Понимаешь, если со здешними вождями можно будет договориться, все хорошо. А если не удастся?

Питек подумал.

— У нас в таком случае бывало так, что выбирали нового вождя.

— А старый соглашался?

Питек ухмыльнулся и пояснил:

— Ему в тот момент уже было все равно.

— Ты думаешь, и здесь можно так?

— Я думаю,— сказал Питек,— что нас и прислали затем, чтобы мы посмотрели: можно или нельзя.

— Ты прав,— согласился Георгий.— Но я думаю иначе. Если не удастся справиться с вождями, надо созвать народ. И обратиться к нему. У нас так не делали, так делали в Афинах. Но Афины тоже были большим городом. Можно без стыда перенять кое-что и у них.

— Пожалуй, да,— сказал Питек.— И хорошо бы, чтобы это удалось. Потому что иначе от всего этого ничего не останется. А будет жалко. Они хорошо живут.

— Будет жалко детей,— сказал Георгий.

— Тебе?

— Почему ты не веришь?

— Ты сам рассказывал: вы швыряли их в море, чтобы утопить.

— Слабых. Тех, кто не был нужен. Правда, остальным тоже приходилось нелегко. Но мы их любили. И когда они вырастали, им не было страшно уже ничего.

— А мы не бросали слабых,— задумчиво сказал Питек.— Они умирали сами.

— Но здесь не видно слабых. И будет очень жаль, если с ними что-то такое приключится.

— Да. Но на Земле детей куда больше.

— Это правда... Только сами дети в этом не виноваты.

— Ладно,— сказал Питек.— Давай пройдем еще раз мимо дома. Если нас не остановят, я зайду, а ты станешь наблюдать с той стороны площади. Если я не выйду через час, иди к катеру. Но не улетай сразу, а жди до вечера.

— Хорошо,— согласился Георгий.

Они снова пошли к дому Хранителей, и их никто не остановил. Тогда Питек кивнул Георгию, повернулся и быстро взобрал на крыльцо. Георгий пересек площадь и остановился на противоположной ее стороне, у странного фасада, не украшенного ни единым окном.

Мимо проходили люди. Приглядевшись, Георгий заметил, что, выходя на площадь и поравнявшись с домом, они на миг наклоняли головы, словно отдавая короткий поклон. Он наблюдал несколько минут, стараясь одновременно не упускать из вида и подъезд, в котором скрылся Питек. Ни один человек не прошел мимо, не сделав этого мимолежного движения.

Георгий прохаживался перед зданием взад и вперед, напевая про себя мотив, который человеку другой эпохи показался бы, наверное, слишком монотонным и унылым. Георгию так не казалось. Они, триста спартиотов, пели эту песню вечером, зная, что персы рядом и утром зазвонят мечи.

Это воспоминание было самым счастливым в жизни Георгия.

И, как он считал, последним. В глубине души он был уверен в том, что погиб вместе со всеми остальными, но после смерти был сопричтён к лику бессмертных и попал поэтому не в Аид, а в какое-то другое место. Умом он понимал, что это не так, но остаться в живых одному из всех было так позорно, что сердцем он не допускал такой возможности.

Иногда он думал, что и еще кто-нибудь из трёхсот — а может быть, и все они — был возведен в ранг бессмертного. В таком случае, кто-нибудь из этих людей мог бы встретиться ему — здесь или в любом другом месте: ведь за пределами жизни, как он убедился, расстояния не играли никакой роли, да и время тоже.

Поэтому он так внимательно всматривался в окружающее.

Питек все не выходил. Подъезжали и отъезжали экипажи. Иногда проносились верховые.

Стук подкованных копыт был приятен. Вот один верховой остановился у подъезда (конь взвился на дыбы), соскочил, бросил поводья и бегом поднялся на крыльцо. Он тяжело дышал, одежда его местами была порвана и свисала клочьями.

Георгий равнодушно проводил его взглядом.

То, что произошло на месте первого приземления обоих катеров, иными словами — стычка со стражей, произошло в его представлении так давно и так близко отсюда — неполных два часа полета, — что ему не пришлось в голову, что только сейчас весть об этом событии могла и должна была достигнуть — и достигла — столицы.

Продолжая наблюдать, Георгий, чтобы не мешать прохожим, отступил к самой стене непонятного строения и коснулся ее ладонью.

И тут же пристально взглянул на ладонь и потом на стену.

С виду стена была каменной. Но, прикоснувшись к ней, Георгий ощутил странную теплоту. Камень был бы на ощупь значительно холоднее.

Георгий еще раз провел рукой по стене.

Нет, это был не камень, хотя внешне материал очень походил на него.

Это, несомненно, был пластик.

Открытие заставило Георгия насторожиться. И город, который только что казался ему мирным и простым, вдруг сделался неприятным и угрожающим. Георгий ощутил беспокойство.

Однако внешне это никак на нем не отразилось, и он продолжал стоять, опершись спиной о теплую стену и не спуская глаз с подъезда по ту сторону площади.

Только отсчет времени в его мозгу стал другим. Минуты вдруг стали растягиваться.

Но час еще не истек, и Георгий не сдвинулся с места.

Войдя в здание, Питек очутился в просторном вестибюле. Стены его были отделаны резным деревом. Продолговатый вестибюль был параллелен фасаду, от него отходило несколько коридоров. Заглянув в один из них, Питек убедился в его неимоверной длине; конец коридора исчезал в полумраке. Здание, видимо, занимало площадь целого квартала.

По вестибюлю сновали люди. Питек остановился, чтобы как-то освоиться с обстановкой.

Через несколько секунд к нему подошел человек.

— Что привело тебя сюда? — доброжелательно спросил он.

Питек немного подумал.

— У меня дело.

— Никто не приходит сюда без дела, — тем же тоном сказал человек. — И, конечно, ты хочешь изложить свое дело самим Хранителям Уровня.

— Да, — сказал Питек. И прибавил: — Если это можно.

Человек улыбнулся.

— Мне нравится, что ты понял: дел очень много, Хранителей же Уровня, как ты знаешь, мало. И они могут заниматься только самыми важными делами.

— У меня как раз такое дело, — сказал Питек.

— Я верю. Для каждого человека его дело — самое важное. Но позволь и нам убедиться, что дело твое действительно важно и не терпит отлагательств. Скажи: не изобрел ли ты машину, которая может работать все время, не требуя ни дров, ни водопада?

— Нет. Я не изобретаю машин.

— И делаешь правильно. Все машины уже изобретены, и ошибается тот, кто думает, что можно придумать что-то еще. На свете есть только один Уровень, и это — наш Уровень. Или, может быть, ты думаешь иначе?

— Нет, — сказал Питек. — Я думаю точно так же, как ты.

— Это очень хорошо. Но о чем же хочешь ты говорить с Хранителем Уровня?

Но Питек уже принял решение. В конце концов, вести переговоры он не был уполномочен, его дело было — разведать подступы.

— Знаешь, я сказал тебе неправду.

— Вот как? Я не знаю, хорошо ли это...

— Нет, конечно. Но у меня нет никакого важного дела. Я просто хотел увидеть живого Хранителя Уровня. Я никогда не видел ни одного Хранителя Уровня.

— Ах, вот в чем дело! — сказал человек и улыбнулся. — Ну, это понятно. Ты ошибаешься, если думаешь, что только у тебя воз-

никло такое желание. Очень многие хотят увидеть Хранителя Времени. Но согласись: если бы стали удовлетворять все эти желания, Хранителям пришлось бы только тем и заниматься, что показывать-ся людям. Когда же они стали бы хранить Уровень?

— Да, ты прав, конечно, а я — глупец.

— Вовсе нет. Ты честный гражданин. И желания таких граждан мы должны удовлетворять. Для этого здесь нахожусь я. И вот...

Он умолк. В вестибюль вбежал человек. Дыхание его было затруднено, одежда висела клочьями, плечо левой руки было перевязано, и повязка порозовела. Оглядевшись, человек торопливыми шагами подошел к ним.

— Что привело тебя сюда?

На этот раз чиновник спросил быстро и деловито, не так, как у Питека.

— Тревожные вести из запретного района.

Питек отвернулся. Он узнал человека: это был тот, кто возглавлял стражу во время стычки.

— Что там?

— Кто-то. Там была схватка. Я ранен. И многие другие. Я сразу же бросился сюда.

— Где это? В городе?

— Нет. Там, где находится то, что нельзя видеть.

— А-а... Иди. Иди прямо, минуя первое и второе звено. Я сообщу.

Человек кивнул. Питек проследил за ним взглядом. Человек торопливо пошел, почти побежал по среднему коридору.

Теперь чиновник снова повернулся к Питеку. На лице его была озабоченность; но через мгновение он снова улыбнулся.

— Так о чем мы с тобой?.. Ах да, ты хотел увидеть Хранителя... Пусть тебя не заботит то, что ты случайно услышал: это все безумства молодых людей, еще не нашедших себя в Уровне. И все же такие сообщения очень важны. Если ты тоже увидишь или услышишь что-то такое...

— Тогда меня тоже допустят к самому Хранителю?

— О нет, этот человек не увидит Хранителя. Но он увидит одного из тех, кто вхож к людям, имеющим доступ.

— Я понял. Так ты покажешь мне?

— Конечно. Но только...

— Я должен что-нибудь сделать?

— Только одно. Ты будешь удивляться. Это неизбежно. Но знай: в том, что ты увидишь, нет никакого зла. И нет нарушения Уровня. Все это тоже входит в Уровень. Ты понял?

— Понял. Не бояться. И не удивляться.

— Не бояться. Пойдём.

Чиновник повел его не в коридор, а к одному из простенков между ними. Ключом отпер дверь.

— Войди.

Питек вошел. Чиновник вошел за ним и затворил дверь.

Здесь было темно. Но щелкнул выключатель, и зажегся свет. Чиновник посмотрел на Питека.

— Я вижу, ты изумлен. Ты никогда не видал такого света?

— Я... конечно же, нет. Где бы я мог увидеть его?

— Ты прав: больше нигде. Но взгляни сюда. Как ты полагаешь, на что это похоже?

Питек замаялся. Больше всего предмет был похож на видеозэкран, но вряд ли стоило говорить чиновнику такие вещи.

— Право же, не знаю... Не приходит на ум.

— Ты прав. Ну, допустим, похоже на маленькое, темное окошко. И это на самом деле окно, только не такое, как все. Вот в нем ты сейчас увидишь Хранителя...

И снова послышался щелчок выключателя. Экран засветился.

В большой комнате, спиной к окну, сидел человек. Окно было завешено плотной белой занавесью.

Человек сидел за столом. Перед ним были какие-то бумаги. Вот он встал и сделал несколько шагов. Подошел к чему-то, стоявшему у стены.

Это был пульт. Питек мог бы поклясться: пульт вычислителя, хотя и не очень мощного.

Глядя на лист бумаги, что он держал в руке, Хранитель нажал на пульте несколько клавиш. После этого он возвратился к столу, но сел не сразу. Он подошел к окну, приоткрыл занавесь и несколько секунд глядел наружу.

В открывшемся уголке окна Питек увидел серую стену здания без окон. Значит, окно кабинета выходило на площадь.

Человек опустил занавесь и повернулся. Было видно его лицо. Человек выглядел задумчивым и усталым.

Он сел и снова углубился в бумаги.

Экран погас.

— Ты видел очень многое, человек! — сказал чиновник.

— О, я даже не знаю, как сказать... Как благодарить тебя.

— Будь честным гражданином — больше ничего не нужно ни Хранителям, ни мне. И еще одно: не спрашивай меня, как все это устроено.

— Нет, я не стану спрашивать. Скажи только: наверное, это очень трудно — быть Хранителем?

— Очень, очень трудно! Недаром же они готовятся много лет, постигая все тайны Уровня... Но достаточно, человек: мне ведь надо говорить и с другими, а ты увидел все, что хотел.

— Ты прав. Я бесконечно благодарен тебе...

Они вышли в вестибюль. Свет за спиной погас.

В вестибюле Питек едва не столкнулся со стражником, прискакавшим с вестью о стычке. Стражник только что вышел из коридора.

Взгляды их встретились, и Питек понял, что его узнали.

Стражнику и в самом деле было трудно забыть дикий взгляд продолговатых, зеленых глаз, глаз охотника и кочевника. Во время схватки они уже смотрели друг на друга.

Питек поклонился чиновнику и поспешно зашагал к выходу.

Затворяя за собой дверь, он увидел, как стражник указывает в его сторону здоровой рукой и как меняется выражение лица чиновника.

Питек выбежал на крыльцо. Георгий с той стороны площади кивнул ему.

Питек махнул рукой и побежал вдоль фасада.

Георгий, не торопясь, пошел в ту же сторону.

Он был спокоен. Он заранее чувствовал, когда придется биться и когда дело кончится миром.

Сейчас ощущения боя не было.

И в самом деле, как ни странно, никто не погнался за Питekom. Может быть, чиновник не поверил стражнику. А может быть, просто некому было броситься в погоню. В вестибюле не было стражи, да она и не была здесь нужна.

За углом Георгий нагнал Питека, и они, не торопясь, пошли по городу в том направлении, где в диком парке был оставлен катер с девушкой у тридизвизора.

Город продолжал неспешно жить. Шли люди, ехали экипажи. Навстречу разведчикам попало несколько возов. Каждый тянула пара сильных тяжеловозов. Колеса тяжело рокотали.

— Тяжелый груз,— заметил Георгий.

— Да. Но небольшой.

— Железо.

— Пожалуй. Не слишком ли много сопровождающих?

Они проводили телеги взглядом.

— Что это может быть за железо?

Они посмотрели друг на друга и кивнули.

И Георгий ощутил, что бой недалек.

— Ну, что ты успел? Видел Хранителя?

— Представь — да.

— Ого!

— И еще кое-что.

— Ну?

— В доме электричество и электроника.

— Что?

Они остановились.

— Вот оно как... А я удивился, что это сооружение напротив сделано из пластика. Или, во всяком случае, облицовано им.

— Тоже интересно...

— Электричество. А силовая установка?

— Никаких следов.

— Она или в здании, или ток подводится по кабелю. Воздушной линии я не заметил.

— Погоди, пока не обойдем весь квартал.

Они обошли. Линии не оказалось.

— Выходит, город этот — не простой.

— Да... Что еще ты увидел?

— Я сообразил примерно, где помещается хотя бы один из Хранителей Уровня.

— Скорей на катер. Я начинаю тревожиться, найдем ли мы его на месте.

— Ты иди и дети к нашим. А я останусь.

— Зачем?

— Послежу за Хранителями. Может быть, узнаю что-нибудь о Шувалове. Если каждый прохожий может смотреть на Хранителя, то неужели такой человек, как Шувалов, не добьется встречи с ним? Я буду ждать тебя завтра, в этот час, на том же месте.

* * *

Уве-Йорген стоял, подбоченившись. Автомат висел на его груди. Честный, добрый автомат.

— На месте! Раз, два, три!.. Вперед — марш!

«Музыка! — подумал он, прислушиваясь к глухому топоту. — Что все симфонии! Вот — музыка!»

— Взвод — стой! Раз, два!

«Бетховен!»

— Слева по одному, перебежками, вперед — марш!

Он полюбовался.

Да дайте ему последних ублюдков — он и из них через неделю сделает...

«Рыцарей», — усмехнулся он уголком губ.

— Как держишь автомат, ты! Как же ты сейчас станешь из него стрелять? Что это тебе — дубинка?

«Нет, — подумал он, — люди и на этой планете остаются людьми. Люди всегда — люди. И стоит дать им в руки приличное оружие, как они...

Как это говорилось у тех — господь создал людей разными,

одних сильными, других — слабыми. Но мистер Кольт изобрел свой сорок пятый калибр, и тем уравнивал возможности...» .

— Внимание! По пехоте... В пояс... Короткими очередями...
Защелкали затворы.
Пока что впустую.
Пока.

* * *

Спешившись, Никодим привязывал лошадь к коновязи. Сту-
чался. Входил. Говорил: «Доброго здоровья». Просил напиток. Ему
давали. Если был голоден — кормили. Расспрашивали о новостях.
Он тоже расспрашивал. Отвечал — по возможности. Ему было при-
вычно и легко. Вот бы и всю жизнь так. Люди были простые, добрые,
работающие. Хорошие. На девушек он старался не глядеть. Все же
был дан обет. Конечно, обет этот во все времена нет-нет, да и нару-
шался. Человек грешен, грешен. Но уж не настолько, чтобы и чести
не знать.

Потом, переночевав — в доме или на сеновале, — ехал дальше.
Прямая дорога пролежала меж широких полей. Коренастые волы —
их предков тоже, верно, привезли с Земли — парами, а то и четвер-
кой тянули тяжелые плуги. Отваливались темно-коричневые пласты.
Птицы выклевывали червей. Здесь снимали в год по два урожая.
Тепло, и земля хорошая. Все перло в рост прямо бегом.

Иеромонах ехал и вздыхал: пора дождю. Но и дождь пошел,
как по заказу.

В одном месте он не выдержал и сказал: — Дай, я.

Не удивились и не перечили. Хочешь — паши.

•Полдня проходил за плугом. Устал. Думал потом: тренировка —
тренировкой, а пахарь — это тебе не тренировка. Этот труд основ-
ной. Людей кормим...

Он и о себе вдруг подумал так: людей кормим.

И снова велись разговоры.

— Земля-то чья?

Его не понимали.

— Как — чья? Земля есть земля. Сама своя.

Нет, не понимали.

— А так, чтобы — твоя, моя — у вас нет?

— Почему же: есть. Вот одежда — моя. Ношу ее.

— А хлеб вырастет — чей?

— Есть все будут. Значит — ничей. Людской.

— Ага... — вздыхал Иеромонах. — Насчет бога у вас плохо.

— Как это?

— Понятия бога нету.
— Это, может быть, в городе. Там и дома каменные.
— Эх... — вздыхал Иеромонах. — А солнышко вас как — не беспокоит?

Удивлялись.

— Не муха, чтобы беспокоить. И погода славная. Растет как...

— Так ведь это — пока оно спокойно. А вдруг...

— Что — вдруг...

— Да говорят...

Улыбались.

— Это в городе, верно, говорят. Мы на солнце глядим, как полагается. У нас все основательно, нам слухи ни к чему.

И верно. Земля — основательно. И солнце...

Ах, солнце ты, солнышко, нет на тебя управы!

А то бы взял и остался здесь. Не его это дело — летать. Тут легкая жизнь, земля — мирская, все — мирское. Живут миром. И вечерами действия разыгрывают. Не божественные. Ближе. Но интересно. Сами разыгрывают, или приезжают другие — и тоже разыгрывают. Специальные дома для этого. Тридивизоров, правда, нет. И не надо. Избы тоже ладные, удобные. Чисто.

— Скотину не держите, что ли?

— Скотина на лугах.

Мясо, однако, ели каждый день. Не то, чтобы помногу, но ели.

Бога нет — это плохо. Только и сам он, Никодим, от бога отвык, если говорить правду. Пока все вокруг верили — и сам верил. Все вокруг не верят — и сам...

Молился, правда. Шепотком или мысленно. И крестом осенял себя. Так привычка же, Господи! Сорок лет молился — сразу не бросишь. Да и кому от этого вред?

— Ну, будьте здоровы...

— Да не оставит тебя Красота!

Ехал дальше. И трудно думал.

Не уйдут отсюда. Не поверят. Нет, не уйдут. Да и легкое ли дело — от такой земли, от ровной жизни — и вдруг бах, тарарах, бросай поля, избы, скот, набивайся в железные корабли, лети куда-то через черную пустоту...

Лети от такой красоты, которая не просто сама по себе, а с людьми. Сама по себе — значит, красота есть, а люди ее не замечают, и жить им от нее не легче. Тут красота с людьми: они ее видят, они ее хранят, друг другу ее желают.

Не поэтому ли так спокойны они, уверены, добры? Понимают, видно: раз в мире есть красота, значит, мир этот правильный.

Не того ли когда-то хотелось и самому Никодиму? На Земле тогда не обрел. Далеко пришлось залететь, чтобы встретить.

С ними бы Никодим хорошо жил. Работал бы, как они. И с легкой душой желал бы всем: пусть не оставит их красота.

И никуда бы отсюда не ушел.

И они, вернее всего, останутся.

Силой не заставишь уйти. Народ основательный. Твердый.

Если только такой указ выйдет? И то неизвестно еще.

Поднять бы, закрутить, завертеть...

Пророком сделаться?

Побьют, пожалуй...

А иное что придумаешь? Ничего.

Ох, пророк ты, пророк, горе луково!

И все же — не минуть сего...

Только не легко решиться. Тут прежде всего себя надо — поднять, закрутить, завертеть...

И к вечеру снова:

— Доброго здоровья...

— И вам тоже.

Ужинали.

— Вот проезжал, заметил неподалеку: накось поля идет полоса. Непаханая. Все кругом засеяно, а эта — непашаная. Вроде дороги, а — не дорога. Что так?

Пожимали плечами.

— Не пашем. Никогда не пахали.

— Почему же?

— Нельзя.

— Да почему?

Этого не знали. Но никогда эту полосу не пахали, и теперь каждый год напоминают — чтобы никто не забыл: не запахивать. Если на ней проклюнется деревце — срубить. Трава пускай растет. Но скотину не выпускать.

— Ах, так, значит.

— Так.

— И далеко она? Конца я не увидел...

— Кто знает. Говорят, до самой столицы.

— Вот оно что. А в ту сторону?

— Так и идет. Все прямо. Слышали — потом уходит в лес.

— Да, прямая полоса.

— На диво прямая.

— Ехать по ней, значит, нельзя?

— Никак нельзя.

— Ну, спасибо за угощение. Будьте здоровы.

— Здоровья и вам...

Выходил. Седлал лошадь — отдохнувшую, поевшую, напоенную.

— А сам ты откуда — от Уровня?

— Путник я. Вот езжу, гляжу — как живете. Поручение такое.

— Мы хорошо живем.

Тут бы сказать — слава богу. Не говорили.

Кланялся, садился в седло. И снова пускался в путь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Я сделал несколько кругов — и не увидел внизу ничего такого, что говорило бы о людских поселениях. Может быть, они и были внизу; но опыта воздушной разведки мне явно не доставало. В свое время я, пятнадцатилетний, стоял перед начальником училища штурманов бомбардировочной авиации; шла война, и за девять, помнится, месяцев (а может быть, и за год) из парня делали штурмана, способного вывести машину на цель, — но даже в то время начальник не решился зачислить мальчишку, которому не хватало, самое малое, двух лет. Начальник штаба училища, майор, пожилой, тощий, с лицом в крупных морщинах, посмотрел на меня и сказал: «Ничего, если человеку суждено летать, он будет летать». И меня выпроводили. Летать я потом научился, прыгать тоже, но сейчас это мне никак не помогало, тем более, что наблюдать приходилось с большой высоты, чтобы не действовать на нервы здешним обитателям.

Тогда я стал решать задачу с другого конца. Несомненно, был какой-то путь, какая-то тропа, по которой люди попадали в лесные поселения. Как говорили ребята, тропа эта начиналась где-то в районе ближайшего к лесу населенного пункта. А найти его было не так уж трудно.

Я посмотрел записи курсографа и выбрал направление. Как у нас на Земле в тех местах, где я жил когда-то, тут желтели поля, и вились речки, и синели озера, и линии дорог казались проведенными по специально подобранному лекалам. Городок я увидел издалека. Это была уже окраина страны — не та, где мы приземлились, а противоположная. Небольшая страна, подумал я; и как им не одиноко на целой планете? Но тут же я сообразил, как это хорошо: задача эвакуации, хотя бы теоретически, становилась вполне реальной, наши действия приобретали четкий смысл, и можно было думать об этой стране и ее людях без хинного привкуса обреченности. Теперь городок был подо мной, замысловатый и красивый, как начертание старого японского стихотворения в оригинале. Я миновал городок и посадил катер в ближайшей же роще, там, где едва можно было протиснуть машину сквозь густые кроны.

Целый день ушел, чтобы надежно укрыть катер от случайных прохожих — а может быть, и не случайных, как знать. Потом я поел

и отдохнул, даже вздремнул немного и проснулся свежим и готовым к действиям.

Стояла ночь. Сильно пахло землей, она была тепла на ощупь. Вдалеке лаяли псы. Звезды теснились в небе. В той стороне, где лежал городок, мерцали редкие огоньки.

И снова мне почудилось, что не было ни времени, ни пространства, отделявших меня от молодости, словно все, происходившее на самом деле, придумалось или приснилось мне только что, когда я, усталый, спал на теплой и пахучей траве; но вот я встал и иду, огни родного дома ждут меня и беззвучно, но явственно говорят: поспеши, не теряй времени, торопись настичь то лучшее, что несомненно ждет тебя впереди.

«Не теряй времени,— подумал я и вспомнил старинное: — Время стоит, это ты уходишь... Как мы быстро уходим»,— подумал я и невольно замедлил шаг.

Через полчаса я вошел в городок. Улицы играли в догонялки, неожиданно поворачивая и останавливаясь. Окна не светились. Я шел мимо спящих домиков, мимо тусклых фонарей, в которых горели свечи, мимо водяных колонок с примитивными ручными насосами и незаметно пересек город и вышел на окраину с противоположной его стороны.

Тут кончались домики, окруженные густыми садами, и начиналось открытое пространство, поросшее густой травой, неторопливо уходящее к самому горизонту, пересеченное лишь одной темной неширокой полосой деревьев. Возможно, то была большая дорога, но вряд ли она уходила в тот лес, куда мне нужно было попасть.

Тут я остановился. Дальше идти было, пожалуй, незачем. Шла ли эта дорога в лес, или нет, но он лежал именно в этом направлении, где-то за кромкой горизонта. Теперь следовало набраться терпения и обождать, наблюдая и запоминая. Я сел на траву и, чтобы не скучать, стал представлять, что я не один, и что течет медленный, полный скрытого смысла, а внешне поверхностный разговор; было легко придумывать свои слова, и трудно — то, что отвечала бы Анна, будь она и на самом деле здесь. Даже в моих мыслях она не очень-то хотела соглашаться со мной в вещах, казавшихся мне исполненными глубокого значения, и я ничего не мог с этим поделать, а когда я все-таки заставлял ее согласиться (в воображении это возможно), вдруг оказывалось, что это уже не она, а какой-то другой человек.

Прошел примерно час, когда мне почудилось, что впереди мелькнула и скрылась какая-то тень. Это мог быть только человек.

Я приподнялся и, стоя на коленях, стал вглядываться.

Ночной прохожий явно не хотел, чтобы его заметили. Но он был отчетливо виден в рассеянном свете звезд. Через несколько секунд тень его снова мелькнула — теперь чуть дальше. Его поведение об-

радовало меня. С таким, несомненно, можно будет разговаривать без опаски. И он, конечно же, сможет объяснить, где располагается то, что мне нужно было найти.

Дав ночному прохожему отдалиться, я направился за ним. Нас разделяло расстояние метров в тридцать, и я старался сохранить дистанцию, пока мы не отойдем подальше от города.

Через несколько секунд человек снова остановился и оглянулся. На этот раз я среагировал не сразу: задумался о вещах, не имевших к нему отношения, и человек, кажется, заметил меня.

Но он не пустился бежать и не стал прятаться, а, помедлив секунду, снова двинулся, и я последовал за ним, дав себе обещание больше не отвлекаться. Не знаю почему, но то, что он не испугался меня, тоже показалось мне хорошим признаком: люди, уходящие в лес, должны были, как я считал, обладать достаточной смелостью. И вообще, все это было очень интересно, потому что свидетельствовало: кроме явной и уравновешенной жизни, о которой я, по рассказам ребят и девушек, успел уже составить представление, здесь шла и какая-то другая, в которой люди ночами выбирались из города и не очень, видимо, хотели, чтобы их заметили.

Человек впереди ускорил шаг.

Я оглянулся и заметил, что позади, где остался городок, мелькнула еще одна тень.

Человек был не один.

Теперь я улыбнулся с легким сердцем. Вряд ли появление второго путника можно было объяснить лишь случайностью.

Еще один человек показался. И еще.

Они шли, видимо, по хорошо известному им маршруту. Шли легкой, летящей походкой, держась метрах в десяти-двенадцати друг от друга.

Когда-то я много и быстро ходил, и теперь приноровился к их шагу и сократил расстояние до шедшего впереди человека тоже примерно до десяти метров.

Люди шли в полном безмолвии; но раз или два я услышал, как приглушенно звякнул металл.

Чем дальше оставался город, тем короче становились интервалы между идущими: задние подтягивались, ускоряя шаг. Вскоре они уже шагали на расстоянии метров полутора друг от друга.

Люди направлялись, судя по всему, к той полосе растительности, за которой, как мне подумалось, проходит дорога.

Потом по колонне, начавшись в ее голове, прошло какое-то новое движение. Оно приближалось, и вот шедший передо мной человек, полуобернувшись на ходу, негромко проговорил:

— Что в лесу?

— Деревья, — не очень умно ответил я, не успев подумать.

В следующее мгновение раздался тихий свист — и люди исчезли, слились с травой. Осталось только двое: тот, кто шел передо мной, и другой, что был сзади. Они подошли вплотную и схватили меня под руки.

— Кто ты? — спросил один, приблизив лицо и вглядываясь.

— Ульдемир, — назвал я свое имя. Откровенно говоря, я немного растерялся.

— Мы тебя не знаем. Куда ты идешь?

— С вами.

— А куда мы идем?

— В лес, я думаю.

— Зачем ты идешь?

Тут я подумал.

— Я отвечу, когда мы придем.

— Что ты несешь из вещей, какие не знает Уровень?

Теперь я стал уже немного соображать что к чему, и, не колеблясь, достал из кармана блок.

— Хотя бы вот это. — Я включил блок, чтобы они слышали музыку.

— Как ты это сделал?

— Долго рассказывать. Потом.

— Что ты умеешь?

«В самом деле, — подумал я: — что я умею?»

— Я знаю — как.

— Как — что?

— Как делать многое.

— Откуда ты?

«Как ответить? Но все равно, рано или поздно придется сказать».

— Я со звезд.

Теперь уже и остальные — более десятка — поднялись с земли и обступили нас, слушая.

— Непонятно. Ты предатель?

— Нет.

— Ты хотел выследить нас?

— Нет.

— Как же ты узнал о нас, если мы тебя не знаем? Говори. Если ты предатель, мы, наверное, убьем тебя.

Впрочем, в голосе человека не было уверенности.

— Как можно убить человека? — укоризненно сказал я. — Вы должны мне верить. Я со звезд.

— Странно. Как нам поверить в то, что ты со звезд? Ты такой же, как мы.

— Потому что я тоже человек. Но я был одет иначе. И у меня был спутник. В этот день, когда мы прилетели, его задержали.

— Это правда,— сказал другой человек.— На большой дороге наши встретили возчиков. Они везли старика. Его никто из наших не знал.

— Наверное, это был он! — встрепнулся я.— Куда его повезли?

— По дороге в столицу.

— Я должен его найти!

— А почему же ты пошел за нами вместо того, чтобы искать его?

— Я надеюсь, что вы мне поможете.

— Зачем?

— Знаешь,— сказал я,— это не разговор на ходу. Потому что речь пойдет о серьезных и очень важных делах.

— И все-таки, трудно поверить, что на звездах могут жить люди. Хотя говорят... Скажи, вас было только двое?

— Нас больше.

— Где остальные?

Я поднял руку к небу, хотя корабль сейчас находился, по моим соображениям, где-то под ногами.

— Там.

— На звезде? — усмехнулся тот, что вел расспросы.

— На корабле. На той машине, что привезла нас.

— Машины не возят. Они стоят на месте... Где же то, что привезло тебя?

— На орбите. Это не просто объяснить.

— Хорошо. Ты объяснишь потом. Нам и правда некогда. Ночь короткая. Глаз Пахаря уже в зените. Мы могли бы показать тебе, в какой стороне лежит столица, куда повезли твоего друга. Просто выйди на большую дорогу, что начинается в середине города, и иди по ней, не сворачивая. Но мы не можем отпустить тебя. А вдруг ты побежишь к судье и скажешь, кого ты видел здесь? Мы не хотим. Ты пойдешь с нами. Согласен?

Но теперь я уже не был уверен, не следует ли сначала пуститься на розыски Шувалова.

— А если нет?

Человек снова колебался.

— Мы все-таки убьем тебя. Мы знаем, что людей не убивают. Но если иначе нельзя? Один человек — это меньше, чем все.

— Это правда. Я пойду с вами. Далеко идти?

— Увидишь.

— Когда же я смогу выручить своего друга?

— Решат в лесу. А может быть, его выручат те, кто, по твоим словам, сидит сейчас наверху?

«Питек и Георгий», — подумал я.

— Может быть.

— Идем, много времени ушло. Ты пойдешь тут, в середине, а вы приглядывайте за ним. Все слышали?

— Все.

— А когда тебя спрашивают: «что в лесу?» — не давай глупых ответов. Говори: «В лесу — воля».

— Я понял.

— В путь!

Они снова тронулись — той же летящей походкой. Я шел в ногу с ними, не отставая, и мне было хорошо идти в неизвестность, хоть на какое-то время забыв о необходимости решать и выбирать.

Мы прошли с полкилометра, и словно волна прокатилась по колонне, и шедший передо мной полуобернулся и, не останавливаясь, спросил:

— Что в лесу?

Теперь и я знал, что отвечать.

— Воля! — сказал я, и в свою очередь обернулся и спросил у заднего, что в лесу, и он ответил мне так же.

Через сорок минут мы вышли к полосе деревьев. Это оказалась не дорога, а река. Я видел ее с высоты, но мне почему-то почудилось, что, пока я бродил по городу, она осталась совсем в другой стороне. Два узких плота были спрятаны в камышах. Мы разместились на скользких бревнах. По двое на каждом плоту встали с шестью.

— Вперед! — скомандовал старший.

Плоты отошли от берега, и течение подхватило их.

«Вперед», — подумал я про себя. И хотя мне вовсе не ясно было, что ждет меня, удача или поражение, и как обойдутся со мной те, к кому я хотел попасть, — но сейчас мне было хорошо, и я пожалел, что я один, и некому сказать, как мне хорошо, и не от кого услышать, что и ей хорошо тоже.

Звезды еще светили вовсю, и я попытался отыскать среди них наше, настоящее солнце, хотя и знал, что оно находится на дневной половине неба и мне его не увидеть. Но все равно, было здорово знать, что оно есть.

* * *

День уже начался, когда плоты уткнулись в берег. Их вытащили на песок, и старший сказал:

— Пусть они лежат. Ночью их отведут обратно.

Снова мы двинулись колонной по одному, но теперь уже шли свободно, без напряжения, переговариваясь. Вошли в лес. Лучи пробивались сквозь листву. Перекликались птицы. Воздух еще не успел нагреться и был прохладен. Дышалось легко.

Прошли километра три. Никто не мешал мне оглядываться по сторонам. Лес был веселый. Большие деревья росли аккуратно, словно кто-то их посадил. Местами они теснились вокруг невысоких бугров, местами росли реже. Бугорки тоже возвышались не как попало, а в порядке. Заинтересовавшись, я замедлил шаг. Шедший сзади едва не налетел на меня.

— Ты что? Надо идти, не отставая.

— Слушай-ка, что это за бугорки?

— Я не знаю, я тут впервые. Потом узнаешь, если понадобится.

Прошли еще с километр, и деревья расступились. На обширной поляне был разбит лагерь — вернее, целый городок. Легкие деревянные домики выстроились рядами. Между ними виднелись постройки побольше, подлиннее. Из них доносился стук, лязг металла, голоса.

Пришедшие остановились.

— Ну вот, — сказал тот, что возглавлял колонну. — Добрались благополучно.

— Что здесь такое? — спросил я.

— Не видишь? Лес.

— Понимаю, что не море, — усмехнулся я.

— Понимаешь. Только, наверное, не все. Это не просто лес, а тот самый лес, куда люди уходят от Уровня. Как ушли мы.

— Ты не забудь: о вашей жизни я знаю очень мало. Сюда уходят. Здесь живут? Что здесь делают?

— Что делают? Что хотят.

— Ну, вот, например, что хочешь ты?

— Я кузнец. Я умею ковать железо. Делать разные вещи. Но я давно думаю: а может быть, удастся делать это быстрее? Я много раз ударяю молотом, и получается то, что мне нужно, потому что я знаю, как и куда надо бить. Но это долго. А если сделать такой молот, чтобы он имел углубление — как та вещь, которую мне надо сделать. Если таким молотом ударить очень сильно, но только один раз — не получится ли такая вещь, которая мне нужна, с одного удара?

Я улыбнулся: было приятно за него.

— Получится.

— Думаешь?

— Знаю. Получится. Ты молодец.

— Мне нравится, как ты говоришь. Но когда я хотел попробовать в кузнице, мастер сказал...

— Что не выйдет?

— Он, в общем, сказал это другими словами. Сказал так: Сакс, ты хороший кузнец. Ты очень устаешь на работе? — Я сказал: Устаю, как все, не больше и не меньше. — Тогда он спросил: Ты делаешь хорошие вещи? — И я ответил: Хорошие, это все знают. Дальше он спросил: Тебе хватает еды, одежды, у тебя остается

время смотреть на солнце, говорить с детьми, любить красоту, отдохнуть, посмотреть представление, бегать, играть в мяч, петь и прочее? — Я честно сказал: Хватает, потому, что я не трачу времени зря. — Тогда он сказал: Кузнец Сакс, чего же тебе еще? Зачем надо делать что-то иначе, раз ты и так делаешь хорошо? Допустим, ты сделаешь свой молот. Но ведь ты не сможешь ударить так сильно, как нужно. — Я сказал: Мне, конечно, так не ударить, но это сможет сделать водяная или паровая машина, только молот надо делать немного иначе, без длинной ручки... — Мастер сказал: Хорошо, машина будет ударять, а что будешь делать ты? Подкладывать железо? Но разве подкладывать железо интереснее, чем самому делать из него полезную вещь? И еще: машина будет работать быстрее, чем ты, а зачем? Куда нам столько? Нам хватает того, что мы делаем. — И я не знал, что ему ответить. Я сказал так: хочу сделать такой молот потому, что мне очень хочется, я иначе не могу. — Но он меня предостерег: Смотри, — сказал он, — ты знаешь, что такое нарушение Уровня? Тебя могут послать в Горячие пески. Ты хороший кузнец, зачем тебе рыть песок? — И тогда я подумал: уйду в лес, обязательно уйду в лес и там сделаю молот. И ушел. А ты что собираешься делать?

— Еще не знаю, Сакс. Хочу поговорить с теми, кто тут главный, рассказать им кое-что... Объяснить, откуда я пришел и зачем.

— Поговори. Но тут, в лесу, мало говорить, надо заниматься работой. Если у тебя нет своей работы, это нехорошо. Тогда... Погоди, вот идет один из старших — ты как раз хотел поговорить с ним...

Старший был вовсе не стар, у него были широкие плечи и мускулистые руки лесоруба. Слушал он меня не очень внимательно.

— Старший, я пришел сюда по очень важному делу...

— Как и все, — сказал он. — Те, у кого нет важных дел, сидят дома.

— Но вся планета в опасности! И от вас во многом зависит, удастся ли предотвратить ее.

Он бросил на меня короткий взгляд.

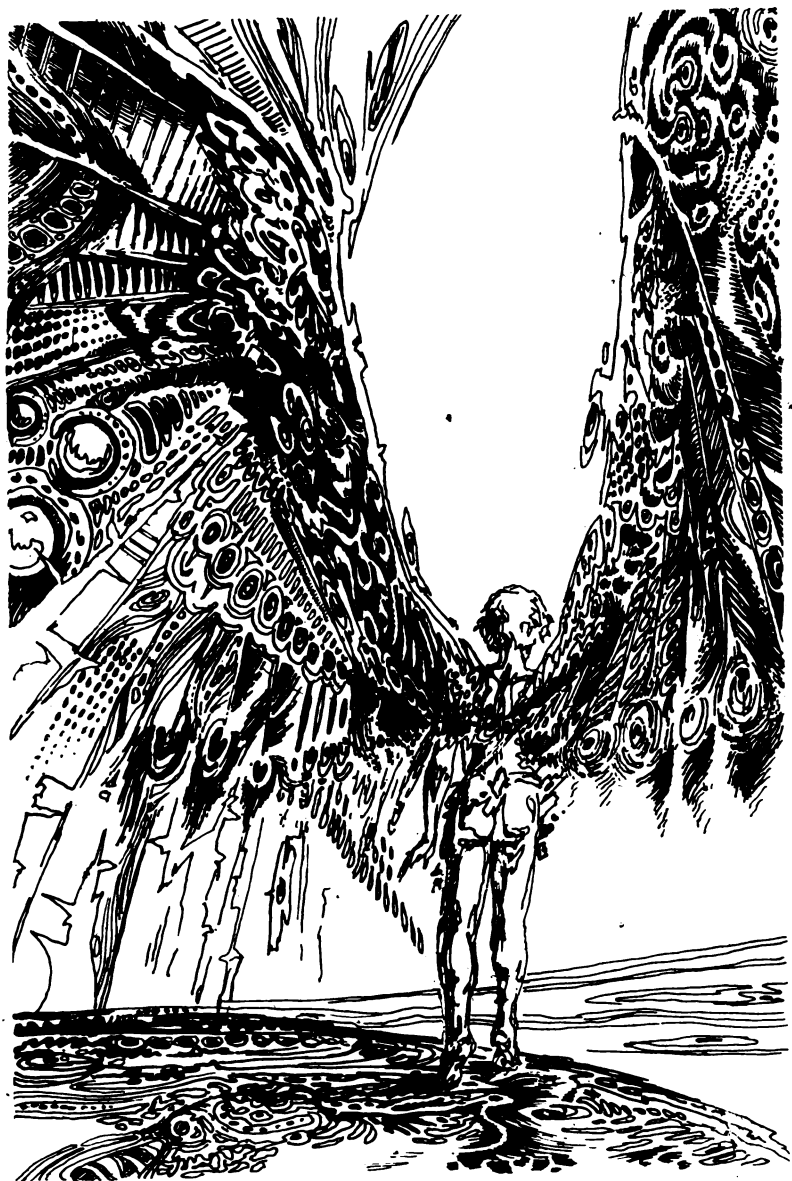
— Мы тут судим так, — сказал он. — Чем важнее у тебя дело, тем большим доверием ты должен пользоваться. Как по-твоему, правильно?

— Наверное, — сказал я.

— Да нет, не наверное, а совершенно правильно. А как доверять человеку, которого мы не знаем?

Я пожал плечами.

— Не знаешь. А мы знаем. Мы даем человеку работу, если у него нет своей, и смотрим, как он с ней справляется. Если человек работает хорошо, мы ему верим и его слушаем. Если плохо...

— Ясно, — сказал я, хотя такой поворот мне вовсе не понравился. — И долго надо работать, чтобы вы поверили?

— Как кому удается. Иногда и за три дня можно понять...

«Три дня, — подумал я. — Много».

— А может быть, ты все же выслушаешь и тогда решишь?..

— Почему делать для тебя исключение? Нельзя. Иди работай. Если нет ничего другого, раскапывай бугры. Это интересно. Там есть какие-то вещи, которых мы не можем понять. Развалины домов; там кто-то когда-то жил, мы не знаем кто. Попадают кости...

— Кости?

— Человеческие. Нехорошо, когда попадают кости.

— Может быть, тут было просто кладбище?

— Нет, их не хоронили. Они лежат как попало.

— Странно.

— Не странно, а плохо. Очень плохо, когда кости людей валяются как попало. Смотри, не испугайся, когда будешь копать.

Чем-то известным, но, как я думал, уже забытым потянуло от его слов, забытым и нехорошим. Но сейчас я не хотел размышлять о плохом, хотя зародыш замысла возникает в мозгу чаще всего тогда, когда мы о таких вещах не думаем — или не хотим думать.

* * *

Несколько часов я просто бродил по городку, меня никто не останавливал и ни о чем не спрашивал; так же слонялись и другие, пришедшие одновременно со мной. Я подумал, что такую возможность давали нам намеренно: люди могли приглядеться, поискать что-то для себя (где жить, чем заниматься), встретить знакомых и вообще привести себя в норму после такого значительного события, каким был разрыв с Уровнем и уход в лес. И я бродил и глядел, стараясь пока не делать выводов и предположений.

Дома здесь были попроще, чем в городах, и люди одеты похуже; выцветшие, заплатанные рубашки не были редкостью, и на лицах читалась привычная, уже неосуществимая для самих людей озабоченность, какой не страдали, например, ни Анна, ни ее друзья. Но кроме того, в глазах лесного племени виднелись и что-то другое: выражение большей самостоятельности, большего достоинства, что ли. Особенно, когда человек был занят работой. А делали здесь всякие вещи. Я видел одного, который сидел и вырезал из дерева ложки: прекрасные ложки, красивее, тоньше, элегантнее, чем те, что в мое время продавали как сувениры; но дело это было понятным, и хотя ложка, конечно, вещь необходимая, особого удивления не вызывало. И тут же, в соседнем дворике, возле кое-как построен-

ного сарайчика, молодой, с неделю не брившийся парень возился над какой-то конструкцией, назначение которой я понял не сразу, а когда понял, то не знал, плакать или смеяться: Дедал, полуголый и лохматый, ладил крылья, а Икар, сейчас ему было года три, суетился около него, помогая и мешая; а та, чьего имени миф не донес до нас, — та, что полюбила Дедала, и варила ему обед, и понесла от него, и родила Икара, и вырастила, но не удостоилась упоминания, потому что не удосужились сделать третью пару крыльев, — женщина, совсем еще юная, маленькая, хрупкая, с тяжелым даже на вид узлом волос на голове, стояла в дверях домика, опершись рукой о притолоку, и смотрела на них, пока над очагом, сложенным во дворе, вскипал котел, — смотрела, и в глазах ее было счастье, потому что она еще не знала, что третьих крыльев не будет, и она не полетит, и поэтому Икар заберется слишком близко к светилу; и потом до конца дней своих будет она думать, что, окажись она там, рядом, она бы уберегла мальчика — хотя матерям не всегда бывает дано уберечь, и женам тоже, и мне жаль их, но и я жесток в любви, как и все остальные, — в любви к женщинам и детям. Так думал я, остановившись и глядя на них, — я, владевший крыльями, пригодными для куда более долгих и опасных перелетов, чем простой подскок к солнцу; но эти крылья сделал не я, меня просто натаскали, научили владеть ими, и я был капитаном, но Дедалом не был... Я пошел дальше, пока семейство еще не обратило на меня внимания, — заставлял, представляя, как я в таком вот дворике провожу техобслуживание катера, и портативный хозяйственный комбайн шипит там, где у Дедала очаг, и Анна стоит в дверях и смотрит на кого-то, кого еще нет, но кто будет вот так же вертеться около и совать нос куда надо и куда не надо... Я грезил на ходу и, наверное, немало интересного прошло мимо внимания, пока я не опомнился и не обрел снова возможность замечать и запоминать.

Тут были кузнецы, и столяры, и ткачи, ухитрившиеся делать что-то из подручного сырья, и охотники («Питека бы сюда», — подумал я), и хлебопеки (хлеб был нехороший, но я видел, как его делили, и понял, почему на моей планете в древние времена, преломляя хлеб, обязательно возносили молитвы); потом, решив, что для первого раза увидел достаточно, я присел под деревом и стал думать, как же мне все-таки убедить людей в том, что меня стоит выслушать, не дожидаясь, пока я проявлю себя как землекоп.

Пока я сидел задумавшись, мальчишка подошел и остановился в трех шагах; обыкновенный мальчишка лет десяти. Он смотрел на меня внимательно и строго. Я тоже взглянул на него и отвел глаза в сторону, но тут же снова посмотрел, и мне стало странно.

Нет, он вовсе не был похож на моего сына — ни лицом, ни фигурой, ни цветом глаз и волос... Но какое-то неуловимое сходство

было; есть что-то общее у всех мальчишек одного возраста. И я почувствовал вдруг, как застучало сердце, набирая обороты. Мне захотелось провести ладонью по его (жестким, наверное) волосам, и похлопать по плечу, и спросить с напускной суровостью: ну, как дела, старик? — одним словом, сделать все, что обычно делают мужчины, любящие детей, но не умеющие выразить свою любовь. Я смотрел на парня, а он — на меня; я улыбнулся, и он (не сразу, правда) улыбнулся тоже, потом застенялся, повернулся и пошел, а я сидел и смотрел ему вслед и думал: не знаю — как, но мы должны их спасти, иначе просто нельзя. Невозможно предавать детей; в христианских заповедях не было такой: «Не предай» — и очень плохо. Но с тех пор прошло достаточно времени, чтобы ее сформулировать. Так неужели мы, знающие эту заповедь, все-таки не сможем не предать честное маленькое человечество детей?

Я почувствовал, что сидеть и предаваться размышлениям больше нельзя; надо делать. И я встал и пошел раскапывать старые курганы.

* * *

Я быстро убедился в справедливости того, что почудилось мне сразу же, когда мы шли через лес после путешествия на плотях. Это место обживалось не впервые. Здесь уже стоял когда-то город. Очень давно, но он был.

И умер он не своей смертью. Правда, мало что можно было теперь понять: я выкапывал железные предметы, но ржавчина изъела их и превратила в бесформенные обломки; иногда попадались куски пластика, но и они были в таком виде, что невозможно было определить их назначение.

Предположение постепенно превратилось в уверенность: город погиб сразу и насильственной смертью.

Мне-то вряд ли следовало особенно убиваться по этому поводу; и не такое случалось в мои времена. И все же я вдруг почувствовал, что мне охота заплакать.

Дело было не только в том, что погиб город и в нем нашли свой конец люди. Главное заключалось в том, что погибший город был — ну, как бы сказать, — совсем другим городом, если сравнить его с теми — пустым и населенным, — в которых я уже успел побывать. Он куда больше, чем все остальное, увиденное на этой планете, напоминал земные городки моего времени, не старые, а возникавшие тогда на пустых местах.

Мне попадались остатки одежды. Они были из дышащего синтетика, не из домотканой, грубой ткани.

Встречались черепки посуды. Из таких или почти таких тарелок я ел дома. На одном обломке явно различался вензель древней звездной экспедиции и тонкая золотая каемка.

Попадались кристаллики информатора. Я бережно собирал их. Может быть, удастся прочесть на корабле.

Нашлась фотография. Она была залита твердым прозрачным пластиком. В мое время таких еще не делали. На снимке были запечатлены люди, стоявшие около дома, шесть человек, не позировавших — снимок был неожиданным. Люди смеялись, мужчина обнимал женщину, два парня разговаривали — один стоял боком, другой в тот миг обернулся и глядел в объектив, еще один парень указывал на что-то, находившееся за кадром, а девушка рядом с ним даже присела, хохоча, так ей было весело... В перспективе виднелась улица, совсем земная улица, с тротуарами и люминисцентными фонарями. Только деревья выдавали: с длинными, гибкими иглами. Деревья были здешними.

Такая улица была здесь. И погибла.

Почему? Я не знал. Но крепко интуитивное убеждение, что это может оказаться важным не для восстановления истории планеты, а для той задачи, которую должны были решить мы.

Мне удалось набросать примерный план города. Город был невелик, жил в нем несколько сот человек — вряд ли больше. Но он был вполне благоустроенным городом.

Откуда-то он получал энергию. Откуда?

Если бы у меня были хоть самые примитивные приборы, искать источник энергии стало бы куда легче. Но портативная аппаратура, которой я мог бы воспользоваться, лежала в багажнике большого катера, а не моего — малого, надежно укрытого сейчас близ городка, где началось мое путешествие в лес. И я решил, что надо слетать в наш лагерь к старому кораблю, посмотреть, как дела у Уве-Йоргена, запастись нужной аппаратурой и тогда уже вернуться сюда и довести дело до конца.

Кроме того, я уже почти двое суток не видел Анны.

Уйти было нелегко; если бы это заметили, то, чего доброго, и в самом деле заподозрили бы во мне лазутчика.

Поэтому вечером я на всякий случай предупредил, что отправлюсь на дальние раскопки и заночую там. Для убедительности я взял с собой немного еды (поворчав, ее мне дали) и грубое, остистое одеяло, которым меня снабдили в первый же день.

Я и в самом деле копал, потом лег и подремал до середины ночи. Я рассчитал, что если выйти после полуночи, то к середине следующего дня я доберусь до своего катера.

Когда настало время, я свернул одеяло, спрятал его вместе с лопатой и топором в раскопе и двинулся в путь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Документы

Выписка из научного журнала экспедиции «Зонд»:
«День экспедиции 597-й.

Краткое содержание записи: О наблюдениях за объектом
Даль.

Участники: Доктор Аверов.

Теоретические предпосылки: Прежние.

Предпринятые действия: Использование всех средств наблюдения.

Ожидаемые результаты: Увеличение вероятности вспышки в ближайшие шесть — двенадцать месяцев.

Возможные помехи: Не предполагаются.

Фактический результат: Процесс временно стабилизировался. Неясно, последует ли его дальнейшее развитие. Само явление стабилизации, как и ряд других явлений, не имеет предпосылок в теории Кристиансена — Шувалова. Причина стабилизации остается неясной.

Выводы: Пока можно лишь сделать заключение о необходимости продолжать наблюдения.

Принятые меры предосторожности: Считаю необходимым уменьшить заряд батарей Установки воздействия на пятьдесят процентов нормального.

Дополнения и примечания: Неясно, вводить ли в курс событий экипаж.

Запись вел: Аверов».

* * *

Ехали не так уж торопливо, на ночь располагались основательно, и в столицу приехали только на третий день. Но уже в первые часы пути судья распорядился развязать Шувалову руки, поверив, видимо, что старик не станет душить его, испугается сопровождающих.

В повозке их было двое, да кучер снаружи, на козлах; еще четверо верховых провожали выезд. В пути разговаривали мало, хотя Шувалов поговорил бы с удовольствием; судья был мрачен — видимо, визит в столицу не сулил ему ничего хорошего. Лишь иногда удавалось разговорить его.

— ...А дети у вас есть, судья?

— Что? А, дети? Да, как же. Мне дали одного уже много лет назад, а потом, недавно, еще одного.

— Что значит — дали?

— Как это — что значит?

— Не понимаю...

— Откуда же, по-твоему, берутся дети?

— Ну, знаете ли...

— Слушай, старик, я все никак не привыкну, что ты со мной говоришь так, словно я не один, а нас много. Я ведь с тобой один? Один. И больше никто нас не слышит. Для чего же говорить «вы»?

— Да знаете ли... Просто у нас так принято. Форма вежливости. «Ты» мы говорим только близким или добрым знакомым...

— У вас все не так, как у нормальных людей. Да, так, выходит, ты не знаешь, откуда берутся дети?

Судья даже развеселился — захихикал.

— Гм... До сих пор я полагал, что знаю. И некогда даже сам, так сказать, принимал в этом участие. Правда, они не стали заниматься звездами... Да, судья, но нам детей никто не дает. Мы их рождаем сами — наши женщины, конечно. А что происходит у вас?

— У нас — как у всех... Дети получаются, и их дают тем, чья очередь наступила.

— Эге-ге... Ну, а как же они получают?

— Возникают в Сосуде, конечно, как же еще?

— Ах да, в Сосуде, конечно, в Сосуде...

Они помолчали. Потом судья вздохнул.

— Ох, старик, ох, старик!..

— Да-да?

— Я уж и не знаю, как с тобой разговаривать. Ведь ты мелешь такое, что жизнь свою закончишь, не иначе, как в Горячих песках, а там тебя не надолго хватит, уж поверь.

— Не понимаю... Что я такое сказал?

— Ты ведь признал, что у вас женщины рожают сами?

— Естественно!

— Что же тут может быть естественного, если закон этого не позволяет!

— Ах, вот как? Закон не позволяет?

— Ну, ты подумай сам, ты ведь как будто бы не глуп. Если все станут рожать, сколько их народится?

— Ну, не знаю... Много?

— Да уж, наверное, больше, чем сейчас.

— Что же в этом плохого?

— А Уровень? Или ты станешь их воздухом кормить?

— Ах, Уровень...

— Уразумел? Или ты совсем не ходил в школу? И тебя не учили, что Уровень может сохраниться лишь тогда, когда люди... — он подумал, вспоминая, — регулируются, да.

— Регулируется прирост населения?

— Ага, значит, знаешь все-таки! К чему же было прикидываться?

— Да нет, судья, погодите; я знаю, конечно, что такое — регулирование прироста. Но ведь это можно делать — у нас, например, так и делается — и когда детей просто рожают женщины.

— Может, и так. Но там было еще что-то... Погоди, вертится на языке... вырождение! Знаешь такое слово?

— Вот оно что!

— Именно! Теперь сообразил?

— Да, теперь сообразил. Не совсем, но что такое вырождение, я знаю. А скажи, как это получается — в Сосуде?

Но судья уже снова нахохлился.

— Не знаю, как. Спроси в столице — может, тебе объяснят.

Он помолчал.

— Они тебе там все объяснят! Объяснят, как убивать людей...

— Я уже сказал вам: я безмерно сожалею. Но что оставалось делать, если все вы тут...

— А ну-ка молчи давай!

* * *

Столицы Шувалов почти не увидел. Приехали они в сумерках, и вечером его куда-то повели; заперли в комнате, где стояла кровать и рядом — табуретка. Дали поужинать и велели спать.

Однако он улегся не сразу, а сидел на кровати, задумчиво глядя на узкое окошко под самым потолком.

— Вырождение... Придуманό неплохо: при небольшом количестве начальной популяции оно наступило бы неизбежно... Но как же они хотели избежать... как же избежали этого?

Он бормотал так, вспоминая, что люди здесь действительно ничем не отличаются от него самого — а они непременно отличались бы, если бы на протяжении многих поколений дети рождались от браков в одном и том же кругу. Отличались бы... Значит, невысокий уровень этой ветви земной цивилизации нельзя было объяснить вырождением — а ведь именно так Шувалов едва не подумал.

Значит, так было задумано. Да и вообще все, наверное, было спланировано основательно и неплохо. Но что-то где-то не сработало, или наоборот — переработало, и развитие пошло вперекос.

В том, что развитие пошло не в задуманном направлении, Шувалов не сомневался.

— Ах, сами не рожают... Стерилизация? Ну, вряд ли... Просто запрет — и соответствующий уровень предохранения... Но при их

химии? Хотя — что я знаю об их химии? Мало информации, просто беда, до чего же мало информации!

В конце концов он успокоил себя тем, что завтра, раз уж его привезли в столицу, он получит возможность увидеться с кем-нибудь, кому можно будет изложить все, — и начать наконец ту сложную работу, результатом которой явится спасение всех живущих на планете людей.

* * *

Но и назавтра он не увиделся с Хранителями, как в простоте душевной рассчитывал. Мало того: на следующий день Шувалов вообще не увидел ни одного нового лица. Казалось, его привезли в столицу только затем, чтобы сразу же выбросить из памяти. Против говорило лишь то, что его все-таки кормили. Хотя — кормили, конечно, невысокие чины, а высокие могли и забыть — кто знает.

На самом же деле о нем не забыли, но до высших инстанций весть о нем просто-напросто еще не дошла. Судопроизводство не терпит анархии, и для того, чтобы доложить о Шувалове выше, надо было прежде всего решить, как же о нем сообщать, и в зависимости от этого — по какому руслу направить его дело. А у тех, к кому, едва успев прибыть в город, пошел с докладом судья, возникли различные мнения.

За время, пока Шувалов находился под стражей, список его преступлений приобрел весьма внушительный вид. Были обвинения мелкие, которыми можно было и пренебречь — например, обвинение в том, что он прикидывался сумасшедшим, пытаясь избежать наказания, или обвинение в том, что он находился в запретном городе. Но были и три значительных преступления. Первое из них состояло в серьезной попытке нарушить Уровень: одежда, непонятные приборы, разговоры. Второе — убийство или, вернее, покушение (но это было ничем не лучше; наоборот, если бы человек был убит, виновный мог бы еще доказать, что беда случилась нечаянно, а сейчас пострадавший показывал, что на него напали с умыслом). И третье серьезное преступление, в котором обвиняемый сознался сам, без какого-либо давления (что, конечно, могло привести к некоторому смягчению наказания — не очень значительному, впрочем), — третье преступление заключалось в том, что он, вкуче с лицом, пока не установленным, нарушал закон о регулировании прироста населения; судя по всему, происходило это уже давно, однако по этому преступлению срока давности не существовало, и оно должно было караться сегодня не менее строго, чем в самый

день совершения. Собственно, судья сначала не собирался докладывать о третьем преступлении, но как-то так получилось, что доложил.

Так что теперь предстояло решить: положить ли в основу дела нарушение Уровня — тогда обвинение пошло бы в собрание по охране Уровня, — или основным почитать покушение — и тогда дело пошло бы совсем по другим каналам и совсем к другим людям. В первом случае оно обязательно дошло бы до какого-то из Хранителей, а во втором — скорее всего, не дошло бы. Об этом и разгорелись среди судей прения, продолжавшиеся целый день. Суть споров заключалась в том, что, хотя нарушение Уровня являлось, безусловно, преступлением более опасным, зато покушение на убийство было, во-первых, значительно более сенсационным (давно уже не случалось такого, очень давно), и, во-вторых, сохранить случившееся в тайне было невозможно, да никто и не старался сделать это, и население о происшествии знало, и необходим был суд, и необходим был приговор.

После дня ожесточенных споров сведущие люди сошлись на том, что в основу дела надо все-таки положить покушение, а остальное пойдет уже в дополнение и по совокупности. А это означало, что если кто-то из Хранителей должен будет ознакомиться с делом, то не раньше, чем надо будет рассматривать просьбу о помиловании.

Потому что, хотя смертной казни, как таковой, в законе не было, просто назначением на работу в Горячие пески ограничиться было нельзя и речь могла идти только о посылке преступника к самому экватору — туда, где разворачивали полотнища. Для человека в возрасте Шувалова такой приговор был равносителен смертному, и все знали это, и заранее жалели его, но пренебречь законом не могли.

Итак, тучи над головой Шувалова сгущались серьезные. Он же ни о чем не подозревал и, понервничав немного по поводу непонятного и неприятного промедления, привел свои нервы в порядок и стал снова размышлять о странном начале и невеселом (возможном) конце культуры Даль.

* * *

Иеромонах ехал теперь, стараясь придерживаться полосы необработанной земли. Он ехал не в ту сторону, где должна была находиться столица, а в противоположную — к лесу, если только полоса действительно уводила в конце концов в лес.

Ржаные поля сменялись овсящами, был и ячмень, и просо, иногда на целые десятины раскидывались плодовые сады. Попадались речки в обрамлении широких лугов. Иеромонахпил прозрачную воду, кричал, рукавом вытирал губы, радостно вздыхал.

Благодать, господи. Благодать. Нет иного слова.

По-прежнему заходил в дома.

— ...Ну, а вот соберете; сколько же оставите себе, сколько отдадите?

— Скажут. Скажут, сколько нам нужно.

— Или сами вы, что ли, не знаете?

— Нам об этом думать не приходится. Скажут.

— И не обманывают? Хватает?

— Обманывать? Как?

Это им было неясно.

— До нового хлеба доживете?

— То есть как?

Странно было это: не обманывали, оставляли, сколько нужно.

— И платят вам за остальное?

— Платят? — удивлялись люди: взрослый мужик простых вещей не понимает.

Иеромонах внутренне сердился, но смирал себя. Заставлял думать: нет, правду говорят, не посмеиваются над забредшим простаком.

— А если нет — откуда же все берете? Живете, я смотрю, не бедно... За что же покупаете?

— Что надо, нам дают.

— И опять-таки их хватает?

Тут уж они сами начинали сердиться.

— А ты как живешь — иначе? Тебе не хватает?..

Воистину — дивны дела твои, Господи.

Ехал дальше. Удивлялся: чисто, аккуратно живут крестьяне, весело. Но чего-то не доставало. За все время ни одной чреватой бабы Иеромонах так и не увидел; прячут их, что ли, от сглаза? И детишек совсем малых не было. Побольше — были, годочков с трех, а совсем малых — нет.

И все-таки, хорошо было. Если бы они еще оказались русскими — тогда, верно, все понял бы. Но были они другие: почернее, в общем, и склада не совсем такого. И говорили все же не по-русски, а на том языке, на каком все и на корабле говорили — на всеобщем. Так, верно, говорили люди, пока не рассыпалась Вавилонская башня волею господней...

Ехал. Разговаривал с лошастью, когда не было никого другого.

Под конец все-таки увидел такую бабу. Совсем была молодая. На сносях уже.

Везли ее куда-то в телеге, и по бокам ехали двое верхами. Была бабочка смутная, зареванная. Стонала тихо.

Верховые ехали с неподвижными тяжелыми лицами. Завидев Иеромонаха, показали рукой и прикрикнули, посторонись, мол.

Остановился и долго глядел вслед, покачивая головой. Словно бы дитя никому и не в радость.

Нехорошо. «Дети — дар божий», — подумал привычно и искренне.

Дальше селения стали попадаться реже. И нивы уже не подряд шли, перемежались длинными клиньями целины. Больше стало деревьев. Вспугнутые, убегали зверюшки вроде зайцев, высоко подпрыгивая.

А полоса все шла, все уходила — дальше, дальше... Будоражила любопытство. Иеромонах погонял лошадь. В меру, правда: берег. Этому его учить не надо было.

Загорел — как встарь, до пострига еще, в деревне, загорал за лето. Привык. И ног своих — голых, волосатых, как у беса — стыдиться перестал; а сперва стыдился. Здесь это не было зазорно.

Сам и не заметил, как въехал в лес. Просто остановился раз, спешился, огляделся — а уже крутом деревья, и за спину зашли, опушку и не разглядеть.

Но не смутился: если понадобится, полоса и назад выведет. Пока что поедем дальше.

На всякий случай выломал все же дубину. Зверь, не приведи господь, встретится, или лихой человек (в разбойников, правда, уже и не верил)... Вез дубинку поперек седла.

Но ничего. Все было спокойно.

Вечерами разжигал костерок. Грелся. Пил кипяток. Заправлял его из корабельных припасов порошком, что силу множил. Вдыхал: выпил бы квасу. Много, много лет уже не пил квасу. Эти люди в нем не понимали. Никто. Капитан, правда, еще помнил: да, была такая благодать господня — квас. Хлебный. Настоящий.

Перед сном представлял, будто сидит на корабле за вычислителем или анализом. Разговаривает про себя с машиной, нажимает клавиши, вводит программу, проверив предварительно. И, пока жужжит машина, как пчела в колоде, снова будто сам напрягается, закрыв глаза, словно лошади помогают вытянуть воз из колдобины.

Легкое и хитроумное занятие. А вот сподобил Господь. Другой мир. Цифры живут, любят друг друга, гневаются, сходятся, расходятся, порой идут стенкой друг на друга. Умирают и воскресают — прости, конечно, Господи. Весело живут цифры, деятельно. А он за ними следит и при нужде помогает. Интере-есно-то как!

Утром просыпался легко, набирал воды в седельную флягу и снова пускался по лесу — до новой воды.

Ехал таково по лесу четыре дня. И вдруг просека кончилась. Вышла на поляну обширную, аккуратно круглую, и кончилась. Приехал, значит. Только куда? Спешился.

Земля тут была теплой. Как кострище, когда разгребаешь угли по сторонам, чтобы тут, на теплом, спать.

Иеромонах покачал головой, удивляясь.

Обошел полянку. Еще одна просека начиналась, видно, тут когда-то. Но за ней ухода не было — заросла. В лесу недолго. И однако отличить ее можно было сразу: деревья были помоложе, не вековые, как вокруг.

Что же тут такое было — что просека и земля теплая?

Иеромонах пустил лошадь пастись и стал ходить по полянке — не абы как, а по кругу, все приближаясь, понемногу, к середине. Систематически. Пришло такое слово на ум — а уж совсем было стал забывать машинные слова.

Нашел место, где земля как бы подрагивала едва заметно.

Лег, расчистил кружок, прижал ухо.

Жужжит. Тихо, потаенно жужжит.

Посидел, раздумывая.

Нет, — понял, — это не из той жизни, не из крестьянской. Там, если жужжало — знал, что простое что-нибудь. Пчелы. Или еще что. А вот на корабле когда жужжит — и необразишь. И вычислитель, работая, жужжит, и у инженера приборы порой жужжат, у Гибкой Руки (тьфу, тьфу имя какое!), и наверху, у ученых... Вот и тут так: жужжит, а что — непонятно.

Поэтому решил Иеромонах не копать и вообще ничего тут не трогать и не нарушать. Его дело — рассказать, а там, как решат.

А тут еще и застучало.

Подняв голову, он прислушался.

Стучало не под землей; стучало вдалеке. Словно собрались дятлы во множестве, птицы рыжие, и колотят, колотят носами наперебой — кто скорее.

Иеромонах подумал, склонив голову. Встал, взнуздal коня. Сел и поехал — туда, где стучало.

* * *

Дятлы долбили так, что кора летела в стороны клочьями. Долбили короткими очередями. Три-пять патронов. Чуть прижал спуск — уже отпускаяй. Но прицельно.

— Прицельно! — кричал Уве-Йорген, сжимая кулаки. — Вы куда стреляете! Птицы вам мешают? Не по вершинам надо стрелять! Была команда — в пояс! Метр от земли. Поняли?

Парни стреляли с удовольствием, в общем, терпимо. Но как-то совсем не желали понимать, что оружие-то предназначается для стрельбы не по деревьям. По людям! И не для того, чтобы их пу-

гать. Для того, чтобы уничтожать силу противника. Живую силу.

Иногда у Уве-Йоргена прямо-таки опускались руки. Ну как втолковать такие простые вещи, которые даже не знаешь, как объяснить, потому что тут, собственно говоря, и объяснять нечего!

— Да вы поймите,— негромко, убедительно говорил он ребятам.— Что значит — по людям? Против вас будут не люди — солдаты. И если не вы их, то они — вас...

А ребята, зеленая молодежь, слушали вежливо, но как будто со скрытой улыбкой, улыбкой недоверия и внутреннего превосходства.

— Ну почему вы не хотите понять...

Те переглядывались. И кто-нибудь один отвечал:

— Да нет, мы все понимаем. Только откуда возьмутся те, кто захочет нас убивать?

— Разве тут не напали на вас?

— Они же не хотели нас убить!

— А откуда вы знаете?

— У нас никого не убивают...

В чем был корень зла: не было у них ни войн, ни армии, даже внутренних войск не было — за ненадобностью. А если — крайне редко — требовалось нести какую-то службу, ее несли все по очереди. Это, между прочим, свидетельствовало об одном: других государств на планете нет. Если бы существовала еще хотя бы одна страна, возникла бы и регулярная армия. Непременно. Но ее не было, и невозможно оказалось втолковать здоровым и ловким парням, что в противника, хочешь — не хочешь, надо будет стрелять. Они просто не верили, что противник будет.

Они во многое не верили.

Вечерами Уве-Йорген рассказывал им не только о битвах, в которых в свое время приходилось ему драться. Рассказывал он и об экспедиции, и о Земле, и о не заслуживающей доверия звезде Даль.

О Земле слушали с интересом.

— Ну, хотели бы вы там побывать?

Побывать хотели все.

— А остаться насовсем?

Тут они умолкали, переглядывались. Потом снова кто-нибудь уверенно качал головой:

— Нет... Разве у нас плохо?

— Подумайте! Вот вы увидите ту цивилизацию! Технику! И потом там все — люди от людей! Никаких Сосудов! А?

— Да, и мы хотим так...

— Ну, так значит...

— Мы хотим здесь. У нас.

— Да ведь здесь ничего не останется! — кричал Уве-Йорген, выйдя из себя.

Самое смешное было в том, что они все равно не верили.

— Нет, Уве... — говорили они. — Нет, Рыцарь. О битвах ты рассказываешь хорошо, интересно. А о солнце не надо.

И объяснили:

— Понимаешь, о битвах мы слушаем и верим. Ты сам говоришь, что это было давно и очень далеко отсюда — и мы верим. А когда ты говоришь о солнце, ты говоришь о том, что здесь и сейчас, понимаешь? Но все, что есть здесь и сейчас, мы видим и знаем сами. И такие сказки у тебя не получаются. Расскажи лучше еще что-нибудь о том, что было встарь — у вас, там...

Свинячьи собаки, а? Гром и молния! Сказки!..

Ну и черт с ними — пусть горят или замерзают.

Но они нравились Рыцарю, и он жалел их, как жалеют командиры своих солдат.

Может быть, он просто не умел как следует объяснить? Он ведь не ученый, не профессор, его дело — не читать лекции, а летать, прежде всего — летать. Надо, чтобы объясняли ученые; может быть, хоть они заставят понять...

Уве-Йорген вздыхал и умолкал.

Но сейчас был не вечер, а ясный день. И до вечера, с его сомнениями и чувством неудовлетворенности, было далеко. Сейчас Уве-Йорген был в себе уверен.

— Кончай отдых, ста-новисы! Слушай команду! По атакующей пехоте!..

Вдруг поспешно:

— От-ставиты!

Потому что из леса показался всадник. Он махал рукой и погонял лошадей.

Зоркие голубые глаза Уве-Йоргена сразу узнали массивную фигуру Иеромонаха Никодима.

* * *

— Нет, Рыцарь. Крестьяне нипочем не пойдут. И ни во что не уверуют... Ибо им хорошо. И своему солнцу они верят, как мы верим своему. А у меня болит сердце, Рыцарь. Почему никто и никогда не хочет оставить в покое пахаря? Почему все — на их спины? Ты никогда не шел за плугом, Уве-Йорген, не знаешь, как ручки его вздрагивают в твоих пальцах, тебе не постичь сего...

— Не хватало еще, чтобы я ходил за плугом, я — Риттер фон Экк! Но и у меня болят сердце. Хотя я никогда, если говорить откровенно, не думал о жалости к людям; всегда существовали какие-то слова погромче, чем жалость. Честь, долг... Парни тоже не верят ни

единому моему слову. Они не могут поверить, понимаешь, Монах? Они не в силах. Мы с тобой ведь тоже не понимали очень многого. Но мы приспособились, потому что нам больше, чем кому бы то ни было, дано такое умение — приспособливаться. А им — не дано.

— Они хорошие люди, Рыцарь. Добрые. Правдивые. Честные.

— Я не привык оценивать людей с этих позиций. Но говорю: мне тоже их жаль. И если бы у меня под командой было хоть полсотни настоящих солдат, я загнал бы всех этих людей в трюмы той эскадры, что, может быть, все-таки прилетит сюда, и не стал бы спрашивать их согласия. Я потом привозил бы их в эти края — не на планету, конечно, потому что она испарится, как капля дождя на стволе раскаленного пулемета... Я показал бы им тот ад, что наступит здесь, когда в звезде сработает взрыватель, и сказал бы: ну, кто был прав, судьи дети? И тогда они были бы мне благодарны. Но у меня нет солдат, Монах... Это — не солдаты. Это дети. Здесь все — дети. Планета детей. Они играют в игрушки. Стрелять для них — игра. Но я-то знаю, что такое стрельба, что такое, когда идет цепь, выпуская — не целясь, от живота — магазин за магазином... Первый раз в жизни, Монах, мой опыт солдата не может помочь мне, и я не знаю, что делать...

— Наш игумен говорил: молись, и Господь вразумит.

— Это не для меня.

— Разумею, но и я не ведаю, что делать. Мы никому ничего не докажем, Рыцарь...

Уве-Йорген перевернулся на спину и стал глядеть в синее небо. Сначала безразлично, потом осмысленно. Приподнялся на локтях:

— Катер, Монах.

Он покосился на Анну: девушка хлопотала у костра, но, услышав это слово, бросила все и подбежала. Глаза ее яростно блеснули.

— Катер, Анна.

— Да, я слышу. Ну, пусть только он здесь покажется. Пусть только покажется! Ему будет плохо! Очень, очень плохо!

Уве-Йорген усмехнулся.

— Наверное, он не мог, Анна. Ты ведь не думаешь, что он — с какой-нибудь другой...

— Какое мне дело, с кем он! Я сейчас скажу — не хочу его больше видеть!

Рыцарь взгляделся.

— Нет, это не он. Это большой катер, Анна. Георгий и Питек.

Девушка молча опустила руки, повернулась и медленно отошла к костру.

— Да,— сказал Уве-Йорген.— Не хотел бы я в ближайшем будущем оказаться на его месте.

Иеромонах помотал бородой.

— Нет, Рыцарь. Им надо полаяться и помириться, чтобы они более не боялись дотронуться один до другого.

— Откуда это знаешь ты — монахи...

— Монахи-то как раз лучше знают. Размышляют больше.

Они смотрели на снижающийся катер.

— Георгий за пультом, — сказал Уве-Йорген. — Его манера.

— Хоть бы все благополучно. Дай господи.

Катер завис и медленно опустился, легко коснувшись земли.

* * *

— Привет, Георгий. Мы уже беспокоились. А где Питек? Что нового?

— Питек остался следить, ждать Шувалова. Я задержался, чтобы сделать хотя бы какую-то съемку местности. Теперь карта у нас есть. Нового немало. Капитан тут?

— Нет. Улетел в тот же день, что и вы.

— Жаль, что его нет. Придется повторять дважды.

— Доложи в общих чертах.

— Главных новостей две. Питек был в доме Хранителей. В доме — электричество и электроника. Источник питания неизвестен.

— Та-ак!

— И второе, — сказал Георгий. — В стране мобилизация.

— Вот как!

— Я попутно побывал в двух городах. Собирают людей и раздают оружие.

— Арбалеты?

— Нет, Уве-Йорген. Я не знаю, как это называется... С чем можно сравнить...

Он огляделся, и взгляд его упал на лежавший рядом с Уве-Йоргеном автомат.

— Вот, пожалуй, похоже. Что за вещь?

Уве-Йорген, помедлив, усмехнулся.

— Ничего особенного, Георгий. Очень удачное приспособление для переговоров на низшем уровне. Если бы в тот раз, когда нас было триста против целого войска, у вас были такие штуки, вы, пожалуй, уговорили бы их не лезть в Фермопилы.

— Да, — сказал Георгий. — Но тогда, в Фермопилах, нас все-таки было триста.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что сейчас нас, если считать серьезно, семеро. Только семеро.

— Ничего, мы тоже умеем драться, — сказал Уве-Йорген. — Так что игра будет на равных. Тем интереснее жить!

— Тем интереснее умирать, — сказал спартиот спокойно.

* * *

За полночь в салон вошел Рука — бесшумно, как всегда. Сел — по своей привычке, прямо на пол, на мягкий коврик. Помолчал. Аверов прятал глаза. Индеец сказал:

— Зачем ты сделал это, доктор?

— Я... Что ты имеешь в виду?

— Не притворяйся, доктор. Ты знаешь.

— Ну... батареи не должны сейчас нести полный заряд. Видишь ли, дело в том, что опасность уменьшилась.

— Нет. Этого нет.

— Собственно, как ты можешь судить?..

— Ты смотришь на лицо солнца. Рука — на твое лицо.

— Вот как? И что же ты там видишь?

— Твое лицо не радостно. И ты поешь вот это. Ты поешь так, когда не очень плохо, но нет и ничего хорошего.

— Разве? Я как-то не замечал. Действительно, кое-что мне пока неясно, но тем не менее...

Аверов помолчал.

— Рука, случалось ли тебе убивать людей?

— Рука был воином, а не женщиной.

— Что ты тогда испытывал?

— Радость. Это были враги.

— Но это были люди!

— Что такое — люди? Нет просто людей. Есть свои люди и чужие. Есть друзья и есть враги.

— Так считали вы.

— А ты как?

— Ты знаешь. Человек — всегда человек, и его нельзя убивать ни в коем случае.

— Так считают слабые люди. Убивать не надо, когда это не нужно.

— Ты ведь знаешь, что будет, если придется включить установки?

— Солнце потухнет.

— И тогда?

— Люди внизу погибнут?

— Да, все до единого.

— Рука понимает.

— Тебе не жаль их?

Рука подумал.

— Это не мое племя. Сейчас мое племя — тут. Там — чужое.

— Но ведь они не делают тебе ничего плохого!

Индеец затянулся и выпустил дым.

— У меня нет зла на них. Но какое мне до них дело?

— Рука, ты же не так мало прожил на Земле у нас. Неужели ты не понял, что для нас наше племя — все люди, где бы они ни были?

— Чего ты хочешь от Руки, доктор?

— Только одного. Чтобы ты поступил так только в самом, самом крайнем случае.

— Что я могу сделать, если ты разрядил батареи?

— Сейчас опасности нет.

Индеец помолчал.

— Когда я шел к тебе, — сказал он медленно, — я знал, что станешь спрашивать ты, и знал, что отвечу я. Теперь я буду задавать вопросы. Скажи: ты боишься, что не сможешь сделать этого?

— Я, собственно... Я не знаю. Не знаю!

— Я тоже думаю, что ты не знаешь. Поэтому к установке ты больше не сможешь подойти. И к батареям тоже. Я поставил их на дозарядку и запер. Ключи у меня, и будут у меня. И я включу установку, когда пойму, что это нужно. А ты наблюдай.

Он в уфюр посмотрел на Аверова.

— Доктор, ты знаешь, что делали у нас с трусами?

— Кажется... Возможно, я что-то слышал. Или читал?

— Их убивали. Сразу. А с предателями?

— Ну?

— Их тоже убивали. Но не сразу. Медленно. Ты понял?

— Да, Рука.

— Тогда продолжай наблюдать. И знай: я читаю в твоём лице не хуже, чем ты — на своих приборах. Так что не пробуй изобразить то, чего нет. Потому что тогда я убью тебя медленно.

Аверов внимательно посмотрел на индейца и поверил, что это не пустая угроза. Ученому стало жутко.

— Ты хорошо понял меня?

— Да, Рука.

Индеец поднялся и бесшумно вышел, только запах табака остался в салоне.

* * *

Дверь отворилась и затворилась в двенадцатый раз, и это означало, что пришел последний из тех, кого ждали, последний из Хра-

нителей. Но начали не сразу. Старший из Хранителей Уровня сидел на своем месте, глубоко задумавшись, и прошло несколько минут, пока он поднял голову и моргнул, словно пробуждаясь ото сна. Он обвел собравшихся взглядом, опустил глаза, снова поднял их.

— Мы переживаем тяжелое время,— сказал он негромко, словно не заботясь о том, услышат его или нет.— Нам известно, что нет пути правильное того, которым мы следуем; но может быть, в расчетах была ошибка? Может быть, зрелость нашего общества, время перехода на следующую, более высокую ступень, наступает раньше, чем предполагалось, наступает тогда, когда мы еще не готовы к переходу? В лес уходит больше людей, чем должно было бы. Если до сих пор мы не препятствовали их уходу — ибо знали, что в лес уходят наиболее инициативные, наиболее способные, иными словами — те, кто в первую очередь начнет реализовать новый уровень, когда придет его пора, когда мы сможем дать нужную для него энергию, — то теперь мы вынуждены всерьез задуматься над необходимостью приостановить миграцию: несложные расчеты показывают, что процесс будет прогрессировать геометрически и мы можем не успеть. Мы все достаточно хорошо знаем обстановку, и вряд ли нужно говорить о последствиях. Они будут катастрофическими. Все, что было сделано за столетия, окажется напрасным. Я призвал граждан под ружье. Я не вижу иного выхода.

Он умолк; пауза затянулась. Хранители избегали смотреть друг на друга. Хранитель Времени закашлялся. Все терпеливо ждали, пока он справится с кашлем. Потом он заговорил:

— То, что происходит, естественно. Не забудьте: все мы — первое поколение, и те, кто умер, и те, кто жив, и те, кто еще не явился на свет... Первое поколение. Мы не выродились. Не устали. В наших жилах — свежая кровь Земли. Память жива в нас. Да, мы можем жить лишь благодаря Уровню, но внутренне каждый житель планеты — против него. Пусть бессознательно. Наш творческий потенциал велик. Сколько можно искусственно удерживать его на месте? Взрыв неизбежен. А в таких случаях — и я знаю это лучше всех остальных, не даром моя область — прошлое, — в таких случаях гибнет не только то, чем можно пожертвовать. Гибнет многое. Гибнет все. Не слишком ли далеко зашли мы в охране Уровня?

— Нет,— не согласился старший.— Вы знаете, на чем основан Уровень. И знаете, что пока нет сигнала, мы не должны предпринимать ничего. До сих пор мы строго следовали программе. И не погибли, напротив. Я не вижу другого пути и для будущего.

Они снова помолчали. Хранитель Сосуда сказал:

— Прислушайтесь.

Они прислушались. Ветерок едва слышно шелестел тяжелыми белыми гардинами, струйка фонтана во внутреннем дворе с мягким,

прерывистым плеском спадала в бассейн, где-то звонко смеялись дети.

— Прекрасно, не правда ли? — сказал Хранитель Сосуда.

— Это прекрасно, — согласился Старший Хранитель, и остальные кивнули.

— Мы умеем ценить прекрасное, — снова заговорил Хранитель Времени. — Но если граждане встают под ружье... Помните ли вы первый критический период? Первый разрушенный город? Первую кровь, пролитую на нашей планете?

— Мы все помним нашу историю, — сказал Хранитель Сосуда.

— Видимо, тогда нельзя было иначе, — проговорил Старший Хранитель. — Это была первая серьезная попытка отойти от программы. Нарушить Уровень. Не считаться с расчетами. Кто из нас отказался бы от жизни на уровне Земли? Но это невозможно и сейчас, что же говорить о тех временах?

— Я напомнил о прошлом потому, — сказал Хранитель Времени, — что боюсь: кровь прольется и сейчас. Я не хочу этого.

— Никто не хочет, — сказал Хранитель Пищи.

— Никто, — подтвердил Старший. — И поэтому я призвал граждан. Мы больше не можем позволить Лесу существовать самостоятельно. Не потому, что мы боимся их. Просто нам ясно: они не справятся. Они не добьются развития; наоборот. И нам придется спасать их. Но если позволить им, они за короткий срок размножатся, разрастутся больше, чем возможно. И тогда Уровень не выдержит. Сейчас крови может еще и не быть. Я уверен, что ее не будет. Но если не прервать процесс сейчас...

— Надо быть очень внимательными, — сказал Хранитель Солнца, массируя пальцами веки; глаза его были воспалены. — Не забывайте об одном, о главном: Солнце есть Солнце, и вы знаете, чего оно требует.

Все кивнули.

— И еще, — продолжал Хранитель Солнца. — Уже два дня нам известно о том, что на орбите возле нашей планеты находится, видимо, звездный корабль. До сих пор мы не сделали ничего... Но если корабль сядет... Мы запретили селиться по соседству с тем местом, где опустился корабль экспедиции, давшей нам начало. Но представьте, что завтра где-то здесь окажется не старый, ржавый, ни на что более не пригодный, кроме... одним словом, не тот корабль, а новый, действующий, только что прилетевший с Земли... Как воспрянут духом все, кто ушел в лес или собирается сделать это! И как поколеблется Уровень, охранять который призваны все мы! Как...

Старший Хранитель, подняв руку, прервал его.

— Мы думали об этом. И я скажу вот что: мы все были бы лишь счастливы, если бы к нам действительно прилетел корабль

с Земли, корабль человечества, некогда снарядившего экспедицию на нашу планету. Мы были бы счастливы, потому что ничего, кроме помощи, мы не могли бы ожидать от прилетевших. Ибо зачем еще Земля прислала бы корабль, как не для того, чтобы помочь нам, потомкам тех, кого она некогда отправила сюда? Я нимало не сомневаюсь в том, что наша программа изучается на Земле не менее внимательно, чем здесь; я не сомневаюсь, что в нужный момент Земля придет — и поможет; не знаю, каким способом, — им лучше знать. Если же этого не случится, как не случилось до сих пор... — Хранитель помолчал, провел ладонью по лицу и так же негромко продолжал: — Если не случится, значит, на Земле что-то произошло, что-то плохое — и тогда во всяком случае мы не дождемся экспедиции оттуда... Нет, я не думаю, что замеченный нашими астрономами корабль принадлежит Земле, слишком много аргументов против и, по сути дела, ни одного — за. И это говорит лишь в пользу того, что нужно побыстрее справиться с Лесом, со всем, что ставит Уровень под угрозу. Что же касается корабля, то если он даже опустится, экипаж его — если на нем есть экипаж, разумеется, — вряд ли сможет установить какие-то контакты с населением нашей планеты, потому что я не думаю, что установление контактов с представителями каких-то других цивилизаций — такая уж простая и всем доступная вещь. Напротив, я думаю, что прилет инопланетян поможет нам сплотить не только тех, кто блюдет Уровень, но и тех, кто не согласен с ним: внутренние разногласия и распри чаще всего забываются при какой-то, действительной или воображаемой, угрозе извне.

— Не всегда, — возразил Хранитель Времени.

— Но мы постараемся, чтобы это произошло именно так. Я думаю, что мы не должны медлить. Пора покончить с Лесом. А люди, укрывающиеся в нем, смогут оказать большую помощь тем, кто занят сейчас в Горячих песках. Мы только выиграем.

Снова все помолчали.

— Лес... — задумчиво проговорил затем Хранитель Пищи. — Распорядитель сказал мне, что доставили еще какие-то образцы вещей, изготовленных нарушителями Уровня. Какую-то одежду, и еще что-то...

— Посмотрим на досуге, — кивнул Старший. — Не знаю, правда, когда он теперь будет у нас, этот досуг... Да разве мы и так не знаем, что уже сегодня мы могли бы делать очень и очень многое из того, что запрещаем... Но разве есть у нас иной выход? Разве можем мы, нарушив программу, кинуться в неопределенность? Нет, мы дождемся сигнала. Хорошо, сейчас нам нужно решить практические вопросы. Я считаю, что мы должны разделить предстоящее на два этапа. Прежде всего — очистить район старого корабля. Как нас изве-

щают, там обосновались какие-то люди. Необходимо прогнать их оттуда; лучше всего сразу же отправить их в Пески. А затем — двинуться в лес.

— И все же я опасюсь... — пробормотал Хранитель Времени.

— Нет, — убежденно сказал Старший. — Много столетий на нашей планете не лилась кровь, не прольется она и сейчас. Можете ли вы представить, что кто-либо из наших граждан захочет пролить кровь?

Никто не ответил; потом Хранитель Солнца сказал:

— Время смотреть на солнце.

— Да, — сказал Старший Хранитель. — Идемте.

И они направились к выходу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мне показалось, что я приземлился в военном лагере. Автоматы стояли в крепко сколоченной пирамиде, и возле нее ходил дневальный. Дорожки, что были аккуратно обозначены и соединяли шалаши с погребенным кораблем, были очищены от хвои, и дерн с них сняли. Посредине занятой нами территории был вкопан шест, на нем уже висел флаг. Я взгляделся и облегченно вздохнул: это был флаг экспедиции, а не что-нибудь другое. «И на том спасибо, Уве-Йорген», — подумал я.

Очень радостно было видеть наших живыми и невредимыми. Только Анны не было. Я чувствовал, как напрягаются нервы. Однако это никого не касалось, и я заставил себя задавать вопросы, выслушивать ответы и, в свою очередь, отвечать, и не только играть роль, но и на самом деле быть деловым и целеустремленным капитаном, которому безразлично все, кроме служебных задач. Через несколько минут я почувствовал, что злость душит меня — злость на нее. Ну ладно, можно обижаться, можно лезть в амбицию, но нельзя же заставлять взрослого человека... «Девчонка, — думал я, — глупая девчонка, не клевал ее еще жареный петух... (— Да, Монах, Рука пусть по-прежнему состоит при нем...) Выдрать ремешком — вот чего она заслуживает своим поведением... (— К сожалению, Уве, все это не так весело: убедить тех людей будет тоже не просто...) Ну, в конце концов, пусть пеняет на себя! (— Я вижу, ты тут успел уже сформировать войсковую часть? Как такие подразделения назывались у вас, рыцарей?..) Пусть пеняет на себя. В конце концов, я нормальный и самостоятельный человек. Я давно уже привык к мысли об одиночестве — и отлично обойдусь без нее, вот как! (— А ты уверен, Георгий, что у них действительно были автоматы? Похоже? Ну да, ты не специалист... Ладно, Георгий, не переживай,

думаю, что мы сами все увидим, и очень скоро...) Да обойдусь без нее. Даже лучше, что так: нельзя же, в самом деле, в такой обстановке отвлекаться на какую-то лирику! (— Никодим, а ты сможешь провести нас к тому месту, к той поляне, где дрожит земля? Потому что, видишь ли... Я вспоминаю те помехи, что мешали мне связаться с кораблем, и сейчас мешают, и у меня возникают кое-какие предположения.) Да, а вот она, став постарше, поймет, что так любить, как я, ее больше никто не будет! А, да провались она пропадом, в конце концов!.. (— Нет, Уве, они говорят, что Шувалова увезли в столицу, конечно, хорошо, что Питек остался там...) Ну ладно, хватит о ней, забудем. Словно никогда и не было. Так или иначе — должна же быть у меня своя гордость!.. (— Кстати, Уве: молодежь вся здесь?)»

Этот последний вопрос я задал как можно небрежнее.

— Почти. Кое-кто пошел в лес по грибы. И ягод им захотелось. Пока тебя не было, их пришло еще десятка полтора.

— Прямо партизанский отряд, — усмехнулся я. — Значит, в лес?

— Не бойся, капитан. У меня выставлены посты. Нас врасплох не застанут.

— Это хорошо. Ладно, друзья. — Я с облегчением почувствовал, что начинаю успокаиваться. Если ей нравится бродить по лесу черт знает с кем и искать там грибы — ну пусть, ее дело. У нее свои заботы, у нас свои. — Давайте пораскинем мозгами...

Пораскинуть мозгами было над чем.

Во-первых, на нас собирались наступать. Мобилизацию не объявляю просто так. Она должна либо произвести моральное, устрашающее воздействие на предполагаемого противника, либо люди действительно собрались воевать. Первое исключалось: мы не были враждующей державой, и устрашать нас таким образом не имело смысла. Оставалось второе: они собирались всерьез драться — видимо, с нами, потому что больше не с кем было. И вот это-то и являлось самым интересным.

— Давайте разберемся. Если все обращено против нас, — а, наверное, так оно и есть, — то почему мы вдруг заслужили такое внимание и уважение?

— Как — почему? — удивился Уве-Йорген. — Потому что мы — здесь.

— Это вопрос престижа, а ради одного престижа не стали бы раздавать оружие.

— Ну, мы, как-никак, забрались туда, куда не следует, и нашли...

— Мы забрались, это правда. Но подумай, подумайте все: неужели они стали бы поднимать столько шума из-за старого корабля?

— Ты же сам знаешь: они проповедуют взгляды относительно происхождения...

— Да. Но ведь мы не пытаемся опровергать их, мы не выходим на площади и не кричим, что их предки не зародились в бутылке, а прибыли сюда на корабле...

— Однако, капитан, они боятся, что мы можем это сделать!

— Нет. Они не дураки и понимают: стоит нам выйти из леса и пойти по городам, как они тут же скрутят нас по рукам и ногам. Они понимают: для нас единственное средство уцелеть — это сидеть здесь.

— Откуда ты знаешь, что они думают?

— Да они же люди, такие же, как все мы. И разум их — того же корня и такого же устройства. Будь они какими-нибудь членистоногими... Но они — это мы.

— Хорошо, допустим, известная логика в твоих рассуждениях есть, — признал Уве-Йорген. — Тогда зачем же они, в самом деле, готовят свое войско — как оно у них может называться: национальная гвардия, фолькштурм, народное ополчение?

«Ох, Уве, Уве, — подумал я. — Ты совсем теряешь совесть. Ты становишься нахален, милый Рыцарь... Хотя — кого тебе бояться? Меня? Мы здесь в равном положении, и чистая случайность, что капитаном сделали меня: может быть, ты был бы даже лучшим капитаном, хотя это, пожалуй, привело бы и не к лучшим последствиям... Ладно, Уве, пусть сор пока лежит в уголке — не станем выносить его из нашей избушки».

— Не в названии суть. Зачем они это делают? Пока могу предположить лишь одно: мы, сами того не зная, сели на что-то, куда более существенное, чем обломки старого корабля — пусть даже в них хранилась целая дюжина автоматов. О которых они, кстати, не знали — иначе оружие вряд ли осталось бы здесь.

— Согласен, Ульдемир, об оружии они не знали. Значит, мы что-то держим в руках, что-то важное — жаль только, что не имеем представления, что же именно.

— И не знаем, как такое представление получить.

— Святая правда, капитан: не знаем. Ну что: может быть, откроем конкурс на лучшую догадку?

Мы все немного посмеялись — просто чтобы показать друг другу, что ничуть не обескуражены.

— Итак, это — неясность номер один, — сказал я затем, пытаясь хоть как-то систематизировать наши цели и задачи. — Дальше. Вы побродили по стране и поняли: люди вовсе не захотят просто так встать — и уйти отсюда.

Они, один за другим, кивнули.

— Что же остается делать?

После паузы Уве взглянул на меня.

— Все, что узнали наши, пока что свидетельствует об одном:

большинство населения удовлетворено жизнью. Правительство, следовательно, их устраивает. Они законопослушны.

— И, если появится закон, предписывающий встать и идти, они встанут и полезут в тюрьмы?

— Я думаю,— сказал Уве-Йорген,— да.

— Черт его знает — хотелось бы надеяться... Значит, задача начинается выглядеть таким образом: надо все-таки войти в контакт с правительством, обрисовать положение и добиться того, чтобы оно само организовало эвакуацию.

— Но ведь мы с самого начала...

— погоди,— сказал я,— не перебивай. Да, мы с самого начала пытались вступить в такие контакты. Но попытки Шувалова и Питека показали, что дипломатическими, легальными методами мы этого не добьемся: пока мы будем согласовывать свой визит во всех здешних инстанциях, говорить станет не о чем.

— Вот именно. Если согласовывать.

— Значит, легальные методы не годятся. Нужно иначе.

— О, капитан, сейчас ты нравишься мне значительно больше,— проговорил Уве с той самой ухмылкой, которую я терпеть не мог.— Знаешь что? Прикажи мне вступить с ними в контакт. Я это сделаю.

— Тебе, Уве-Йорген? А ты не наломаешь дров? Как-никак, не крестовый поход!

— Разница невелика, но будь спокоен. Я разыграю все наилучшим образом.

— Ну, что же... Пусть будет так. Каков твой расчет?

— Я не дипломат и рассуждаю просто. Я вступлю в контакт с Хранителями или Хранителем — не знаю, сколько их существует на самом деле,— и заставлю их внимательно выслушать Шувалова.

— Вот это разумно. Не пытайся объяснить сам: пусть найдут Шувалова. Их надо убедить формулами, а не кулаком.

— Потом они издадут закон, или как это у них называется, а мы уж постараемся, чтобы он дошел до всех.

Я подумал.

— А если они не издадут такого закона?

— Ты же сам говорил: они такие же люди, как мы...

— Вот именно. А ты издал бы такой закон на их месте?

— А что бы мне оставалось? — Он снова ухмыльнулся и прищурил глаз.

— Ну, а я вот не уверен, что издал бы. Видишь ли, Уве-Йорген, у нас несколько разное воспитание...

— Для них будет значительно лучше, если они окажутся похожими на меня,— очень серьезно сказал Уве-Йорген.

— В этом конкретном случае — да... Но не забудь: они — не только суверенное государство, они еще и единственное здесь госу-

дарство. Их до сих пор никто не завоевывал. Им негде было научиться покорности...

— Это-то и повредит им.

— Ты думаешь, Рыцарь?

— Вспомни Кортеса. С ничтожной группой воинов он покорил империю именно потому, что до этого ее никто не завоевывал! А в нашей многострадальной Европе он не заполучил бы и ничтожного графства: там издавна привыкли отбиваться когтями и зубами.

— Может быть, может быть. Я куда хуже тебя разбираюсь в вопросах завоеваний,— признал я.— Хорошо, положимся на твой опыт. Но хотя бы теоретически мы должны предусмотреть и такую возможность: они, из принципа, или по другим каким-то соображениям, отказываются выполнить нашу просьбу.

— Наше требование.

— Нет, ты определенно не дипломат. Шувалов, несомненно, назовет это просьбой. Но все равно, по сути дела, мы держим пистолет у их виска. Даже не мы: сама жизнь. Природа. Астрофизика. Что угодно.

— Ты делаешь огромные успехи, Ульдемир!

Так мы переговаривались, а остальные члены экипажа молчаливо и внимательно слушали, и лица их оставались спокойными.

— Да, Рыцарь, я делаю успехи. Но повторяю еще раз: а что, если они все-таки откажутся?

— М-м... А вспомни-ка, капитан: что делали в старые, добрые времена, если правительство не соглашалось выполнить условия ультиматума?

— Старались сформировать новое правительство,— усмехнулся я.

— Вот именно.

— Любым методом: дворцовым переворотом, перевыборами...

— И революцией, капитан, не так ли? Почему ты стесняешься произнести это слово?

— Я вовсе не стесняюсь, Уве-Йорген. Просто я помню историю революций и знаю, что они не делаются за три дня. Революция — результат громадной и серьезной работы многих людей в определенных условиях. При наличии революционной ситуации.

— Ну, не знаю, меня-то этому, как ты понимаешь, не учили.

— А то, что ты имеешь в виду,— не революция.

— Ну, называй как угодно: бунтом, мятежом, восстанием, путчем... Так или иначе, если их правительство не захочет спасти свой народ, придется это правительство заменить.

— Беда вот в чем, Уве-Йорген; ты знаешь, что наши ребята пытались что-то объяснить — но их не понимали и им не верили. Видимо, при их уровне знаний понять трудно, а поверить — и того слож-

нее. Тут нужно бы начать издалека: чтобы народ понял, чего мы боимся и ради чего стараемся. Надо сначала дать ему такое образование, чтобы он был способен понять. Но на это нужны годы и десятилетия, которых у нас нет. А ведь даже для простого мятежа нужна какая-то цель, чтобы люди вдруг поднялись и пошли. Нужна цель понятная людям, близкая им... Есть ли у нас такая цель, такой лозунг? Как думаешь ты? Как думаете все вы?

Все мы помолчали, потом Иеромонах буркнул:

— Когда бы можно было повести их к Богу...

— Брось, — сказал я. — Нечестная игра.

— Вся наша игра нечестна.

— Нет, потому что наша подлинная цель высока: мы хотим их спасти. Но подумай вот о чем: вывезя людей отсюда, мы доставим их в общество, где идея бога давно уже скончалась. У них и так будет достаточно чужого, непривычного в новых условиях; зачем же еще отягощать их судьбу?

Иеромонах пожал плечами: — Иного пути не знаю.

— Да и потом — поймут ли они твою идею бога?

— Сие мне неведомо, — неохотно сказал он. — Однако же не сразу, не сразу. Чтобы уверовать, человеку должно проникнуться...

— Ясно. Значит, отпадет. Что еще?

— Новыми идеями люди легче всего проникаются, когда они голодны и неустроены, — задумчиво сказал Уве-Йорген. — Недаром ведь...

Уве-Йорген не стал договаривать, но я понял, что он имел в виду.

— Возможно, и так, Уве. Но они, насколько мы можем судить, как раз не голодны.

Рыцарь выпятил губу.

— Трудно организовать изобилие. А голод... Хлеб имеет свойство гореть.

Иеромонах сжал тяжелые кулаки.

— Я вот вам пожгу! — сказал он таким голосом, словно кто-то схватил его за горло. — Всем поразбиваю головы!

Он не шутил — все поняли это сразу. «Ах, — подумал я, — наш пластичный, наш гибкий, наш дружный экипаж! Хорошо еще, что нет посторонних...»

— Ладно, Никодим, — успокоительно сказал я. — Это же шутка. Никто не собирается...

— Шутка! — гневно сказал Монах. — На больших дорогах этак-то шучивали!

Георгий молвил:

— Не знаю, зачем вы хотите все это делать. Много лишнего. Можно проще. Тех, кто захочет, — увезти. Кто не захочет — оставить. Или перебить. Чтобы не отговаривали других.

Он сказал это совершенно спокойно.

— По-твоему, перебить так просто? — спросил я.

— Очень просто, — кивнул он.

— И ты сможешь потом спокойно спать?

Он сказал:

— Если только не съем перед сном слишком много мяса.

«Заря человечества, — подумал я. — Милая Эллада, компанейские боги. И вообще — золотой век».

— Хайль Ликур! — сказал Уве-Йорген и, сощурился, покосился на меня: как яотреагирую на его эрудицию.

Но я предпочел пропустить это мимо ушей: сейчас мне было не до Рыцаря.

— Ты не переедай, — посоветовал я спартиоту, вроде бы несерьезно, хотя мне стало очень не по себе. Впрочем, обижаться на него не было смысла, а негодовать — тем более. Он уничтожил бы всех; такова была этика его времени, и хотя с тех пор его научили читать галактические карты и точно приводить машину туда, куда требовалось, иным он не стал: знание даже вершин современной науки не делает человека гуманным, и это было известно задолго до меня.

— Ладно, капитан, — сказал Уве-Йорген. — Не грусти: лучшие решения всегда приходят экспромтом. Если, конечно, сперва над ними как следует подумать. Кончили?

— Погоди, — сказал я. — Я ведь не зря пропадал в лесу. Может быть, то, что я видел, нам пригодится, хотя я пока еще не знаю, как именно. Там следы иной цивилизации. Тоже нашей, земной; потомков той же экспедиции.

— Не выжила?

— Ее разгромили.

— Была война? — насторожился Георгий.

— Скорее, нападение из-за угла.

— Мы внимательно слушаем, — сказал Рыцарь.

Я рассказал им, что знал.

— Ага, — сказал тогда Георгий. — Если они сейчас не умеют убивать или не хотят, то раньше, выходит, умели. Но что нам до этого?

Иеромонах неторопливо и сурово изрек: — Грехи их падут на потомство до седьмого колена — а то и до семижды седьмого!

— Вы что, не понимаете? — спросил Рыцарь. — Капитан, у тебя на руках все карты для большого шлема, что тут думать!

— Ты знаешь, я в скат не играю, — сказал я.

Уве-Йорген скорчил гримасу.

— Ты жаловался, что у тебя нечем поднять людей, — сказал он. — Они тут такие порядочные... В таком случае — чем это не повод для того, что скovyрнуть правительство!

— Это мысль,— сказал я и подавился всем тем, что хотел сказать еще.

Потому что из леса показались грибники, и Анна была среди них. Анна, о которой я уже решил, что — все, пусть живет, как знает, и при виде которой у меня вдруг перехватило дыхание, так что я сразу понял, что все мои рассуждения — от глупости и что строгой логикой нельзя ее вызвать.

— Ладно, кончили,— сказал я, встал и пошел ей навстречу.

Мы встретились, как ни в чем не бывало — во всяком случае, со стороны это должно было так выглядеть, но я не уверен, удалось ли мне добиться такого эффекта. Что касается Анны, то она улыбнулась, но я сразу почувствовал: что-то не так. Все, может статься, было бы хорошо, если бы мы сумели сразу, не замедляя шага, броситься на шею друг другу, поцеловаться, прошептать на ухо какую-то бессмыслицу. Но никто из нас в первый миг не был уверен, как отнесется к этому другой, да и все глазели на нас — и мы чинно поздоровались, и момент был упущен.

— Ну, как ты? — спросила она вежливо, и я ответил:

— Да ничего, как видишь. А ты? Устала?

— Устала,— сказала она.

Мы еще постояли, потом она кивнула:

— Ну, я пойду.

Я шагнул в сторону, чтобы пропустить ее, повернулся и пошел рядом: не хотелось показывать, что у нас что-то разладилось.

Около шалаша я спросил:

— Обедом накормишь?

— Да,— деловито сказала она,— в лесу много грибов. Вот, посмотри.— Она приоткрыла корзинку, висевшую у нее на локте, я заглянул и убедился, что грибов, действительно, много. Мы еще постояли, затем я сказал: — Ну, тогда ладно...— повернулся и пошел к своим.

Мне надо было что-то делать, и я сказал им:

— Время еще есть. Слушай, Монах: это далеко отсюда?

— Поляна? С полчаса — если шагом.

— Пошли.

Он поднялся. Уве-Йорген заявил:

— Нет, хватит шататься по лесу без охраны.

Я сказал:

— Почетный караул не нужен: это не официальный визит.

— Не забудь,— ответил он,— что войны нам не объявляли и мы не знаем, когда на нас нападут.

— Чего ты хочешь?

— Во-первых, пойти с вами. А во-вторых, четверо автоматчиков нам не помешают.

Мне было все равно, и я сказал:

— Ну, давай.

Уве-Йорген скомандовал, и четверо мальчишек, донельзя гордых, мигом схватили свои автоматы.

— Только попроси, чтобы они ненароком не подстрелили нас, — предупредил я.

— Не беспокойся, — ответил он. — У здешних ребят крепкие нервы.

— Это хуже всего, — сказал я. — Людей с крепкими нервами бывает труднее переубедить.

— Зато они легко переубеждают других, — усмехнулся он.

— Значит, ты уже научил их стрелять в людей?

Он пожал плечами:

— Не было случая. Ну, идем? — Он повесил свой автомат на грудь и положил на него ладони.

Когда мы отошли от лагеря, я сказал:

— Ну, как тебе лес? Благодать, правда?

И правда, было хорошо, если только отвлечься от наших забот. Птицы, вспугнутые нашими шагами, вспархивали и галдели наверху, какая-то четвероногая мелочь шебуршила в кустах — напуганная выстрелами, она было затихла, но теперь приободрилась.

— Основа довольно хорошая, — сказал Уве-Йорген, — но тут нет никакого порядка. Я понимаю, что им не до того, но я назначил бы сюда хорошего лесника.

Я сначала рассердился, а потом подумал, что лесник и в самом деле не повредил бы.

Дальше мы шли молча. Валежник хрустел под ногами. Иеромонах что-то бурчал под нос, отыскивая оставленные им знаки. Минут через сорок вышли на поляну.

— Добрели, — сказал Моңах. — Тут просека, а та, другая, заросла.

Мы убедились, что так оно и было.

— Теперь посередке послушайте.

Земля не то, чтобы дрожала, но была ощутимо теплее, чем вокруг, и, если прилгнуть к ней ухом, можно было услышать басовитое жужжание.

— Что делать станем? — деловито спросил Никодим.

Я поразмыслил.

— Какое-то устройство на ходу. И вряд ли оно моложе корабля. А раз тут были времена более беспокойные, вряд ли оно не подстраховано.

Уве-Йорген предположил:

— Здесь должна быть какая-то хитрость, секрет. Шкатулка с секретом, нажмешь кнопку — выскочит чертик... — Он озабоченно повертел головой. — И хорошо, если просто чертик. А если фугас?

— Ну, давай глядеть, — согласился я.

Мы стали чуть ли не ползать по прогалине — вдвоем, потому что остальные ничего не понимали, и если бы даже обнаружили что-то, все равно не обратили бы на это внимания. Мы принюхивались минут двадцать, потом Уве сказал:

— Нет, не может быть.

— Что?

— Секрет не может быть здесь. Что бы там ни крылось, оно, видимо, устроено надолго; для такой надобности никакую ловушку не станут маскировать в траве. Слишком рискованно.

— Да, пожалуй.

— Поищем на опушке.

— Это маловероятно, Рыцарь. Деревья ведь тоже растут и умирают.

— Понял. Значит, не дерево. Что же?

— Что-то, внешне похожее на дерево. На пень. На... что угодно.

— Поищем, — согласился он.

Мы искали. Ничего не было.

— Возьмем шире? — спросил я, заранее сомневаясь.

— Бесполезно, — фыркнул он. — Как видно, у них своя логика, штатская?

— Что же делать?

— Наверное, все-таки копать, — сказал Уве-Йорген.

— Лопат не взяли, — пожалел Никодим.

— Возьмем и придем еще раз.

— Ничего другого не придумать. Интересно, что там упрятано.

— Интересно. Пошли.

И мы зашагали к лагерю.

* * *

После обеда парни ушли сменять посты. Остальные улеглись поспать. Жизнь была, как на курорте, и не хотелось думать о том, что звезда, по всей вероятности, разводит пары, а предохранительный клапан ее испорчен.

— Анна, — сказал я. — Пойдем, поговорим.

Она сразу согласилась:

— Пойдем.

Мы шли по лесу, и я не знал, с чего начать. Она тоже молчала.

— Слушай,— сказал я наконец шутливо-сердитым голосом.—
Что ты за моду взяла — бродить с ребятами по лесу?

Она покосилась на меня:

— Это не опасно.

— Почему?

— Несерьезно.

— А со мной — серьезно?

Она помолчала, потом сказала — тоже как бы в шутку:

— Смотри — проспичь. Прозеваешь.

— Тебя?

— Меня.

— Анна...

— Не надо,— сказала она.

— Что — значит, конец?

— Нет,— сразу же ответила она.— Мне с тобой интересно.

— Ну, тогда...

— Нет. Так — не надо.

У меня опустились руки. Потом я сказал ей:

— Знаешь, в дядюшки я не гожусь.

— Дурак,— сказала она.

— Я?

— Ты.

— А! — сказал я.

Мы еще помолчали.

— Может, ты объяснишь, в чем дело?

— Ни в чем,— сказала она.— Просто так.

— Да почему...— начал было я, но тут же сообразил, что спрашивать об этом и в самом деле не очень-то умно.

— Ладно,— сказал я хмуро.— Погуляем еще?

— Да.

Мы пошли дальше.

— Ты просто не представляешь, какое было множество дел...

— Я ведь тебя не спрашиваю.

— Неужели ты думаешь, что я...

— Я думаю, что я тебе не нужна,— сказала она холодно.

— Ну как ты можешь...

— Ты что — не мог поговорить оттуда?

— Не мог. Не мог я выйти на связь! Катера не было!

— Нет, мог,— сказала она упрямо.

Продолжать я не стал, потому что продолжать было нечего.
Мы прошли еще немного.

— Пойдем назад? — предложил я.

Она без слов повернула назад.

И тогда мы услышали выстрелы в той стороне, где были посты.

Я глянул, и на миг оцепенел: по просеке двигались люди. Они были вооружены неказистыми, увесистыми ружьями. Некоторые держали пики.

Раздумывать было некогда. Я схватил Анну за руку.

— К лагерю! Быстрее!

Мы бежали, что было сил, отступали под натиском превосходящих сил противника. В лагере все были уже на ногах. Уве-Йорген все же успел научить парней чему-то; во всяком случае, залегли они быстро и, я бы сказал, толково. И оружие изготовили. Но стволы всех автоматов были направлены в небо.

Наступающие теперь перебегали меж деревьев со всех сторон. Впечатление было такое, что нас окружали.

Я достал пистолет, достал патрон и вытянул руку.

Люди с ружьями приближались. Они были пока что метрах в шестидесяти, а я знал, что из моей штуки можно вести действенный огонь метров на двадцать пять — тридцать. Иначе это будет трата патронов. Я ждал, пока они подойдут поближе, и не спеша выбирал цель.

Подошла Анна. Остановилась. Я схватил ее за руку и дернул:

— Не изображай неподвижную цель!

Она неспешно прилегла и с любопытством спросила:

— Что вы будете теперь делать?

«В самом деле, что же? — подумал я.

Я лежу тут, на песке чужой планеты, и собираюсь стрелять в людей, населяющих ее. Я считал, что прилетел спасти их, и вот лежу и собираюсь стрелять в них. И убивать. Потому что, когда я был солдатом, меня учили: стрелять надо не мимо, а в цель. Надо убивать врага, потому что иначе он убьет тебя.

Но были ли эти люди моими врагами?

Я был чужой им, они — чужими мне.

Может быть, их вина в том, что они мешают нам спасти их?

Но надо ли спасать человека любой ценой — даже ценой его собственной жизни?

Пусть погибнет мир — лишь бы торжествовала справедливость?

Или все-таки как-нибудь иначе?»

Они были метрах в сорока, когда я встал.

Встал, сунул пистолет в карман и с полминуты смотрел на них, а они — на меня. Они не остановились, не замедлили шага.

Я оглянулся, и на лицах наших парней увидел облегчение. Здешних парней, не экипажа. Люди из экипажа лежали спокойно. Иеромонах отложил автомат и, подперев подбородок ладонями, словно загорал, а остальные продолжали держать оружие наизготовку.

Я ждал. Наконец от наступающих отделился человек и, размахивая руками над головой, направился к нам. Он был без оружия. Парламентер, понял я. Правда, без белого флага. Но откуда им знать, что в таких случаях полагается нести белый флаг и из всех сил трубить в трубы?

— Дай-ка,— сказал я Иеромонаху.

— Что?

— Автомат.

Не вставая, он протянул мне свой. Я закинул автомат за спину.

— Я с тобой,— сказала Анна. На лице ее было любопытство.

— Попробуй только,— пригрозил я и двинулся навстречу парламентеру.

Мы встретились недалеко от наших позиций.

— Ну, давай,— сказал я ему намеренно грубовато.— Выкладывай, с чем пришел.

Однако он, видимо, не нашел в моем обращении ничего обидного.

— Вам надо сдаваться,— сказал он.

— Вот как? — удивился я.

— Да,— сказал парламентер.— Ты умеешь воевать? Тогда смотри: мы вас окружили. Вы проиграли. Значит, вам надо сдаваться. Ведь иного выхода нет?

— Это как сказать,— усомнился я.

Он описал рукой круг, потом поднял палец:

— Ты же видишь: мы вокруг вас. Это и есть окружение. В таких случаях полагается сдаваться.

Я вздохнул.

«Бедные люди,— подумал я.— Что для вас война? Что-то вроде игры в шахматы. Все строго по правилам. Ходы, сделанные не по правилам, не считаются. В безнадежной позиции полагается сдаваться, а не тянуть до тех пор, пока тебе объявят мат. Чемпионат на солидном уровне. Очень хорошо. Вы ни с кем не воевали. Вам не с кем воевать. И не надо. Но почему те, кто послал вас теперь, не рассказывали вам, что драка — это не шахматы, и ведется она по тем правилам, какие изобретаются в ходе игры?»

— Ага,— сказал я вслух.— Значит, нам полагается сдать. Что же тогда с нами будет?

Он ухмыльнулся.

— Да уж, наверное, придется вам всем повозиться в Горячих пещках,— сообщил он почти весело.— Будете строить там башни. Не иначе. Может, тогда ты поймешь, и все остальные тоже, что нельзя забираться туда, куда не разрешено.

— Может, тогда и пойдем,— согласился я.— Ты заберешь свои фигурки и отправишься восвояси.

— А вы?

— А мы останемся здесь. Нам тут очень нравится, понимаешь? И мы собираемся здесь побыть — ну, допустим, еще два дня. Потом можешь приходить и поднимать свой флаг: нас тут уже не будет. Ну, договорились?

— Вам нельзя здесь оставаться, — сказал он. — Это не разрешено, разве непонятно?

— Ну, ладно, — сказал я хмуро, уразумев, что сквозь его логику мне не пробиться. — В последний раз спрашиваю: смоесть вы отсюда или придется выгонять вас?

Тут он понял, что я говорю серьезно.

— Ты на самом деле не хочешь сдаваться?

— Не вижу повода.

— Но тогда... тогда вам будет куда хуже! Тогда вы, может, даже не отделаетесь просто Горячими песками. Тогда... Ну, вам будет очень плохо.

— Тем, кто доживет, — сказал я.

Пока мы с ним перебрасывались этими необязательными словечками, я думал: «А почему? Почему надо мне удерживать позицию, раз я не знаю, что в ней ценного? Почему не прекратить войну, не начиная? Зачем я лезу со своими правилами в этот симпатичный, но обреченный монастырь?

А вот зачем, — ответил я сам себе. — Тут находится что-то такое, что для них очень важно. Не для этих мужиков с самопадами, — им известно только, что тут нельзя находиться, и они спешат убедить нас в том, что игра проиграна, чтобы и самим поскорее убраться с запретной территории. Нет, не для них, а для тех, кто послал их. Мы нечаянно нащупали какую-то болевую точку в их организме. И они, те, кто послал сюда дружину, ощущают боль и хотят от нее избавиться.

Но боль бывает полезна. Что, если мы все же со здешними властями не поладим? Ничего не докажем, ни в чем не убедим? В таком случае (если мы действительно хотим, чтобы здешние нелепые люди пережили свою планету) нам придется вывозить их силой. И прежде всего — Уве-Йорген совершенно прав — необходимо добиться согласия правительства. Нет, мы никак не должны убрать свои пальцы оттуда, где, может быть, случайно прижали их артерии... Мы останемся здесь».

— Слушай, — недовольно сказал парламентар. — Ты не видишь, что я жду? Сколько я могу стоять так, как ты думаешь?

— Ладно, — сказал я. — Теперь обрати внимание на то, что я скажу, запомни, как следует, и ничего не перепутай. Мы отсюда не уйдем. Сейчас, во всяком случае, не уйдем. А ты отправляйся к своему командованию. И скажи, что переговоры мы станем вести только с ними — на самом высоком государственном уровне. Понял?

— Нет, — искренне сказал он. — Вам надо сдаваться, почему же ты еще ставишь какие-то условия?

Я махнул рукой: втолковать ему что-нибудь было невозможно.

— Тогда так, — сказал я. — Ты все-таки запомни то, что я говорю. Я постараюсь, чтобы ты унес отсюда ноги живым и, по возможности, здоровым. А ты передашь мои слова своему начальству. Усек? Тогда мотай отсюда.

Не ручаюсь, что он понял все буквально, но тон мой был недвусмысленным. Однако в ответ он только улыбнулся.

— Что ты говоришь! — сказал он. — Оглянись: твои уже готовы сдать! Они-то знают, что вы проиграли!

Я внял совету и оглянулся.

И в самом деле, наша гвардия уже покинула свои укрытия, оставив автоматы на песке. Молодцы и вправду решили, что надо сдаваться — по тем правилам, какие у них были приняты; парни стояли кучкой, безоружные и унылые. Уве-Йорген глядел на них свирепо, Георгий — презрительно, а привыкший прощать Иеромонах, кажется, был даже рад тому, что молодые люди не впадут во грех человекоубийства.

— Монах! — крикнул я. — Подбери оружие!

Он кивнул.

Я обождал, пока он собрал автоматы. И снова взглянул на стоявшего тут же парламентаря.

Он улыбнулся.

— Ну? — сказал он. — Ты убедился? Давай и ты оружие! И то пусть тоже несут сюда.

— Просят не беспокоиться, — ответил я ему языком объявлений. Медленно снял автомат с плеча и двинул ему прикладом под вздох.

Он не ждал этого, оглянулся, и упал, и стал корчиться на песке, откусывая большие куски воздуха.

А я повернулся и неторопливо пошел к кораблю. Я уже знал: в спину они стрелять не станут. И вообще я не был уверен, станут ли они стрелять.

Мои капитулянты стояли, оторопело глядя на меня.

— А ну, пошли отсюда, — сказал я сердито.

Они глядели, как побитые песики.

— Как же... — пробормотал один из них. — Они ведь выиграли...

— Повезло вам, мальчики и девочки, — сказал я невесело. — Вы не знаете, что такое война, — и не надо вам знать этого. Бегите, куда глаза глядят, и постарайтесь не попадаться войску.

— А вы? — нерешительно спросил один.

— А мы играем по другим правилам. Но они не для вас. Ну — шагом марш!

Они медленно пошли.

— Да не туда! — крикнул я им вдогонку. — Там вы тоже попадете к ним! Шагайте в глубину леса и обходите стороной!

Теперь они задвигались побыстрее.

Я поглядел в сторону противника. Четыре стрелца тащили нокаутированного мною парламентаря в свой тыл. Остальные клацали фузеями, снова изготавливая их к бою.

Мы с Монахом залегли так, чтобы ход, ведущий к кораблю, был позади нас: я понимал, что, возможно, придется отступить туда и отсиживаться в этом доте.

— Ну, отче, — сказал я.

Монах не услышал; он бормотал что-то, и мне показалось, что я расслышал слова вроде «Одоления на супостаты...» Я даже не улыбнулся. Каждый настраивается на игру по-своему. Мне вот достаточно подумать об Анне.

Я покосился на нее: она, конечно, не усидела в корабле и теперь лежала рядом.

— Что вы будете делать? — спросила она с любопытством.

— Хотим доказать, что сдаваться нам еще рано.

— Но их ведь больше?

— Ничего, — сказал я. — Зато мы в тельняшках.

Я и не ожидал, что она поймет это.

Но она не поняла и многого другого.

— Они ведь с вами не согласятся...

— Ну, мы еще посмотрим, — сказал я, изготавливаясь, потому что противник, оправившись от удивления, стал строиться для атаки. Они строились очень красиво и убедительно, и собирались наступать тремя плотными колоннами. «Мечта пулеметчика», — подумал я. Но это будет просто мясорубка.

Я вскочил на ноги.

— Рассредоточьтесь, идиоты! — крикнул я им. — Цепью! Перебежками! Кто же атакует колонной, когда у нас автома...

Но окончания они не услышали, потому что грянул залп и на меня посыпалась хвоя. Тут же последовал второй — точно так же, над головами, — и они, не вняв доброму совету, двинулись вперед, а в их тьму даже засвистела какая-то пронзительная дудка.

Я вздохнул; мне было тяжело.

— Иди в корабль, ребенок, — сказал я Анне. — Это не для тебя.

— Нет, — сказала она. — Я хочу посмотреть.

— Если ты увидишь, ты меня больше никогда не...

— Что ж ты не стреляешь? — возбужденно подтолкнула она меня. — Они стреляли уже два раза, а вы молчите. Надо и вам стрелять!

Я покосился на нее. Глаза ее горели, ей было весело.

«Вот так,— подумал я.— Мы, значит, спасаем это бедное, маленькое, неразумное человечество. Своеобразным способом спасаем мы его! С нами приходит страх! — вспомнил я «Маугли». — Вот он, страх, страх добротной земной выделки — вот он, в моих руках. Вот прорезь, вот мушка. Длинными очередями, с рассеиванием по фронту...»

Я целился не в макушку деревьев. Я целил в пояс, как и полагается на войне. Но перед тем, как мягко, плавно нажать спуск, я все-таки поднял ствол чуть ли не к самому небу, словно хотел обстрелять проклятую звезду, из-за которой все и заварилось.

Нет, нельзя, нельзя стрелять в людей, которые смыслят в военном деле столько же, сколько и малые дети,— а то и куда меньше, если говорить о детях моего времени,— и к тому же совсем не собираются убивать меня.

Мы играли на чужой площадке, и надо было — если мы хотели и впредь считать себя порядочными людьми — играть по их правилам.

И-я крикнул Монаху и всем остальным:

— Только не вздумайте стрелять по людям!

Они удивленно оглянулись; Уве-Йорген скривился, но Никодим улынулся.

— Нет,— сказал он.— Я их только переполошу.

Он прицелился в макушки деревьев и дал очередь.

Шишки так и посыпались на них. Но шишки не убивают.

* * *

Как только мы приняли их правила, стало ясно, что это будет игра в одни ворота: их было слишком много, а мы играли все время одним составом, и патронов у нас было не так уж много. К тому же,— я заранее знал, что так и получится,— наступавшие стали постепенно входить в азарт, и пули жужжали все ближе к нам, глухо стучаясь в стволы или плюхаясь в песок. Сдуру они могли и ранить — случайно, конечно, но нас было слишком мало, чтобы терять людей даже случайно.

— Оставайся здесь,— сказал я Никодиму.— А ты ползи за мной.

Анна послушалась, хотя вряд ли это было ей приятно.

Я подполз к Уве-Йоргену.

— Пожалуй, Рыцарь, пора заключать перемирие.

— Если ты собираешься воевать таким образом,— ответил он, не отводя взгляда от наступающих,— то можешь капитулировать сразу. Скажу тебе откровенно: такая война не по мне.

— Я говорю не о капитуляции,— сказал я, стараясь не обидеться,— а о перемирии. Нам надо поразмыслить, как следует.

— Попробуй,— согласился он.— Дипломатия — твоя стихия.

— Знаешь,— сказал я Анне.— Ты все-таки иди в корабль. Побойся об ужине хотя бы. Не бездельничай.

Это подействовало, и она не стала возражать. А я улучил момент, когда стрельба чуть ослабла, встал и пошел им навстречу, так же размахивая руками над головой, как их парламентар.

* * *

Удалось добиться перемирия на час. Наступавшие с облегчением прекратили палить и тут же занялись ужином. А мы сели в кружок и принялись совещаться.

— Это пока разведка боем,— сказал Уве-Йорген.— Но ясно: они не отвяжутся. Они всерьез обеспокоены. И, значит, говорить о мирном, деловом контакте больше нельзя.

— Как бы они ни вели себя,— сказал я,— наша задача не меняется.

— Сказано есть: прости им, ибо не ведают, что творят,— произнес Иеромонах и поднял палец.

— Пусть не меняется цель,— сказал Рыцарь,— но должны измениться средства. Ульдемир, ты еще надеешься, что Шувалов сможет чего-то добиться?

— Мы не знаем, что с ним. Судя по событиям, вряд ли у него что-нибудь получится.

— Хорошо,— сказал Уве.— У нас есть еще две возможности. И я считаю, что надо использовать обе.

— Слушаем тебя.

— Твои лесные люди. Придется тебе, капитан, лететь к ним. Взбодоражить. И вести на город. Шувалова не стали слушать, потому что он не сумел показать, что за ним — сила. Иного не могу предложить. Надо прийти к ним и показать силу.

— Ну, а вторая? — спросил я.

— Я останусь тут. Все-таки разберусь, из-за чего они выпустили столько патронов. Потом еще надо будет слетать за Питетом.

— Они намного сильнее. У тебя кончатся магазины, и все.

— Ну,— пренебрежительно сказал Уве-Йорген,— не так-то это просто. Я думаю, со мной останется Георгий. А Монах полетит с тобой. И, пожалуйста, заberi девушку. Ей тут нечего делать.

Мне не очень нравилось предложение Рыцаря, но, пожалуй, оно было все-таки самым разумным. Конечно, мы могли уйти все. Но тогда так и осталось бы неясным, что же здесь скрывалось, ради чего люди призваны под ружье.

— А потом? — спросил я. — Когда ты выяснишь, что здесь кроется, или когда тебя заставят уйти отсюда?

Уве-Йорген подумал.

— Когда заберем Питека, вернёмся на корабль, — сказал он. — Оттуда свяжемся с вами и будем действовать по обстановке.

— Ладно, — согласился я. — Пусть будет так.

— И еще одно, — сказал Уве-Йорген.

— Ну?

— Мы вступаем в войну, — молвил Уве-Йорген. — На войне иногда убивают.

— Тут, кажется, нет.

— Пока нет. Но в цель иногда попадаешь, даже не желая. Так называемые шальные пули. И, я полагаю, надлежит принять какие-то меры на случай, если все мы выйдем из строя.

Мы помолчали.

— Например? — спросил я затем.

— Я имею в виду, что задача ведь останется прежней, независимо от того, будем ли мы в живых, или нет. Землю надо спасти в любом случае. Пока мы еще пытаемся сделать это ценой минимальных жертв. Мы не виноваты, что нам мешают. Но может стать, минимальными жертвами не обойдешься. Я, считаю, что тогда надо будет действовать жестко. Атаковать звезду. Погасить. Пожертвовать планетой Даль. Черт побери, будем называть вещи своими именами. Сейчас мы солдаты и имеем право говорить так. Мы рискуем собой ради чужих людей, и это дает нам право...

— Не знаю такого права, — ответил я.

— Они братья нам, — поддержал меня Монах.

Но оба мы поняли, что прав сейчас Рыцарь. Если нас перебьют, Земля останется беззащитной. Она стояла за нашими спинами и ждала решения. И планета Даль — тоже. Мы, пятеро людей, ничем не замечательных, были сейчас трибуналом, вселенским трибуналом, решавшим судьбы миров. Но так лишь казалось: решение было только одно, выбора не было.

Я провел голосование по правилам.

— Никодим!

— Видишь ли, — сказал он, — вы-то не знаете... Я могу согласиться. Ибо верю: все свершится по воле Божьей. Некогда Аврааму было велено принести сына в жертву — и он был готов зарезать мальчика. Но Господь в последний момент послал ему барана, и сын спасся. Надо только верить...

— Ладно, — сказал я. — Твоя точка зрения ясна. Георгий?

— Ха! — сказал он. — Я не знаю... Это славная планета, знаешь ли, капитан. И люди мне нравятся, хотя бегают они не очень быстро. Я вспоминаю родину. Я мог бы жить здесь. На Земле — нет, а здесь

мог бы. Если бы эти места уцелели. Но мы воины. Здесь есть все — мужчины, женщины, и старики, и дети. И им придется умереть. Потому что там, на Земле, тоже есть мужчины и женщины, старики и дети, и их куда больше. Скажу прямо: я люблю их меньше, чем тех, кого вижу здесь. Но послали меня те, что на Земле. Воин не меняет хозяев и не нарушает клятвы. Больше я ничего не скажу.

— Вот и все,— сказал Уве-Йорген.— Что думаю я, всем ясно, а ты, капитан, подчинишься необходимости.

— Когда она возникнет? — спросил я.

Уве-Йорген ответил не сразу.

— Через двое суток,— сказал он,— мы или овладеем положением, или будем перебиты. Если победим мы, весь сегодняшний разговор потеряет смысл. Если победят нас...

— Двое суток?

— Да,— сказал он.— Конечно, вести партизанскую войну в лесах можно годами. Но нам нужна быстрая победа.

— Все,— сказал я и направился к катеру, чтобы связаться с Гибкой Рукой и отдать ему приказ. Двое суток. Двое суток до конца — или до начала чего-то нового. Двое суток.

Никодим и Анна шли со мной. Нам предстояло втиснуться втроем в малый катер и долететь до леса. Большой катер оставался тут, с Уве-Йоргеном. На прощание я сказал ему:

— Так я надеюсь, что ты будешь действовать как достойный представитель высокой цивилизации.

— Не спрашивай меня, капитан,— посоветовал он,— и не беспокойся.

Но я не был спокоен. Я знал, что есть вещи, которые Уве-Йорген умеет делать лучше меня, но всей душой надеялся, что ему не придется проявить свое умение.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Документы

Переговоры по радио между катером № 1 и кораблем экспедиции «Зонд» (Запись):

«Катер: Вызываю борт. Здесь капитан. Как слышно?»

Борт: Слышимость хорошая. Здесь Рука. Как слышите вы?»

Катер: Нормально. Что на борту?

Борт: У нас все в порядке. Доктор наблюдает. Установка в порядке. Моторы изготовлены.

Катер: Можете ли стартовать в любой момент?

Борт: Можем.

Катер: Контрольная сверка времени. У меня семнадцать ноль пять.

Борт: Семнадцать ноль пять точно.

Катер: Прошу отметить это время.

Борт: Отмечено.

Катер: Если на протяжении сорока восьми часов, повтoряю: сорока восьми часов...

Борт: Сорок восемь часов, понял вас.

Катер: Если за это время вы не получите никаких других указаний, приказываю начать операцию воздействия. Поняли? По истечении сорока восьми часов начать операцию воздействия, если от меня или еще кого-либо из членов экспедиции и экипажа не будет получено других распоряжений.

Борт: От любого члена?

Катер: Если первый пилот сообщит о гибели капитана. Если любой другой член экипажа сообщит о гибели капитана и первого пилота.

Борт: Понял вас. По истечении сорока семи часов пятидесяти семи минут.

Катер: Правильно. Это в том случае, если наблюдения не покажут, что опасность может возникнуть раньше.

Борт: Если будет опасность, я сделаю все сразу же.

Катер: Да. Тогда не жди ни минуты. Но я надеюсь, что все обойдется.

Борт: Я тоже так думаю. Все будет в порядке, капитан.

Катер: Привет Аверову и наилучшие пожелания.

Борт: Привет всем нашим.

Катер: Принято. У меня все. Конеч.

Борт: Конеч».

* * *

Шувалов полагал — и, по-видимому, справедливо, — что люди, находящиеся у руководства, могут обладать многими недостатками, в том числе (как показывала история) порой очень неприятными, но быть глупыми они не могут. И в данном случае, поскольку опасность, грозившая планете, была равной для всего ее населения, независимо от его здоровья, силы, социального положения и прочего, — постольку Шувалов полагал, что руководство не станет пренебрегать ни малейшей возможностью спасения и с радостью пойдет навстречу тем, кто предложит такое спасение.

Но в его положении никакая инициатива не была возможна.

Он не мог повлиять на ход событий, и оставалось лишь требовать, чтобы ему дали возможность встретиться с кем-либо из Хранителей Уровня. Однако просьбы и требования его оставались тщетными. Ему каждый раз отвечали одно и то же:

— После приговора ты сможешь просить о смягчении участи. Тогда твою просьбу рассмотрят Хранители. Пока же им не о чем с тобой разговаривать.

— Но простите! — возражал Шувалов. — Мне лучше знать, есть ли у меня поводы для разговора!

— Может быть. Но закон не позволяет Хранителям выслушивать преступников, пока суд не вынес приговора.

С законом спорить было невозможно.

Время уходило стремительно. И когда настала пора представлять перед судом, Шувалов решил прибегнуть к последнему, видимо, средству, какое оставалось в его распоряжении.

* * *

Его судили в большом зале, заполненном народом. Стены и потолок зала были покрыты странной росписью, мрачные, резкие краски которой, начинаясь от пола, постепенно, чем выше, тем больше переходили в мягкие, умиротворяющие. Возможно, эта роспись заменяла символы правосудия, принятые на Земле — повязку и весы богини.

Судей было пятеро, и они находились на возвышении, однако не за столом, как казалось бы естественным Шувалову, — стола не было, они просто сидели в глубоких креслах. Кресла стояли полукругом, в центре которого находился круглый табурет, на который усадили Шувалова. Судьи оказались пожилыми, сдержанными в словах и жестах людьми. Зато публика проявляла эмоции открыто, и выражаемые ею чувства были — это стало понятно сразу — неблагоприятными для Шувалова.

Публика пришла, видимо, не ради сенсационного зрелища (как предположил было Шувалов, когда его ввели и он увидел набитый зал). Люди были искренне возмущены и встревожены, и тревога за того, кто подвергся нападению, написанная на их лицах, то и дело вытеснялась выражением не то, чтобы ненависти, но какого-то холодного отчуждения, целиком относившегося к подсудимому.

Ритуал был несложным. Публике объявили, кого будут судить и за что. Потом еще раз объяснили Шувалову, что судить будут именно его, и подробно объяснили, в чем его обвиняют. Затем стали давать показания возчики, судья и пострадавший астроном. Он говорил, и взгляд его то и дело обращался к Шувалову (хотя астро-

ном должен был обращаться к судьям), и во взгляде этом было недоумение и сожаление.

— Итак, подсудимый, признаешь ли ты себя виновным в том, что хотел и пытался совершить убийство?

Кажется, настал момент. Шувалов встал.

— Высокий суд... — начал он.

— Ты говори просто: судьи.

— Судьи! Я признаю себя виновным.

Легкий гул прошел по залу.

— Но это — лишь малая часть преступлений, в которых можно обвинить меня!

В зале настала тишина.

— Я, систематически нарушая Уровень...

Снова гул.

— ...нашел способ совершить воистину страшное и жестокое преступление!

И снова — мертвое безмолвие.

— Последствия преступления были бы неисчислимы. Они привели бы к тому, что Уровень рухнул бы, а затем и сама жизнь ваша и всех людей сделалась невозможной. Сейчас я в ваших руках, но помните: я не один! И если совершится задуманное мной — вы все погибнете!

В зале кто-то слабо вскрикнул. Кто-то заплакал. Шувалов перевел дыхание.

— Я еще не знаю, какой способ мы применим. Потому что, судьи, мы знаем два способа, и каждым из них можно добиться такого результата.

Шувалов умолк. Он сделал паузу намеренно.

— Говори! — чуть хриплым голосом сказал судья, сидевший посередине.

— Мы можем сделать так, что огонь охватит все. Ваши дома. Мастерские. Посевы. Леса. Закипят и испарятся реки. Сама кровь закипит в ваших жилах. В жилах каждого: мужчины и женщины, старика и ребенка. Все погибнет, все сгорит, и жизнь прекратится и никогда более не возродится здесь. Вот один способ, судьи.

Он снова умолк, и тот же судья снова сказал:

— Говори же!

— А вот второй способ. Мы вызовем холод. Страшный холод. Потускнеет солнце. Ледяная кора покроет все. От холода погибнут растения и деревья. Наступят голод и страшный мороз. Реки замерзнут до дна, и все живое в них погибнет. Некоторое время вы сможете еще укрываться от холода в помещениях, но голод погубит вас. Погибнут все. И жизнь кончится. Жизнь каждого из вас и всех вместе.

Крайний справа судья сказал:

— Но погибнешь и ты, подсудимый! И твои товарищи тоже погибнут.

— Да,— сказал Шувалов.— В том-то и дело. Ведь каждый человек должен умереть. Но мы решили: раз мы должны умереть, то пусть умрут все.

— Подсудимый... Неужели ты так ненавидишь людей?

Шувалов ответил не сразу. «Господи,— думал он,— я слишком люблю людей, даже дураков — потому что они ведь не виноваты в своей глупости, в том, что есть знание, которое оказывается слишком тяжелым для их нетренированных мозгов...»

— Да! — сказал он.— Я ненавижу людей!

— И все-таки... То, что ты сказал, звучит страшно, но... Как нам поверить во все те ужасы, во все эти бедствия?

— Неужели вы не верите в то, что тот, кто мог спокойно и хладнокровно попытаться убить человека, в силах совершить то, о чем я сказал?

«Не верьте,— думал он,— пожалуйста, не верьте... Но среди тех, кто сидит в зале, найдется хоть несколько таких, кто поверит — и разговор будет не удержать, и, так или иначе, вам придется обратиться ко мне — потому что больше вам обратиться не к кому...»

Судьи переговаривались вполголоса. Гул в зале нарастал.

— Подсудимый! — обратился к нему судья, сидевший в середине.— Скажи, нет ли способа предотвратить эти преступления? Чего ты хочешь? Может быть, если мы предоставим тебе свободу, и обещаем безнаказанность, и позволим уехать, куда ты пожелаешь...

Шувалов покачал головой.

— Судьи! — сказал он.— Я должен сообщить вам, что уже начал раскаиваться в том, что задумал и подготовил такое преступление. Потому что, как мне теперь кажется, люди все-таки не заслуживают такого конца. Но только я один знаю, как можно предотвратить то, что я замыслил.

— А это предотвратить можно?

— Пока еще можно.

Судья встал.

— Мы требуем, чтобы ты сказал нам — как! Пусть ты и пытался совершить страшное преступление — предотвратив другое, гораздо более ужасное, ты во многом искупишь свою вину!

— Да! Да! — кричали в зале.

— Я согласен, судьи.

— Говори!

Шувалов снова сделал паузу.

«Смешно,— думал он,— как же несложно было все придумать!

Ни один человек ни за что не поверил бы, начини я снова говорить о вспышке Сверхновой — не поверил бы, хотя мои доказательства с научной точки зрения выглядели бы безукоризненно. А вот поверить в то же самое, как в следствие злого умысла, — вы в состоянии, вы готовы. Милые, простодушные, необразованные люди...»

— Я скажу, судья, — произнес он важно. — Но не тебе, и никому из вас.

— Почему же?

— Потому что дело ведь касается всех людей, не так ли? Оно относится ко всему Уровню, ты согласен? И будет справедливо, если я скажу все тем, кто хранит Уровень!

Судьи посовещались вполголоса.

— Ты настаиваешь, подсудимый?

— Да. Иначе я не согласен. А затем, если Хранители захотят, я расскажу и всему народу.

Судьи снова переговорили. Потом сидевший посередине объявил:

— Приговор не будет вынесен сегодня. Мы сообщим обо всем, что сказал подсудимый, Хранителям, и они вынесут свое решение.

По залу прокатился вздох облегчения.

Искреннее всех вздохнул Шувалов. «Вот и сделано дело, — подумал он. — Наконец-то я смогу встретиться с их руководством. Объяснить. Убедить. И начать работу...»

Он снова — на этот раз уже с другим чувством — обвел глазами людей, собравшихся в зале. И они тоже, не спеша расходиться, смотрели на него — кто со страхом, кто с интересом, некоторые — равнодушно, иные — со злобой. А один смотрел с улыбкой, с веселой улыбкой. Шувалов удивился: уж очень неуместно было здесь выражение симпатии. Он поднял брови. Улыбающийся встретил его взгляд, улыбнулся еще шире и прищурил глаз — и тогда Шувалов узнал Питека, и на душе у него стало совсем хорошо, и захотелось петь.

* * *

— ...Впрочем, — сказал старший Хранитель Уровня, — у вас и не было возможности составить о нас правильное представление. Так уж глупо получилось... Но согласитесь сами — ваш визит был для нас по меньшей мере неожиданным. Кто мог подумать, что вы — с Земли?

Шувалов охотно кивнул. Наконец-то он разговаривал с человеком — это сразу ощущалось — своего круга. С поправкой, разумеется, на уровень знаний — и все же с человеком, мыслящим, видимо, достаточно широко и масштабно.

Хранитель устало потер лоб.

— Да, неверное представление... Вам, видимо, многое показалось произвольным, непонятным... неприемлемым. Наверное, так. Мне трудно судить об уровне вашей сегодняшней цивилизации, однако я понимаю, что все эти столетия она не стояла на месте и развивалась, видимо, не совсем в тех направлениях, что до экспедиции наших предков — так мы их называем, хотя это и неточно.

— В общем, да,— согласился Шувалов.— Земля несколько изменила цели и методы.

— Что касается нас, то у нас не было выбора. Характер нашего развития был предопределен заранее.

— Не могли бы вы рассказать подробнее?

— Да, пожалуйста, пожалуйста... На Земле, вероятно, еще помнят о нашей экспедиции?

— В основном — специалисты и историки. Помним, что было несколько экспедиций... но о результатах нам ничего не известно.

— Один из результатов — перед вами... Попробуйте представить себе, как все происходило,— и вы поймете, что ничем иным это кончиться не могло.

Представьте себе, что крайне небольшое количество людей — не более двухсот человек — покидает Землю, чтобы никогда более на нее не вернуться. Чтобы осесть на одной из тех планет, существование которых предполагалось — только предполагалось! — в данной звездной системе. Люди летят, по сути дела, наугад. На карту поставлена жизнь. Потому что если им не повезет и планет — во всяком случае, годных для обитания — не окажется, они, возможно, и сумеют вернуться, но прилетят уже глубокими стариками — и прилетят неизвестно в какую эпоху.

Шувалов кивнул.

— Вы, конечно, понимаете, что те, кто летел, были энтузиастами, людьми в какой-то степени не от мира сего — хотя, разумеется, людьми упорными, выносливыми и умелыми. Такие сочетания встречаются. Ну и, безусловно, авантюристическая жилка у них тоже должна была быть.

Итак, они летели, предпочитая надеяться на то, что нужная планета обнаружится, на нее можно будет сесть и на ней можно будет жить. Как вы теперь видите, надежда оправдалась.

Шувалов снова кивнул.

— Они летели, чтобы обосноваться и жить. Летели, покинув достаточно высоко развитую цивилизацию. Но тут, еще до старта, вступили в силу те закономерности, с которыми раньше, в период освоения территорий Солнечной Системы, люди не встречались.

Люди понимали, что с момента старта им придется рассчитывать только на самих себя. Даже связь с Землей с каждым днем полета

становилась все затруднительнее; и уже заранее было ясно, что общение между человечеством и его новыми поселениями в космосе будет практически невозможным: слишком много сил требовалось на снаряжение такой экспедиции, и слишком велик был процент риска. О регулярных рейсах хотя бы раз в столетие нельзя было и думать всерьез.

— Это стало возможно только сейчас,— сказал Шувалов.

— Что же, неплохо. Однако тем, кто летел тогда, рассчитывать на что-либо подобное не приходилось.

Итак, предстоящая оторванность от материнской цивилизации заставила задуматься над вопросом: какую же часть ее можно взять с собой и что из взятого можно будет сохранить и укоренить на новом месте?

— Я понимаю.

— Всякая техническая цивилизация, как вы знаете, является сложным комплексом явлений, тесно связанных между собою. И чтобы захватить с собой, скажем, такое примитивное достижение техники, как электрическую бритву, надо было взять и все необходимое для постройки на новом месте электростанции — начиная с материалов и генераторов и кончая строительной техникой, средствами транспорта, топливом, запасными частями — и так далее.

— Да, в наше время серьезно занимаются этой проблемой.

— А тогда только начинали. Итак, взять с собой пришлось бы слишком много — а на то, чтобы изготовить отсутствующее на месте, надеяться не приходилось: даже для того, чтобы сделать ту же самую бритву, нужно такое количество различных и достаточно высоко развитых отраслей техники, какое, естественно, не могло быть заброшено с Земли. Я не знаю, каков по размерам ваш корабль...

— О, вы сможете детально ознакомиться с ним...

— Заранее благодарю... Но, во всяком случае, вряд ли вы представляете, как мало можно было взять с собой в то время. Учитывался каждый грамм массы и каждый кубический сантиметр объема.

— М-да... Не хотел бы я быть на их месте.

— Я тоже. Итак, им следовало прежде всего решить: что является важнейшим при создании колонии на пустом месте и без притока сил извне. Что является жизненно важным.

— Судя по тому, что колония прижилась, им удалось найти решение?

— Да.

— И это оказалось...

— Это были люди.

— Люди?

— Вот именно. Было установлено, что для того, чтобы не вы-

мереть, не захиреть, не выродиться, наконец, такая колония должна прежде всего обладать определенным количеством людей — не ниже критического уровня, который тогда оценивался приблизительно в несколько тысяч человек.

— Вот как...

— Да. Но выполнить такое условие было невозможно хотя бы потому, что корабль мог взять двести человек — и самое необходимое для них. Не более.

— Воистину, задача не из самых простых.

— И все понимали, что если начинать от первичного количества в двести человек, — предположим, сто пар, — то, по естественным условиям, население колонии смогло бы достичь нужной величины слишком поздно. Вернее, оно не успело бы ее достичь — колония угадала бы значительно раньше. Здесь ведь счет шел на поколения!

— Сложно, сложно.

— Тем не менее, выход был найден. Та аппаратура, которую экспедиция взяла с собой, то небольшое, что она смогла увезти, предназначалось не для производства энергии, не для обработки земли и не для резания металлов, но для производства... людей.

Шувалов поморщился.

— Боюсь, что я не смог бы согласиться с таким решением...

— Иного выхода не имелось. А уже в то время были достаточно хорошо разработаны методы, при помощи которых любая клетка организма могла развиваться в полноценный организм. Любая клетка!

— Это-то мне известно...

— Необходимые установки, взятые экспедицией с собой, обладали достаточной мощностью для того, чтобы уже в первый год произвести на свет тысячу младенцев, на второй — столько же, а при желании производство их можно было бы и расширить. Первичный материал был взят с Земли: миллионы клеток... Этим достигалось, кстати, еще одно: устранялась опасность вырождения людей, которая в ином случае непременно возникла бы в столь узкой популяции.

— Люди от Сосуда! — пробормотал Шувалов. — Вот оно что! В голосе его была неприязнь.

Хранитель посмотрел на него.

— Я вижу, вы все еще не можете примириться с этим.

— Увы, да... Я даже не уверен, что это люди — те, о ком вы говорите. Может быть, их скорей следует называть биологическими роботами? Не будет ли так честнее?

— Вы можете называть меня и роботом, — с улыбкой согласился Хранитель Уровня, — если такой термин кажется вам более приемлемым.

— Как, и вы?..

— Как и все остальные. Возможно, не все — иногда люди рождаются у нас и обычным порядком, но крайне редко. Мы запрещаем рожать.

— Почему?

— Мы считаем, что еще не достигли такой численности, при которой опасность вырождения стала бы крайне незначительной.

— Какой же численности вы хотели достигнуть?

— Порядка десяти миллионов.

— А сейчас у вас...

— Несколько более миллиона.

— Так много? — хмуро удивился Шувалов.

— Мы считаем, очень мало.

— Ну, тут все зависит, конечно, от точки зрения... Миллион, немалое число...

— Может быть, оставим эмоциональные оценки. Итак, вот что привезли с собой люди и вот с чего начали свою деятельность.

— Но простите... Ведь для всего, что я тут вижу...

Шувалов развел руками, словно обнимая все, что находилось в помещении. Это было длинное помещение без окон, отделанное пластиком, который и через столько лет все еще оставался белым. Скрытые светильники давали рассеянный, мягкий свет. Вдоль стен стояли бесконечные ряды стеллажей, уставленных одинаковыми аппаратами, к которым тянулись толстые жгуты проводов.

— Дядя Сосуда...

— Вот именно, для всего этого Сосуда, для этой фабрики людей, нужна была энергия — и обойтись без нее вы никак не могли!

— Она нужна и сейчас. Поэтому небольшую силовую установку — ядерную, прямого преобразования — и топливо для нее экспедиция взяла с собой. Однако энергии должно было хватить на производство людей и еще на некоторые нужды — но никак не для того, чтобы развивать промышленность.

— Понимаю. Неужели же она...

— Да, действует и сейчас. Впрочем... Но не стоит о деталях.

— Что же еще взяла с собой экспедиция?

— Разумеется, достаточно мощный компьютер.

— Зачем?

— Прежде всего, для управления производством. Ведь оно требует строжайшего программирования и тончайших режимов, если вы хотите, чтобы рождались люди, а не монстры.

— Рождались, вы говорите?

— А как мне еще сказать? Человек рождается, иного пути у него нет. Его не собирают из деталей. Среда, в которой он развивается, вопрос достаточно важный, но не принципиальный.

— Н-ну хорошо, не станем спорить...

— Я тоже так думаю... Таким образом, первая задача — задача численности — была решена. Но мало родить людей: их ведь еще надо кормить, и вообще — надо жить!

— Да.

— И вот тут начинать приходилось действительно с самого начала. Хорошо, что психологически люди были подготовлены.

— К чему?

— К тому, что землю придется вспахивать плугами, да и то не сразу: первые два-три года, пока подрастет тягловый скот, — лопатами...

— Вы и скот тоже... запасли подобным образом?

— Нельзя же было всерьез рассчитывать на то, что природа случайно подбросит на планету лошадей и быков и людям останется только приручить их! Конечно, все было привезено с собой и вызвано к жизни таким же способом. В соседней части здания помещаются те установки. Правда, они уже давно не используются.

— Ага, скоту вы доверяете больше, чем людям?

— Просто о людях мы больше заботимся. Но вернемся к теме. Конечно, люди, что прилетели сюда, заранее, еще на Земле, научились выполнять все необходимые работы, стали прямо-таки специалистами по архаическому, домашнему земледелию... Они привезли с собой семена — злаков, овощей, трав... Тут не было места легкомыслию. Еще на Земле люди научились владеть топорами, пилами — всем первобытным инструментарием. Знали, что на месте придется начинать с ничего. Готовились долго и основательно. И тут им сразу пришлось приниматься за работу.

— Да... Но скажите, пожалуйста: ведь прошло много времени, столетия... а уровень вашей техники остался примерно тем же — и вы, кажется, не очень-то стараетесь развивать ее, повышать уровень?

— Вы правы: мы не очень стараемся.

— И даже противитесь, не так ли?

— Вряд ли есть смысл скрывать.

— Вот именно. А почему же, если позволено спросить?

— Постараюсь объяснить... Видите ли, тогда, перед стартом, было ясно, какой технический уровень будет иметь новая колония. Но оставалось не совсем ясно — какие психологические и социальные изменения вызовет переход к такой жизни.

— Вы опасались регресса?

— «Мы» — не совсем по адресу: не забудьте, что я-то если и прилетел на том корабле, то лишь в виде законсервированной клетки.

— Извините, действительно, у меня все время такое впечатление... Конечно, не «вы», а «они».

— Они предполагали, что известный регресс неотвратим. Но насколько далеко он пойдет? Какой характер будет носить? Трудно было ответить, не имея экспериментальных данных.

— Действительно.

— Прежде всего следовало позаботиться о том, чтобы не был слишком тяжким регресс социальный. Возвращаясь к технике — скажем прямо — феодализма и крепостного права, нельзя было скатиться и к социальным концепциям того периода.

— И этого удалось избежать?

— Удалось. У нас нет и не было частной собственности. Это понятие отсутствует в нашем обществе.

— Однако вы вот его знаете...

— Мы — те, кого называют Хранителями Уровня, — в процессе подготовки очень серьезно изучаем нашу историю. Вплоть до мелочей. Иначе я не мог бы рассказать вам все так подробно.

— Да, ваша информация необычайно интересна. Итак...

— Итак, исходили из того, что связь между уровнем производительных сил и социальным устройством в определенных обстоятельствах является достаточно гибкой. Кроме того, значительное внимание обращалось на то, чтобы не допустить регресса морального, нравственного. Это, в основном, удалось. Чтобы не допустить возникновения религии. Это тоже удалось.

— Очень похвально. Но все же вы не ответили на мой вопрос: почему ваш уровень не растет, мало того — почему он объявлен постоянным.

— Понять, мне кажется, нетрудно. Вам и самому ясно, что уровень производства — при условии, что не будет допускаться чрезмерной перегрузки людей на работе, — требовал весьма, весьма и весьма рационального ведения хозяйства. В каждую вещь, в каждую горсть зерна у нас вложено очень много труда...

— Естественно...

— И с самого начала не представлялось иной возможности, как все руководство хозяйством — и производство, и распределение — поручить тому же компьютеру. Людям оставалось снабжать его актуальной информацией и, в случае крайней необходимости — в основном морального характера, — вносить в его рекомендации небольшие коррективы. Впрочем, крайне редко.

— Ах, вот что...

— Именно.

— И машина справлялась?

— Да, безусловно. Только так наше общество и смогло развиваться и крепнуть. Однако...

— Я догадываюсь. Однако, хотите вы сказать, возможности компьютера не являются неограниченными.

— Прискорбно, но так.
— Он справляется с задачами не выше определенной сложности?

— Разумеется. В один прекрасный день наступило такое состояние, когда стало ясно: всякие изменения — в характере ли производительных сил, в характере ли потребления и так далее — приведут к тому, что машина перестанет справляться с задачей.

— И вы решили...

— Можно было, конечно, идти на риск: выключить машину и взять дело в свои руки.

— Но вы не пошли на это.

— Не пошли. Потому что для того, чтобы не допустить ошибок и путаницы, нужно было иметь множество специалистов. А у нас их не было. И кроме того...

— Почему же вы их не подготовили?

— Вы не дали мне договорить: и кроме того, при нашей производительности труда, мы не смогли бы прокормить такой аппарат.

— Прокормить — в широком смысле, разумеется?

— Да. Прокормить, одеть, обусть — содержать. Вы ведь могли заметить: люди у нас — на девяносто девять процентов производители. Один судья на город с прилегающим районом — вот и вся власть. Тут, в столице, больше, но не намного. Армии нет. Специальных сил по охране порядка — нет. Обходимся — благодаря тому, что нравственный уровень, существовавший в те дни на Земле, нам удалось удержать. Кстати, способ увеличения или поддержания численности населения, каким мы пользуемся, тоже дает нам возможность строго дозировать или вообще консервировать на какое-то определенное время прирост — а с другой стороны, спасает нас от потерь рабочего времени и, что очень важно, избавляет людей от стремления получить побольше — чтобы лучше обеспечить своих детей.

— Да-да... Итак, вы дошли до уровня, который при данной системе являлся оптимальным...

— Да, если вы имеете в виду уровень потребления. Но если говорить о развитии вообще, то оно вовсе не прекратилось. Просто наш способ требует времени.

— Интересно, как же вам представляется дальнейшее развитие?

— Оно запрограммировано заранее. Нужно прежде всего, чтобы население планеты достигло определенного количества. Сейчас наша задача — достичь его. Затем начнется подготовка специалистов, необходимых на следующей ступени нашего развития. Мы будем расти постепенно, но без срывов. Мы не хотим опережать течение событий, мы движемся равномерно.

— Пусть так. Но скажите: надолго ли хватит топлива для вашей

силовой установки? И что вы предпримете, когда оно кончится и остановится компьютер?

— Топлива хватит ненадолго. Но это не страшит нас, и компьютер не остановится.

— Сомневаюсь, что вам удастся пополнить запасы дейтерия.

— Это не нужно. У нас есть другой источник. Солнечные батареи. Источник практически вечный. Во всяком случае, его хватит до тех пор, пока мы не создадим свою энергетику.

— Вы привезли их с собой?

— Экспедиция привезла.

— Почему же их не использовали с самого начала?

— Это было невозможно. Мы не могли селиться в пустынях. Нам нужны были оптимальные условия. А у батарей другие вкусы. Как я уже говорил, лишних людей у нас нет. И не сразу можно было отправить группы на поиски удобных мест в экваториальных пустынях. Но даже когда оно было найдено, требовалось построить линии передачи, разместить батареи нужным образом...

— И вы справились?

— Мы работаем. И закончим прежде, чем наша станция остановится.

— Жаль, что этого не будет. Было бы интересно посмотреть...

— Осуществится.

— Нет. Солнце, которое должно помочь вам, на самом деле — ваш враг. Грозит страшная беда. Вспышка...

Хранитель выставил ладонь.

— Не надо, нам рассказывали о ваших идеях. Нет, солнце не грозит нам, ничто не грозит нам.

— Послушайте же! По данным науки...

— У нас тоже есть наука. И мы верим ей.

Шувалов не то засмеялся, не то застонал.

— Да неужели после всего, что вы о нас узнали, — сказал он, — вы можете всерьез говорить о том, что ваша наука, если даже сохранить за ней это название, может всерьез спорить с нашей!

— Мы не собираемся спорить с вашей наукой. Но я думаю, что наши ученые могли бы объяснить вам...

— Ну зачем же такая потеря времени! Позвольте лучше мне объяснить вам всю глубину опасности...

— Вот это будет действительно потеря времени.

— Ну неужели мне не удастся убедить вас...

— Нет. Я ведь живу здесь дольше вас!

— Подумайте о вашем народе!

— Ему не грозит ничего. Мы не станем верить в какие-то суеверия. Наше солнце столетиями остается и останется таким, как сегодня. И достаточно о нем.

— Хорошо! — Шувалов после паузы махнул рукой. — Тогда позвольте сказать о другом. Пусть ваше солнце... пусть. Но подумайте: не лучше ли, не подвергая испытанию ни наши доводы, ни ваш народ, сразу поднять его уровень на неизмеримую высоту?

— Что вы имеете в виду?

— Я предлагаю вам переместиться в другую звездную систему — в нашу, в ту, откуда стартовали некогда и ваши предки... предки вашей цивилизации, скажем так. Миллион с небольшим человек... да мы там даже не почувствуем этого прироста: нас миллиарды! Зато все вы — насколько увереннее вы станете себя чувствовать! Совершенно другой уровень! Комфорт! Изобилие! Высокая культура! Широта мысли! Представьте, какая жизнь начнется!

Хранитель слушал его, глядя в сторону. Ответил он не сразу.

— Начнется... Для кого?

— То есть как? Для всех!

— Для пахарей, умеющих вспахивать землю на волах, простым плугом? Для кузнецов, плотников, лесорубов, конюхов... что же начнется для них?

— Ну, знаете... Я, разумеется, не могу, друг мой, сразу дать вам развернутую программу: согласитесь, что встреча с вами для нас оказалась еще большей неожиданностью, чем для вас! Но я уверен — будет сделано все, что нужно, будут приняты все меры, чтобы...

— Чтобы люди, пришедшие из архаичного, тихого, неторопливого, размеренного мира, вдруг почувствовали себя как дома в вашей — сложной, многоплановой, спешащей, орущей, громыхающей цивилизации? Но возможно ли такое вообще?

— Простите, ваше представление о земной цивилизации...

— Я смотрю с нашей точки зрения; извините меня за эпитеты, но мне она представляется именно такой — после того, что вы рассказали и показали, после того, что сохранилось в нашей памяти о той цивилизации, которую покинули основатели нашего мира... Да возможно ли такое вообще?

— Возможно ли?..

— И — нужно ли?

— Вы знаете, друг мой, право же, сама постановка вопроса...

— Я чувствую, что она вас смущает.

— Конечно. Потому что наша цивилизация, хороша она или нет, есть закономерное явление, результат определенного развития, определенного прогресса — и исходная позиция для дальнейшего развития, для дальнейшего прогресса. Да, она закономерна; такой и надо принимать ее. А ваш мир в этом плане — досадная аномалия, боковая, бесперспективная ветвь, тупик. Как же можно спрашивать — нужно ли?

— Спрашивать просто необходимо; потому что какое дело нам до того, что с вашей точки зрения мы являемся аномалией? Ведь эта жизнь — наша жизнь, и нас она устраивает! Вам она не нравится — но никто не принуждает вас принять ее...

— Хорошо, хорошо, друг мой. Такого рода дискуссия была бы оправдана, если бы у вас была возможность какого-то выбора. Но ведь у вас такой возможности нет!

— Почему вы решили?

— Надеюсь, вы поняли, что я не шутил, говоря о том, что ваше солнце неустойчиво, что ваш мир обречен! Поняли — и поверили!

— Я уже сказал вам: нет! Но и кроме того... Когда я думаю о том, что ожидает наших людей там, у вас, мне кажется, что куда большая жестокость — сорвать их с места и, как выдернутые с корнем деревья, высадить где-то на совершенно другой почве. Но взрослые деревья, как правило, не приживаются... И потом, наши корни — здесь.

— Пусть пострадает это поколение, согласен. Но уже следующее и не почувствует, что происхождение его отличается...

— Подождите, пожалуйста. Вы все время пытаетесь настоять на том, что ваша цивилизация обладает какими-то преимуществами по сравнению с нашей и что мы должны считать большой удачей то, что сможем каким-то образом приобщиться к ней...

— То есть, я считаю наши преимущества настолько очевидными, что...

— А вот я — нет. И никто из нас тоже не сочтет. Потому что...

— Ну, ну? Любопытно будет услышать...

— Скажите откровенно: много ли счастья принесла вам ваша цивилизация? Вся техника, весь комфорт, все то, чем вы так гордитесь?

— Счастья?.. Простите, но я не знаю, можно ли оперировать такими понятиями. Отсутствие точной терминологии...

— Счастье, почтенный наш гость, счастье — категория, которой можно и нужно оперировать везде... Скажите: живя в потоке информации, на небывалых скоростях, в самых необычных средах, на иных планетах — и так далее, — живя во всем этом, стали ли вы счастливее? Душевно упорядоченнее? Может быть, вы живете богаче, слов нет; и что же? Вы съедаете больше нас — но и мы не голодны; у нас меньше информации — но и меньше поводов для волнения, для духовного пресыщения... У вас искусство — но и у нас тоже, посмотрите наши скульптуры, наши полотна — возможно, они покажутся вам устарелыми, а может быть — наоборот... Ваши ткани тоньше — но и наши греют в стужу; ваши дома выше — но и в наших уютно и тепло. Мы не столь многогранны — но тем больше остается у нас времени, чтобы думать о жизни и друг о друге, и лю-

бить друг друга, и видеть то, что вокруг нас, и наслаждаться цветением яблонь весной и золотом осенней листвы... Вы считаете, что мы должны завидовать вам — но подумайте, не обстоит ли дело как раз наоборот?

— Знаете, дискутировать на такой почве...

— Да о чем и зачем нам дискутировать? Не нужно. Вы сказали то, что хотели, я ответил то, что думал, — и все. Я просто хотел, чтобы вы поняли...

— В конце концов то, что говорите вы — один из десятка диктаторов, — вовсе не обязательно...

— Диктаторов?

Хранитель невесело улыбнулся.

— Нет, гость мой, мы не диктаторы — мы просто люди, обслуживающие компьютер, люди, из поколения в поколение передающие это умение — всего лишь. Что можем мы диктовать? Только то, что читаем на выходе машины; какие же мы диктаторы? Скорее уж компьютер — но и он не диктатор: бессмысленно давать такие определения комбинации кристаллов и плат... Нет, здесь нет диктаторов, нет угнетателей, нет самодержцев... Есть не очень высоко, с вашей точки зрения, но зато разумно организованное общество, в котором нет богатства, но нет и излишеств, в котором существует равномерное распределение тех немногих благ, какими оно обладает и пользуется... Это было бы невозможно в обществе с менее высокими моральными устоями, но ведь наше — запомните: наше никогда не знало и не представляет другой возможности! Мы происходим не от дикарей, а от людей, рискнувших выйти к звездам куда раньше вас. Скажу откровенно: вы ушли намного дальше, но и потеряли, мне кажется, неизмеримо больше... Вы можете подумать, что мои слова — лишь мои слова, что они выражают только мое мнение; хорошо, поговорите с остальными Хранителями, позовите любого прохожего с улицы — расскажите им, что вы предлагаете, и выслушайте ответ...

— Мне достаточно будет сказать: я предлагаю жизнь взамен смерти, — и вопрос будет решен.

— Жизнь, какой мы не хотим, — взамен смерти, в которую мы не верим. Вопрос решен, но не в вашу пользу.

Наступило молчание. Оно тянулось долго. Шувалов сидел, опустив голову. Нет, убедить тут никого нельзя. И, волей или неволей, придется прибегнуть к другим средствам. Небольшой грех — толкнуть человека, даже сильно, очень сильно, если только таким путем можно отбросить его с пути катящейся лавины...

— Что же, — он поднял голову. — Пеняйте на себя. Вижу, что мне придется покинуть вас, не добившись успеха.

— Да.

— Я передам моим товарищам...

— Вы им ничего не передадите, — сухо сказал Хранитель.

— Неужели вы...

— Вы совершили преступление и будете за него осуждены.

Думаю, вам придется самому убедиться в том, что прокладка линий от солнечных батарей идет успешно... Вы опасны, и очень. Потому что мы не можем допустить, чтобы люди начали сомневаться в правильности Уровня. Для нашего общества это — единственно возможный путь и способ развития. У нас есть только одна программа. И в ней не предусмотрено ваше появление и ваши действия, направленные против нас. Они приведут к лишним осложнениям, последствия которых трудно предвидеть. И все то, что я от вас услышал, заставляет меня идти на крайние меры. Во всяком случае, на какое-то время, пока положение не стабилизируется. Потом... Когда-нибудь потом мы встретимся снова и поговорим. А сейчас я должен извиниться. Мне пора к вычислителю — приближается время, когда мы получаем уточненную программу на следующий день. До свидания. Не бойтесь: мы не хотим вам зла, и с вами не случится ничего плохого..

Уже в дверях он обернулся:

— И с нами тоже.

* * *

Питеку не пришлось в голову нарвать цветов и с ними встретить Шувалова: в его эпоху такие знаки внимания не ценились; цветов всюду росло множество, но их не ели. Он проявил всю свою ловкость и достал все-таки немалый кусок жареного мяса — по его мнению, это как раз подходило к случаю. Потом он занял наблюдательную позицию напротив дома Хранителей и стал ждать, держа мясо так, чтобы его выразительный запах не щекотал ноздри. Питек не сомневался, что Шувалов выйдет из дома свободным и торжествующим, а если и не выйдет (могло получиться и так, что он сразу же примется за дело: Шувалов не любил терять времени), то непременно выйдет кого-нибудь за Питеком, чтобы передать экипажу указания: вряд ли Шувалов сомневается в том, что Питек находится поблизости.

Но время шло, а Шувалов все не показывался, и Питек стал уже опасаться, что руководителя освободили, пока он разыскивал еду. Поразмыслив, он решил все же ждать до победного конца и оказался прав: еще через сорок минут Шувалов показался наконец на площади. К удивлению Питека, вышел он не из дома Хранителей, а появился с противоположной стороны, из того здания, что было

отделано пластиком и не имело окон. Но это, в конце концов, не имело большого значения. Куда важнее было то, что вышел Шувалов не один.

Он медленно ступал, опустив голову, сразу, кажется, постарев, а перед ним, и позади него, и по сторонам шли вооруженные люди. Лица их были суровы, и они повелительными жестами отстраняли прохожих, что останавливались и с интересом глядели или же пытались подойти поближе к процессии.

Питек сжал кулаки; пахучий сок закапал из жареного мяса, но сейчас пилот даже не заметил этого. По выражению лица Шувалова и тех, кто сопровождал его, Питек понял, что Шувалова охраняли, чтобы он не убежал. Конвой, сказал бы капитан; Питек не знал этого слова, но суть происходящего была ему ясна.

Вооруженных было шестеро. Питек мгновенно прикинул, шагая за процессией на расстоянии шагов в двадцать, не нагоняя и не отставая. Справиться с ними он, пожалуй, сможет. Будь катер где-нибудь поблизости, все было бы очень просто: пока охрана приходила бы в себя, Питек с Шуваловым, вскочив в машину, — через секунду находились бы уже высоко в воздухе. Но катера не было, до условленного с Георгием срока оставалось еще более двух часов, да и приземлится он, разумеется, не тут, а за городом. Катер помочь не мог. А без него трудно было рассчитывать на успех: в городе, да к тому же в плохо знакомом городе, далеко не убежишь, а кроме того, Шувалов был бегуном не из лучших — возраст, как-никак, — и потом, охрана, опомнившись, чего доброго начала бы стрелять, и тогда все могло бы закончиться далеко не лучшим образом.

Значит, нападать сейчас не следовало. Оставалось проследить, куда отведут Шувалова, и потом попытаться освободить его без большого шума. Вряд ли все шестеро будут караулить старика — один, самое большое двое останутся с ним. А с двумя всегда можно справиться тихо, в этом Питек был уверен.

Пожалуй, надо только дать Шувалову понять, что Питек по-прежнему рядом, чтобы ученый не волновался. Решив так, пилот прибавил шаг. Догнать процессию не составило труда: Шувалов шел медленно, спутники не торопили его — может быть, и они по-своему жалели старика. Питек обогнал идущих, держась на таком расстоянии, чтобы не вызвать у них подозрений. Он вспомнил, что в руке его зажат кусок вкусного мяса. Он с удовольствием откусил. Так легче было обратить на себя внимание: невольно оглянешься на человека, который идет по улице и уплетает за обе щеки что-то очень заманчивое. Охрана оглянется; а тогда и Шувалов, может быть, посмотрит.

Так оно и получилось. Шувалов поднял голову и на мгновение сбился с шага. Питек прищурил глаз и тоже остановился, делал

вид, что облик преступника его очень интересует. Охранявшие не обратили на него особого внимания: от человека с набитым ртом не станешь ожидать каких-то коварных действий. Шувалов воспользовался этим. Он повернул голову в другую сторону и крикнул — словно бы всему миру, хотя на самом деле слова предназначались только Питеку:

— Они не верят! Ничего делать не станут! Ждать нельзя!

— Молчи, старик! — тут же прозвучал окрик того охранника, что шел впереди. Но Шувалов и так умолк: он сказал все, что хотел.

Делая вид, что не обратил на слова старика никакого внимания, Питек, внутренне сожалея, уронил мясо и задержался, поднимая его и стараясь очистить от пыли. Процессия снова ушла вперед, и пилот опять последовал за нею: надо было все-таки узнать, куда же ведут Шувалова.

Они прошли квартал, свернули в боковую улицу. Там ждала телега с высокими бортами, запряженная парой, и верховые лошади. Задний борт откинули, Шувалову помогли подняться, двое вошли вместе с ним, потом борт закрылся, а остальные четверо сели на лошадей. Возница разобрал вожжи, крикнул — лошади взяли, и телега покатилась. Питек, остановившись, провожал ее взглядом, потом побежал, обгоняя прохожих. Бежать пришлось долго. Хорошо, что верховые не оглядывались, а сидящим в телеге заметить его мешали высокие борта. Наконец телега выехала из города, кучер взмахнул кнутом, и лошади прибавили. Дорога уходила на юг. Питек понял, что больше ничего на этот раз он не узнает.

Тогда он отшвырнул вывалившийся в пыли кусок мяса, вздохнул, повернулся и быстрым шагом направился в условленное место, где должен был приземлиться катер.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я привел катер не туда, где оставлял его в прошлый раз (возле городка, близ тайной тропы в лес), но после недолгих поисков разыскал то место, где проводил последние раскопки и спрятал свое одеяло и лопату. Там мы и приземлились; прежде, чем лететь в лесное поселение, мне надо было все как следует обдумать, а главное — решиться на то, что мне предстояло сделать. Я никогда, даже потеряв контроль над фантазией, не воображал себя народным предводителем: и честолюбие мое, и стремления имели другую основу. Но тебя не всегда спрашивают, чего ты хочешь, обстоятельства часто диктуют нам свою волю, жизнь швыряет нас в воду, а остальное зависит от нас: выплывем мы или пойдем ко дну; когда вместе с тобой могут утонуть и другие люди, волей-неволей начинаешь

барахтаться. И сейчас мне предстояло побарахтаться основательно, и я хотел представить, пусть хоть приблизительно, что у меня получится.

Я сказал Анне и Никодиму, что мы побудем здесь часок-другой. Они обрадовались: после стычки, хотя и бескровной, что мы пережили всего каких-нибудь полчаса назад, всем хотелось расслабиться и подышать сухим хвойным воздухом, чтобы окончательно выветрить из легких кислотатый пороховой дым. Иеромонах огляделся, прошелся туда-сюда, потом взял мою лопату, прыгнул в вырытую мною раньше траншею (я пытался подобраться ко входу в очередную развалину), поплевал на руки и стал копать. Он умел находить утешение в тяжелой работе, в ее незамысловатом ритме, в игре мускулов, в медленном, шаг за шагом, движении вперед. Мне, наоборот, не хотелось двигаться, напрягаться, и я неторопливо побрел меж деревьями, чтобы найти местечко поуютнее, присесть и поразмышлять. Анна, подумав немного, догнала меня и пошла рядом, не заговаривая, но время от времени поглядывая на меня; не знаю, о чем она думала, я не пытался этого угадать, мне хотелось сосредоточиться на моей задаче и тех людях, которых мне нужно поднять и повести. Но хотелось как-то не по-настоящему, скорее — хотелось хотеть, и я рад был всему, что не давало мне сосредоточиться, помогало не думать. Поэтому я был рад, что Анна идет рядом.

Так мы шли несколько минут, и вдруг странное ощущение не реальности происходящего овладело мною. Рассудком я все же понимал, что это есть на самом деле — звезда Даль, планета, ее странное, маленькое человечество, наш корабль на орбите — адская машина со взведенным механизмом, — и угроза гибели, нависшая надо всем. Понимал — и все же не мог заставить себя поверить в подлинность фактов и начать действовать. Для меня сейчас подлинным было другое: безветренный летний день, запах леса, резкие крики и пересвист птиц, листья папоротника, бьющиеся о колени, и томление духа, и Анна, шедшая рядом.

Мысли, как вода, копящаяся в лужице, все поднимались и поднимались, и нашли местечко пониже, и перелились, и ручеек их побежал не в ту сторону, куда было бы нужно, а туда, куда вел уклон. Я вдруг поймал себя на том, что привычно думаю о себе и Анне, и о нашей жизни, совместной и долгой, здесь или на Земле — все равно; я видел нас в разных ситуациях, они были когда-то пережиты мною, только не с ней, и вот теперь я брал эти готовые положения и подставлял в них Анну, и пытался представить, как будет она в них выглядеть. Это походило на сцену, когда ты распахиваешь гардероб и начинаешь примерять на пришедшего с тобой человека платья и шубки, оставшиеся от кого-то другого, не думая о том, что человек хочет вовсе не этого, он хочет своего, что никогда не было

чьим-то чужим, и не понимает, что разница тут чисто воображаемая... Может быть, это и была причина — или одна из причин того, что наши с Анной разговоры могли течь бесконечно — но только в определенных направлениях; как только я пробовал свернуть в сторону, Анна мгновенно уходила в себя, и я ничего не мог с ней поделать. Недаром я подумал как-то (еще в той, первой жизни), что если бы я был высоким начальником, то давал бы людям годичный, не меньше, а то и трехгодичный отпуск на любовь — для того, чтобы, не отвлекаясь ни на что другое, постараться как следует подумать о том человеке, которого ты любишь или хочешь любить, и подумать о вас обоих вместе (потому что тут не действует правило арифметики «один плюс один — два», тут сумма может быть и меньше, и больше, от нуля до бесконечности, но у нас никогда не хватает времени на эту арифметику), подумать основательно, а не в обеденный перерыв, и не когда ты приходишь с работы, еще полный ею, и можешь отдать другому лишь остатки сил; да, я учинил бы такие отпуска — оплаченные, конечно, в итоге государство выиграло бы больше, чем мы думаем. И вот если бы у меня было это время и не было других забот, то я успел и сумел бы понять, о чем думает она и что чувствует, и почему разговаривает на одни темы и молчит на другие, и что мне надо сделать и сказать, а чего делать и говорить не надо. Тут трудно полагаться на интуицию, как это обычно делается — любовь, мол, подскажет; любовь всегда занята сама собой настолько, что ничего подсказывать не собирается.

Вот такие мысли булькали у меня в голове, и я, конечно, не сразу понял, что Анна о чем-то заговорила, и не сразу стал внимательно слушать.

— ...Я бы хотела, чтобы у меня было много-много детей. Семеро. Ну, пусть трое.

Я пожал плечами.

— Пожалуйста! — сказал я глубокомысленно и самонадеянно. — Это вовсе не самое трудное...

— Ты не понимаешь. Кто же даст мне семерых детей? У нас даже второго получают очень не скоро...

— Я дам. У нас, на Земле, это происходит иначе. Правда, там тебе придется рожать их самой.

— Я знаю, ты говорил уже... На Земле? Ты думаешь, я попаду на Землю?

— Как и все остальные: Все должны попасть на Землю. Иначе — гибель.

Но это я произнес таким тоном, словно гибель, что грозила всем, была условной — что-то вроде правила игры, в которой погибший через несколько секунд снова вскакивает, чтобы принять участие в новом туре.

— Не знаю, ничего не знаю... На Земле... Я не представляю, как там.

— Я же показывал вам записи...

— Да, я видела, конечно... Все равно, не представляю. Мне кажется, там нехорошо. У нас тут лучше. Не надо на Землю. Надо, чтобы тут, у нас, ребятам разрешили придумывать, что они хотят, а нам — иметь столько детей, сколько нужно каждой, чтобы она была счастлива. И не надо никуда ехать. Я не хочу на Землю.

— А как же я?

Анна нахмурилась.

— Ты? Ну, если захочешь, ты сможешь остаться здесь...

— С тобой?

Но это в последние дни стало запретным направлением.

— Я сама не знаю. Не надо об этом.

— Нет, давай выясним до конца... Ты меня не любишь?

— Знаешь, что-то произошло, пока тебя не было... Нет, не хочу говорить.

— Тогда, может, мне лучше совсем уйти?

Я говорил это, словно действительно мог уйти — сесть на поезд и уехать куда-то; но здесь не было поездов, и никуда я не мог уехать — от корабля, от товарищей, от нее...

— Нет! Мне с тобой хорошо.

— Тогда почему же...

— Мне хорошо так, как есть. Не хочу, чтобы было иначе.

— Так не может продолжаться долго.

— Ах, не знаю, я прошу — не надо об этом. Мне самой непонятно. Но если ты думаешь, что тебе надо уйти, — уходи. Мне будет горько, но — уходи...

Тут я умолк, потому что для продолжения разговора следовало бы сказать: да, уйду. Сейчас возьму и уйду. И больше мы с тобой никогда не увидимся. Но уйти было некуда.

— Пойдем в лес?

— Пойдем...

— В ту сторону мы еще не ходили.

— Пойдем в ту сторону.

Мы прошли метров триста и остановились.

— Не надо!

— Слушай...

— Ну, не надо. Я обижусь.

— Но ведь раньше...

— А теперь нельзя. — И она отступила.

Я уныло сел на толстый, гниющий на земле ствол, Анна стояла вблизи, обрывая иглы со сломанной ветки. Потом подошла и села — не совсем рядом, но близко.

— Ты обиделся?

— Нет,— сказал я, и это было правдой.— Разве я могу на тебя обижаться?

— Расскажи что-нибудь.

— Что?

— Ты ведь обещал о многом рассказать мне. Обо всем, чего я не знаю.

— М-да... О чем же?

— Ну, например, как ты жил на Земле.

— Могу, конечно. Только, видишь ли, как я жил — одно, а как там живут сейчас — другое, совсем другое... Что тебя больше интересует?

— Что ты делал на Земле? Пахал? Строил? Мастерил вещи? Или, может быть, рисовал картины? Писал стихи?

— Стихи я, конечно, писал — в молодости... Многие пишут стихи в молодости, потом бросают. Ну, если говорить о последних годах, то я тренировался вместе с товарищами, готовился к полету.

— А раньше?

— Раньше... Раньше я занимался многими вещами. Пытался найти самого себя. Но, видишь ли, я, видно, из тех людей, что могут найти самого себя только через другого человека, только отражаясь в другом.

— Разве можно столько лет искать самого себя? Какая от этого польза другим людям?

— Не знаю... Наверное, какая-то польза есть. Но, конечно, я все время что-то делал.

— Скажи, а то, что вы хотите сделать с нами...

— Увезти вас отсюда?

— Ну да, пусть это называется так... Что это дает тебе?

— Не понял...

— Ну, вот именно тебе... Ты нас так любишь? Или то, что мир может погибнуть, неприятно тебе? Или еще что-то? Вот подумай: если мы все-таки погибнем, ты все равно будешь жить, да?

Я ответил не сразу. Буду ли жить? Да, наверное...

Это, конечно, будет неудачей, горем, но расхочется ли мне тогда жить?

— Наверное,— сказал я как можно легкомысленнее.— Здоровье у меня хоть куда... Но к чему сомнения? Мы спасем вас.

— И если спасете, то будешь считать, что сделал главное? То, ради чего стоило жить?

— Наверное,— сказал я.

— Значит, вы спасаете нас ради себя?

— Господи, да какая разница? Мы прилетели, чтобы помочь вам...

— Да-да. Мне просто интересно, для кого вы это делаете: для себя или для нас. Для себя?

— Ну,— сказал я,— всякое дело, которое делает человек, он делает прежде всего ради себя. Делает, потому что иначе не может. А если и может, то не хочет. Он ведь выполняет свою волю, свое желание. Для себя — и для других. А чего тебе хотелось бы?

— Мне хотелось бы, чтобы делали ради нас. Чтобы делали даже в том случае, если вам потом станет не лучше, а хуже. Чтобы была боль. Потому что тогда мы остались бы связанными надолго. Вот вы привезете нас на Землю или еще куда-нибудь... Вы ведь не останетесь с нами, снова приметесь за свои дела и будете считать, что сделали для нас все, что должны были. А мы...

— Вас не бросят. Будут люди, которые помогут вам...

— А ты?

— А я возьму тебя, и мы уедем куда-нибудь на несколько месяцев, на полгода... Уедем отдыхать, уедем жить.

— Ладно,— поднялась она.— Вернемся.

— Я так и не понял, что ты хотела узнать.

— Я и сама не понимаю, Уль. Наверное, я спрашивала не то, что нужно. В самом деле, чего мне еще? Ты меня любишь...

Она сказала это не тоном вопроса, а легко, просто, как тривиальную истину. Она была уверена — и не зря, потому что так оно и было.

— Ты меня любишь, и с тобой, наверное, было бы хорошо...

— Почему — «было бы»?

— Знаешь, наверное, потом я буду жалеть, что не согласилась.

Тут я поспешно заявил:

— Погоди, погоди! Не время сейчас ни соглашаться, ни отказываться. Еще подумай. Я пока не задавал тебе этого вопроса. Так что не надо и отвечать на него. Вот когда я прямо спрошу: да или нет? — тогда ответишь. А пока не надо...

Мне было страшно. «Время,— думал я,— время — и обстановка. Позже, на корабле и на Земле сами обстоятельства вынудят ее ухватиться за меня. Сейчас она сомневается, но со временем сомнения эти станут истолковываться в мою пользу...»

— Хорошо,— сказала она.— Только я не люблю тебя, вот в чем беда. Если бы тогда, сразу...

— Нет,— сказал я.— Тогда, сразу, не надо было.

— Как знать... Все равно, сейчас поздно думать об этом. Хорошо, я пока больше не буду говорить ничего.

— А я все равно буду надеяться,— сказал я.— Может быть, ты со временем...

— Да,— послушно согласилась Анна.— Со временем... Может быть. Пойдем?

— Пойдем,— сказал я.— Слушай...

— Что?

— Знаешь, я хотел бы, чтобы у нас были дети. Чтобы ты родила их. От меня. Не получила бы, как у вас здесь делается, а родила. От меня.

Она не ответила, и я понял почему: она не знала, как это. Они тут не рожали детей, Сосуд рожал их, и это было, конечно, чудовищно. Как бы ни относился я к детям в разные времена своей жизни, но в одном был уверен всегда: уж дети-то должны быть счастливы. Остальное может быть потом, но счастливым надо быть хотя бы в детстве. И я подумал, что стоило бы пооткручивать головы здешним правителям за то, что они лишили людей такой радости.

А когда я подумал о правителях и о том, что им стоило бы пооткручивать головы, то сообразил, что именно этим мне сейчас и следует заниматься. Я взглянул на часы. Отдохнули достаточно. Нет у нас ни годовичного, ни трехгодичного отпуска, ни трех дней, ни даже трех часов. Пора лететь.

Но лететь надо было мне одному. Иеромонах мне помочь сейчас не мог, а рисковать Анной — мало ли что могло там случиться — не стал бы и последний подонок. И когда мы с ней вернулись к катеру, я сказал как можно легкомысленнее:

— Ну, я слетаю в лес. Вы оставайтесь тут. Ты, Никодим, поройси основательно. Вот, я тут набросил планчик.— Я отдал ему листок здешней шершавой бумаги, которой запасаю в лесном лагере.— Тут, видимо, была центральная площадь, поищи что-нибудь на ней. Я понизил голос.— И смотри... что бы ни было, с Анной ничего не должно случиться.

— Она за наши грехи не ответчица,— буркнул он.— Не бойся. Костями лягу... вот те крест.

— Ладно,— сказал я как можно спокойнее.— Я же атеист, не изображай мельницу.— Мне хотелось поцеловать его, поэтому я и ответил ему в манере мужественных героев.— Как только обстановка выяснится, прилечу за вами.

— Только не забывай: время-то идет,— напомнил Иеромонах.

— Постараюсь не забыть... Ну, Анна...— я помолчал, чтобы сказать ей все, что я хотел,— мысленно, разумеется.— Я ненадолго.

Она улыбнулась и помахала рукой.

* * *

Я посадил катер прямо в поселке, заранее представляя, как сбегутся люди, как будут удивляться, и качать головами, и осторожно дотрагиваться до катера, а потом я заговорю и они, разинув рты,

станут слушать меня. Что я им скажу, было еще неясно; я уповал на вдохновение и на то, что обстановка покажет.

Но получилось не так.

Я опустился, медленно откинул купол, неторопливо вылез. Никого не было, а ведь сверху я видел людей. Я обошел катер, похлопал ладонью по борту; однако прошло минут пять, пока наконец не появились первые зрители.

Но это не были те, кого я ждал. Это были мальчишки.

Побаиваясь, они подступили, зачарованные, не отрывая глаз от моего корабля, покрытого тонкой пленочкой заслуженного нагара, дышащего теплом и непонятными для них запахами, таинственного и неотразимого. Он был, как питон, а они — словно кролики; сами того не желая и не замечая, они делали шаг за шагом — уже не шаги, а шажки, чем ближе, тем короче, — и подступали обреченно, боясь и не противясь. Я видел, как высоко поднималась грудь каждого, как блестели глаза, как ручонки вздрагивали, потому что им уже невтерпёж было сохранять неподвижность. Мне стало жалъ их неутоленного любопытства, и я сказал:

— Ну, что испугались, ребята? Он не кусается, давайте сюда!

И они сразу же облепили катер, бормоча и взвизгивая, и — откуда что взялось? — кто-то уже сидел на моем месте (тот мальчишка, что недавно подходил ко мне; я узнал его, хотя и сейчас он вовсе не был похож на моего сына), кто-то — рядом, и один уже гудел под нос (значит, они видели и слышали, как я садился, прятался в кустах, наверное), и я порадовался тому, что катер — крепкая и выносливая машина, и порадовался за них, и почему-то за себя тоже. Наверное, потому, что человек должен почаще видеть детей, это помогает сохранить чувство реальности, отличать настоящие ценности от того, что лишь блесит, не более... Я смотрел на них (ребята уже забыли о моем существовании, катер занимал их, он был не такой, как все, а я — такой, и, значит, со мной можно было поговорить), и в моих взболтанных мозгах постепенно наступал мир и порядок, возникала структура, и главное поднималось на свои места, а прочее отступало. Пусть они не обращали на меня внимания — с этим надо смириться заранее, обязательно приходит день (и не однажды в жизни), когда ты перестанешь быть для детей главным, надолго, для тебя — навсегда, но они вспомнят об этом лишь в день, когда будут обращаться к тебе, а ты уже не сможешь им ответить и не услышишь их. Да, пусть так, но все равно, ты смотришь на них, и любишь их, и вдруг понимаешь, что сделать задуманное тобою ты должен именно для них, а уж потом — для нее, а еще потом — для всех остальных, и уж под конец, под самый конец — для самого себя. Я смотрел на них, на десяток или больше не-моих-сыновей, и понимал, что они все равно — мои сыновья, и пусть то,

что нужно сделать, было невозможно в невозможной степени — все равно, это нужно сделать. Как? Не знаю, и никто не знает, но сделать. Это было то самое состояние духа, в котором непосильное становится посильным, неосуществимое — осуществимым, сказочное — реальным; и, странно, не боязнь за свое бессилие, и не волнение ощутил я, глядя на них, нестриженных, чумазных, загорелых, босоногих, ползавших по чуть качавшемуся на упругих амортизаторах катеру, — не боязнь, а спокойствие и уверенность.

— Ребята, — окликнул я всех сразу. — А где старшие?

Они заговорили наперебой, и я не сразу понял, что пришли люди из столицы и принесли какие-то странные и даже страшные вести. А поняв, я быстро защелкнул купол, сказал им: «Играйте тут, только не поломайте», — и побежал туда, куда они мне показали.

Жители поселка собрались на поляне. Пришедшие из столицы говорили громко и не всегда связно. Их жесты были порывисты. Во всем их поведении сквозила тревога.

Слушая их, жители поселка переглядывались — сперва с недоверием, потом с ужасом.

Я подошел и остановился, слушая и стараясь разобраться в новостях.

В убийство я, конечно, не поверил. Я подумал, что это было придумано Шуваловым специально для того, чтобы быстрее получить возможность выступить в официальной инстанции и, к тому же, в присутствии множества людей. А когда пришедшие из столицы стали пересказывать угрозы Шувалова, я понял сущность хода и не удержался от улыбки.

К несчастью, улыбку эту заметили сразу несколько человек, потому что я не только улыбнулся, но, представив Шувалова в роли такого маркиза Карабаса, даже фыркнул и, когда на меня оглянулись, не сумел сразу согнать улыбку с лица. И тут же понял, что влип. Потому что стоявший рядом кузнец Сакс поднял руку.

— Подождите! — крикнул он.

На поляне воцарилось молчание. Все — и здешние, и те, кто пришел из столицы, — смотрели теперь на меня так, словно я был голым среди одетых.

Сакс обратился ко мне:

— Скажи нам, Ульдемир, почему ты смеялся?

Я промолчал. Только пожал плечами.

— Расскажи всем — кто ты? Откуда? Мы помним, как ты пристал к нам по дороге и как добрался с нами сюда. Ты ведь говорил, что пришел вместе с другим человеком, правда? Ты отлично помню это! Ты слышал, что только что рассказывали о твоём товарище? Значит, и ты пришел за тем же? Чтобы погубить жизнь? Убить всех нас?

Кузнец Сакс перевел дыхание.

— Или, может быть, то, что рассказали люди из города,— неправда?

Я огляделся. Пока кузнец говорил, люди на поляне, сами того не замечая, перегруппировались, и если раньше в центре собравшихся были пришельцы из столицы, то теперь в самой середине толпы оказался я. Люди громко дышали, и кулаки их были сжаты. Те, кто был рядом со мной, отошли чуть подальше, и теперь только я и кузнец Сакс остались на нешироком пространстве пустой земли, а вокруг нас была гневная, напряженная толпа. И хотя все эти люди были обычно спокойны и добры, сейчас достаточно было самой малости, чтобы они убили меня, а мне это было вовсе ни к чему, да и им (я был уверен) тоже.

Я понял, что молчать дальше нельзя.

— Я скажу!

Все замерло.

Помедлив еще немного, я заговорил. Намеренно не очень громко, потому что вообще не обладаю зычным голосом, и мне редко приходилось выступать перед большой аудиторией. Но вокруг было очень тихо, и каждое слово явственно доносилось до всякого, кто стоял на поляне и слушал.

— Здесь правда перемешана с неправдой,— сказал я им.— Правда, что я прилетел к вам вместе с тем человеком, о котором вы только что слышали. Хотя нас не двое, а больше: нас восемь человек. Правда и то, что те опасности, о которых вам сказали — и одна или другая, но одна из двух обязательно — действительно угрожают всем вам, всему вашему миру.

Тихий шорох прошел по напряженной толпе — словно листья рощицы зашелестели на ветру, на легком ветерке, что поднялся, чтобы предупредить о надвигающейся буре; но то были не листья. Вздохнули люди, потому что им на миг стало страшно, и сжались сердца.

— Но неправда то,— продолжал я поспешно,— что мы прилетели, чтобы подвергнуть вас несчастьям. Наоборот, мы явились сюда, чтобы спасти вас. И только для этого!

«Черт бы взял,— подумал я,— до чего же я говорю торжественно, так, как никогда не говорил с друзьями, был ли разговор деловым, или просто для развлечения». Я говорил торжественно — но не потому, что мне так нравилось,— просто интуиция подсказала, что сейчас надо говорить именно так, а не иначе; и минута была торжественной, хотя не веселым торжеством победы, а скорее мрачным торжеством большой беды.)

— Мы хотим спасти вас,— сказал я дальше,— потому что там, где мы живем, считают, что человека всегда надо спасать, если

ему что-то грозит, безразлично — близкий ли это человек, просто ли знакомый, или совсем чужой, у которого с нами только одно общее, но очень важное: то, что все мы — люди, и если мы сами не станем помогать друг другу, то никто другой не поможет нам. Мы братья, если даже до вчерашнего дня ничего не знали друг о друге.

Вы скажете: но почему же тогда мой товарищ сам заявил, что мы собираемся погубить вас, наслать на вас страшные беды?

Мы прилетели уже несколько дней назад. И время очень дорого и вам, и нам, потому что может наступить такой день, когда спасаться будет поздно и останется только умереть. И все время мы старались, чтобы нас услышали, поверили, чтобы позволили спасти вас, потому что одни, без вас, мы не сможем сделать ничего. Мы старались, но никто не услышал нас. Нас сочли преступниками. Нас сочли сумасшедшими. И никто не захотел говорить с нами всерьез.

И, наверное, поэтому мой друг, самый старший из нас, решил заявить об опасности так, как он это сделал. Потому что иначе нас по-прежнему не услышали бы и все наши усилия пропали бы зря.

Вот и вы теперь слушаете меня лишь потому, что узнали о городских делах. А если бы я просто вышел на поляну и стал кричать о страшной, смертельной опасности и объяснять, в чем она заключается, вы тоже решили бы, что я просто сошел с ума, и, может быть, принялись бы лечить меня, но слушать не стали — до того самого дня, когда слушать оказалось бы уже поздно.

И вот сегодня, когда еще есть время, — я верю, что есть, — я говорю: пока не поздно, надо сделать все, чтобы спасти жизнь. А дальше — судите сами.

На этом я решил пока закончить.

Окружающие молчали. Потом кузнец Сакс спросил:

— Если не от вас, тогда откуда же исходят опасности, о которых говорите все вы?

Я сразу же сказал (я ждал этого вопроса):

— От солнца.

Снова толпа прошелестела, но уже иначе: как я и ожидал, это был шелест недоверия.

— От солнца? Знаешь, в это трудно поверить. В мире есть не так уж много незыблемых вещей, но солнце — одна из них. С ним никогда ничего не случалось ни на нашей памяти, ни на памяти тех людей, что жили до нас. Как же ты хочешь, чтобы мы поверили, что солнце, которое дает жизнь всему, — вдруг обернется для нас гибелью? Недаром все люди каждый день глядят на него. Даже мы здесь, в лесу.

— Знаешь ли ты, как устроено солнце?

— Я думаю, мы все думаем, что оно никак не устроено — то есть, его никто не устроил: оно всегда было таким. Как и весь мир.

В школе нас учили, что некогда оно возникло само собой, от сгущения газа, и учили, что когда-нибудь оно погаснет и остынет, как остывает котел, когда в топке догорают дрова и никто не подбрасывает их, потому что запас иссяк и некому нарубить новых. Но оно потухнет еще очень не скоро, Ульдемир: непохоже, чтобы солнце испытывало недостаток в топливе!

При этом Сакс посмотрел, прищурясь, вверх, где было солнце, и все остальные, вслед за ним, тоже подняли глаза кверху.

— Ты прав, кузнец. Но что бывает с котлом, если дрова в топке пылают все сильнее, а пару некуда выйти? Не взорвется ли такой котел?

— Он взорвется. Но надо устроить клапан с пружиной, который выпустит часть пара, когда пар станет давить слишком сильно. И тогда ничего не случится.

— А если клапана нет?

— Надо установить его.

— Как ты установишь его, кузнец, если котел раскален и огонь пылает всюю!

— Надо залить огонь.

— Так, согласен. Надо залить огонь, если можно. Он погаснет. И наступит холод. Вот одна опасность, о какой говорил мой друг там, перед судом: холод. Страшный холод, который придет сразу же после того, как солнце перестанет обогревать мир. Но что сделал бы ты, кузнец Сакс, если воды слишком мало, чтобы залить топку, и стенки котла уже содрогаются, едва удерживая бушующий пар?

— Ну, тогда...

— Тогда ты убежал бы, не правда ли? И все, находящиеся близ котла, сделали бы то же самое. Потому что все понимали бы: когда котел взорвется — а он в таком случае непременно взорвется, — никто не уцелеет. Вот и вторая опасность, кузнец: солнце может взорваться, как перегретый котел.

— Почему?

— Боюсь, что я не смогу объяснить этого тебе и всем остальным, а если и объясню, то вы не сможете понять. Я не ученый, и вы тоже. Но я думаю, что наши ученые смогут объяснить это вашим, и те поймут.

— Если мы поверим тебе и твоим друзьям, Ульдемир, то как мы сможем спастись? Залить топку — тогда придет холод, и мы погибнем. Да и как это сделать? Солнце далеко, и оно громадно, я не знаю, как подступиться к нему.

— Это знаем мы. Наши ученые знают. Они могут потушить его.

— Хорошо. Вы зальете солнце. Но как вы спасете нас от холода? От гибели?

И тут я решил, что нужный миг настал.

— Спасение одно: надо бежать.

Теперь по людям прошел уже не шелест, но гул.

— Бежать! — повторил кузнец. — Но куда можно убежать, если холод наступит повсюду? Или в песках еще сохранится тепло?

— Нет, холод будет повсюду. Надо бежать из этого мира. Туда, куда укажем мы.

— Можно ли вобще убежать из этого мира? Из него уходят, только когда умирают. Ты это имеешь в виду?

— Совсем нет. Надо уходить к другому солнцу. Туда, где живем мы. Если поторопиться, мы еще успеем вам помочь.

— Убежать из мира, — повторил кузнец негромко, но каждый услышал его. Он отвел глаза от моего лица и медленно повернул голову направо, потом налево, и все головы повернулись так же, все взгляды последовали за его взглядом.

И люди как будто заново, в первый раз, увидели все, что было вокруг них.

Лес окружал их плотной стеной. Теплый, светлый, дружелюбный лес, где не было опасных хищников, не таились разбойники, не водилась нечистая сила — лес, зелено-золотистый, щедрый на дрова и материал, на грибы и ягоды, на тень, на лекарственные почки и иглы; лес, ласково шелестящий и заставляющий дышать глубоко и радостно.

А за лесом, — они знали, — были поля, обширные и плодородные, кормившие весь мир, дававшие по два урожая в год, поля, сперва зеленые, потом золотые, потом коричневые, вспаханные — и снова покрывающиеся зеленым ежиком всходов... И пестрые луга, на которых жирел скот и пахли цветы, и так приятно было лежать в свободные часы, размышляя о разных вещах. И там текли спокойные реки, кое-где на них были устроены плотины, и вода, ниспадая, вращала громадные колеса водяных машин. Реки впадали в озера, а еще дальше — в моря, где, правда, не жили люди, но со временем они дошли к и до морей, расселяясь понемногу по планете.

И стояли вокруг города, мирные, уютные города, где дома топили в деревьях, где было тепло, и уют, и женщины, и дети, которые, приходя в семью, сразу становились своими и пользовались всею любовью, какой заслуживают дети. Города с их мастерскими, где работали много, но не до изнеможения, где работать было иногда скучновато, но всегда полезно, потому что твоя работа нужна была всем.

Все это было их миром, миром этих людей. В нем они родились на свет, в нем жили и знали, что в нем умрут — но другие останутся.

А теперь им вдруг сказали, что этот мир надо покинуть. Что он обречен, их мир, и погибнет неизбежно, и разница только в том, погибнут ли с ним и они, люди, или они спасутся и будут вспоми-

нать потом где-то в чужих, незнакомых краях о своем мире, прекрасном мире, который они не уберегли и покинули в смертельной опасности.

Вот что увидели люди взглядом глаз и взором сердца и вот о чем они думали в эти долгие секунды.

Потом кузнец Сакс сказал:

— Покинуть мир... Скажи, Ульдемир, ты понимаешь, что это значит — уйти из своего мира? Приходилось ли тебе когда-нибудь вот так — взять и уйти из своего мира навсегда?

— Приходилось, — сказал я, хотя и не сразу, и в голосе моем не было радости, как не было ее и в душе.

— Тебе стало лучше от этого?

— Нет.

— А твой мир, который ты оставил, — он после этого тоже погиб?

Я немного подумал. Что сказать им? Земля не погибла, и люди на ней — тоже нет. Она цветет и сейчас, подумал я в который уже раз. Но разве она — мой мир? Это мир Шувалова, Аверова, еще миллиардов людей. Но — не мой.

— Мой мир умер, — ответил я.

— И ты не жалеешь о том, что покинул его?

И снова я не смог ответить сразу:

— Не знаю...

— А вот я знаю, что буду жалеть. И все они тоже пожалеют. Он повел рукой округ.

— Может быть, ты неправильно понял нас, Ульдемир. Да, мы не захотели жить в городах. Мы ушли в лес и живем, порой недо-еда и не получая новой одежды. Мы сделали так потому, что нас обуревают мысли и желания, которым там, в мире Уровня, нет места. Мы не любим Уровня, Ульдемир, мы нарушаем его, и уверены, что так и надо делать. Но Уровень — еще не весь мир; наш мир может существовать и без Уровня, он может быть подобен не пруду, вода в котором, хоть и тепла, но застаивается и начинает плохо пахнуть, — он может стать похожим на реку, которая не останавливается, несет свои воды все дальше, вперед и вперед; и он все равно останется нашим миром. Мы хотели уйти от Уровня — и ушли; но не надо думать, что мы не любим нашего мира и хотим покинуть и его. Нет, мы хотим остаться в нем и сделать его таким, каким мы его представляем. Понятно ли я объяснил, Ульдемир?

— Понятно, кузнец. Но, наверное, я говорил не очень ясно, раз ты не увидел в моих словах главного: не только нам надо уйти, уйти надо всем, кто хочет спастись и продолжить жизнь — пусть и не в этом мире, а в другом, — продолжить свою жизнь, и жизнь детей, и их детей, и всех-всех. Я знаю, что вы любите свой мир; но одной

любви бывает слишком мало, чтобы спасти того, кого любишь. Нужно что-то другое; а этого нет ни у вас, ни у нас.

— Скажи: нельзя ли погасить огонь, о котором мы говорили, не совсем, а только немного? Пусть станет холоднее, но не настолько, чтобы жизнь погибла. С холодом мы примирились бы; даже больше — мы, может быть, обрадовались бы ему, потому что опасность заставила бы наш Уровень сдвинуться с места — а мы и не хотим ничего другого. Неужели нельзя погасить огонь не до конца?

— Мне трудно ответить тебе, кузнец, — сказал я, — потому что я ведь не ученый, ты знаешь. Но, насколько я знаю, у нас нет такого средства. Мы можем погасить все сразу — и только так.

— Но, может быть, такое средство можно найти?

— Не знаю, кузнец. Наверное, можно. Но поиски потребуют много времени. А ждать нельзя.

— Почему?

— Потому, что можно не успеть. Солнце взорвется, и жар его испепелит мир.

— Хорошо, Ульдемир. Мы верим тебе. Вы поступили как хорошие люди, примчавшись спасти нас. Я не могу, конечно, говорить за весь народ; но я такой же, как все, и полагаю, что они думают так же, как я. И скажу откровенно: мы, наверное, скорей согласимся рискнуть, чем бросить свой мир и удрать. Вы очень похожи на нас, но все же вы — чужие люди, и не решайте за нас, как нам быть. Это — наше дело.

Но такой поворот меня вовсе не устраивал.

— Нет, кузнец Сакс, не только ваше... Потому что...

Мне очень не хотелось говорить, я помолчал, перевел дух и опустил глаза, но тут же снова поднял их:

— Потому что если ваше солнце все-таки взорвется, то это будет угрожать не только вашему миру, но и нашему. Ваш погибнет сразу; наш тоже — хотя и не сразу, а постепенно. Нет, ваше солнце надо погасить обязательно, нельзя опоздать!

Снова была тишина.

— На этот раз я, кажется, понял тебя, Ульдемир. Вы прилетели вовсе не для того, чтобы спасти нас, или, вернее — это для вас не главное: вы прилетели, чтобы спасти себя!

— Не совсем так, но в общем верно.

— Да! Значит, вы думаете о себе — и ради этого, ради себя, готовы просто-напросто пожертвовать нашим миром!

— Не забудь: это мы могли сделать даже не показавшись вам на глаза! Но мы пришли для того, чтобы спасти и вас.

— Даже не спрашивая нашего согласия! Не зная, чего мы хотим, что думаем! Но тогда скажи, что же такое — насилие? А в нашем

мире очень не любят насилия. Видишь, мы живем здесь, в лесу — но нас не трогают, хотя остальных куда больше, чем нас!

«Ну что ж,— подумал я,— теперь деваться некуда. Только вперед».

— Вас не трогают; да. Но что стало с людьми, что жили тут до вас? Кто убил их? Кто разрушил их город, от которого остались развалины, погребенные теперь под землей? Мы, что ли, прилетели и убили тех, чьи кости вы находите в глубине?

— Откуда ты знаешь, что их убили? Может быть, это была болезнь и они умерли...

— Здесь был город, не такой, как сейчас, при Уровне; здесь был город, как в том мире, откуда пришел я,— город с электричеством, с пластиком, со многими хорошими вещами, который вы сейчас еще только пытаетесь придумать, хотя люди их знали задолго до вашего рождения! Кто убил этот город и людей? Кто разрушил дома? Мы — или вы? Так кто же должен говорить о насилии?

Только теперь на поляне поднялась настоящая буря. Гремели голоса. Взлетали кулаки.

— Не верим!

— Докажи!

— Я могу доказать! Но что толку доказывать вам — вы так уверены в безгрешности своего мира, что не захотите признать, что когда-то вонзили нож в спину другому!

— Докажи нам! И если мы поверим...

— Ну, что же будет тогда? — подзадорил я.

— Ты сказал, что тот город был таким, как твои города — там, в твоём мире? Как это могло быть?

— Очень просто: ведь люди прилетели сюда из моего мира. Тот мир — настолько же ваш, как и мой! И, улетев отсюда, вы возвратитесь домой, а не на чужбину!

Гул на поляне медленно улегся.

— Докажи нам! Сейчас же! Идем! И если ты прав, тогда...

— Хорошо,— сказал я им.— Но, откровенно говоря, что в том толку? Вас несколько сот, а сколько всего людей на планете?

— Конечно, намного больше. Но мы пойдем тогда в столицу. Мы будем говорить людям, кричать им: ваш Уровень построен на крови, это нечестный Уровень! Наш мир должен был быть лишь частицей другого, большего мира. Вернемся же в тот мир, чтобы потом, став намного сильнее, снова прилететь сюда... и, может быть, заново разжечь солнце: ведь если уже сегодня его можно погасить, то, может быть, завтра люди научатся и зажигать его заново?

— Может быть, кузнец.

— Покажи нам тот город. Иди, мы за тобой!

Люди покинули лес.

Колонна двигалась на столицу, и я вел ее.

Это была странная колонна. Она двигалась с лязгом, скрипом, свистом. Нарушители Уровня, конструкторы странных вещей, наступали на столицу во всеоружии.

Грохотали паровые телеги. Их было четыре, ни одна не походила на другую.

На одной из телег было установлено грозное оружие: в толстом цилиндре было высверлено множество отверстий — каналов, и в каждый был заложен пороховой заряд и забита пуля. На Земле в свое время из такой конструкции родился пулемет. Тогда люди стгоряча решили было, что войнам пришел конец...

Лесные жители несли ружья, что заряжались не круглыми, как до сих пор, а продолговатыми, заостренными пулями. В стволах ружей были сделаны нарезы, заставлявшие пулю вращаться в полете.

Человеческая мысль во второй раз шла однажды уже пройденным путем, и это не веселило меня, но иного выхода не было.

Другие вооружились усовершенствованными арбалетами, тетива которых натягивалась одним движением рычага.

Люди шли, чтобы низвергнуть Уровень и заключить союз с нами — с прилетевшими к ним представителями высокой технической цивилизации. Они, как и я сам, верили в то, что цивилизация спасет их, если даже планете и суждено погибнуть от нестерпимого жара или нестерпимого холода.

Они были разгневаны тем, что Хранители Уровня до сих пор не сделали ничего, чтобы вступить с нами, прилетевшими, в переговоры, и тем самым пренебрегли интересами всего народа.

Они были разгневаны еще и тем, что вся их жизнь, оказывается, была движением не вперед, а вспять: много лет назад уже существовали города, где было известно такое, до чего этим людям сегодня приходилось доходить ощупью, наугад. Их цивилизацию насильно, предательски повернули в это русло, и она впадала теперь не в бескрайний океан, а в болото с тухлой водой.

Люди шли, исполненные решимости.

Я по праву шагал впереди колонны, оставив Анну в лесу, товарищей — под огнем, катер — мальчишкам...

Я призвал их идти, и теперь у меня не могло быть иной судьбы, чем та, что постигнет их.

Я знал, что они не пропадут на Земле. Они быстро освоятся, волются в жизнь многомиллиардного человечества — и там найдут наконец удовлетворение, найдут возможность ничем не ограниченного творчества.

А за ними пойдут и все остальные люди этого мира. Они бы не поверили пришельцам с чужой звезды. Но своим они поверят.

Земля может присылать эскадру.

Я шел и даже напевал под нос.

Меня не смущало оружие в их руках. Уж я-то на своей шкуре убедился в том, что оно играло роль скорее символическую; убивать было противно взглядам и привычкам жителей этого мира.

И я шел и напевал, и люди вокруг меня тоже пели, и я вдруг с удивлением и улыбкой узнал в их напевах мелодии песенок, какие сам пел в молодости; кое-что уцелело, значит? Только теперь эти мелодии пелись торжественно, как гимны: они принадлежали истории нового народа.

Грело солнце. Над дорогой клубилась пыль.

Колонна шла на столицу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Документы

Предписание Хранителей Уровня:

«Да пребудет с тобой Красота.

Мы, Хранители Уровня, предписываем тебе, Альбер Норман, старшине призванных на защиту Уровня, привести призванных и вооруженных на то место, где никто не должен быть без особого на то разрешения; и оставаться там, пока мы не предпишем иного. Если там уже окажется кто-нибудь, то следует тебе изгнать их или взять под стражу, не применяя оружия или применяя, как тебе покажется лучше. Если будут они сопротивляться, то следует сломить их сопротивление и сделать так, чтобы никого из них там не оставалось, и что бы ты ни сделал для этого, все будет хорошо. Мы думаем, что теперь тебе все ясно, и у тебя не будет сомнений, и у призванных на защиту — тоже. Иди, и еще раз желаем — да пребудет с тобой Красота, да будешь ты здоров, и все остальные пусть будут здоровы.

Подписано Хранителями Уровня».

* * *

Когда катер с капитаном и его спутниками на борту скрылся за вершинами деревьев, Уве-Йорген сказал Георгию:

— Теперь твоя очередь. Поднимай машину и лети в столицу. Привези Питека. И побыстрей. Перемирие заключено на час. Может быть, удастся потянуть время и еще немного, но переговоры удадутся мне плохо. А Питек нужен здесь.

— Мы двое тоже можем защищаться.

— Согласен, мой доблестный воин. Но защищаться — этого мало. Нужно нападать. — Спартиот откинул голову, и Рыцарь кивнул и улыбнулся. — Только нападать.

— Скажи, Рыцарь: ты еще веришь в то, что мы сможем спасти их?

Уве-Йорген склонил голову набок.

— Не знаю, штурман. Этого сейчас никто не знает. Но солдат всегда должен быть уверен в конечной победе — иначе что заставит его рисковать жизнью?

— Любовь к своей земле, — сказал Георгий.

— А если он дерется не на своей земле? Как мы сейчас, например? Но не будем обсуждать этот вопрос. Время уходит. Привези Питека.

— Хорошо, — сказал спартиот. Не скрываясь, он пересек поляну, миновал осаждающих и скрылся за деревьями. Никто не тронул его, только некоторые посмотрели вслед, но тут же отвернулись. Видимо, перемирие они воспринимали всерьез.

Потянулись минуты. Уве-Йорген плотно закусил и растянулся на траве, положив автомат рядом. Маленькое солдатское счастье: живот полон, не стреляют и можно спокойно полежать. Сколько этого счастья впереди? Минут сорок? Нет, всего полчаса. Что же, полчаса счастья — очень много...

Счастья оставалось еще десять минут, когда он впервые покосился вверх. Катера не было. «Надо надеяться, что с Питеком в городе ничего не произошло и что он не очень опоздает на место встречи. Хотя с чувством времени у него, откровенно говоря, плоховато: тот факт, что в сутках двадцать четыре часа, до сих пор представляется охотнику малозначительным — конечно, если он не за пультом корабля... Чего доброго, через семь минут придется держать оборону самому. Что же, повоею в одиночку. Хотя думать об атаке-тогда уж не придется, да и спастись без катера будет сложно. А, какая разница, — подумал он с привычным фатализмом: — чуть раньше, чуть позже...»

Он перевернулся на живот, поудобнее примостил автомат. «На этот раз играть придется по моим правилам, — подумал он. — Во всяком случае, я буду играть по своим правилам, а они — как знают. Их дело. Ага, зашевелились. Нет, пусть начинают они. Я отвечу...»

Один из осаждающих поднялся и направился к Уве-Йоргену, размахивая руками. Оставалось еще три минуты. Снова парламен-

тер? Интересно... Рыцарь держал приближающегося на мушке — на всякий случай. Может быть, это военная хитрость? Они ведь наверняка знают, что он остался один. Бросок гранаты — и кампания будет окончена... Он усмехнулся: откуда у них гранаты? «Впрочем... кто сказал, что гранат не может быть?»

Парламентер остановился в десяти шагах.

— Послушай,— сказал он громко.— Встань, не то мне неудобно разговаривать.

— Говори так.

— Почему ты не хочешь подняться?

— Мне нравится лежать. Я устал.

Это, кажется, обрадовало противника.

— Перемирие кончается,— сообщил он.

— Мне это известно. Ты затем и пришел, чтобы напомнить?

— Не только. Если ты устал, может быть, ты хочешь отдохнуть и еще немного?

«Гм,— подумал Уве-Йорген.— Это очень кстати».

— Я не против,— сказал он.— А что у вас случилось?

— Да нам спешить некуда,— сказал парламентер.— Мы ведь все равно выиграли. Но, понимаешь ли, подошло время смотреть на солнце. Мы почему-то сразу не рассчитали. Видишь ли, если мы можем смотреть на солнце, то это нужно сделать. Наверное, ничего не случится, если мы и не посмотрим, нас ведь тут не так уж и много, но все же еще лучше будет, если мы посмотрим.

— Смотрите,— великодушно разрешил Уве-Йорген.— Смотрите на солнце, на звезды, можете смотреть друг на друга, пока вам не надоест. Я обожду.

— На звезды нам смотреть не надо,— серьезно ответил парламентер.— Только на солнце. Хорошо, что ты согласен. Тогда, пожалуйста, не мешай нам. Значит, еще полчаса.

— Решено,— пообещал Уве-Йорген и проводил удаляющегося противника взглядом. Полчаса — прекрасно. Что же они будут делать — полчаса таращить глаза на светило? И не ослепнут?

Он решил понаблюдать за ними — все равно делать было нечего, ячейку он себе успел вырыть по всем правилам, а копать до полного профиля не было смысла.

Осаждающие собрались на поляне — в том ее месте, откуда и в самом деле можно увидеть солнце, там его не заслоняли вершины деревьев. Установили треногу, вроде штатива. На ней укрепили плоский ящик. Одну такую штуку, вспомнил Уве-Йорген, экипаж уже захватил в качестве трофея. Теперь можно будет понять, для чего она служит. Люди расположились перед ящиком — с той стороны, где было стекло, один из них возился, тщательно ориентируя ящик, прицеливаясь им — задней его стенкой — на

солнце. Наконец он закончил и отошел к остальным. Все пристально смотрели на прозрачную стенку. Лица их были серьезными. Потом тот, кто возился с ящиком, коротко крикнул, словно скомандовал. Люди чуть пригнулись, прямо-таки впились глазами в экран — иначе не назвать было это матовое стекло. Лица их были ясно различимы, и Рыцарь с удивлением заметил, как менялось их выражение — теперь оно говорило о глубокой сосредоточенности, напряжении, предельном напряжении; несколько минут они сидели неподвижно — и на лицах стала проступать усталость, как если бы они занимались тяжелой работой... Ящик, как показалось пилоту, чуть заметно вибрировал — или это воздух колебался с тыльной его стороны, во всяком случае, было в этом что-то ненормальное. «Что бы все это могло означать?» — подумал Уве-Йорген, без особого, впрочем, интереса, потому что к бою все это не имело отношения. Или все-таки имело? И вдруг его осенило: да ведь они просто-напросто молятся! Солнцепоклонники — вот кто они! Молятся и наверняка испрашивают себе победы. «Ну-ну, — подумал Рыцарь иронически, — давайте, давайте. Посмотрим, чей бог сильнее...»

Но вот сеанс закончился — и смотревшие обмякли, словно из них выпустили воздух. «После такой молитвы стрелять они будут скверно, — подумал Уве-Йорген. — Хотя — они и так не старались попасть, а шальная пуля может прилететь всегда...»

Он услышал сзади шорох и резко обернулся, не выпуская автомата.

— Все спокойно? — спросил Георгий.

— Ага! — сказал Рыцарь. — Это ты. Где Питек?

— Я тут.

— Какие новости?

— Шувалов говорил с Хранителями. Его куда-то увезли. Он сказал, что с ними не договориться. Сказал, чтобы мы действовали иначе.

Вот когда Уве-Йорген почувствовал себя совсем хорошо.

— Он не договорился, — сказал он, — но мы еще можем. Мы станем разговаривать по-своему. Как армия, а не как культурная миссия. Правда, ребята?

Они улеглись рядом, но Уве-Йорген поправил:

— Рассредоточьтесь. Быстренько выкопайте ячейки. Как у меня. Осталось еще семь минут... Кстати, Питек: вы там, у себя, не были солнцепоклонниками? Не поклонялись солнцу?

— Нет, — сказал Питек. — А зачем?

— Откуда я знаю? Просто — надо ведь кому-то поклоняться...

— Не знаю, — сказал Питек, выбрасывая песок. — Мы обходились без этого.

— Правильно делали, — одобрил Уве-Йорген. — Все, перемирие оканчивается. Вон идет их парень. Сейчас он об этом торжественно объявит. Дадим ему спокойно уйти назад.

И в самом деле, парламентар снова приближался, размахивая руками.

— На всякий случай, — спросил Рыцарь, — где катер?

— В кустарнике. До него метров двести, — ответил Георгий.

— Хорошо. Значит, огнем его не повредят. Их пули не долетят.

— Мы так и подумали.

— Перемирие заканчивается! — крикнул парламентар, приближившись.

— Мы знаем.

— Хотите сдатьсь?

— Завтра в это время, — усмехнувшись, крикнул Уве-Йорген.

— Так долго ждать мы не станем, — серьезно ответил тот.

— Тогда иди. Начинаем!

Парламентар торопливо ушел, и тут же застучали выстрелы. Пули вспахивали песок, и Уве-Йорген понял, что наступающие спешат одержать решительную победу. Вести перестрелку? Нет, решил он вдруг.

— Укроемся в корабль. Оттуда они нас не выкурят. Если останемся здесь, они перебьют нас в два счета, как только вспомнят, что можно вести прицельный огонь. В люк — Питек, Георгий!

Его соратники не заставили себя упрашивать. Они сделали по два-три выстрела (патроны приходилось экономить) и быстро отползли к траншее, по ней перебежали к люку и оказались в тамбуре. Уве-Йорген вскочил последним, повис на маховике люка, и тяжелая пластина медленно затворилась.

— Вот теперь пусть попробуют, — сказал он.

— Ну, а что же мы будем делать? — поинтересовался Питек. — Знаешь, Рыцарь, мне здесь вовсе не нравится. Тесно и душно. Я уже отвык за эти дни.

— Да, — сказал Георгий. — Что мы здесь защищаем?

— Не знаю, — откровенно ответил Рыцарь. — Но если мы поищем как следует, то, может быть, и найдем то, что им так хочется получить.

— А если не найдем? — спросил Питек. — Будем сидеть тут, пока не вспыхнет звезда.

— Мне не нравится, — сказал Уве-Йорген, — что из этой машины может быть только один выход. Если поискать, мы наверняка найдем грузовой люк или что-нибудь подобное.

Носовая часть была им исследована вместе с капитаном, там люка не было. И теперь Уве-Йорген с товарищами направился в корму.

Приходилось то идти, то ползти, временами — карабкаться: эта часть корабля сохранилась хуже, листы внутренней обшивки свисали с переборок, валялись какие-то громоздкие детали — наверное, части устройства, которые следовало смонтировать на новом месте и которые почему-то так и негодились. Ударяясь об их выступы и углы, Рыцарь вполголоса чертыхался, остальные двое молчали. Иногда они останавливались, чтобы передохнуть, и их учащенное дыхание с шелестом отражалось от переборок.

Каждую палубу и отсек, каждый закоулок Рыцарь неспешно обшаривал лучом фонарика. Выхода не было. Потом переборки ушли в стороны; стали реже. Под ногами глухо застучали ничем не прикрытые металлические плиты. Это были уже трюмы. Надо было смотреть повнимательнее: если выход был, то только здесь, и если люк можно было отворить, то сквозь слой земли за ним они уж как-нибудь пробились бы. Рыцарь еще замедлил шаг, остальные — тоже. Справа и слева, сверху и снизу теперь тянулись конструкции из тонких труб — для крепления грузов. Приходилось пробираться сквозь них, словно в железном лесу. Потом они вышли на место по-свободнее, Рыцарь посветил, огляделся и увидел черное пятно люка.

Люк был открыт, но земля не насыпалась в отсек, и тут было чисто, сухо, как если бы ход упирался не в землю, а в какое-то другое помещение, точно так же, как корабль, изолированное от внешней среды. Уве-Йорген повел лучом. За проемом люка была черная пустота. Не колеблясь, он двинулся туда, кивнув своим спутникам, и они послушно повторили все его движения. Он переступил порог — и каблуки сухо ударили по пластику; Рыцарь не успел еще удивиться, как все вокруг ярко осветилось, и он зажмурился — от света столько же, сколько от неожиданности.

Труба метров двух в поперечнике, судя по звуку — металлическая, облицованная пластиком, монолитная, уходила прочь; уже в десятке метров продолжение ее терялось во мгле: светло было только там, где стояли вошедшие. «Нормальная экономичная система», — подумал Уве-Йорген, необычного в ней было не больше, чем в вареной картошке, но увидеть ее здесь было по меньшей мере странно.

— Хорошо сделанный туннель: куда он ведет? — спросил Рыцарь вслух, спросил просто так, потому что уже почти наверняка знал, куда ведет туннель и что они увидят, пройдя его. Остальные двое стояли, в глазах их было спокойствие. Уве-Йорген скомандовал, и они зашагали; свет сопровождал их, словно люди сами излучали его и освещали гладкие стены... Когда прошли метров двадцать, вспыхнул красный знак; они узнали его, он всегда означал одно и тоже: излучение. Тут же стоял счетчик; он щелкал редко, как

маятник старинных стоячих часов; значит, опасности не было. Пошли дальше; знаки и гейгеры попадались теперь через каждые несколько метров. Наконец туннель закончился; Уве-Йорген отворил замыкавшую его дверь — овальную в круглой торцовой стене — и они оказались в зале ядерной электростанции.

— Стоять здесь! — сказала Уве-Йорген своей армии, а сам пошел в обход по залу.

Он был не очень велик; силовой отсек мертвого корабля, вынесенный конструкторами, как и полагалось, подальше от жилых помещений; корабль, видимо, был куда больше, чем они предположили вначале. Не на это ли наткнулся сверху Монах? Здесь стояла термоядерная установка и преобразователь прямого действия; шины от него шли к щиту, от которого отходили кабели — один к криогену, охлаждавшему резервуар с тритием, другой нырял в стену. Установка была надежная, автоматическая; Рыцарь искал управляющий ею компьютер, но не нашёл; видимо, команды на пульт шли оттуда, из столицы, из той самой комнаты, которую видел на экране Питек. Однако в случае нужды можно было перейти на автономное ручное управление — пилот быстро разобрался в нехитрой механике. Это, наверное, и было то, ради чего сюда послали ополченцев; ради станции, а не из-за старой космической жестянки, служившей теперь только тамбуром.

Уве-Йорген стоял, задумчиво разглядывая установку, легкая улыбка играла на его губах, улыбка удовлетворения. Затем он едва не вздрогнул из-за громкого щелчка; вспыхнули какие-то индикаторы, гудение установки стало чуть громче. Рыцарь медленно повернул голову, ведя взглядом по аппаратам, пытаясь установить, какой из них сработал. Вот он: регулятор мощности. Что-то подключилось, и расход энергии скачком увеличился. Какие-то странные события происходили под двойным дном бесхитростной, казалось бы, планеты с ее идиллическим человечеством... Уве-Йорген пожал плечами: разберемся, если понадобится. Сейчас его занимала другая мысль: действительно ли Никодим на поверхности наткнулся именно на эту станцию? Пилот прикидывал, и получалось, что по туннелю они прошли куда меньше, чем тогда, по поверхности. Конечно, наверху был лес, и идти приходилось не по прямой; но все же, несовпадение получилось чересчур большим. Что же, здесь есть и еще какие-то секреты?

Он снова пустился в обход по отсеку. Вот этот второй силовой кабель, куда идет он за переборкой? Из силового отсека он выходит в направлении... во всяком случае, не основного корпуса корабля; скорее, в противоположном. Что находится там? Первый кабель, видимо, идет в столицу. А может быть, в столицу ведет этот? В таком случае, куда направляется первый?

Теперь он двигался, пригнувшись, чуть ли не обнюхивая переборки. Питек подошел, несколько секунд следил за действиями Рыцаря.

— Что ты ищешь, Уве-Йорген?

— Думаю, что здесь должен быть еще один выход.

— Конечно, он тут есть.

— Почему ты решил?

— Я не решал, — сказал Питек невозмутимо. — Я его вижу. Ты смотришь вниз. Смотри наверх, потому что он там.

Рыцарь поднял глаза. Нет, без Питека он, пожалуй, не заметил бы люка, если бы даже и разглядывал потолок так же внимательно, как переборки, — настолько тщательно была пригнана крышка.

— Как добраться туда? Ну-ка, подсади меня.

— Ты думаешь, надо?

— Выполняй! — сказал Рыцарь командным голосом.

— Пожалуйста, — согласился Питек и подставил спину.

Едва заметная кнопка была рядом. Уве-Йорген нажал; крышка поползла вертикально вниз, не откидываясь на петлях, а опускаясь — как они увидели — на трех блестящих стержнях. Рыцарь поспешно прыгнул со спины Питека; крышка едва не задела его. Круглая пластина опускалась все ниже и остановилась в полуметре над полом. Рыцарь смотрел в открывшееся отверстие. Там было светло. Он решительно встал на пластину люка, и она без команды подниматься.

— Ждать меня! — успел крикнуть он, прежде чем крышка, мягко щелкнув, не отделила его от товарищей.

Здесь тоже был ход, только поуже первого. Уве-Йорген, шурясь, представил себе, куда он ведет, в какую сторону от корабля. Потом пошел вперед. Так же вспыхивали впереди и гасли за спиной невидимые лампы. Было тихо. Щелкали гейгеры — чем дальше от станции, тем реже. Этот туннель, в отличие от первого, шел не прямо, временами он плавно сворачивал, порой шел в глубину. Потом впереди послышалось низкое гуденье, не такое, как в силовом отсеке. Рыцарь пошел осторожнее. Конец туннеля. Дверь. Открыть. Войти.

Он вошел. Кабель выходил из переборки, той, где был вход. Посреди небольшого, круглого в плане помещения стояла установка. Не силовая; для чего она предназначалась, Уве-Йорген не мог понять — что-то, отдаленно напоминавшее (как он решил, внимательно оглядев ее со всех сторон, разглядывая, как расположены и соединены отдельные блоки) огромных размеров приемно-передающую рацию; разве что для связи с другими планетами могла бы предназначаться такая, но вряд ли Хранители Уровня поддерживали сношения с инопланетянами... Уве-Йорген пожал плечами: видимо, сейчас не стоило ломать голову над сущностью обнаружен-

ного устройства. Главным было то, что установка работала, это она издавала слышное еще в туннеле гудение, индикаторы на стенах помещения мигали в сложном ритме, словно разыгрывая световую симфонию, написанную для сотен, для тысяч инструментов... Сотни и тысячи пришли в голову Рыцарю не случайно: именно такое количество тонких проводов выходило из объемистой коробки последнего блока установки; свившись толстым жгутом, провода эти уходили в потолок — но тут Уве-Йорген, несмотря на самые тщательные поиски, не смог обнаружить больше никакого выхода. Он утер пот со лба; в следующий миг щелкнуло — индикаторы погасли, гудение прекратилось, установка выключилась, непонятная, но, видимо, зачем-то нужная этому человечеству установка. Уве-Йорген взглянул на часы. Прошло всего лишь полчаса — только несколько минут назад истек срок последнего перемирия.

Он вышел и затворил за собой дверь. По туннелю шел быстро. В конце его, а вернее — в начале, встал, не раздумывая, на пластину люка, и она послушно опустилась, возвращая пилота к его соратникам. Они ждали его, стоя, кажется, на тех же самых местах и в таких же позах, в каких он их оставил.

Что же, очень хорошо. Станция — энергетический центр правителей этой планеты — и еще какая-то установка, неизвестного назначения, но действующая, периодически действующая — и, значит, связанная с какими-то происходящими сейчас событиями... Да, очень хорошо.

Уве-Йорген почувствовал, как горло этой маленькой цивилизации пульсирует под его пальцами. Теперь можно было диктовать условия.

Он не подумал в этот миг, сохранился ли еще смысл диктовать условия. Это не было самым важным. Важнейшим было то, что возможность диктовать условия была найдена. Уве-Йорген испытал удовлетворение, как если бы завершил какое-то нелегкое и неотложное дело.

И вдруг он почувствовал, что устал. Очень устал.

Он повернулся к Питеку и Георгию и улыбнулся им.

— Хочу спать, — сказал он. — А вы? Нам предстоит поработать на славу. Надо набраться сил.

Они кивнули — Георгий невозмутимо, Питек резко, словно в нетерпении.

Рыцарь посмотрел на гладкий пол.

— Честное слово, я готов уснуть прямо здесь.

Он сел на пол, потом растянулся, положил автомат рядом, закинул руки за голову.

— Ложитесь, — сказал он. — Мы в надежном укрытии.

— Они могут добраться сюда, — предостерег Георгий.

— Тем хуже для них,— ответил Уве-Йорген.

И они уснули под ровное гудение станции, в маленькой камере которой бушевал солнечный жар.

* * *

Они проспали около часа, потом осаждающие подорвали наружный люк корабля. Глухой, сильный звук и сотрясение пола заставили Уве-Йоргена открыть глаза. Это мог быть только взрыв. Он покосился на своих. Они подняли головы, но, видя, что он спокоен, сразу же заснули снова.

Он полежал неподвижно. В зале станции было по-прежнему светло. Георгий дышал рядом, положив голову на руки, повернувшись лицом вниз. Питек лежал в сторонке. Установка успокоительно жужжала. Уве-Йорген поднес к глазам руку с часами. Шесть. Значит, взорвали все-таки. Дураки. Вот уж поистине — усердие не по разуму...

Он осторожно поднялся, подошел к овальной двери — единственному выходу, — приотворил, прислушался.

Если заткнуть дыхание, можно было уловить отдаленный скрежет металла. Значит, расчищают ход после взрыва.

Уве-Йорген вернулся в зал и разбудил своих. Они мгновенно вскочили, осмотрели автоматы и пересчитали запасные магазины.

Хотелось есть, но было нечего.

На всякий случай Рыцарь еще раз обошел станцию. Нет, другого выхода не было. Только через овальную дверь в туннеле, а оттуда — через жилые отсеки корабля.

Тогда он кивнул остальным, чтобы сидели и ждали, и сам сел у двери, положил автомат на колени и стал ждать.

Приглушенный расстоянием лязг не утихал.

Те доберутся сюда через полчаса. Войдут в туннель, вспыхнет свет, и они будут, как на ладони...

— Что мы будем делать, Рыцарь?

— Отобьем у них охоту соваться сюда.

— Будем стрелять?

Уве-Йорген пожал плечами:

— На переговоры у нас больше не остается времени.

Корабль вдалеке гремел, как железная бочка. Значит, вошли.

* * *

Слышно было, как вломившиеся в корабль люди понемногу приближались к тому месту, где начинался туннель.

Пробирались они медленно. Наверное, шли с факелами: свечи вряд ли могли тут помочь.

Ничего, в туннеле будет светло и без них.

Уве-Йорген прикинул. Деревьев тут нет, вверх стрелять не придется. Пули полетят вдоль туннеля. Не прямо, так рикошетом какая-нибудь да зацепит.

Так что игра действительно пойдет уже по другим правилам.

Значит, надо заблаговременно обезопасить все, что можно. Занять позицию подальше от входа в станцию, в туннеле. Прикрыться, правда, нечем. Гиблое дело. Но в зале станции обороняться нельзя.

Рыцарь точно не представлял себе, что может случиться, если пули станут попадать в установку или в резервуар с тритием. Но понимал, что ничего хорошего ждать от этого не приходится. Станция, во всяком случае, выйдет из строя. А ему нужно было, чтобы она работала. Угроза беды всегда действует сильнее, чем сама беда, а в предстоящем разговоре с Хранителями Уровня он хотел применить именно угрозу.

Свет в коридоре — это ни к чему. Если бы хоть видеть, что светится, можно бы послать по лампам парочку очередей. Но светильники были укрыты. То ли была в этом надобность, то ли такая мода существовала...

Значит, придется подставить себя под пули. Таково уж солдатское ремесло.

Он сказал своим:

— Сюда, ребята. И постарайтесь попадать в них прежде, чем они в вас. Потому что пули у них такие, что дырки эти будет не залатать.

— Думаешь, они станут стрелять в нас?

Уве-Йорген усмехнулся:

— Здесь трудно будет выстрелить мимо.

Он подошел к двери в станцию, затворил ее, вернулся в туннель и улегся на пол, изготавливаясь к стрельбе. Запасные магазины положил справа, чтобы были под рукой. Покопался на своих.

— Георгий, продвинулся на пять шагов вперед. Так. Питек, держись правее, у самой стенки. Хорошо.

Теперь все было в порядке.

В том конце туннеля заметно светлело. Люди приближались ко входу в него, и звуки их шагов доносились все яснее.

* * *

«Вот бестолковые бедняги, — думал Уве-Йорген. — Ну куда они лезут, и как они не поняли, что это — наша игра, а не их!»

Он держал на мушке первого, что приближался с факелом в руке, с ненужным более факелом. Можно было и не целиться — все равно тут не промахнешься, — однако Уве-Йорген целился из уважения к своей профессии, требовавшей, чтобы все делалось по правилам, не небрежно, не кое-как, а тщательно.

Ну что, хватит ему гулять, пожалуй, а?

Уве-Йорген нажал спуск, и гильзы звонко запрыгали справа от него, автомат привычно повело налево, и крики боли и ужаса наполнили узкую трубу туннеля.

Еще два автомата ударили в унисон.

* * *

Уве-Йорген сменил третий магазин, когда ответный огонь смолк.

Противник бежал. Коридор гудел от топота ног.

Рыцарь встал и пошел. Он шел в атаку. Преследовал противника.

Он шел, пока не наткнулся на первое тело. Нагнулся, дотронулся до него и почувствовал, что пальцы повлажнели.

Тогда он остановился. Постоял. Повернул назад. Добрался до своих.

— Теперь мы можем идти. Здесь свое дело мы сделали.

Его соратники поднялись с пола.

Георгий закинул автомат за спину, Питек держал свой в руке.

— Куда, Рыцарь?

— В гости к Хранителям.

— Ты не боишься засады снаружи? — спросил Питек. Георгий ответил за Уве-Йоргена:

— Когда бегут так, как они, останавливаются только к вечеру.

Они ступили на упругое, еще теплое. Идти было трудно. Местами тела лежали друг на друге. Здесь трудно было промахнуться. Наверное, рикошеты тоже достигали цели. Сколько их тут? Десятка два? Больше?

Мир вам, люди планеты. Братья — как сказал бы монах Никодим. Мы прилетели спасти вас. И спасаем. Извините, если что не так...

Они выбрались из корабля. Засады не было. Уве-Йорген все же велел идти по одному, рассыпавшись, с автоматами наизготовку. Так они добрались до катера. Не зря они укрыли машину так надежно: противник, видимо, даже не наткнулся на нее. А может быть, те и заметили, но решили сначала одержать победу, а потом уже заняться трофеями.

Спокойно, без суеты трое погрузились в катер. Закусили тем, что лежало в холодильнике. Потом Уве-Йорген сказал:

— Ну, начнем второе действие.

И включил стартер.

* * *

Уве-Йорген, сам того не зная, любил театр. Не то, чтобы он ходил на спектакли; в молодости он любил факельные шествия, рев десятков тысяч на стадионе, мгновенную мертвую тишину — и снова рев, и руки, вытянутые в одну сторону, к одному человеку.

Он любил, когда сотни и тысячи однообразно одетых людей шагали, высоко поднимая и с размаху ставя ноги — все разом, все вместе: раз, два, три! Когда одновременно поворачивались головы и взлетало оружие.

Свой маленький спектакль он собрался поставить на совесть.

* * *

— Это и есть столица?

— Да,— подтвердил Георгий.

— Приличный городок. Молодец, штурман. Ну-ка, пристегнитесь как следует.

— Что ты хочешь сделать?

— Предупредить о нашем визите.

Обернувшись, он проверил взглядом, хорошо ли выполнено его распоряжение, выключил автомат и положил руки на пульт.

— Ну, значит...— произнес он, усмехнувшись.

Набирая скорость, катер круто пошел на снижение.

Моторы ревели.

— Держитесь крепче! — посоветовал пилот.

Он круто положил машину в вираж. Короткие крылья дрожали. Спутникам Рыцаря показалось, что плоскости вот-вот отлетят. Но, видимо, Уве-Йорген хорошо чувствовал, каким запасом прочности обладала машина.

Они неслись над городом, катя перед собой волну грохота. Крыши проносились в нескольких метрах под ними. От их мелькания могла закружиться голова. Георгий и Питек невольно зажмурились. Уве-Йорген смотрел вперед. Он усмехнулся.

— Штурман! — крикнул он резко.

Георгий открыл глаза.

— Где центр?

Георгий взглянул.

— Под нами.

— Снижаюсь!

Он уравновесил машину только перед самой посадкой. Грохот заполнял площадь. Люди в панике разбегались.

Уве-Йорген выключил мотор.

— За мной! — скомандовал он.

Они выбрались наружу.

— Как я учил!

Они встали сзади пилота, повесив автоматы на шею, держа на них руки.

— Шагом — марш!

Средний подъезд дома Хранителей был прямо перед ними.

Маршируя, они пересекли площадь и поднялись на крыльцо.

В вестибюле было много людей. Уже знакомый. Питеку чиновник заторопился к ним.

— Что вам...

Уве-Йорген кратко приказал:

— Молчать!

Чиновник умолк.

Уве-Йорген приказал:

— К Хранителю! Живо!

Чиновник попятился:

— Это невозможно! Изложите ваше дело...

Уве-Йорген, не снимая автомата с груди, выпустил очередь. Штукатурка с потолка посыпалась на пол.

— Ясно? — спросил пилот.

Чиновник молчал.

— К Хранителю Уровня, живо!

Чиновник окинул взглядом двух спутников пилота. Они безмолвно стояли, но руки их, лежавшие на автоматах, показались чиновнику очень выразительными.

— Вы тоже... из этих? — пробормотал он, не скрывая страха.

— Ты еще узнаешь, из каких мы! — пообещал Уве-Йорген угрожающе. — Мне долго ждать?

— Но... его нет!

— Веди!

— Как угодно, но его действительно нет! Он... в Сосуде!

— Я тебя самого загоню в сосуд, — сказал пилот. — И ты там останешься, пока тебя не выплеснут на помойку. Живо!

И он сделал движение, собираясь снять автомат.

— Пожалуйста, — тихо проговорил чиновник. — Я отведу вас.

— Иди вперед. Показывай!

Чиновник беспрекословно заспешил впереди.

Трое шагали за ним, четко ступая в ногу. Уве-Йорген любил театр и знал — или полагал, что знал, — что именно нравится людям.

Людам нравится, чтобы ими командовали. Тот, кто командует, принимает на себя и ответственность.

Людам не нравится нести ответственность.

Трое шагали в ногу по бесконечному коридору.

Остановились перед железной дверью.

— Открыты!

Чиновник послушно отворил. Руки его подрагивали.

— Вперед!

Лестница. Площадка, перегороженная решеткой.

— Иди вперед!

— Сейчас, сейчас... Одну минутку...

Чиновник возился. Потом повернул лицо к пилоту, вымученно улыбаясь:

— Надо разрядить... Иначе...

— Быстрее!

— Да-да, сию секунду...

Наконец решетка поднялась.

— Вперед!

Снова коридор.

Снова железная дверь.

— Открыть.

Дверь распахнулась. За нею был кабинет.

Уве-Йорген взглянул на Питека:

— Тут?

— Да.

Они вошли, громко, четко стуча каблуками.

Здесь по-прежнему был стол, а у стены — пульт вычислителя. Вычислитель работал. Никого не было.

— Где он?

Чиновник развел руками.

— Я говорил вам: его нет...

— Когда будет?

— Должен быть...

Уве-Йорген едва не скрипнул зубами: вся постановка оказалась ненужной, премьера сорвалась: преимущество внезапности было утеряно.

Однако бороться надо до последнего.

Уве-Йорген уселся в кресло.

— Будем ждать. Ты тоже. Садись сюда.

Чиновник послушно уселся.

В молчании потекли минуты. Тихо журчал вычислитель. Белый

спокойный свет лился из окон. Милое солнышко, звезда Даль, затаилась, как представлялось Уве-Йоргену, перед командой: «В атаку — вперед!»

* * *

Раскапывать руины Иеромонаху понравилось. Работа была спокойная, интересная. Иди, знай, что найдешь через минуту или час. Но что-нибудь да найдется.

Он раскопал все-таки вход в тот домик. Стал выкидывать землю изнутри. Повозился изрядно. Время от времени вылезал, отирал пот со лба — день был, как обычно тут, жаркий, — поглядывал, где девица, не сбежала ли. Нет, была всегда поблизости. Тихая, смутная немного. Скучает, понимал Никодим. Так и должно. Пара ему нравилась. Она — молодая, пригожая. Он — солидный, надежный. Совет да любовь.

В свой час позвала обедать. Поели. Никодим пробовал заговаривать. Хотелось поговорить о жизни — как она ее понимает. Девица отмалчивалась. Хотя ей, молодой, и негоже было молчать, когда спрашивают.

Отдохнув, Никодим полез копать дальше — все равно делать было нечего. Вырыл шкатулку с кристаллами, попала еще фотография, залитая пластиком, сохранный. Была она вделана в крышку шкатулки изнутри.

Фотография была скорбная. Какие-то люди стояли у подгробной плиты. Вокруг — деревья с длинными иглами, здешние. Схоронили, верно, давно: плита уже влегла в землю. И имя было на плите. Кто-то из здешних преставился, стало быть. Как же звали его, сердешного?

Снимок был небольшой, плита смотрелась наискось, прочесть было трудно. Но зрение у Иеромонаха было отменное, не испорченное чтением смолоду. Он прищурился, повертел снимок и прочел все-таки. Одоле.

Ганс Пер Кристиансен — вот что было написано на плите.

И дальше — несколько строк помельче, уже и вовсе неразлично.

Иеромонах задумался. Имя почудилось не чужим. Слышно было не однажды. Кристиансен. Дай бог памяти...

И вспомнил.

— Анна! — он высунулся из траншеи, оперся ладонями о землю, вымахнул весь. — Анна, пойдика. Такое дело вышло, что собраться надо. Капитана найти срочно...

Было так грустно, что хотелось плакать. Чего-то было жалко. Может быть, несбывшихся, непонятных каких-то надежд? Она не понимала и оттого становилась еще грустнее.

Сначала показалось — полюбила. Хотелось полюбить, и тут пришел человек — не такой, как все, интересный, уверенный, внимательный. Полюбила, была готова на все. А он почему-то медлил. Может быть, пренебрег, а может быть, и не хотел этого от нее. Или просто был нерешительным. Такое не прощается.

Конечно, молодым его назвать трудно, и она подметила взгляды товарищей, ребят и девушек. Но она была не такая, как они. Думала и поступала по-своему. Так ей казалось.

И если бы он показал, что любит ее по-настоящему, она бы привязалась, наверное, к нему серьезно и надолго. Навсегда ли — этого сказать, конечно, никто не может, но надолго.

Но он не показал.

Он забывал о ней за своими делами. Конечно, у всякого есть свои дела. Так должно быть. Но забывать нельзя. Внимание должно быть всегда. Подойти с цветком хотя бы. Посидеть, поговорить. Рассказать, как любишь. Какие бы ни были дела — вырваться, чтобы было ясно: дела делами, но важнее, чем она, на свете ничего нет и быть не может.

Такого от него не дожидаться — она теперь ясно понимала.

Конечно, если бы она любила, примирилась бы. Но — теперь стало совершенно ясно — не любила. И интерес стал проходить. Потому что увидела: иногда он не знает, что делать, сомневается, колеблется. А ей надо было так верить в человека, чтобы по его первому слову кинуться, очертя голову.

Всегда все знают лишь люди недалекие; ей, по молодости лет, это было еще неизвестно.

Нет, не ее судьба.

Сказать ему — и уйти.

И опять, когда нужно — его нет. Оставил ее и улетел.

Нет, она права, безусловно. Хорошо, что вовремя поняла все.

Он, конечно, будет переживать. Но ничем ему не поможешь. Скоро ли он там?

Терпение стало иссякать. И тут как раз позвал ее Никодим.

Иеромонах знал направление, и они быстро собрались и пошли налегке. Ходить оба умели. Шли как будто неспешно, но ходко.

Пахота под второй урожай была закончена, и поля, быстро покрывшиеся зеленым ковриком всходов, были пустынные. Но на лугах начинался сенокос.

Иеромонах посидел около кромки луга и, щурясь, любовался тем, как дружно взблескивали на солнце косы при каждом замахе. Иеромонаху было грустно.

Войны не были для него новостью. Монастырь, в котором он когда-то, очень давно, принял постриг, находился на большой военной дороге.

По ней проезжали тевтоны, шли поляки, наступали свеи. Потом они отступали, за ними шли русские.

Горели курные избы, вытаптывались поля, незрелые колосья вминались в прах.

И сейчас, когда война началась здесь — а в этом Иеромонах не сомневался, — он жалел эти поля и этих людей, которым суждено было больше всех терпеть от всякой войны, а затем своим потом снова поднимать жизнь, чтобы опять лишиться всего через несколько лет или месяцев...

Сидеть без дела не хотелось, и Иеромонах встал.

Он подошел в косцам и попросил, чтобы ему тоже дали косу.

Косу для него нашли.

Он подогнал ее по росту, встал в ряд со всеми и, плавно занося косу и резко проводя ее вперед, пошел, не отставая. Такое умение было у него в крови, и ничто не могло заставить Иеромонаха забыть движения, утратить чувство ритма.

До пояса обнаженный, блестящий от пота, он косил вместе с ними, глубоко, до отказа вдыхая ни с чем не сравнимый запах летнего луга и только что срезанной травы, на которой быстро высыхала роса.

Потом он поел вместе со всеми. Ел немного, зная теперь, что у этих людей никогда не бывает лишнего.

А потом он услышал песню.

Над дорогой, что плавной дугой огибала луг, вставала пыль. Шла толпа, и песня доносилась оттуда.

Что-то блестело там, и Иеромонах наметанным взглядом определил: оружие.

Он попрощался с косарями и вернулся туда, где на краю луга отдыхала Анна и где он оставил свой автомат. Иеромонах закинул оружие за спину.

— Пойдем-ка, девонька.

Она послушно поднялась.

Толпа приближалась, и можно уже стало различить капитана, что шел впереди.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Документы

«Уве-Йоргену, по фамилии Риттер фон Экк, предводителю отряда.

Мы, Хранители Уровня, согласны на твои условия, если и ты согласишься на наши.

Люди вышли из леса и идут на столицу.

Если они займут город, мы уже не сможем сделать ничего. Тогда случится то, чего ты боишься.

Ради блага всех людей просим тебя остановить идущих, не применяя, впрочем, жестокости.

Сделай это немедленно.

Подписал Старший Хранитель».

* * *

Глухо стучали копыта, телега поскрипывала. Почти не трясло: видимо, дорогу старались содержать в порядке. Жаль, что высокие борта не позволяли разглядеть ничего по сторонам.

Часа через три остановились.

— Будем перепрягать,— пояснил один из стражей.

— Хорошо бы сойти,— нерешительно проговорил Шувалов.

— Ладно. Отсюда все равно не убежишь.

Откинули борт. Шувалов сошел, с удовольствием сделал несколько шагов, огляделся.

Вокруг была степь. Ровная, чуть изгибающаяся дорога уходила к горизонту. По соседству стоял небольшой домик, рядом конюшня. Ничего интересного.

А вот вдоль дороги...

Любопытно.

Вдоль дороги возвышались, тоже уходя к горизонту, высокие башни из толстых балок. Не башни, вернее, а сквозные конструкции. Если бы у Шувалова спросили, что больше всего ему напоминают эти конструкции, он, не колеблясь, сказал бы, что они похожи на опоры линий электропередачи высокого напряжения, какие существовали в древности, когда еще не были известны практически целесообразные способы передачи энергии без проводов. Разумеется, на Земле таких конструкций давно уже не было, но он видел подобные рисунки в книгах по истории техники.

Правда, на тех картинках между башнями, или мачтами, были натянуты провода. Здесь проводов не было. Возможно, их еще не

успели натянуть: судя по светлому оттенку древесины, башни построили недавно.

Очевидно, об этом и говорил ему Хранитель Уровня. Линия, по которой в столицу будет поступать выработанная солнечными батареями энергия. Они рассчитывают закончить работу ко времени, когда иссякнет запас топлива их силовой установки. Чтобы ни на минуту не прервал своей деятельности компьютер, чтобы общество и впредь развивалось по заранее разработанной программе...

Шувалов пожал плечами. В конце концов, можно представить и такую форму общества. Тем более, что и сами они понимают: она носит временный характер — до тех пор, пока не накопятся силы для перехода на следующий этап...

Но что в том толку, если у них не будет времени, чтобы совершить переход. Не будет времени, чтобы закончить линию, чтобы ввести в действие солнечные батареи. Не будет времени ни на что...

Звезда Даль!

Он взглянул на нее, прикрывая глаза ладонью. Звезда Даль — здешнее солнце — находилась на полпути между зенитом и горизонтом. Шувалов хмуро смотрел на нее и, незаметно для самого себя, укоризненно покачивал головой.

Потом он перевел глаза на своих непрощенных спутников. Те лошади, что довезли их сюда, были уже выпряжены, но свежих еще не заложили. Люди собрались перед установленным на штативе плоским ящиком с матовой крышкой. Точно такой ящик Шувалов заметил во внутреннем дворе дома Хранителей, и перед ним тоже стояли люди. Примерно в этот же час.

Ритуал? Что он может означать?

Шувалов подошел поближе.

Никто не глянул на него. Все смотрели на матовую крышку — сосредоточенно, напряженно.

Шувалов подошел поближе, стал за спинами глядевших. Никакого изображения на матовом экране не было. Он вообще не светился, хотя после увиденного у Хранителей вычислительного устройства Шувалов не очень удивился бы, окажись тут — ну, если не тридивизор, то какой-нибудь из его предшественников. Но изображения не было, и такая версия отпадала сама собой.

Он задумчиво почесал щеку. Надо проанализировать с самого начала. Что делали люди перед тем, как смотреть в ящик? Установили его. Шувалов видел, как это делалось. Ящик устанавливали не просто так. Люди действовали так, как если бы очень важно было установить коробку строго определенным образом — сориентировав по сторонам света. Обычно устройства устанавливают таким образом в тех случаях, когда они служат для приема или передачи чего-то — скажем, электромагнитных волн или других... Если бы здесь

происходил прием, то на экране что-нибудь да показалось бы — иначе не было смысла так упорно смотреть на него. Может быть, конечно, изображение еще появится — надо проследить до конца... Но если не прием, тогда — передача?

Передача — чего? Для передачи нужен, прежде всего, источник энергии. Здесь его нет. Если бы он находился в ящике, это означало бы, прежде всего, что технический уровень культуры Даль намного выше, чем можно было заключить из всего, виденного до сих пор. Далее, в таком случае где-то на ящике должны были оказаться хотя бы самые примитивные органы управления этим источником. Их нет. Но может ли идти передача какой-то информации без затрат энергии? Нет, не может. Значит, и вариант с передачей отпадает?

Еще нет, продолжал размышлять Шувалов. Пока ясно лишь, что источника энергии здесь не имеется. Но ведь информацию можно передать, пользуясь и чужой энергией. Скажем, отражая солнечный свет, хотя бы при помощи обыкновенного зеркала. Или, еще лучше, параболического, фокусирующего лучи. Если бы стенка ящика была зеркальной, и если бы он был установлен так, чтобы улавливать и отражать лучи Даль, то...

Но зеркала не было, и установлен ящик был совсем иначе. Так, что тыльная его стенка — в которой, действительно, было некоторое углубление, — была направлена... Куда именно? Шувалов попытался сориентироваться. Да, пожалуй, можно было сказать — в первом приближении, конечно, — что ящик направлен задней стенкой, противоположной экрану, в ту сторону, откуда Шувалов и все остальные только что прибыли... Нет, севернее, севернее... Примерно в ту сторону (если Шувалов, разумеется, не ошибался), где находился безлюдный город, где приземлились Шувалов и капитан и где Шувалова схватили. Туда ли, в другую ли сторону — пока не важно, остается фактом лишь, что никакого отражения тут не происходит.

Изображения на экране все не было. Передача, передача... Своего источника энергии нет, чужого — тоже...

Он задумчиво смотрел то на экран, то на людей, он видел их лица плохо, потому что стоял почти сзади и мог разглядывать главным образом затылки. Он смотрел на толстую шею стоящего сзади. Она была красной, и крупная капля пота медленно катилась по ней. Пот? Шувалов повел плечами: сейчас вовсе не так жарко... Он отошел в сторону, чтобы лучше видеть лица. Они были напряжены и блестели от пота, словно люди не сидели неподвижно, уставившись на матовый экран, а выполняли работу, требовавшую черт знает какой энергии...

Энергии?

Кто сказал, что здесь нет источника энергии? Искусственного — нет, это правда. Но если речь идет о естественном?..

И вдруг что-то забрезжило в памяти. Смутно, смутно... Как будто он о чем-то таком слышал... Или видел... Или читал... Одним словом, было где-то когда-то что-то...

Жаль, что память стала уже не та.

Нет, видеть он определенно не видел.

Читал?

Уж не в той ли самой книге по истории техники?

Шувалов напрягся. Нет, в той книге ничего подобного наверняка не было.

И все-таки это была именно книга: не запись, не кристалл, а книга.

Книг он, как и все его современники, видел в жизни считанное количество. И если напрячь посильнее память, можно было бы, наверное, назвать каждую из них.

Что ж, попытаемся.

Прежде всего, конечно, книга Кристиансена, в которой он изложил свою теорию. Незаслуженно забытая, книга эта провалялась, где попало, много лет, пока ее — совершенно случайно — не прочитал он, Шувалов. Теория Кристиансена стала исходным пунктом новой теории, носящей теперь имя Кристиансена — Шувалова.

Не все там было разумно, не все логично. Например, высказав совершенно правильное (как оказалось впоследствии) предположение о том, что процессы, происходящие в звездах, можно регулировать при помощи относительно ничтожных энергий, Кристиансен тут же нагородил всякой чуши, предположив, что источником такой энергии может стать, в частности, психополе человека, благодаря которому являются осуществимыми, скажем, телепатические процессы.

Насчет телепатии — ладно, этот вопрос давно уже не является спорным, нашел применение в практике, и так далее. Но что касается возможности воздействия на звезды...

Он, Шувалов, тоже нашел способ воздействия при помощи небольших энергий. На этом основана и установка Аверова. Однако психополе тут ни при чем.

А вот Кристиансен предполагал...

И даже, кажется, разработал что-то такое...

И тут Шувалов с трудом удержал восклицание.

Он вспомнил.

Действительно, Кристиансен сконструировал крайне несложное устройство, которое должно концентрировать поле, излученное отдельными людьми, и, модулируя им потом энергии от какого-либо источника, направлять в сторону светила. Он полагал, что именно такая модуляция помогает установить контакт с сопостранством — в котором, как известно, и распространяются психоволны.

И что же?

Шувалов пожал плечами.

Контакт с сопространством; конечно, для времени Кристиансена уже сама такая мысль была великолепной. Но если даже предположить, что таким способом ему удалось бы добиться чего-либо подобного... каким был бы результат? Ведь и он, Шувалов, пришел к выводу об использовании сопространства, когда возможность проникновения в него стала фактом: в сопространство надо сбрасывать излишки энергии, туда можно буквально перекачать опасную звезду и таким образом избавиться от нее. Допустим, Кристиансен мог добиться того же; но ведь это никоим образом не дало бы ему возможности плавно регулировать процессы, происходящие в звезде. Он мог бы только совершенно уничтожить ее — как и делал этот Шувалов. Способ, надо сказать без должной скромности, удобный, не приносящий никому вреда: сопространство, известным на сегодня данным, моложе нашего, оно, например, заполнено в основном водородом, плотность которого, правда, несколько больше, так что в моменты сопространственного перехода корабля «Зонд» какая-то часть водорода оттуда переходила в наше пространство, а не наоборот. В небесных телах там сконцентрировано значительно меньше вещества, чем у нас, в сопространстве мало звезд, пока — мало, и мы, перебрасывая туда свои закапризничавшие светила, не причиняем никому ни малейших неудобств. Разве что атомам водорода...

И снова Шувалов запнулся.

Водород, водород...

Отчего происходят вспышки Сверхновых первого типа? Того, к которому отнесли бы и Даль, если бы ей позволили вспыхнуть: старых звезд с массой несколько больше солнечной.

По существующим представлениям, вспышка их происходит из-за стремительного падения вещества звезды к ее центру. Оно происходит потому, что выгорает водород — основное звездное топливо.

Но если...

Если бы была возможность, по мере выгорания, пополнять количество этого топлива...

То взрыва бы не произошло?

И поскольку при контакте с сопространством происходит перемещение водорода оттуда, а не туда...

И если место этого контакта находится не вне звезды, а в ее пределах...

То взрыва не произойдет!

Не об этом ли думал Кристиансен?

Итак, источник энергии находится где-нибудь в другом месте.

Допустим, в доме Хранителей. Или недалеко от их силовой станции. Скорее всего, так.

Там же имеется какое-то приемное устройство, собирающее, концентрирующее слабые психоволны, посылаемые такими вот ящиками, которым все люди планеты Даль-2 ежедневно, в определенный час, отдают свою энергию. Этими волнами модулируется направленный на звезду луч.

Вот и весь секрет!

Нет, не весь. Тут есть и еще одно обстоятельство.

Отдавая свою энергию, люди должны четко сознавать, что и зачем делают. Это ведь энергия мысли, и частота и мощность, излучаемая каждым человеком, зависит от предмета мысли и от важности этой мысли и ее результата.

Люди должны знать...

Если они не знают — все рассуждение Шувалова ошибочно.

А вот если знают...

Если знают!

Он подбежал к своим спутникам; они как раз кончили глядеть в экран и теперь, переводя дыхание и вытирая пот, разбирали установку.

— Скажите... что вы только что делали?

Один из стражей удивленно покосился на него.

— Смотрели на солнце, конечно; что же еще?

— Зачем?

— Так нужно. Все так делают.

— Но зачем? Зачем?

Страж пожал плечами. Ответил другой:

— Смотреть надо, чтобы с солнцем никогда ничего не случилось.

Никакой беды.

— И давно вы так делаете?

— Так делалось всегда.

Шувалов закрыл глаза. Мысли роились в голове.

«Значит, об этом говорил Хранитель?»

Несомненно, они воздействуют на светило и таким образом держат его в повиновении.

Но в таком случае... опасности нет!

В таком случае, звезда может существовать еще тысячи... миллионы лет и не причинит никому ни малейшего вреда!

Она будет существовать до тех пор, пока на планете живут люди, и пока они смотрят на нее — каждый день, все разом, в определенный час, определенным образом. И пока на планете есть электро-станция.

А он тогда крикнул Питеку...

Питек, конечно, уже передал все капитану, экипажу...

Произойдет непоправимое.

Мы уничтожим звезду. Вместо того, чтобы оставить ее в покое, мы уничтожим звезду. Убьем цивилизацию. Человечество. Если даже удастся эвакуировать какую-то часть его, если даже удастся вывезти всех — все равно, этого человечества, этой культуры больше не будет.

Ужасно!

И виновен именно он, Шувалов.

Ошибку нужно исправить любой ценой! Любой ценой!»

Он подбежал к тому стражу, который объяснил ему, зачем люди смотрят на звезду.

— Слушайте! Я понял! Я теперь все понял!

— Это хорошо,— спокойно ответил страж.— Значит, ты понял и то, что лошади уже запряжены и тебе пора садиться в телегу.

— Постойте! Мы должны немедленно вернуться! Возвратиться в столицу! Я понял!

— Тогда ты умнее нас. Потому что мы этого не понимаем. Наоборот, нам побыстрее надо ехать туда, где Горячие пески. Каждого из нас там ждет работа.

— Но послушайте... Страшная угроза...

— Знаешь что, старик, твои угрозы всем уже надоели. Хранители сказали, что ничто нам не грозит. Как ты думаешь, кому мы верим больше? Ты сядешь добром, или...

Шувалов непроизвольно оглянулся. Бежать, бежать в столицу... Его схватили под руки. Он сопротивлялся. Ударил раз, другой. Кричал. Но его втащили. Подняли борт. И лошади пошли рысью.

* * *

Они ждали долго; наконец послышались шаги, прозвучали за той дверью, из которой и должен был появиться Хранитель; как объяснил чиновник, за дверью начинался ход, соединявший дом Хранителя с Сосудом — глухим строением по ту сторону площади. Уве-Йорген сделал знак; Питек и Георгий вскочили и стали по обе стороны двери, вплотную к стене. Щелкнул замок, вошел Хранитель — и сразу же Георгий захлопнул за ним дверь, и оба соратника Уве-Йоргена заслонили ее собою — как он учил, широко расставив для устойчивости ноги, положив руки на оружие. Сам Уве-Йорген продолжал сидеть; он глядел на Хранителя, снисходительно улыбаясь. Хранитель на миг застыл; потом неожиданно усмехнулся, подошел к столу и сел на свое место, словно в посетителях не было ничего необычайного. Чиновник стоял, потупив глаза, руки его мелко тряслись. Хранитель сказал спокойно:

— Вы можете идти.

Только теперь чиновник поднял на него глаза. Хранитель кивнул. Чиновник перевел взгляд на Уве-Йоргена. Тот колебался лишь мгновение.

— Да,— сказал он затем.— Но без шуток!

И в пояснение прикоснулся пальцем к автомату.

Чиновник поклонился. Он не вышел, а беззвучно словно бы вытек в дверь — ту, что вела в коридор. Слышно было, как он побежал.

— Разумно,— одобрительно сказал Уве-Йорген.— Теперь поговорим. Разговор будет серьезным.

Хранитель посмотрел на него.

— Серьезный разговор уже был.— И пояснил: — С тем из вас, кто был задержан. С ученым.

Уве-Йорген утвердительно кивнул.

— Очень хорошо. Надо полагать, он выдвинул условия и вы их приняли.

— Нет. Но я объяснил, почему мы не можем принять их. Я могу объяснить то же самое и вам.

— Нет нужды. Потому что, если те же условия выдвину я, вы согласитесь.

— Не вижу причины.

— Причина вот в чем,— сказал Уве-Йорген, откидываясь на спинку кресла.— Ваша электростанция в наших руках. И если сейчас ваш вычислитель еще работает, то лишь потому, что мы позволяем. Ваше войско,— он презрительно усмехнулся,— разгромлено. Эти люди не скоро придут в себя. Они бегут, и не могу сказать вам, где и когда они остановятся. Если же вы направите туда еще кого-то, мы окажемся на месте раньше их, и если увидим, что защищаться невозможно, просто уничтожим станцию. Вот та причина, которой вы не видели и по которой вы примете мои условия, какими бы они ни были.

Он сделал паузу. Хранитель молчал, и Уве-Йорген прибавил уже другим тоном — успокоительно:

— Сделать это вам просто, потому что условия наши направлены не против вас; они — для вашего же блага. Вам, наверное, уже рассказали, каково положение с вашим светилом.

Хранитель посмотрел на Рыцаря и спросил: — Вы ученый?

— Вы ученый?

— Нет,— сказал Уве-Йорген.— Я солдат. И привык выполнять свой долг до конца. Как бы ни было трудно.

Хранитель кивнул.

Уве-Йорген подождал.

— Итак, ваше слово?

— Я должен посоветоваться. О таких вещах мы думаем сообща.

Хранители Уровня собрались в одной из комнат Дома. Они расселись за круглым столом и несколько минут сидели молча, опустив головы, то ли собираясь с мыслями, то ли внутренне прощаясь с чем-то. Потом Старший Хранитель глубоко вздохнул:

— Боюсь, что цивилизация гибнет в любом случае. Мы пришли к концу.

Он подождал; никто не возразил и не согласился.

— Объясню,— сказал он медленно, хотя никто не требовал объяснений; они нужны были, наверное, ему самому.— Нам поставлены условия. Согласиться на них, на эвакуацию — означает похоронить то, что столетиями, медленно, с громадными усилиями делалось здесь. Я не уверен — и мне кажется, они сами тоже,— что такая эвакуация реальна; однако в принципе она возможна. Мы спасем людей, но погибнем как люди Даль, как культура, как образ жизни. Отвергнуть условия — значит лишиться энергии. Вы знаете, что затем последует. Сначала рухнет Уровень, а затем случится то, чего так боятся наши гости.

— Они не решатся,— негромко сказал другой Хранитель.— Это просто угроза. Они представители развитой цивилизации. Они не могут разрушить или хотя бы выключить станцию, зная, что это значит и для нас, и для них. Не могут же они не понимать...

— И тем не менее, они не понимают,— сказал Старший.— Облик прилетевших к нам с Земли, признаюсь вам, не совсем соответствует... вернее, далеко не соответствует тому представлению, какое возникло у нас, когда мы, редкими свободными вечерами, в этой самой комнате, мечтали о том, как далекая Земля найдет, наконец, время, чтобы посетить нас и помочь нам. Они — другие. Только один из них — тот, кого мы отправили...

— Было ли необходимо отправлять его? — перебил второй Хранитель.

— Не знаю, и никто из нас не знает. Но неожиданным оказалось упорное желание не понять нас. Отсутствие готовности выслушать, вдуматься. Стремление во что бы то ни стало поступить по-своему...

— Приходится признать,— сказал Хранитель Времени,— Земля за минувшие столетия просто забыла нас. Видимо, у нее были свои заботы. Все не может сохраниться в памяти. Мы не сохранились. Да, мы переживаем критический момент. Но хочу напомнить вам: это не впервые. Нечто подобное, как вы должны знать — нас ведь учили этому,— произошло через десятилетие или два после высадки, когда часть прилетевших (вспомните, на планете жило еще первое поколение!) решила...

— Ошибаетесь. Хранитель,— сказал Старший.— Это было не

прилетевшее поколение, а первое из Сосуда. Первое, родившееся здесь.

— Это не принципиально... Важно то, что они, возмущенные трудностями, еще храня память об уровне Земли, решили использовать ограниченную энергию, которой мы обладали и обладаем сейчас, не для регулирования Светила и работы вычислителя и Сосуда, а для жизни, для быта, для освещения, для приведения в действие множества аппаратов, служивших для удобства... Мы помним, чем кончилось.

— Кровью,— негромко сказал Хранитель Сосуда.

— Да. Но в результате наша цивилизация не погибла тогда. Я надеюсь, что она не погибнет и теперь.

— При помощи крови?

— Что дороже; немного крови — или конец культуры?

Наступила тишина.

— Даже если мы согласимся с Хранителем Времени,— четко разделяя слова, проговорил после паузы Старший,— каким же образом сможем мы сделать то, что он предлагает? Нас больше, да; но они вооружены. Мы не умеем проливать кровь, а они — у меня такое впечатление — сделают это с легкостью.

— Земля...— вздохнул Хранитель Порядка и больше не сказал ничего.

— Мы должны еще подумать над этим,— сказал Хранитель Времени.— А пока — согласиться. Ведь до настоящей эвакуации далеко, пока она — лишь идея, лишь проект.

— Мы согласимся, они улетят,— сказал Старший Хранитель,— и с этого мгновения идея начнет воплощаться, и не в наших силах будет помешать им выполнить ее. Нам останется лишь ожидать их возвращения.

— Но вернутся не только они,— проговорил второй Хранитель Уровня.— Может быть, с ними прилетят люди, способные понять нас, согласиться с нами...

— Может быть,— кивнул Старший.— Но только «может быть». Снова все молчали. Затем Старший спросил:

— Итак, мы соглашаемся?

Никто не решился ответить первым. Потом распахнулась дверь. Вбежал распорядитель.

— Хранители... Неприятная весть. Колонна из Леса движется на столицу. Люди вооружены.

— Чего они хотят? Что говорят?

— Они хотят уничтожить Уровень.

— Ну вот,— сказал Старший Хранитель, обводя всех взглядом.— Всё решили за нас. Мы согласимся на все условия, потому что на этот раз Уровню грозит реальная опасность. То, что через

два-три десятка лет стало бы необходимостью, сейчас является злом. И мы должны уничтожить его. Люди должны вернуться в Лес.

— Как сделать это?

— По-моему, это несложно,— сказал Хранитель Времени.— Распорядитель, кто ведет людей, вам известно?

— Мне сообщили, Хранитель, что во главе их идет человек, прилетевший, по его словам... Как и те, что ждут здесь...

— Ясно. Поскольку мы согласимся на условия, проще всего, я думаю, попросить тех, кто находится здесь, в нашем доме, направиться туда — они могут передвигаться с недоступной для нас быстротой — и убедить предводителя лесных людей вернуть их в Лес. И даже помочь ему в этом. Друг с другом они договорятся: они делают одно и то же дело.

— Согласны,— сказали Хранители.

— Подождите,— возразил Старший.— И все же... Мысль хороша. Но кто-то из нас должен присутствовать при этом. Примирение должно произойти при участии одного из нас. Иначе окажется, что Уровень как бы устранился от участия...

— Лучше всего будет,— сказал второй Хранитель Уровня,— если с ним пойдете вы, Старший.

— Хорошо,— сказал Старший после минутного раздумья.— Я согласен.

— И да будет с нами Красота,— пробормотал Хранитель Порядка.

* * *

Большой катер с ревом пронесся над толпой. Уве-Йорген шел на бреющем полете. Губы его презрительно кривились. Внизу лошади взвизгивали на дыбы. Кто-то махал руками — непонятно, от ужаса или в знак приветствия.

Промчавшись над людьми, катер приземлился метрах в двухстах впереди, прямо на дороге.

Трое вышли из него и встали поперек дороги, держа наизготовку автоматы, готовые к стрельбе. Хранитель остановился подле катера. В глазах его было недоумение.

Колонна приближалась.

Уве-Йорген поднес к губам усилитель.

— Стоять! — крикнул он.

Его голос громом прокатился над лугами.

Колонна продолжала двигаться. Кто-то впереди продолжал размахивать руками и что-то кричал. Но слов разобрать было невозможно.

Трое ждали.

Георгий смотрел на приближавшихся прищуренными глазами. Ему было хорошо. Ему казалось, что он снова защищает узкий проход и вся персидская армия наступает на него. Тогда их было трис-та, сейчас — трое. Но и тогда они не отступили бы даже вдвоем, а теперь в руках у него было совсем другое оружие, и он умел владеть им.

На лице Питека застыла бессознательная улыбка. С тех пор, как он помнил себя, он уважал силу. Сильный побеждал. Сильный жил. Слабый умирал. Сильный был опорой племени. Слабый — бременем. Племя стояло за спиной Питека, племя из десяти человек, маленькое, но могучее племя. И ради него Питек был готов убивать.

Уве-Йорген усмехнулся уголком рта.

Он был воином. И в глубине души продолжал верить, что война — это то место и то время, когда ярче всего проявляются лучшие человеческие качества: храбрость, решительность, воля.

В той массе, что надвигалась на него, он не видел отдельных людей. Их там не было. Была масса, называемая «противник». Была цель, по которой следовало вести огонь.

Он ждал, пока противник не сблизится на дистанцию действительного огня. Ему никогда не приходилось воевать в пешем строю, но Уве-Йорген был разносторонне образованным воином и представлял себе возможность оружия, которое уверенно сжимали его руки.

Потом он скомандовал:

— Вперед — марш!

Они двинулись вперед.

— Огонь!

И ударили выстрелы.

* * *

Люди падали, крича от ужаса. Ржали, взвываясь, лошади. Валились телеги.

— Это же наши, наши! Что они делают! Монах, что они делают!..

Монах не ответил. Он оседал, прижимая ладонь к животу. Сквозь пальцы сочились кровь.

Капитан опустился рядом с ним. Лицо его перекосилось. Он схватил выпавший из рук Монаха автомат. Прицелился. Нажал спуск.

— Черт, и у них автоматы!

— Уве, это могут быть только наши!

— Не обязательно. Впрочем... отставить огонь!

Что-то звякнуло сзади, Питек оглянулся.

— Катер...— грустно проговорил он.

Впереди клубилась пыль. Толпа отступала, оставляя на дороге тела. Один человек стоял неподвижно, опустив руку с автоматом, и девушка бежала к нему. Уве-Йорген узнал их.

* * *

— Монах...— пробормотал Уве-Йорген.— Никодим...

Капитан смотрел в сторону, судорожно глотая. Анна плакала, Питек хмурился. Георгий склонился над раненым. Кровь стекала, капли ее закутывались в теплую оболочку пыли.

Монах глубоко, с трудом, вздохнул.

— Ныне отпускаешь...— тихо проговорил он.— Капитан, возьми в кармане... Тут есть интересное. Очень важно. А ты, Рыцарь, нагнись... Слышишь, Уве-Йорген?

Уве наклонился к Никодиму.

— Рыцарь, где брат твой, Авель?

Уве-Йорген резко выпрямился. Монах слабо улыбнулся.

— Вы, поздние, этого не знаете... Отвечай: «Разве я сторож брату моему?...».

Георгий, подняв глаза, покачал головой.

* * *

— Что будем делать, капитан? — спросил Уве-Йорген.

— Ты спрашиваешь это сейчас? Почему ты не спросил раньше?

Уве-Йорген нахмурился.

— Раньше мне все было ясно и так.

— Рыцарь... Узнаю тебя, Рыцарь. Узнаю вас... Милые парни, вы стояли и расстреливали безоружных от бедра... даже не целясь... И хотя бы ты окликнул нас сначала, Рыцарь!

— Погоди, капитан. Понимаю, что думаешь ты. Но обстановка требовала этого. Они шли на столицу. А мы только что договорились с властями. Только что. Если бы в столице началась заваруха, все наши переговоры полетели бы к чертям. Тут хочешь — не хочешь надо было стрелять...

— А ты не хотел, правда? Ты очень не хотел? И ты сначала попросил нас повернуть назад? И объяснил, почему не надо сейчас идти на столицу? И, увидев среди них нас с Монахом, попросил нас отговорить всех тех, кто двинулся на город? Ты очень просил? И лишь когда мы не согласились, ты, превозмогая себя, начал стрелять? Да? Я правильно восстановил события?

Уве-Йорген холодно взглянул на Ульдемира.

— Я не дипломат, капитан. Я солдат. И я говорил на том языке, на котором меня учили изъясняться.

— Да-да, тебя замечательно научили... Скажи только: зачем ты попал в будущее, Уве-Йорген? Почему ты не остался лежать там, где тебя сбили?

— Почему? — сказал Рыцарь, усмехнувшись. — Ты думаешь, капитан, что будущее — только для вас? Что нам нечего в нем делать? Но будущее делает свой выбор не по нашему, а по своему желанию. И вот мы с тобой оказались здесь оба. И послушай, капитан, в чем же разница? Я стрелял; а ты? Что на твоих пальцах: маникюрный лак? Не лак, не так ли? Почему же ты стоишь в позе прокурора?

— Я стрелял в вас, потому что бывают положения, когда надо или стрелять, или оказаться подлецом. А ты?

— И для меня дело обстояло точно так же. Я получил приказ; а для меня невыполнение приказа — подлость. Я тоже должен был или стрелять, или посчитать себя подлецом. Милый капитан, в чем же все-таки разница?

— В том, что мы с тобой понимаем по-разному, что такое — подлость, и что — нет.

— А стоит ли из-за этого спорить?

— Стоит, пилот.

— А я считаю — нет. Потому что мы оба прилетели сюда, мы и другие люди — еще целых шесть человек. Все разные. И что же — мы привезли тем, кто населяет эту планету, разные судьбы? Нет, мы принесли им одно и то же — потому что мы — одно и можем все вместе принести только одно, что-то одно. И что бы мы ни делали в прошлом, здесь, в будущем, мы делаем одно и то же. И с этим ты, капитан, ничего не можешь поделать.

— Нет, — сказал капитан. — Нет, Уве, мы делаем разные вещи, хотя порой они с первого взгляда и кажутся похожими. Только с первого взгляда. Но день еще не кончен, и трудно сказать — может быть, еще к вечеру мы поймем, что делаем разные вещи, и будем делать их, пока не станет ясно, что то, что делаешь ты, не нужно. Опасно. Бесчеловечно. И тогда...

Уве-Йорген снова усмехнулся, по своей привычке, уголком рта.

— Не спеши, капитан. Помни: я люблю тебя не больше, чем ты меня. Но пока мы еще — один экипаж. Так что отложим разговор до лучших времен. Нравится тебе или нет, но я происхожу с той же планеты, что и ты, и даже из той же эпохи, и мои потомки населяют Землю точно так же, как и твои. И пока мы пытаемся обезопасить их — пусть каждый из нас по-своему, — мы не станем сводить счеты.

— Наши счета давно сведены, Уве-Йорген, — сказал капитан. —

Сведены там, на Земле. И ты лучше меня помнишь, как это делалось, а я лучше тебя помню, как это кончилось...

— Ульдемир! — сказал Уве-Йорген. — Как говорили раньше, предоставим мертвым погребать своих мертвецов. Ну, пусть я виноват, пусть чего-то не рассчитал. Можешь быть уверен: Никодима я себе не прощу никогда, чья бы пуля ни поразила его... Но подумай: наконец-то нам удалось завязать отношения с теми, кто управляет планетой. Удалось добиться их согласия. Вот, смотри, — он кивнул в сторону катера, — видишь? Это и есть их самый большой начальник, он специально полетел со мной. Боюсь только, что его несколько укачало с непривычки, судя по его поведению...

— Он не видел крови, — пояснил Георгий, и в голосе его была нотка презрения. — Он не воин. Теперь ему плохо.

— Ну, пусть отдыхает, — отмахнулся Уве-Йорген. — Это неважно, как он себя чувствует. Главное сделано: они пошли на наши условия. Подумай, капитан: теперь мы можем лететь на Землю и организовать эвакуацию. Разве ради такого результата не стоило пролить несколько капель крови?

— Уве, — сказал капитан. — Эти люди — думаешь, они пойдут с нами после того, как мы показали им, чего стоим? Думаешь, теперь можно будет убедить их в том, что Земля — не мы, Земля не такая, что она давно ушла от таких способов решения задач... Никто нам не поверит, пилот. И какими благами ты прельстишь их после того, как пролил их кровь? Или ты станешь загонять их в корабли, как твои коллеги в те времена загоняли людей в концлагеря? Но стоит ли спасать их ради этого?

— Я не вхожу в обсуждение приказов, — сказал Уве-Йорген. — В конце концов, руководитель экспедиции — Шувалов. Приказ о подготовке эвакуации — его приказ. И я не отступлю от него ни на йоту.

Но Ульдемир уже не смотрел на него. Старший Хранитель Уровня пришел в себя и, пошатываясь, подходил к ним, глаза его лихорадочно блестели, губы дрожали. Он остановился в трех шагах, словно не решаясь, из страха или из отвращения, подойти ближе.

— Вы! — сказал он. — Уходите! Вы не умеете спасать! Вы можете только убивать! Мы не пойдем с вами! У нас нет убийц, ищите их у себя дома! Уходите!

Он повернулся и, шаркая подошвами, пошел прочь по дороге, и маленькие облачка пыли взлетали при каждом его шаге, словно почва была горяча и дымилась. Потом он побежал. Неожиданно вскочила и бегом бросилась за ним Анна.

— Нет! — сказал капитан, поднимаясь на ноги. — Невозможно, чтобы наша экспедиция окончилась так! Мы же не такие на самом деле! Хранитель! Анна!

Он кричал, но те двое не оглянулись, и тогда капитан тоже кинулся за ними, пустился бежать по дороге.

— Все они плохо бегают,— сказал Георгий.— Догнать их? Мне ничего не стоит.

Уве-Йорген махнул рукой.

— Похороним Никодима,— сказал он.— Он был хороший парень. Мне жаль.

* * *

Они похоронили Иеромонаха и немного постояли у могилы. Потом Уве-Йорген сказал:

— Ну, летим.

— Куда? — после паузы спросил Питек.

— Война не кончена. Они расторгли соглашение, но у нас еще остается средство заставить их капитулировать. Летим на станцию!

Питек посмотрел в небо, потом на далекий лес.

— Нет, Уве-Йорген,— сказал он.— Я охотник, но то, что ты хочешь, мне не нравится. Я не пойду с тобой.

— И я тоже,— кивнул Георгий.— Я тоже хотел это сказать. Плохая война, Уве-Йорген. Война не для мужчин. Мы не пойдем. И тебе не надо.

— Кто здесь командует? — спросил Рыцарь надменно.

— Больше никто,— сказал Георгий.— Ты не полетишь.— И он шагнул к Рыцарю.

— Руки прочь! — крикнул Уве-Йорген, одним прыжком вскочил в катер и захлопнул колпак.

— В сторону! — крикнул Питек, хватая Георгия за руку.

В следующее мгновение катер взвился.

Георгий поднял автомат.

— Нет,— сказал Питек.— Тут не попасть даже мне.

Георгий все же выпустил очередь.

Но катер был уже далеко.

— Поедем,— сказал Питек.— Смотри, сколько лошадей бродит. Ты можешь выбрать любую.

— Поедем,— согласился Георгий.— Только куда?

— Ты поезжай, куда хочешь. А я пойду, куда хочу. Мне не нравится верхом. Я пойду в лес. Наверное, нам осталось немного. Рука не дрогнет. Гибкая Рука. Пройдут еще сутки — и он убьет звезду. Прощай.

— Прощай,— сказал Георгий.

Уве-Йорген посадил катер возле старого корабля.

В туннеле плохо пахло. Пилот зажал нос и бегом добрался до входа в станцию.

Где здесь устройство для выключения?

Он сориентировался. Поискал. Нашел.

— Мы еще посмотрим...— пробормотал он.— Не каждый раз капитулируют одни и те же...

Он выключил установку.

Индикаторы погасли одновременно с освещением. Наступила полная темнота. И в темноте завыл тревожный сигнал.

Уве-Йорген заторопился к выходу. Он бежал, натываясь на гладкую стену туннеля.

Наверху, на свежем воздухе, он набрал сучьев и развел небольшой костер, чтобы подкрепиться и отдохнуть. Потом он полетит в столицу и снова войдет в Дом Хранителей — на этот раз как полный победитель.

Там уже, вероятно, паника: нет энергии.

Они пошлют людей сюда...

Нет, в столицу рановато. Сначала надо встретить их здесь. И разгромить. Наголову разбить. Вот тогда...

Улыбаясь, пилот протянул руку, чтобы подбросить в костер еще несколько веток. Они затрещали, и треск был похож на оживленную перестрелку вдалеке.

Аверов вошел, и Гибкая Рука поднял на него глаза. Глаза ученого блеснули, он был взволнован.

— Рука...

— Какие вести?

— Звезда вдруг начала вести себя угрожающе.

— Ага,— сказал Рука спокойно.

— Конечно, может быть, все выровняется. Но пока...

— Не надо «пока»,— сказал Рука.

— Погодите, инженер. Я думаю...

— Было время думать. Сейчас время делать.

Аверов сказал умоляюще:

— Только не торопитесь, ради всего святого! Может погибнуть столько людей...

Рука помолчал.

— Разве люди бессмертны? — спросил он после паузы.

Аверов с досадой махнул рукой.

— Да нет, конечно! И все же...

— Разве каждый из них не должен умереть?

— Да что это, в самом деле, за глупые вопросы! Ты смеешься надо мной, Рука?

— Постой. Что же волнует тебя? То, что так они умерли бы в разное время, а теперь умрут все вместе? Это?

— Ну как ты не понимаешь! Одно дело, когда умирает кто-то, но в живых всегда остается больше. И совсем другое — когда умрут сразу все...

— Но ведь рано или поздно все умерли бы!

— О, ты совсем не понимаешь меня...

— Да, не понимаю, доктор. Ты говорил, что мой народ умер, и народ Георгия, и капитана. И еще один народ умирает. Что же в этом нового? Зато твой народ останется. Ты должен радоваться, доктор.

— Рука... Что же ты хочешь делать?

— То, что должен. Сейчас я уведу корабль с орбиты. Назначенный срок прошел. Мы приблизимся к звезде. Включим установку. Звезда начнет гаснуть. И Земля будет спасена.

Аверов сжал губы. Ответил он не сразу.

— Хорошо, Рука. В конце концов, ты прав. Наверное, ты прав. Время действовать. Но... после этого мы вернемся сюда, чтобы забрать наших. Непременно. Я настаиваю.

— Да,— согласился Рука.— Мы вернемся.

Он помнил, что, выполняя порученное, корабль может погибнуть и сам. Пусть: жить все равно будет больше незачем.

* * *

Включив двигатели на минимальную тягу, Рука увел корабль с орбиты, чтобы подойти к звезде на нужное расстояние. Автоматы вели машину. Гибкая Рука курил. Он медленно, с удовольствием выпускал дым, тянувшийся полосой, как Млечный Путь.

* * *

Взойдя на пригорок, Питек остановился.

Впереди блестела река, и стадо паслось на лугу. Было тепло, и в наступающих сумерках остро пахла трава.

Он вдохнул ее аромат и лег.

«Хороший мир,— думал он.— Очень хороший мир. Он душист и тепел. Он уютен и широк. Здесь пасутся стада. Ночью можно за-

резать овцу и потом жарить и есть мясо. И спать на траве, не боясь хищников, которых тут нет.

Может ли жизнь быть лучше?

Надо взять и остаться здесь. Здесь намного лучше, чем там, на Земле, с которой он прилетел сюда. То была не его Земля. На ней больше не было его лесов и долин, богатых дичью, и не было его народа. Ему не хотелось на Землю.

Летать,— думал он.— Это не нужно: летать. Человеку нужно вот так лежать в траве, а проголодавшись, идти на охоту. Потом я где-нибудь встречу женщину, и она будет со мной. И все. Так я буду жить».

Питек больше не думал о гибели. В дни, когда он родился, и рос, и сделался взрослым, о будущем не думали. Его не было. Было сегодня, длинное, непрерывное сегодня, которое возобновлялось, еще не успев закончиться.

Вот и сейчас было это «сегодня». Его вполне хватало Питеку.

Он закинул руки за голову, закрыл глаза и глубоко, свободно вздохнул.

* * *

Георгий ехал, не глядя по сторонам. Он размышлял.

Ему не в чем было упрекать себя. Он всегда сохранял верность тем, кто позвал его. После Фермопил его позвали сюда — и он делал все, что от него требовалось. Он был воспитан в духе Ликурга; он знал, что такое долг.

Пусть не было Спарты, пусть не было его друзей; но Земля была, и на ней жили люди. Они призвали его, и надо было до конца хранить верность им.

Здесь тоже были люди. Но другие. Когда он думал о них, они почему-то напоминали ему тех детей, хилых и нежизнеспособных, каких в его время швыряли в море, чтобы они не отягощали город. Вот и это человечество было таким — хилым и никому не нужным. Оно заслуживало того, чтобы его швырнули с обрыва. Особенно, если ценой такой жертвы можно было спасти Землю.

Да, лучшей доли это человечество, пожалуй, не заслуживало. Но даже швырять с обрыва надо было, оставаясь воином, оставаясь мужчиной. Есть жестокая необходимость и необходимая жестокость. Не должно быть излишней жестокости. В его времена этого не позволяли. Это было постыдно. Унижало воина.

Участвовать в этом Георгий не хотел.

И поэтому ехал, сам не зная, куда. Все равно. Он собирался ехать так, пока не придет конец.

Он не боялся конца. Его друзья погибли давно, и ему было стыдно, что он до сих пор еще жив.

Если он на самом деле был еще жив, во что ему все-таки было нелегко поверить.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

Я догнал ее не сразу — так быстро она бежала. Старшего Хранителя уже не было видно: наверное, он поймал лошадь и ускакал.

— Анна! погоди! — Я протянул руку.

— Кровь! — крикнула она в ужасе. — У тебя руки в крови!

Это была кровь Никодима, пролитая не мной: но все равно, Анна была права. И я остановился, глядя, как она бежит прочь, бежит изо всех сил, бежит подальше от трупов, от меня и от всего того, что я целыми днями придумывал для нас с ней и что теперь было никому не нужно.

Потом я перевел взгляд на свои руки. Если бы можно было сейчас снять с них кожу, как перчатки, выбросить и забыть, я сделал бы это. А сейчас я просто смотрел на них, и на зажатую в пальцах, тоже запачканную красным фотографию в прозрачном пластике. Монах передал ее мне в последний миг. Зачем?

Я стер рукавом кровь и вгляделся. И увидел фамилию: Кристиансен.

Я не могу сказать, что я вдруг понял или догадался. У меня возникло вдруг такое впечатление, что я все вспомнил — знал когда-то, потом накрепко забыл, а сейчас вспомнил, и все встало на свои места, и давнее прошлое объединилось с тем, что происходило сейчас. Кристиансен, участник древней экспедиции. И его теория, через столетия воскрешенная Шуваловым. Но раз Кристиансен был здесь и все знал...

Медлить было нельзя. И я побежал.

Я бежал назад, в лесное поселение, где дремал мой катер. Кончились первые сутки условленного с Рукой времени, и я должен был успеть.

* * *

Над поселком стоял плач: кое-кто успел уже вернуться и рассказать о пролитой крови. Бегом, задыхаясь, пересек я площадь. На меня смотрели, меня сторонились, и хотя еще не бросали камнями, я на бегу подумал, что до этого осталось не так много. И побежал еще быстрее: сейчас я не мог рисковать собой, потому что я один мог предотвратить большую беду.

Катер оказался на месте и в порядке. Только сейчас я испугался; раньше я просто не успел подумать, что его могли просто разнести на куски, чтобы избавиться от всего, связанного с нами, от всего, что принесло им горе. Но катер был в порядке, и ребятишки по-прежнему сустились вокруг него — они еще не поняли, что пришла беда, они не устали играть, и мир все еще казался им ласковым и вызывающим доверие. Я постоял немного, чтобы отдышаться, и попытался привести себя в порядок, чтобы не напугать их; потом подошел, осторожно отстранил их от катера и открыл купол.

— Покатай нас! — смело сказал тот самый мальчик, не-мой-сын.

Я заставил себя улыбнуться.

— Да, ребята,— сказал я.— Я обязательно вас покатаю. Вот скоро вернусь и покатаю. А сейчас мне некогда, понимаете, надо очень быстро попасть в одно место. Но я вернусь.

— Ты возвращайся,— сказал мальчик, и другие кивнули.

— Я вернусь,— еще раз сказал я.

Я включил двигатель и поднялся, а дети стояли кучкой, и, подняв головы, смотрели на катер, и махали мне руками.

Они уже скрылись из виду, а я все еще видел их рядом. Я летел, и у меня дрожали губы.

Цивилизация все-таки чего-нибудь да стоит; я убедился в этом, когда зашел вниз, на извилистой дороге, одинокого всадника, снизился и убедился, что это действительно Хранитель Уровня. Он изо всех сил нахлестывал коня, и все же успел проскакать едва десяток километров. Я посадил машину прямо на дорогу, перед самым его носом. Он повернул коня, но лошадь — не машина, силы ее иссякли, и Хранитель понял, что спастись ему не удастся.

Тогда он гордо выпятил грудь.

— Можете убивать меня,— сказал он.— Все равно, нам с вами не по пути. И если вы не в состоянии понять...

Он смотрел на мои руки — у меня не было времени отмывать их, да я не думал о том впечатлении, какое может произвести мой облик: сейчас были дела поважнее. И я начал сразу с сути дела.

— Кристиансен! — сказал я.— Это имя говорит вам что-нибудь?

Он удивленно взглянул на меня.

— А вам?

— Да,— сказал я.— Наш ученый, Шувалов, развил его гипотезу, и поэтому мы здесь оказались. Это имеет отношение к регулированию звезды?

Я видел, что Хранитель сдерживается с трудом. Но ответил он спокойно:

— Мы все время пытаемся объяснить это. Но никто из вас не пожелал выслушать...

— Объясняйте.
— Это будет трудно, если вы не знакомы с нашей наукой...
— Я не знаком ни с какой наукой,— прервал я его,— но пусть мое невежество вас не смущает. Расскажите так, чтобы я понял, и не теряйте, пожалуйста, времени. У нас осталось меньше суток.

Он удивленно поднял брови:

— Что же произойдет через сутки?

— Если мы не подадим никакого сигнала, наш корабль... одним словом, он погасит ваше солнце.

— Через сутки?

— И даже раньше, если будут признаки опасности.

Тут я заметил, что он побледнел.

— В чем дело?

— Скажите...— он говорил как бы в нерешительности,— тот из вас, что стрелял... он — решительный человек?

— Да. И очень.

— Тогда... Тогда... плохо.

— Почему?

— Он обнаружил наш энергетический центр. Центр питает установку, регулирующую Солнце, она находится там же, по соседству... Ее мы тоже привезли с собой... Каждый раз, когда светило оказывается в зените, мы...

Я не сразу поверил ему. И даже немного обиделся.

— Ну,— прервал я Хранителя, прервал с чувством оскорбленного достоинства.— Если бы там поблизости оказалась такая установка, мы не могли бы не заметить ее, а тогда уж... Неужели вы хотите сказать, что подобное устройство может обойтись без огромной антенны, какого-то рефлектора, чтобы фокусировать это ваше излучение... Но ведь там нет ничего похожего!

Он нетерпеливо махнул рукой.

— Ну конечно же,— заговорил он быстро-быстро, боясь, видимо, чтобы я снова не прервал его не дослушав.— Разумеется, невозможно было привезти с собой еще и антенну. Но все это было предусмотрено! Лес! Лес служит антенной, к каждому, да-да, к каждому дереву подводится нужная частота от регулирующей установки. Лес! Неужели вы, находясь там, даже не заметили, что лес этот вырос не сам, что он посажен! Была сделана ошибка, когда мы решили построить там город, мы спохватились слишком поздно: близость города опасна для леса, к сожалению, слишком опасна, как мы ни стараемся внушить всем и каждому мысль о священности, о неприкосновенности каждого дерева в нем. Город — значит, строительство, а какое строительство может обойтись без топора? Но всякий ущерб, нанесенный этому лесу — угроза всей планете.

потому что нарушается регулирование нашего светила. И поэтому мы решили...

Он говорил все быстрее и жестикулировал все шире, ему необходимо было убедить меня, во что бы то ни стало заставить что-то предпринять, чтобы не допустить гибели их народа — да и нашего тоже. Но я на какое-то время перестал его слушать, потому что самое главное уже понял, и не только то, что он хотел мне рассказать и доказать.

Я понял и другое.

Нет, не я и не все мы были виноваты в том, что грозило произойти. Потому что не мы должны были лететь сюда, не нас должны были послать. Мы, наш экипаж, в какой-то степени представляли собой исторический, так сказать, разрез человечества, но тут вся наша многотысячелетняя история была ни к чему. Какими бы хорошими и нужными качествами мы ни обладали, но у нас не было главного: не было сознания того, что чью-то гибель, хотя бы одного человека, хотя бы по самой крайней необходимости, допустить было невозможно, непристойно для людей... Нет, не мы должны были лететь сюда, экипаж тоже должен был состоять из людей, подобных Шувалову или Аверову, но они оказались на корабле в меньшинстве, да к тому же с самого момента высадки на планету Даль разделились и уже не могли ни советоваться друг с другом, ни черпать один в другом подтверждение если не своим мыслям, то своим чувствам и убеждениям. Они, именно они, представляли настоящий день Земли, а мы, я и весь экипаж, были ее прошлым, и наши мысли, побуждения и настроения были побуждениями и настроениями прошлого, прошлое в эти дни оказалось сильнее настоящего, а это плохо, так быть не должно. Люди должны примерять свои действия не к прошлому, а к будущему, но на этот раз так не получилось и не могло получиться, и жаль, что умная и гуманная Земля не подумала об этом прежде, чем отправлять в полет именно нас. Пусть мы прошли через войны, а человечество Шувалова их давно забыло, пусть мы умели рисковать, оправданно и неоправданно, а они не умели — им надо было переступить через это и лететь самим, только самим. Тогда Шувалов, может быть, и не отнесся бы с таким предубеждением к возможному уровню науки планеты Даль — он вспомнил бы хотя бы о народной медицине, которую в свое время чохом относили к шаманству и знахарству — а она была просто способом максимально использовать то, что дала человеку сама природа для защиты его существования и здоровья... Но теперь этого было уже не изменить, и на планете Даль оказались мы, а не кто-либо другой, и теперь именно мы были обязаны приравнивать свои действия к будущему, а не к тому прошлому, из которого явились. Мы, а точнее — я. Именно я.

Только тут я снова стал слушать его.

— ...И мы не могли представить,— бормотал он,— что Земля, великая, могучая Земля, до такой степени пренебрежительно отнесется к нашим знаниям...

Тут я поднял руку, прерывая.

— Простите нас, Хранитель! — сказал я. — Поймите: это — не Земля. Не настоящая Земля. Так уж получилось. Не стану сейчас объяснять, как и почему. Главное сейчас в другом. Поверьте, Земля отнесется к вашим знаниям, ко всему, что вы делаете, с большим уважением. Но... Одним словом, вы говорили об установке, регулирующей светило, вашу звезду...

Он посмотрел на меня несколько оторопело — ему трудно было, наверное, представить, что большинство из сказанного им я пропустил мимо ушей.

— Ну конечно же! — сказал он почти в отчаянии. — А этот... ваш товарищ, тот, кто стрелял, вы сами знаете, он ведь грозил выключить ее. Если он сделает это, мы не сможем провести очередной сеанс, и тогда наше светило...

— Взорвется?

— Ну, до этого еще далеко. Но оно начнет проявлять признаки повышенной активности, и ваши люди на корабле...

— Понял! — сказал я. — Понял...

— Главное, — сказал он, — чтобы вы поняли одно: мы все еще существуем, пока на нашей планете живут люди с этой звездой ничего не станется. Мы охраняем сами себя...

«И нас, — подумал я. — Потому что если то, что он говорит, правда, то Даль вспыхнула бы уже давно, не будь людей, и кто знает, что произошло бы тогда с Землей! Мы прилетели к вам и думали, что можем спасти вас; оказалось, что это вы спасаете нас, нечаянный маленький форпост большого человечества».

— Чтобы разобраться в этом лучше, — продолжал Хранитель, уже почти совсем успокоившийся, — ваши ученые должны говорить с нашими. Но только не надо заставлять нас...

Он вздрогнул — наверное, снова увидел, как мы умеем заставлять. Но справился с собой и хотел продолжать. Я поднял руку, прерывая его. Говорить об этом было нужно, но только не сейчас...

— Одну минуту, — сказал я. — Вы меня обеспокоили, и я хочу предупредить тех, кто остался на корабле, чтобы они ничего не предпринимали, пока не прилечу я.

Он кивнул. Я сел в катер, включил индикатор положения корабля. Он находился еще в зоне радиовидимости, хотя вот-вот должен был покинуть ее — тогда его было бы не дозваться... Я послал сигнал. Обождал. Ответа не было. Я послал еще и еще раз. Корабль

молчал, голубенькая точка его на экране индикатора придвигалась все ближе к краю. Помех не было, но корабль не откликался. И это могло означать лишь одно: никто не сидит на связи, все — вернее, оба — заняты чем-то другим. Чем же? Дело настолько значительное, чтобы ради него бросить связь, могло быть лишь одно: атака. Атака звезды. Значит, Рыцарь действительно выключил станцию, звезда ушла из-под контроля, Аверов заметил это, а Рука...

Я глянул на Хранителя. Он стоял, готовый, видимо, объяснять, убеждать, уговаривать...

— Потом, — сказал я. — Нужно спешить.

Он понял и кивнул.

— Мы будем ждать вас, — сказал он.

— Да, — ответил я. — Я вернусь, и мы поговорим обо всем. И я включил стартер.

* * *

Катер взвился так стремительно, словно он и сам понимал, как нужно нам спешить и почему нужно.

Сейчас нельзя было смотреть на хронометр. Надо было сохранять спокойствие. Иначе можно было в два счета испугаться, и уже тогда стрелка наверняка обогнала бы меня, а надо было, чтобы получилось наоборот.

Есть хорошее средство против мыслей о будущем. Это — воспоминания. И пока перегрузка втискивала меня в кресло и все более редкий воздух свистел за бортом, я думал о прошлом и поворачивал его так и этак. Всякое прошлое. И давнее, и совсем свежее. И лучшее, что было в нем, и худшее. Вероятно, я не был уверен, что у меня еще когда-нибудь появится возможность вспоминать.

И я думал, используя последние минуты перед выходом на нужный курс.

Анна ушла, и я знал, что это все. Наверное, то, что совершилось несколько столетий назад совсем в иной точке пространства, должно было повториться — и повторилось сейчас и здесь.

Я вспоминал и понимал, что в памяти моей обе они, Наника и Анна, стали уже путаться. Они срослись вместе, и иногда трудно было сказать, что же происходило в той жизни, а что — в этой.

Когда она сказала мне: «Я всегда чувствовала себя королевой?» А я еще ответил: «Хочу ворваться в ваше королевство завоевателем».

Кажется, тогда с ней мы были на «вы», а с Анной сразу стали на «ты».

А когда она сказала: «Все будет, будет — только не сегодня»? Нет, пожалуй, уже теперь. Точно. Теперь.

А что толку? Что толку в том, когда именно?

Все равно, это ничем не закончилось. И не могло.

«И не надо», — думал я довольно-таки тоскливо. С такой тоской думает, наверное, какая-нибудь черная собачка — черный пудель, скажем, — в черную ночь, когда песик не видит даже кончика своего хвоста с такой приятной кисточкой; с черной тоской, одним словом.

Так я думал, пока еще оставалось время. Но вот его больше не стало: пришла пора выходить на связь.

Я включил рацию и стал вызывать корабль.

Никто не отвечал.

Я снова послал вызов.

И опять никто не ответил, и я уже знал, что не ответят, потому что сделать это теперь было некому: Рука сидит за ходовым пультом, а Аверов, где бы он ни был, уж во всяком случае не дежурит на связи. Нет, мне не удастся окликнуть их на расстоянии. Только догнать. Догнать, схватить за плечо и сказать: стоп, ребята!

Прошло еще десять минут — и наконец катер вышел на орбиту корабля. Именно в ту ее точку, где должен был находиться корабль. Но там его больше не было.

Я даже не стал смотреть на хронометр: стрелка выиграла у меня дистанцию.

Но я подумал, что корабль ушел недалеко. На малых дистанциях у меня была фора: корабль разгонялся куда медленнее катера. Однако, если упустить время, ничем больше не поможешь. Мой катер был чистым спринтером, и на долгое преследование на максимальной скорости у него просто не хватило бы энергии.

Терять мне было нечего. Нужно было рисковать.

И я страшно разозлился на все на свете. На Анну, на себя, на проклятую звезду с ее планетой, на Шувалова, который не смог договориться с Хранителями, на Руку, который не мог обождать еще хотя бы полчасика...

Можно было включить локатор: я примерно представлял путь корабля, и знал, что сейчас планета уже не будет затенять его. И в самом деле, я поймал его почти сразу. Он оказался дальше, чем я думал. Жать следовало вовсю. И можно было успеть, а можно было и не успеть, никто не дал бы гарантии.

И я еще больше разозлился на всех — кроме детей.

Кроме тех, кто остался там, в лесном поселении, ожидая, когда я вернусь, чтобы покатасть их. Я ведь обещал это, серьезно

обещал, а они не привыкли, чтобы взрослые обманывали их, да и без того всем известно, что самое плохое на свете — обманывать детей.

Кроме тех, кто остался там, в лесном поселении, ожидая, когда я вернусь, чтобы покатасть их. Я ведь обещал это, серьезно обещал, а они не привыкли, чтобы взрослые обманывали их, да и без того всем известно, что самое плохое на свете — обманывать детей.

И этих детей, и остальных детей планеты Даль, и всех детей вообще, сколько бы их ни было во Вселенной.

Я мог сейчас не долететь до корабля, рассыпаться на куски раньше. Но не мог не драться до последнего за детей. За всех детей.

И я сказал драндулету:

— А ну-ка, давай, Миша...

Так я называл его, когда мы были наедине.

И мы с ним дали.

Планета осталась далеко внизу. Она уменьшалась стремительно, и уж, конечно, ни при каком увеличении на ней не различить было тех ребятишек, что ждали меня, ребятишек, которым не терпелось летать и которые должны, должны были в этой самой жизни полетать и подняться выше тех, кто прокладывал им дорогу.

И ни при каком увеличении не различить было Анну, девушку, которая меня не любила, но не делалась от этого хуже, и которая должна была еще найти в жизни свое, настоящее — а для этого ей надо было жить, как и всем остальным.

Давно уже не было видно людей Уровня, ни людей из леса, ни Хранителей, ни моих товарищей, которые, наверное, все же не были виноваты в том, что родились тогда, когда родились, и думали так, как их учили, а не иначе; не видно было никого из них, но я знал, что они там.

Планета осталась внизу, корабль успел уйти далеко вперед, и я пока даже не знал, настигаю ли его, или так и буду догонять, пока не кончится топливо. Планета глядела на меня уже другим полшарием, и все люди, кто находился на ней, если и смотрели сейчас вверх, то видели другую часть Вселенной — ту, где меня не было. Но мне казалось, что они смотрят именно на меня, и машут рукой, и желают мне успеха.

Я выжимал из техники все, что можно и чего нельзя было, машина работала на расплав, катер дрожал от перенапряжения, и я дрожал тоже, и знал, что если мы не спасем этих людей, всех, сколько бы их ни было, сто тысяч, миллион или десять миллионов, — если мы не спасем их, то это будет моя вина, потому что, значит, я не сделал всего, что можно и нужно было сделать.

И я никогда не услышу больше приглушенный голос, говорящий:

— Знаешь, я, кажется... счастлива.

И звонкие голоса, перебивающие друг друга:

— Возвращайся и обязательно покатай нас!

Но на такой конец я не был согласен.

Все было на пределе, Миша предостерегающе гудел, как будто укорял меня в неосторожности и жестоком к нему, катеру, отношении. И я сказал ему:

— Миша, я не сторож брату моему. Но я ему защитник. И брату моему, и сыну моему, и моей любви. Потому что иначе я недостоин ни брата, ни сына, ни любви. Так что не будем жалеть себя: в тот миг, когда мы пожалеем себя, мы лишимся права на чье-то уважение. А я не хочу этого...

А больше я не сказал ничего, потому что далеко-далеко по курсу мы с ним увидели огни корабля, и нам с ним показалось, что жизнь еще впереди.

Литературно-художественное издание

МИХАЙЛОВ
Владимир Дмитриевич

Избранные произведения

Том 1

СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ

Книга первая

Фантастический роман

Редактор Н. В. РЕЗАНОВА
Художественный редактор А. В. ГРИШИН
Технический редактор Г. В. СТАЧЕВА
Корректор И. С. ПИГУЛЕВСКАЯ

Сдано в набор 14.10.92. Подписано в печать 27.01.93. Формат 60х84^{1/4}. Бумага
газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 20,76. Усл. кр.-отт. 20. Тираж 100 000. Заказ 3855. С 0007

Издательство «Флокс», 603000, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.
ГИПП «Нижеполиграф», 603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

**Издательство «Флокс»
в серии
«ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»
продолжает публиковать
новые произведения
Владимира Михайлова**

Во втором томе избранных произведений В. Михайлова продолжают космические приключения капитана Ульдемира и его экипажа, которые по воле могущественной сверхцивилизации должны предотвратить межпланетную войну. Это роман о людях, способных на самопожертвование ради любви к человечеству и друг к другу.

Цикл о капитане Ульдемире продолжит роман «Властелин», который только что создан писателем и выйдет в свет в 1993 году.

Роман состоит из двух книг: «И прочие услышат и убоятся» и «Пусть возвратится убийца».

Но это не последний роман о капитане Ульдемире.

